

Высшее профессиональное образование

ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

В двух частях

Часть 1

XVII век

2-е издание

Учебник

История

ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

В двух частях

УЧЕБНИК

Под редакцией В. С. Бондарчука

Часть 1

XVII век

Рекомендовано

Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История» и направлению подготовки «История»

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательский центр «Академия»
2012

УДК 93/99(075.8)
ББК 63.3(4)(7)я73
И907

Авторы:

В.С. Бондарчук (введение, глава 1, 2, 3, 4, 6, 14, 22); **Н.В. Кирсанова** (глава 13);
А.С. Медяков (глава 16, 20, 21); **Н.М. Мещерякова** (глава 8, 9); **А.И. Патрушев**
(глава 15); **Л.А. Пименова** (глава 7, 11); **Н.Б. Тер-Акопян** (глава 10);
А.В. Толстиков (глава 17); **И.Ю. Хрулёва** (глава 5, 18); **Е.Э. Юрчик** (глава 12, 19).

Рецензенты:

доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН **А.С. Намазова**;
кандидат исторических наук, доцент факультета иностранных языков
и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова **И.Е. Андронов**

История стран Европы и Америки в Новое время. В 2 ч.
И907 Ч. 1. XVII век : учебник для студ. учреждений высш. проф. об-
разования / под ред. В.С. Бондарчука; [В.С. Бондарчук,
Н.В. Кирсанова, А.С. Медяков и др.]. — 2-е изд., стер. — М. :
Издательский центр «Академия», 2012. — 352 с.

ISBN 978-5-7695-9060-3 (Ч. 1)

ISBN 978-5-7695-9059-7

В учебнике историческое развитие стран Западной Европы и Америки представлено как результат сложного взаимодействия многих факторов: демографии, экономики, социальных и государственно-политических процессов, индивидуального и массового сознания, общественной мысли, религии, науки и культуры. В части I учебника наряду с традиционным изложением истории отдельных стран содержатся обобщающие тематические главы, позволяющие охарактеризовать основные процессы и специфические черты истории Западной Европы и Америки XVII в.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования, изучающих всеобщую историю. Может быть полезен преподавателям, аспирантам, а также всем, кто интересуется вопросами истории.

УДК 93/99(075.8)

ББК 63.3(4)(7)я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым
способом без согласия правообладателя запрещается*

© Коллектив авторов, 2011

© Образовательно-издательский центр
«Академия», 2011

© Оформление. Издательский центр
«Академия», 2011

ISBN 978-5-7695-9060-3 (Ч. 1)

ISBN 978-5-7695-9059-7

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «Новая история» (или «история Нового времени») появилось впервые в Европе в период Возрождения: в начале XV в. гуманисты предложили идею деления истории на древнюю, среднюю и новую. Смену больших исторических эпох они связывали с развитием культуры. Античность была для гуманистов прежде всего временем блестящего расцвета культуры в Древней Греции и Древнем Риме, затем наступил многовековой упадок культуры — средний период истории, за которым вновь последовал мощный подъем, что и давало основание говорить о наступлении нового исторического периода.

Такая периодизация долго оставалась непризнанной. Господствовали концепции периодов истории, опиравшиеся на Библию и сочинения церковных авторитетов. Только после того, как в 1688 г. вышла «История в трех частях» К. Келлера, преподавателя одного из немецких университетов (в латинском написании Целлариус), деление на древнюю историю, Средние века (именно К. Келлер впервые ввел это понятие) и новую историю получило широкое распространение.

В XVIII в. эту периодизацию исторического процесса восприняли идеологи Просвещения. Они придавали решающее значение в смене исторических эпох прогрессу человеческого духа, разума, хотя некоторые из просветителей обратили внимание на роль в истории экономической деятельности человека и впервые связали Средние века с понятием «феодальный строй», истолкованным в политико-правовом смысле.

В XIX в. трехчастное деление истории вошло в историческую науку, в школьный и университетский курсы образования. Однако характер трех основных исторических эпох определялся по-разному, в зависимости от концепции, которой придерживались историки. Наряду с признанием идей и в целом духовной деятельности как основного движущего фактора развития общества все большее значение в характеристике основных исторических эпох стали придавать государственно-правовым институтам, социальным и экономическим процессам. В середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули концепцию, согласно которой развитие истории определяется материальной, производственной деятельностью людей, а смена больших исторических эпох обусловлена сменой способов производства.

Углубленное исследование истории человечества в XX в. (с учетом уроков этого столетия) показало, что абсолютизация какой-то одной из сторон общественного бытия (сколь бы важной она ни выглядела), возведение ее в ранг определяющего фактора исторического процесса приводит к упрощению и искажению понимания этого процесса. Накопленный опыт дает основание рассматривать историю как результат взаимодействия многих составляющих, роль каждой из которых не является раз и навсегда предопределенной и может меняться в разные эпохи и в разных регионах. Историческое развитие крайне противоречиво, его нельзя рассматривать как неуклонное движение по восходящей: прорывам, прогрессу в одной сфере могут сопутствовать крайне отрицательные, регрессивные явления в другой.

Историческому развитию отдельных стран и регионов наряду с общими чертами присуще своеобразие. С наибольшей полнотой соотношение общего и особенного, перемен и преемственности в истории того или иного региона позволяет выявлять *цивилизационный подход*. В современном историческом знании под цивилизациями понимают исторические общности, обладающие рядом характерных, типичных черт (природных, этнических, религиозных, социальных, экономических, культурных и др.), присущих всей их истории в целом или значительным по длительности историческим периодам, что определяет преемственность в развитии таких общностей, придает им историческую целостность и индивидуальность. Цивилизация может быть представлена одной страной (например, китайская, индийская цивилизация) либо включает в себя ряд стран и народов.

Одна из цивилизаций — европейская. Восходя к Древней Греции и Древнему Риму, Европа, несмотря на огромное разнообразие языков, жизненных укладов, обычаев, традиций, к исходу Средних веков отличалась рядом специфических черт, определявших ее как особую историческую общность. Это позволяет выделить средневековую историю стран Европы в отдельную отрасль исторического знания. Новая история (или история Нового времени) — это следующая за Средними веками стадия европейской цивилизации. Специфика отдельных регионов Европы обуславливает выделение в качестве особых исторических дисциплин историю стран Западной Европы, славянских стран и России.

Вопрос о *временных рамках* Новой истории был и остается дискуссионным. Любая периодизация такого масштабного явления, как переход Европы от Средних веков к новой стадии развития, неизбежно оказывается условной, относительной. В настоящее время все больше историков склоняются к тому, чтобы отнести к Новой истории период от XVI в. до начала XX в. или до окончания Первой мировой войны (последующий период называют *новейшей*, или *современной, историей*). При этом в обиход исторической науки вошло выделение в Новой истории двух этапов: *Раннего нового времени* (XVI—XVIII вв.), несущего в себе еще немало черт переходности от феодального строя сред-

невековья к новому историческому периоду; и во многом отличного от него XIX века — собственно *Нового времени*.

Если отечественная историография советского периода признавала начальной вехой Новой истории Французскую революцию конца XVIII в. или Английскую революцию середины XVII в., то современный подход не связывает разграничение Средних веков и Новой истории с каким-то одним событием. Выделение периода Новой истории определяется тем, что в XVI—XIX вв. в Европе развивались такие процессы и явления, которые в совокупности придали этому историческому периоду качественно новый характер, отличающий его от Средних веков. Именно это позволяет рассматривать Новую историю как особую, новую стадию европейской и мировой истории.

XVI век и последующие века стали временем мировой, планетарной экспансии Европы. Великие географические открытия дали старт не только невиданному расширению европейской внешней торговли, но и колоссальным колониальным захватам, продолжавшимся в течение четырех столетий — до 1920-х гг. Европейцы подчинили себе целые континенты — Южную и Северную Америку, большую часть Азии, Австралию и Африку. Появились огромные колониальные империи (Испании, Португалии, Голландии, Англии и Франции), закат большинства которых наступил только во второй половине XX в.

Колониальная и торговая экспансия Европы сопровождалась распространением христианства, что, оказывая большое влияние на культуру многих народов за пределами Европы, способствовало укреплению влияния европейцев в подчиненных и зависимых от них странах. Глубокое и многообразное влияние Европы испытало на себе коренное население Южной и Центральной Америки. В то же время именно подчинение этих территорий европейцами оказало сильное обратное воздействие (прежде всего экономическое) на Европу. В результате переселения миллионов европейцев в Северную Америку были перенесены на этот континент и привились многие элементы европейской цивилизации. Такое сближение и переплетение исторических судеб Западной Европы, Северной и Южной Америки дают основание рассматривать их общую историю в Новое время.

Для Раннего нового времени характерно существование и порой переплетение старых, сохранившихся от Средних веков, структур и отношений, часто видоизмененных, а также развитие качественно новых явлений и процессов во всем диапазоне общественного бытия — от демографии и экономики до культуры, индивидуального и массового сознания. Столкновение старых и новых интересов и тенденций, бесчисленные и разнообразные по своей природе общественные конфликты, резкие «зигзаги» истории, периоды движения вспять — все это придавало историческому процессу в Раннее новое время особую противоречивость. Например, одновременно с важнейшим явлением этой эпохи — разложением феодальных отноше-

ний — в ряде стран Восточной и Западной Европы — нарастало закрепощение крестьян. Распространялось светское сознание, но в то же время по Европе прокатывались волны мистицизма, суеверий и мракобесия. Однако в XVII в. и особенно в XVIII в. в Западной Европе и Северной Америке набирали силу тенденции трансформации и обновления общества, все более выявлялись глубинные особенности периода Раннего нового времени, отличавшие его от Средних веков.

Мировая экспансия Западной Европы сопровождалась становлением в европейских странах новых, нигде ранее не существовавших капиталистических хозяйственно-экономических отношений. Вопрос о том, почему *капитализм* первоначально возник и утвердился именно в Западной Европе, остается дискуссионным. Историки, изучающие эту проблему, выделяют ряд специфических черт исторического развития Западной Европы как в Средние века, так и в Новое время (материальных, правовых, культурных, религиозных и других), создавших почву для зарождения и упрочения капиталистических отношений, а в более широком смысле — того мощного эволюционного рывка, который совершила в этот период Европа.

Среди экономических и социальных предпосылок возникновения капитализма исследователи отмечают характерную для западноевропейского средневековья изначальную слабость государства и относительную самостоятельность сферы экономики, производства и торговли, их меньшую (по сравнению, например, со странами Азии) подконтрольность властям, что было обусловлено длительной феодальной раздробленностью государств и соперничеством церкви и светской власти. Следствием изначальной слабости государства и его сравнительно поздней централизации явилось относительно свободное развитие товарно-денежных отношений и постепенное вызревание в рамках феодального строя частной собственности. Особое значение имело формирование частной собственности в западноевропейских городах, преуспевших в укреплении своей экономической, корпоративной автономии. Именно в городских законах и хартиях частная собственность постепенно получила четкое правовое оформление, что обеспечило ее неприкосновенность и создало условия для расширения торговли. Правовой защите частной собственности с начала Нового времени способствовали и формировавшиеся абсолютистские государства, правители которых видели в этом одно из условий устойчивого поступления налогов в казну. Постепенно право частной собственности превратилось в Западной Европе в одну из главных социальных ценностей.

В Раннее новое время, открывшее множество возможностей для личного обогащения, гарантированное право частной собственности стало мощным стимулом хозяйственной инициативы и частного предпринимательства. Погоня за наживой превращалась в двигатель заморской экспансии европейцев, побуждая к поискам новых способов хозяйственной деятельности. Частная собственность (в виде

денег, товаров и вообще любых материальных средств), включенная в постоянный хозяйственный оборот с целью производства на рынок, приобретала новое качество — превращалась в приносящий прибыль *капитал*. Капиталистические отношения, основанные на использовании наемного труда, породили новый социальный слой — *наемных работников*.

Капиталистическое предпринимательство было тесно связано с переменами в общественном сознании. Под влиянием Возрождения и Реформации постепенно возрастало самосознание, укреплялись самостоятельность и автономность личности. Складывались новые этические представления, исходившие из признания самоценности земного бытия и шедшие вразрез с традиционными христианскими канонами, которые приравнивали бедность к добродетелям и осуждали богатство. Появление нового типа самостоятельной человеческой личности, индивида, готового действовать, полагаясь прежде всего на собственные разум и волю, было характерной чертой западноевропейского общества Нового времени и важнейшим фактором, обусловившим его хозяйственный и культурный подъем.

Капиталистические отношения прошли несколько стадий развития. В XVI—XVIII вв. при сохранившемся господстве докапиталистической экономики капитал преобладал в торговле и финансовой сфере, но при этом постепенно внедрялся в промышленность (вызвав появление мануфактурного производства), а также, хотя и в меньшей степени, в сельское хозяйство.

До конца XVIII в. Западная Европа, как и весь остальной мир, представляла собой аграрное общество. В конце XVIII—XIX вв. в Западной Европе и Северной Америке развернулась Промышленная революция, которая принесла с собой исключительное по своим последствиям новшество в виде промышленного производства на принципиально новой технической основе — с помощью машин. Это привело к росту производительности труда и увеличению объема производимой продукции. Роль экономики стала неуклонно возрастать.

Промышленной революции сопутствовало беспрецедентное по размаху и темпам развитие техники. В течение XIX в. возникли производительные силы, превосходившие те, что были в прошлом. Так реализовался громадный потенциал капиталистического способа производства, вытеснявшего докапиталистические хозяйственные отношения.

Промышленная революция вызвала перевес промышленного производства над сельским хозяйством, вследствие чего в XIX в. впервые в мировой истории началась смена аграрного общества промышленным, индустриальным, со свойственной ему особой социальной структурой. В таком обществе доля крестьянства неуклонно сокращалась, а численность людей, работающих по найму как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, возрастала. Экономическое господство приобрела *буржуазия* — носительница капиталистических отношений. Росло и ее политическое влияние.

Капиталистический способ производства переносился европейцами на другие континенты, где его стали внедрять в сохранявшийся традиционный хозяйственный уклад. Особенно большой простор для развития получил капитализм в Северной Америке, которая к началу XX в. по экономической мощи сравнялась с Европой.

В XIX в. в целом мир изменился больше, чем за предыдущие тысячелетия, с точки зрения уровня развития экономики (включая производство материальных благ), средств сообщения и информации, с точки зрения возможностей общения между людьми и изменений в жизненном укладе населения многих стран. Впоследствии темпы этих изменений (имевшие как положительные, так и отрицательные последствия) стали нарастать с еще большей силой. По существу, на рубеже XVIII — XIX вв. начался *новый* — в подлинном смысле этого слова — период мировой истории, во многом радикально отличающийся от всех предшествующих. Этот поворот в истории человечества опирался на те процессы модернизации, которые развивались в XVII — XVIII вв. Хотя эти процессы протекали с разной интенсивностью в отдельных странах, тем не менее именно они определили вектор исторического развития Раннего нового времени как периода, подготовившего громадный общественный сдвиг, начавшийся на рубеже XVIII — XIX вв. Перемены в духовной жизни общества, которыми было отмечено Раннее новое время, по своим масштабам и роли в процессе социальной трансформации не уступали материальным и хозяйственным сдвигам, были неразрывно связаны с ними.

Научная революция XVII в. обусловила появление нового типа научного знания, открыла путь к овладению силами природы. Наука превращалась в особую самостоятельную сферу человеческой деятельности, ее значение неуклонно возрастало. В результате Европа и Северная Америка захватили мировое научно-техническое лидерство, что укрепляло их превосходство в производстве и военном деле, обеспечило экономическое и политическое господство в мире.

Научная революция XVII в. дала толчок преобразованию всей европейской культуры в светском направлении. Динамизм духовного развития Европы был под стать ее экономическому и техническому динамизму. Менялись мировоззрение, система ценностей, представления о человеке. Новое время стало новой главой в истории художественной культуры — изобразительного искусства, архитектуры. Переживали громадный подъем литература, музыка, театр. Бурно развивалась общественная мысль — философия, история, политические и экономические теории.

Политические идеи, взгляды на общество и государство полностью преобразились. Новая общественная мысль опиралась на светские принципы свободы и прав человека. Комплекс этих политических идей образовал со временем светскую *идеологию либерализма и демократии*. Вместе с тем в Европе родились идеи социализма и коммунизма, которые выдвигались как альтернативы капитализму.

Одновременно с либеральной и демократической идеологией утверждалось еще одно специфическое явление Нового времени — *новые формы государственности*, опиравшиеся на принцип разделения властей (законодательной, исполнительной и судебной), а также возник *институт парламентаризма*.

Развитие новых общественно-политических структур, родившихся в XVII—XVIII вв. в Западной Европе и Северной Америке, этим не ограничилось. Возникло множество самых разных по целям и составу, независимых от власти объединений — от культурных обществ до политических группировок. Так шло становление того, что впоследствии получило название *гражданского общества*, т. е. массовой самоорганизации различных групп населения как важнейшей формы выражения и отстаивания их интересов, реализации политических и гражданских прав. Постепенно все большую роль в гражданском обществе приобретали самостоятельные объединения трудящихся — сначала промышленных рабочих, а затем и других социальных групп. Профсоюзы, политические и другие организации отстаивали интересы и права трудового населения.

Весь этот огромный комплекс новых политических идей, новых государственных институтов, новых политических и общественных организаций, рожденных европейской цивилизацией и ее ответвлением в Северной Америке в Новое время, получил отклик во всем мире и был использован в разных формах в десятках стран на всех континентах.

Новое время в Европе и Америке стало периодом всеобъемлющих общественных преобразований, которые во многих странах приняли форму революционной насильственной ломки старых порядков, институтов и установлений, сохранявших немало элементов феодального прошлого. Революции XVII—XVIII вв., и особенно многочисленные в XIX в., стали, в силу особых исторических условий Европы и Америки, распространенной формой перехода к капиталистическому обществу, к новым государственно-политическим и социально-экономическим структурам, хотя основные факторы такого перехода определились в ходе длительной эволюции в течение Раннего нового времени.

В XVIII—XIX вв. Европа господствовала в мире, многогранно и противоречиво влияя на все страны, на ход истории всего человечества. Признание этого факта отражает реалии мировой истории и не имеет ничего общего с так называемым «европоцентризмом» — предвзятым преувеличением роли Европы в ущерб другим цивилизациям.

Новая история стран Западной Европы и Америки в XVI—XIX вв. — единая историческая дисциплина. Однако с учетом сложившейся на историческом факультете МГУ практики преподавания и традиционного разграничения курсов Средних веков и Новой истории ее рассмотрение в данном учебнике начинается с XVII в.

РАЗДЕЛ I

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В XVII—XVIII вв.

Глава 1

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Основные тенденции демографических процессов в XVII—XVIII вв. Одна из главных составляющих человеческой истории — состояние народонаселения отдельных стран, регионов и континентов. Численность населения, темпы его прироста или убыли, продолжительность жизни людей, соотношение сельского и городского населения, формы брака постоянно взаимодействуют с экономическими, социальными и политическими процессами.

Состояние народонаселения Европы в Раннее новое время, как и в предыдущие периоды, зависело от многих факторов и не в последнюю очередь от колебаний климата. Похолодание, начавшееся еще в XIV в., продолжалось и усиливалось. Зимой чаще замерзали каналы и реки в Голландии и Англии (в XVI в. Темза покрывалась льдом 5—8 раз, в XVII в. — от 10 до 20 раз). Запоздавшая весна и короткое лето стали обычным явлением, и сельскохозяйственным культурам в такие годы не хватало времени для нормального вызревания. Питательность сельскохозяйственных продуктов снижалась, все более частыми стали неурожаи и население многих стран, особенно беднейшие его слои, голодало. Все это отрицательно сказывалось на здоровье людей, усиливало предрасположенность к болезням и вело к сокращению продолжительности жизни.

В XVII в., когда похолодание достигло максимума, по Европе прокатилось несколько эпидемий чумы (длительностью от года до 7—10 лет), унесших множество жизней. Во Франции в 1628—1632 гг. погибло около 2 млн человек, в Лондоне во время эпидемии в первое десятилетие XVII в., а затем в 1620—1660-е гг. смертность возрастала в 6—7 раз, погибало от четверти до трети всех горожан.

Последней эпидемией европейского масштаба стала эпидемия 1663—1670 гг. Хотя в начале XVIII в. вспышки чумы все еще наблюдались в германских землях, Скандинавии, империи Габсбургов, в России и во Франции (где в 1720 г. болезнь унесла жизни 120 тыс. человек, включая почти половину жителей Марселя), а также в 1743 г. на Сицилии, все же очаги болезни удавалось локализовать. Окончательно страшное бедствие покинуло Европу только в первой трети XIX в.

Частые и порой опустошительные войны были еще одной причиной массовой убыли населения, причем не только вследствие боевых потерь. Воюющие армии становились разносчиками многих заразных болезней. Из-за передвижения войск невозможно было в случае эпидемии соблюдать карантин. Вытаптывание посевов, грабежи, реквизиции продовольствия, лошадей и фуража нарушали нормальный ход сельскохозяйственных работ. Войны влекли за собой увеличение смертности на охваченных ими территориях. Для Германии катастрофическими оказались последствия Тридцатилетней войны первой половины XVII в. Людские потери были здесь столь велики, что для восстановления довоенной численности населения потребовалось 100 лет.

Рост населения сдерживала и очень высокая детская смертность, обусловленная плохим питанием и убогим состоянием санитарии и гигиены в тогдашней Европе. Треть всех младенцев умирали, не дожив до года, к 5 годам умирали до половины родившихся детей. Воздействие перечисленных и других факторов определило весьма незначительное увеличение населения Европы в XVII в. — по разным подсчетам от 10 до 25 % (т. е. годовой прирост не превышал 0,25 %), причем в Германии, Италии, Испании и Португалии население даже сократилось. Средняя продолжительность жизни в Европе не превышала 30—40 лет.

Во второй половине XVIII в. в демографическом процессе произошел перелом: за столетие был достигнут небывалый показатель увеличения населения Европы — на 63 %: со 105—115 млн в 1700 г. до 188 млн в 1800 г. Среднегодовой прирост населения (0,63 %) в 2,5 раза превысил соответствующий уровень XVII в. Показатели роста населения колебались от 32—35 % во Франции, Италии и Германии до более чем 60 % в Англии. Обозначившаяся тенденция была обусловлена комплексом причин: постепенным потеплением климата и уменьшением числа неурожайных и голодных годов (вследствие чего несколько улучшилось питание людей), отступлением чумы, сокращением детской смертности.

Постепенно росло население городов Западной Европы. К концу XVIII в. оно составляло 10—13 % в Германии, Испании и Франции, 23—25 % в Англии и Италии и 35 % в Голландии. В большинстве городов насчитывалось не более 20—40 тыс. жителей, в 12 — от 100 до 140 тыс., а более крупных городов было всего 3 — Неаполь (от

300 до 400 тыс. жителей), Париж (до 600 тыс.) и Лондон (примерно 700 тыс. жителей).

Демография и экономика. На протяжении столетий демографическое развитие находилось в тесном и сложном взаимодействии с экономикой: убыль или стагнация численности населения в разных странах Европы могли являться в одном случае причиной, а в другом — напротив, следствием падения хозяйственной активности. Если оставить в стороне воздействие эпидемий, то демографические процессы развивались циклически: рост населения периодически наталкивался на неспособность сельского хозяйства обеспечить возрастающую потребность в продовольствии, а также на периодическое снижение уровня доходов. В неблагоприятные с этой точки зрения периоды во многих странах Европы сокращалось общее число браков, и они заключались в более позднем возрасте, так как у мужчин только к 26—28, а то и к 30 годам появлялась возможность содержать семью.

Таким явлением в семейных отношениях особенно отмечен именно период XVII — первой половины XVIII в. Поздние браки приводили к сокращению рождаемости. Когда же производственный потенциал аграрной экономики увеличивался и экономическая конъюнктура в целом улучшалась, средний возраст вступающих в брак постепенно снижался и рождаемость возрастала. Так столетиями действовал *механизм демографического саморегулирования*.

В XVIII в. впервые в европейской истории стала ослабевать извечная зависимость роста населения от ограниченных ресурсов продовольствия: интенсификация сельскохозяйственного производства и расширение торговли позволили удовлетворять возрастающий спрос, который в сложившейся ситуации стал одним из главных стимулов активизации всей хозяйственной деятельности, включая *Промышленную революцию*. В результате во второй половине XVIII в. и особенно в XIX в. наметился важный сдвиг: многовековая цикличность демографического развития (т. е. периодическое ускорение или замедление прироста населения) стала сходить на нет. Так прекратилось действие извечного ограничителя поступательного роста населения и утвердилась качественно новая демографическая тенденция — неуклонный и ускоряющийся рост населения Европы: впервые оно почти удвоилось за один век (со 140 млн в 1750 г. до 270 млн в 1850 г.), тогда как предшествовавшее удвоение произошло за 2,5 столетия (1500—1750-е гг.).

На демографическое развитие Америки в Новое время огромное влияние оказала европейская колонизация. Завоевание Южной и Центральной Америки испанцами повлекло за собой сокращение местного населения, исчислявшееся десятками миллионов человек. Аборигенов истребляли, они вымирали от занесенных завоевателями инфекционных болезней (жертвами болезней стали более чем 90 % всех умерших). Однако по мере освоения европейцами Север-

ной Америки все более широкие масштабы принимало переселение за океан из Европы: сначала голландцев, англичан и французов, а затем и представителей других стран. Еще одним источником роста населения Нового света стал ввоз сотен тысяч чернокожих рабов-африканцев. В итоге население Северной Америки увеличилось в XVIII в. с 300 тыс. до 5 млн человек.

Типы семьи. В Новое время в городах и в сельской местности стран Западной Европы существовало два основных типа семьи.

Наиболее распространенной была семья, состоящая из родителей и детей (т. е. из двух поколений). Такая семья полностью преобладала среди разных социальных слоев в Англии (до 90 % всех семей), в Северной Франции (до 80 %), Голландии и в некоторых областях Германии, на юге Португалии и Испании. В семьях этого типа дети, вступая в брак, отделялись от родителей и начинали жить своим домом.

Семья другого типа включала родителей, детей и внуков, т. е. три (а иногда и четыре) поколения. Если сыновья женились, семья не только не дробилась, но, напротив, становилась более многочисленной. Много таких семей было в Южной Франции (от 39 почти до 50 % в разных местностях), в ряде районов Германии (до 45 %), в Северной и Центральной Италии (до 35 %), в Австрии, на севере Португалии и Испании, в Швеции. Распространение в разных областях семьи того или другого типа определялось в большей или меньшей степени многими обстоятельствами: характером поселения в сельской местности (скученным или рассеянным), порядком наследования имущества (исключительно по мужской либо также и по женской линии), преобладанием в том или ином районе безземельных или обеспеченных земель крестьян, типом аграрных отношений и степенью зависимости крестьян от землевладельца, наконец, традициями в семейной структуре разных сословий и социальных групп (в частности, аристократии и богатых горожан) как по стране в целом, так и в отдельных ее областях.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

2.1. Сельское хозяйство. Аграрные отношения

В XVII—XVIII вв. Европа была по преимуществу аграрным, сельским миром. В конце XVIII в. в деревнях проживали около 85 % европейцев. В сельском хозяйстве, господствующей сфере производства, было занято абсолютное большинство населения. Основным богатством европейского общества были земля, продукция сельского хозяйства и средства его ведения.

Уровень агрикультуры. Главной отраслью сельского хозяйства являлось земледелие, производство зерна — пшеницы, ржи, ячменя, овса. Как и в предшествующие века, в хлебопашестве господствовало *трехполье*, хотя практиковалось и *двуполье*. При системе трех полей ежегодно одно из них отводилось под *пар*, т. е. оставалось невозделанным с целью восстановления плодородия почвы. Это означало, что треть (а при двуполье — половина) всей пахотной земли постоянно не засеивалась и не приносила урожая.

Сельскохозяйственное производство в огромной степени зависело от погодных условий. Длительное похолодание, ставшее особенно ощутимым в XVII—XVIII вв., сопровождалось понижением среднегодовой температуры воздуха и уменьшением количества осадков. Лето стало более коротким и часто засушливым. И без того невысокая урожайность зерновых культур в большинстве европейских стран снижалась. Сборы зерна в отдельных странах колебались от сам-4 до сам-7 (*сам* — соотношение количества посеянного к собранному); более высокие урожаи были исключением. В условиях преобладания примитивных орудий труда (деревянные плуги, серпы, цепи для молотбы), при нехватке или отсутствии органических удобрений (скотоводство было слабо развито) большую роль играл многовековой опыт крестьян-земледельцев, передававшийся из поколения в поколение (например, выбор оптимальных сроков посева, определенные глубины вспашки, времени обрезки виноградной лозы и др.). В целом же в начале Нового времени сельское хозяйство в Западной Европе из-за низкой производительности с трудом обеспечивало потребности общества в пищевых продуктах, поэтому ряду стран продовольствие приходилось ввозить. Равновесие между необходимым для общества продовольственным минимумом и объемом производимого было зыбким, неустойчивым и часто нарушалось из-за неурожаев.

Аграрные новшества. Еще в XVI в. в Нидерландах (в Брабанте и Фландрии) и в Северной Италии начали применять новую систему ведения хозяйства, отличную от трехполья. Однако достаточно широко она распространилось в Голландии и Англии только с начала XVII в. и в XVIII в. Так, традиционное трехполье сменила система 6 и даже 9 полей с одновременным посевом различных культур; их чередование на полях позволяло избежать истощения почвы и полностью отказаться от пара, что обусловило увеличение посевных площадей и, следовательно, объема производимой продукции. Важным новшеством стали посевы кормовых трав и растений (люцерны, клевера, вики и других бобовых), обогащавших почву азотом. Появление устойчивой кормовой базы для скота открывало возможность для увеличения его поголовья и введения в скотоводстве стойлового содержания. Рост поголовья скота позволил вносить в почву больше органических удобрений, а это привело к повышению урожайности зерновых культур. Увеличение надоев молока повлекло за собой распространение сыроварения.

Одновременно расширялись и посевы технических культур (льна, конопли, растений-красителей), посадки деревьев-шелковиц для разведения шелковичного червя, коконы которого использовали для получения шелковой нити. Вблизи крупных городов все больше распространялось огородничество, на севере Италии увеличивались площади, на которых возделывали рис. Картофель, завезенный еще в XVI в. в некоторые страны Европы из Южной Америки, во второй половине XVII—XVIII в. занимал все больше места на полях Англии, Голландии, Германских государств. Вскоре картофель широко вошел в рацион питания трудовой массы населения. Такую же роль в южных областях Европы со временем стала выполнять кукуруза.

В XVIII в. в Голландии и Англии наметился сдвиг в сторону технического усовершенствования сельскохозяйственных орудий. Все чаще применялись обшитые металлом или металлические отвалы плугов, была усовершенствована их конструкция, а с конца XVIII в. начали производить цельнометаллические плуги и бороны. Коса заменила серп. Появились первые сеялки и косилки на конной тяге. Сокращение времени полевых работ и повышение качества пахоты обеспечила замена быков лошадьми.

Агротехнические новшества, ввопившиеся в той или иной степени в разных странах, постепенно приносили плоды: урожайность зерновых в Западной Европе к концу XVIII в. выросла до сам-5—сам-10 (в Голландии и Англии). Начавшийся *процесс интенсификации сельского хозяйства* по мере его распространения оказывал стимулирующее воздействие на всю экономику Западной Европы.

Аграрные отношения. В Раннее новое время претерпел значительные изменения хозяйственный и социальный строй, сложившийся еще в Средние века, в период господства феодализма. Под воздействием «революции цен», демографических сдвигов, развития товар-

но-денежных отношений и других процессов эволюционировали аграрные отношения, постепенно менялся весь хозяйственный строй деревни. Выявились два основных территориально разграниченных типа аграрной эволюции с присущими каждому из них отличительными чертами. Вследствие этого с точки зрения характера аграрного строя в Европе сложились два региона, условным рубежом между которыми была река Эльба.

В регионе к *западу от Эльбы* (Франция, западногерманские земли, австрийские области монархии Габсбургов, Испания, Северная и Центральная Италия, Португалия) общим явлением было разложение феодальных отношений в деревне. При всех особенностях аграрного развития отдельных стран этому процессу были свойственны общие признаки: личная свобода крестьян (вследствие ослабления и исчезновения их прикрепления к земле); преобладание мелкого крестьянского хозяйства в качестве основной производственной ячейки при сохранявшемся господстве дворянского и церковного землевладения; распространение денежных или натуральных (продуктовых) крестьянских платежей, вытеснявших отработки на землевладельцев — барщину, которая отчасти сохранялась еще в некоторых местностях (на севере Франции, на юго-западе Германии, на северо-западе Италии — в Савойе).

Там, где существовали крупные дворянские имения (сеньории), бо́льшая часть земель была разделена на участки крестьян-держателей, обязанных нести разного рода феодальные повинности. Кроме крестьянских поземельных платежей возрастающую часть дохода землевладельца-сеньора составляли поступления от реализации судебных, таможенных, мостовых, дорожных прав и *баналитетов*, т.е. монопольных прав сеньора на помол зерна, выпечку хлеба, набивку колбас и другие хозяйственные операции. В ряде областей стран, расположенных к западу от Эльбы, существовали различные варианты такой системы. Что же касается владельческих прав крестьян на возделываемые ими земли, то степень обеспеченности (прочности) этих прав была в разных странах неодинаковой. В более благоприятном положении оказывались те, кто владел землей на условиях бессрочного наследственного держания, что в форме *цензивы* больше всего было распространено во Франции. Здесь *крестьяне-цензитари*, вносящие сеньору небольшой денежный *ценз* как знак его верховного права на принадлежавшие им земельные участки, могли передавать участок по наследству, использовать в качестве залога и даже продавать. Разные формы наследственного крестьянского держания преобладали также на северо-западе Германии, в некоторых областях Испании и западно-австрийских землях.

Однако в целом лишь меньшинство крестьян этого региона находилось в таких относительно выгодных для них условиях землепользования. Более широко практиковалась мелкокрестьянская аренда, преимущественно краткосрочная, продолжительностью от одного года

до нескольких лет. В этом случае основная выгода землевладельца (и невыгода крестьянина) состояла в том, что при заключении нового арендного договора землевладелец мог по своей воле увеличивать размер арендной платы в соответствии с изменением рыночных цен.

Разные виды мелкокрестьянской аренды господствовали в Италии. Здесь лишь совсем небольшая часть крестьян обладала землями, основная же их масса была безземельной и арендовала на разных условиях участки у крупных землевладельцев (церкви, дворян, богатых горожан). В большей части Северной и Центральной Италии разложение феодальных отношений зашло уже достаточно далеко, но арендные договоры все еще предусматривали небольшие выплаты и отработки феодального характера. На юге же страны — в Неаполе и на островах Сицилии и Сардинии — феодальные отношения продолжали преобладать. Хотя крестьяне были здесь лично свободны, вся жизнь сельского населения в сохранявшихся огромных дворянских владениях (латифундиях) была подчинена феодальному распорядку.

В Испании аграрные отношения отличались многообразием. В центральной части страны (в Кастилии) преобладали мелкие крестьянские хозяйства, близкие по характеру французской цензиве. В северных областях была распространена мелкокрестьянская испольная аренда, сочетавшаяся с отработками на землевладельца. На юге — в Андалузии и Эстремадуре — господствовали крупные земельные владения дворян, которые в XVIII в. обзаводились собственными хозяйствами и использовали наемный труд сельских батраков. Особенностью аграрного развития Испании в XVI—XVII вв. стала массовая экспроприация крестьянства. Она была следствием налогового гнета государства, обязательных поставок зерна и реквизиций для армии, а также произвола дворянской корпорации Месты, чьи миллионные стада овец при сезонной смене пастбищ вытаптывали крестьянские посевы. Сотни тысяч разорившихся крестьян, не находя работы в деревне, превращались в *пауперов* (неимущих), перебивались случайными заработками, нищенствовали.

Особый характер приняло развитие аграрных отношений в Англии и Голландии. В английской деревне в крупных дворянских владениях — *манорах* — земли, как и в сеньориях, были разделены на участки между лично свободными крестьянами, вносящими владельцам маноров небольшие и неизменные денежные платежи. Однако в отличие от французской сеньории в манорах права крестьянина на пользование землей были непрочными: по особому договору с господином он получал земельный надел только на определенный срок. Используя эту слабую правовую обеспеченность крестьянского держания, землевладельцы с целью увеличения своих доходов при заключении договоров навязывали крестьянам новые, более тяжелые условия. Это влекло за собой ослабление крестьянских хозяйств и постепенное вытеснение крестьян. В результате немало крестьян лишались своих участков. Освободившиеся земли вместе с частью общинных угодий

владельцы маноров огораживали и сдавали за более высокую плату в аренду предприимчивым провинциальным дворянам, купцам, состоятельной деревенской верхушке. Рост спроса на шерсть побуждал их отводить арендованную землю под пастбища для овец. Арендаторы заводили собственные хозяйства, использовали труд наемных работников, которыми могли стать ранее вытесненные с земли крестьяне. Продукция такого хозяйства предназначалась для рынка. При сохранении крупного дворянского землевладения капиталистический фермер и наемный сельский рабочий превратились к концу XVIII в. в ключевые фигуры аграрного строя Англии.

Капиталистический уклад сложился также в сельском хозяйстве Голландии. Здесь возникли основанные на наемном труде относительно небольшие, но весьма интенсивные хозяйства зажиточных крестьян, производивших продукты для рынка.

Еще раньше, чем в Англии, хотя и в меньших размерах, капиталистическая аренда возникла в сельском хозяйстве Северной Италии (в Ломбардии) в виде фермерских хозяйств в молочном животноводстве. Во второй половине XVIII в. капиталистическая аренда утвердилась в другой северо-итальянской области — Пьемонте, в XVII—XVIII вв., на севере и северо-востоке Франции. Здесь фермерами-предпринимателями нередко становились разбогатевшие крестьяне, привлекавшие в качестве батраков в свои хозяйства сельскую бедноту. Распространение капиталистической аренды в регионе к западу от Эльбы в XVII—XVIII вв. стало выражением характерной тенденции аграрного развития — все большего втягивания сельского хозяйства в товарно-денежные, рыночные отношения.

По-иному складывались *аграрные отношения на территориях к востоку от Эльбы* — в германских государствах, восточных землях монархии Габсбургов (Чехии, Венгрии, Трансильвании), Дании, а также в Прибалтике и Польше. Характерная особенность аграрного строя в этом регионе заключалась в том, что в XVII—XVIII вв. здесь утвердились личная несвобода крестьян в форме крепостничества и крупные господские хозяйства, основанные на барщине.

К началу Нового времени крестьяне в восточной части Германии (в Бранденбурге, Пруссии, Померании, Голштинии, Саксонии) были лично свободными и вносили землевладельцам платежи натурой. В XVI—XVII вв. в регионе все острее ощущалась нехватка рабочих рук в деревне вследствие сокращения притока переселенцев из западных областей Германии. В то же время увеличение спроса на хлеб в Западной Европе открывало возможности для экспорта зерна. В этой связи в восточноевропейских землях началась перестройка всего деревенского хозяйственного уклада, вызванная стремлением землевладельцев сосредоточить в своих руках большее количество сельскохозяйственной продукции. Такая перестройка была неразрывно связана с наступлением на крестьянство: формировались крупные дворянские владения путем произвольной ликвидации маломощ-

ных крестьянских хозяйств и захвата их земельных участков. Одновременно шло последовательное ограничение личной свободы всех крестьян, оказавшихся, в конце концов, в полной зависимости от воли господ. Без специального разрешения господ крестьяне не могли уходить из имения. При поимке беглых крестьян клеймили.

Вся жизнь крестьян контролировалась господином, только с его согласия можно было вступать в брак, заниматься ремеслом. В некоторых Германских землях (в Мекленбурге и Бранденбурге) и в Дании землевладельцы продавали крестьян с землей и без земли.

Крепостные крестьяне обязаны были выполнять все виды сельских работ на господской земле, причем барщина постоянно росла. В Венгрии в XVIII в. она достигла 52 дней в году для крестьян с тягловой упряжкой и 104 дней для тех, кто упряжки не имел. Особенно обременительной была барщина в восточногерманских государствах — от 3 до 6 дней в неделю (в Бранденбурге). Работы на господских полях выполняли крестьяне, имевшие рабочий скот и инвентарь, во время сева и уборки урожая им обязаны были помогать безземельные крестьяне, превращенные в крепостных поденщиков.

Этот процесс закрепощения крестьян и утверждения основанного на их труде господского хозяйства в исторической литературе получил название *вторичного закрепощения*, или *второго издания крепостного права*, притом что такая хозяйственная система сложилась в XVII—XVIII вв. в регионе к востоку от Эльбы впервые. Эта система не стала простым возвратом к средневековью, когда основанные на барщине феодальные хозяйства в странах Западной Европы производили продукцию главным образом для собственного потребления, т. е. носили натуральный характер. Новой отличительной чертой дворянских хозяйств XVII—XVIII вв. был их товарный характер: в восточногерманских землях, в Венгрии и Чехии до 30—40 % всей производимой в господских хозяйствах продукции (прежде всего зерна) шло на продажу в Западную Европу. Таким образом, регион к востоку от Эльбы втягивался в европейский рынок, превращаясь в поставщика продовольствия и сырья для нуждавшихся в них стран (например: Голландии, Испании, Португалии, Норвегии). В самом же регионе барщинно-крепостная система тормозила развитие городов, рыночно-товарных и капиталистических отношений.

Разные пути аграрной эволюции как в отдельных странах, так и в регионах Европы во многом определялись тем, как дворяне-землевладельцы приспосабливались к новой европейской действительности, к переменам в хозяйственной конъюнктуре. Расширение торговых связей, разнообразие товаров, менявшиеся представления о достойном дворянине образе жизни способствовали росту потребностей дворян, что в сочетании с последствиями постоянной инфляции заставляло их использовать разные средства увеличения доходов — в зависимости от состояния рынка, конкретных условий страны, области и даже от места расположения дворянских владений.

К западу от Эльбы часть дворян периодически стремилось восстановить отмершие феодальные платежи и увеличить бесплатные отработки крестьян на господина (*феодальный натиск* в Южной Италии и Юго-Западной Германии в XVI—XVII вв., *сеньориальная реакция* 1770—1780-х гг. во Франции). В целом приспособление дворян-землевладельцев к новым условиям преимущественно приняло форму приспособления к буржуазным по своей сущности методам обогащения: главным образом путем сдачи господских земель в аренду — мелкокрестьянскую, посредническую, капиталистическую; гораздо реже землевладельцы заводили собственные хозяйства и использовали труд наемных работников. К востоку от Эльбы наиболее эффективным способом увеличения доходов дворянства оказался переход к барщинно-крепостной форме эксплуатации крестьян во вновь созданных господских хозяйствах. Таким образом, если в западном регионе развитие товарно-денежных и рыночных отношений вело в целом к разложению феодальных порядков в деревне, то к востоку от Эльбы эти отношения, напротив, хотя и косвенно стимулировали распространение особого типа крепостных хозяйств, ориентированных на товарное производство для внешнего рынка.

Аграрный строй в английских колониях в Северной Америке, а затем в новом государстве — США — приобрел совершенно особый характер, поскольку складывался в условиях, коренным образом отличавшихся от западноевропейских. Здесь решающее влияние на развитие аграрных отношений оказало наличие огромных, преимущественно незаселенных территорий, пригодных для сельского хозяйства. Это открывало возможность для сотен тысяч (а затем и миллионов) переселенцев из Европы становиться собственниками земли и самостоятельно вести мелкое или среднее фермерское (крестьянское) хозяйство. Основы такого пути аграрного развития к концу XVIII в. уже были заложены в связи с провалом попыток утвердить монополию крупного землевладения в английских колониях в северных и центральных областях Северной Америки. Вместе с тем в южных районах возобладавало крупное плантационное хозяйство, основанное на труде негров-рабов.

2.2. Промышленность

В XVII в. обнаружилось две противоположные тенденции в развитии промышленности Западной Европы: в одних странах этот процесс затормозился и ослабел, в других, напротив, получил толчок к расширению и ускорению. По ряду причин ведущие отрасли промышленности (прежде всего текстильная), процветавшие еще в XVI в. в городах Италии, Испании и Германии, в первые десятилетия XVII в. пришли в состояние застоя, а затем и упадка. К 1650—1660-м гг. производство шерстяных тканей в городах Испании, сук-

на и шелковых изделий в Северной и Центральной Италии почти прекратилось: в основных текстильных центрах этих стран (в Сеговии, Флоренции, Милане) оно не достигало и 2 % от уровня 1610—1620-х гг. В упадок пришли и другие отрасли промышленности (судостроительная, горнодобывающая, оружейная). В экономике Италии, Испании и Германии доля промышленного производства резко сократилась, промышленный регресс сопровождался аграризацией экономики, особенно заметной в Италии и Испании.

По-иному складывалась ситуация в Голландии, Англии и Франции. В XVII в. их промышленное производство не переживало серьезного спада — напротив, в нем происходили сдвиги, обеспечившие дальнейший подъем.

Виды промышленного производства. Ремесло и мануфактура. Вплоть до начала XVIII в. в городах преобладало цеховое (гильдейское) ремесло. Цехи строго контролировали деятельность входивших в них мастеров-ремесленников, устанавливали обязательные правила и нормы изготовления тех или иных изделий (например, определяли плотность, ширину и характер окраски тканей, объем производства и сбыта готовой продукции). Цехам в городах принадлежало исключительное право производства и продажи большинства промышленных товаров, и они добивались от городских властей запрета на изготовление этих товаров теми, кто не принадлежал к цеховой организации. Чтобы избежать конкуренции, цехи могли препятствовать введению производственных новшеств.

В обход монополии ремесленных корпораций в городах в XVII в. все более развивалось промышленное производство в сельской местности, где ремесленные промыслы были распространены издавна. Обычно после окончания летней страды многие крестьяне занимались у себя на дому прядением, ткачеством, выделкой кож, изготовлением чулок и шапок прежде всего для собственных нужд, но и с целью дополнительного заработка. В домашнем производстве участвовало немало женщин и детей, которые трудились иногда до 8 месяцев в году. Некоторые деревенские жители владели 1—2 ткацкими станками, нанимали работников и производили товары на продажу.

В XVII в. в Англии и во Франции, а затем и в других странах сельские ремесленные промыслы получили новый импульс к развитию благодаря включению в промышленное производство торгового капитала. Все больше крестьян-надомников стали работать по заказу зачистивших в деревню купцов-скупщиков. Одни из них приобретали у крестьян пряжу и готовые изделия, а затем сбывали их на рынке, другие, скупая у одних крестьян неокрашенные ткани и иные полуфабрикаты, передавали их ткачам-надомникам или красильщикам для окончательной отделки, что нередко производилось также и в мастерских, принадлежавших самим скупщикам. Так в сельской местности благодаря стихийному разделению труда (т. е. специализации отдельных селений или местностей на прядильном, ткацком,

красильном, дубильном, кожевенном, металлическом и других промыслах) домашнее производство приобретало характер рассредоточенного в пространстве предприятия — скупщик превращался в организатора и координатора домашнего промышленного производства в деревне, в посредника между надомниками и рынком.

Период XVII—XVIII вв. в Западной Европе отмечен подъемом мануфактурного производства. Особенно много появилось *рассеянных мануфактур*. Такая система была очень выгодна для купцов-предпринимателей при наличии у крестьян-надомников собственных средств производства (прялок, ткацких станков, красильного оборудования, инструментов), так как не требовалось вкладывать капитал в приобретение орудий труда, а также в аренду, покупку или строительство помещений для устройства производства. Деньги требовались только на покупку сырья и его доставку с рынка в деревню, на перевозку полуфабрикатов из одной местности в другую, а затем — готовой продукции из деревни на рынок. Труд крестьян-надомников, как правило, обходился намного дешевле труда городских работников, поскольку в деревне всегда находилось достаточно желающих включиться в работу на купца-посредника. Например, на севере Франции, в окрестностях Амьена в конце XVII в. оплата труда сельских работников была на 50—70 % ниже, чем в городе. Однако в домашнем производстве использовались лишь традиционные инструменты и орудия труда, а возможности технических усовершенствований были крайне ограничены. Хотя крестьяне-надомники, обладавшие собственным производственным инвентарем, постепенно становились все более зависимыми от купцов-предпринимателей (в частности, потому, что те прерывали их связь с рынком, нередко ссужали деньгами и пр.), все же они оставались мелкими самостоятельными сельскими хозяевами, владевшими земельными участками, инвентарем и живностью. Случалось, правда, что задолженность купцу вынуждала надомников отдавать ему в собственность в счет погашения долга свой ткацкий станок или другое орудие труда. В таком случае взаимосвязь между домашним работником и купцом приобретала черты отношений между наемным работником и работодателем.

По мере обеднения крестьянства занятие промышленным трудом на дому превращалось для многих сельских жителей из подсобного занятия в основное средство существования. Обилие дешевой рабочей силы, разобщенность сельских ремесленников-надомников, позволявшая навязывать им условия оплаты труда, близость источников сырья, низкие в целом издержки производства — все это притягивало к деревне предприимчивых людей. Обычным явлением стала раздача крестьянам пряильных и ткацких станков для работы по заказу. Домашняя промышленность охватывала все новые территории. Абсолютно доминировало текстильное производство. Его традиционно ведущая отрасль — сукноделие — росла не только коли-

чественно: расширялся ассортимент шерстяных тканей, находивших сбыт среди разных слоев потребителей. Одновременно зарождались новые текстильные отрасли: производство льняных (полотняных), смешанных (хлопчато-льняных) и хлопчатобумажных тканей; во Франции производились многие десятки видов шелковых материй. Постепенно складывались промышленные районы, специализировавшиеся на производстве и включавшие в себя десятки и сотни деревень. В таких районах надомные работники исчислялись десятками тысяч, значительную часть производимой в деревне промышленной продукции купцы-предприниматели вывозили в другие страны.

Рассеянная мануфактура, основанная на труде крестьян-надомников, получила большое распространение в Англии. Йоркшир стал настоящим царством производства разных видов шерстяных тканей, преимущественно более простых и дешевых. Районами сосредоточения производства разного вида сукон были также Девоншир и Норфолк. Начиная с середины XVIII в. все шире проникает хлопчатобумажное производство в Ланкашир. Во Франции оно всецело доминировало на северо-востоке, вокруг городов Амьена, Лилля и Руана, где число работников в мануфактурах приближалось к 200 тыс. Кроме того, хлопчатобумажные изделия производились в Эльзасе и Дофине, где, наряду с Лангедоком и Шампанью, вырабатывались также шерстяные ткани. Миновав к концу XVII в. полосу застоя или деградации, Италия, Испания, германские земли и монархия Габсбургов переживали в XVIII в. экономический подъем, важнейшим проявлением которого стало распространение мануфактур и в этих странах. В Австрии только на одну суконную мануфактуру в городе Линц работали тысячи деревенских ткачей. В Германии домашнее деревенское текстильное производство сосредоточилось на западе в Вестфалии и в низовьях Рейна, а на востоке Силезия стала самым крупным районом полотняного и шерстяного производства, включавшего в себя почти 300 деревень. На севере Италии (в Ломбардии, Пьемонте и Венеции) многие тысячи крестьян втянулись в производство шелковых нитей и шелковой пряжи.

Сфера деятельности купцов-предпринимателей не ограничивалась деревней: они внедрялись также в городское цеховое ремесло и постепенно подчиняли себе цеховых мастеров. Именно таков был основной путь складывания мануфактурного производства в Голландии, в ряде французских, германских и швейцарских городов. В мануфактурном шелкоткацком производстве в Лионе (главном центре этой отрасли во Франции) 500 купцов поставляли сырье и скупали готовую продукцию у 7 тыс. владельцев мелких мастерских. Подобным образом развивались мануфактуры в типографском деле и часовом производстве.

Характерные черты мануфактуры. Рассеянная мануфактура была основной, но не единственной формой этой системы производства. Неотъемлемой частью промышленности Европы в XVII—

XVIII вв. были также *централизованные мануфактуры*, возникновение которых, как и рассеянных, явилось результатом вторжения в промышленную сферу торгового капитала.

Разделение труда (важнейшая черта мануфактурного производства) достигло в централизованных мануфактурах своего максимума: процесс производства того или иного изделия подразделялся на множество простых операций (например, в производстве иглолок на английских мануфактурах рассчитывалось 70—90 таких операций). Совершенствовались и инструменты (в Англии при производстве труб применялись до 500 видов молотков). Специализируясь на одной или нескольких смежных частичных операциях, работник приобретал навык осуществлять их быстрее и эффективнее, чем цеховой ремесленник, которому часто приходилось самому выполнять многочисленные и разнообразные операции всего производственного цикла. В результате этих новшеств на централизованных мануфактурах, несмотря на преобладание ручной техники, производительность труда по сравнению с рассеянными мануфактурами и цеховым производством росла. Например, ремесленник изготавливал в день не более 20 иглолок, а мануфактура с несколькими десятками работников производила ежедневно десятки тысяч иглолок.

Капиталистический характер производства на централизованной мануфактуре был выражен больше, чем на рассеянной: владелец мануфактуры, как правило, являлся собственником всех средств производства, всего оборудования; он нанимал работников, определял продолжительность рабочего дня и весь распорядок на предприятии, а также по своей воле назначал размер зарплаты. Рабочие находились под постоянным контролем хозяина, его служащих и мастеров.

Централизованные мануфактуры возникали в тех отраслях промышленности, где сам процесс производства требовал больших размеров предприятия — в судостроении, горнодобывающем деле, металлургии, военных отраслях (литье пушек, ядер, производство пороха), при изготовлении больших настенных ковров (шпалер, гобеленов). Во Франции, Пруссии, Швеции крупные централизованные мануфактуры (главным образом в военном и металлургическом производстве, а в Пруссии и в изготовлении фарфора) учреждались государством, получали от него субсидии и пользовались привилегиями.

Кроме того, централизованные мануфактуры существовали также в производстве шерстяных и шелковых тканей, металлических изделий, мыла, пива, сахара, стекла и бумаги. На одних мануфактурах изготовление изделия охватывало весь производственный цикл, на других в готовые изделия превращались выработанные кустарями-надомниками полуфабрикаты. На большинстве централизованных мануфактур насчитывалось несколько десятков работников, но были предприятия, использовавшие сотни, а в единичных случаях даже тысячи наемных работников. Производство на централизован-

ных мануфактурах (многие из них располагались в городах) требовало от работника определенной, а подчас и очень высокой квалификации, вследствие чего труд здесь оплачивался выше, чем на рассеянных мануфактурах в деревнях. Именно поэтому положение рабочих централизованных мануфактур до последних десятилетий XVIII в. было относительно сносным: заработок обеспечивал прожиточный минимум по крайней мере части рабочих и их семей.

Централизованные мануфактуры благодаря разделению и кооперации труда, лучшей организации процесса производства могли обеспечить наиболее высокую в тех условиях производительность, однако возможности ее роста ограничивались тем, что основой мануфактурного производства оставался ручной труд и в целом традиционные средства и орудия труда. Вместе с тем устройство централизованных мануфактур требовало больших расходов на аренду или приобретение помещений, на покупку всего оборудования и более высокую оплату труда. Все это увеличивало себестоимость продукции и снижало ее конкурентоспособность. И хотя централизованные мануфактуры в XVIII в. появились во всех странах Западной Европы, их количество было невелико, как и общий объем производимой ими продукции. Рассеянная мануфактура полностью преобладала над централизованной. Мануфактурное производство во всех его формах было полностью подчинено торговому капиталу.

В XVIII в. мануфактура стала доминировать в промышленности Англии и Голландии, оттеснив цеховое ремесло. То же произошло в некоторых отраслях текстильного производства во Франции. В большинстве же европейских стран, несмотря на распространение мануфактур, преобладали мелкие ремесленные мастерские, с архаическими методами производства, унаследованными еще от Средних веков.

В отличие от стран Западной Европы в английских колониях в Северной Америке цеховая система отсутствовала. Промышленное производство было сосредоточено в независимых ремесленных мастерских и мануфактурах, которые возникали с середины XVII в. Первоначально мануфактуры в городах Америки создавали не частные лица, а муниципалитеты и общественные объединения, однако постепенно число частных владельцев мануфактур возрастало.

Технические новшества в промышленности в XVII — XVIII вв. Помимо совершенствования и специализации инструментов в мануфактурный период промышленности появились новые орудия труда и механизмы, для практического применения которых все больше использовали энергию ветра и воды. Мощность широко распространявшегося с конца XVII в. водоналивного колеса (с ковшеобразными лопатками) в 100 раз превосходила силу человека и в 10 раз — силу лошади. Водяное колесо стало главным двигателем в промышленном производстве. Кроме мукомольных мельниц и маслобоек оно применялось на сукновальнях и лесопильнях, в кузнечном, прово-

лочном, шелкокрутильном и бумажном производстве, на токарных и сверлильных работах, в горном деле и металлургии — для водоотлива и подъема груза из шахт и рудников, для дробления руды, раздувания мехов. В связи со столь широким использованием водяного (а в Голландии и ветрового) двигателя в XVII—XVIII вв. получили большое развитие и применение разнообразные передаточные приспособления: различные зубчатые колеса и шестерни (преимущественно деревянные), винты, шарниры, трансмиссии, цепные передачи, ременные приводы. Хотя металлургия в целом по-прежнему базировалась на использовании древесного угля, в Англии с 1720—1730-х гг. в металлургическом производстве кокс (каменный уголь, путем обжига очищенный от примесей) стал постепенно вытеснять древесный уголь. Внедрение этого новшества в сочетании с усовершенствованием воздуходушных мехов и укрупнением доменных печей привело в конце XVIII в. к росту годового производства чугуна более чем в 25 раз по сравнению с серединой века, чугун стал вытеснять бронзу в изготовлении пушек и ядер.

При полном господстве ручного труда в обрабатывающей промышленности иногда применялись приспособления (главным образом в текстильной отрасли), механизировавшие некоторые производственные операции (шелкокрутильная машина, шелковолочный и вязальночулочный станки). В XVII в. была улучшена конструкция токарного станка и стало широко внедряться непрерывное вращение обрабатываемых деталей с помощью водяного колеса. На рубеже XVII—XVIII вв. для откачки воды из шахт начали применять примитивные паровые машины (Т. Севери и Т. Ньюкомена). Значительное усовершенствование в XVIII в. сверлильных механизмов открыло новые возможности в металлообработке, в частности в производстве орудийных стволов и цилиндров для паровых машин. Голландский ученый *Христиан Гюйгенс* (1629—1695) создал механические часы современного типа с маятником и упругой спиралью. К концу XVIII в. развитие производства создало технические предпосылки для возникновения машинной техники.

Промышленная революция. В последние десятилетия XVIII в. в Англии началось глубокое преобразование промышленного производства — Промышленная революция. Сначала в прядении и ткачестве, а затем в других отраслях волна изобретательства привела к созданию принципиально нового средства производства — рабочих машин, способных заменять ручные операции. Создание английским изобретателем *Джеймсом Уаттом* (1736—1819) парового двигателя, способного приводить в действие любые рабочие машины, сделало возможным применять их практически во всех отраслях промышленности. По мере совершенствования машин, заменявших труд десятков, а то и сотен работников, быстро росла производительность труда. Возникновение нового вида промышленных предприятий — *фабрик*, соединявших большое количество одинаковых или разных

машин, обусловило огромное увеличение количества производимой продукции и концентрацию промышленного производства.

Промышленная революция оказала глубокое воздействие на социальную структуру Англии, вызвав формирование новых социальных слоев — массы наемных промышленных рабочих, живущих исключительно на заработную плату, и промышленной буржуазии, капиталистов-фабрикантов. Вслед за Англией внедрение машин постепенно началось и в других странах Европы и в США. Промышленная революция положила начало *фабричной стадии промышленности*, сменившей мануфактурную.

2.3. Средства коммуникации

В XVII—XVIII вв. в ряде европейских стран был достигнут определенный прогресс в средствах транспорта. Расширение сети дорог и их усовершенствование диктовалось прежде всего хозяйственными причинами: умножением рыночных связей, необходимостью снабжения растущего городского населения продовольствием в большем объеме, в частности стремлением обеспечить вывоз хлеба из внутренних районов (как это было во Франции). В то же время потребность в более надежных путях сообщения обуславливалась и военными нуждами: требовалось быстрое передвижение армий с их громоздкими обозами и тяжелой артиллерией.

Различные повозки и экипажи на конной тяге оставались главным транспортным средством. Новшество в их конструкции свелось к употреблению более крупных колес, пружинных рессор и металлических спиц. Началось строительство дорог с твердым покрытием: применение щебня позволяло плотно укатывать дорожное полотно, делать его более ровным, что облегчало езду. Покрытию придавали выпуклую форму, чтобы обеспечить сток воды, а для ее отвода вдоль дорог прорывали дренажные каналы. В холмистой и горной местности устраивали приспособления для предотвращения оползней, дороги спрямляли. При строительстве мостов применяли новые способы возведения опор и более прочные материалы, а в самом конце XVIII в. в Англии возвели *первый железный мост*.

Большое внимание дорожному строительству уделялось во Франции и Англии. Во второй половине XVII—XVIII в. королевская власть во Франции расходовала большие суммы на строительство и ремонт дорог. К концу 1780-х гг. протяженность больших государственных дорог достигла 40 тыс. км. Однако состояние дорог местного значения, особенно в глубинных районах, было плохим. До конца века во Франции оставалась дорожная повинность, позволявшая использовать бесплатный труд крестьян. В Англии же дорожное строительство вели частные предприниматели: возникли особые дорожные компании, получавшие монополию на строитель-

ство новых дорог, их ремонт и содержание, что положительно сказалось на качестве дорог. В этой стране были сделаны первые попытки создания рельсовых дорог: от шахт прокладывали обитые железом деревянные брусья, по которым на тележках перевозили добытый уголь. В результате развития дорожного строительства появились дороги, пригодные к использованию в любое время года, однако их было мало; состояние большинства дорог по-прежнему во многом зависело от погодных условий. Произошло увеличение объема и некоторое ускорение перевозок, но это касалось преимущественно легких грузов и людей. Во Франции и Англии (и несколько позже в других странах) распространилось регулярное движение дилижансов между столицами и крупными городами. Почтовое сообщение, возникшее еще в XVI в. по инициативе частных лиц (прежде всего купцов), перешло в руки государства и значительно расширилось. К середине XVIII в. в больших городах Франции и Англии почта отправлялась уже ежедневно. Во многих странах возникла сеть станций (их называли «почтовыми»), где каждый мог получить для поездки лошадей и экипаж.

Значительные успехи были достигнуты в развитии морского (океанского) судоходства. Постоянно совершенствовались конструкции морских судов, увеличивались их размеры. Суда грузоподъемностью в 500 т до начала Нового времени были редкостью, а в XVII в. стали обычным явлением. Одновременно строились суда водоизмещением 700, 900, 1 000 т и более, хотя все еще преобладали суда грузоподъемностью в 100—300 т. С помощью компаса, астролэбии, секстанта и других инструментов стало возможным быстро определять местоположение корабля. Новое парусное оснащение позволяло использовать ветер разных направлений, средняя скорость мореплавания (при попутном ветре) удвоилась. Это сказалось на продолжительности морских перевозок: время плавания в XVIII в. из Англии в Северную Америку через Атлантический океан сократилось с 10 до 5—6 недель, а стоимость перевозки пассажиров уменьшилась вдвое.

В XVII в. первенство в судостроении принадлежало голландцам (грузоподъемность их флота за столетие выросла с 200 тыс. тонн до 600 тыс. тонн), в XVIII в. бесспорным лидером стала Англия: тоннаж ее торгового флота увеличился с 95 тыс. тонн в 1663 г. до примерно 1 млн тонн к концу века.

Развитие европейской морской торговли отразилось на характере портовых сооружений. Строились более широкие и длинные причалы, а появление крупнотоннажных кораблей вынуждало углублять дно портовых акваторий и защищать их от наносов почвы, если порт располагался вблизи речного устья. Появились первые большие плавучие землечерпалки, а в порту Шербурга во Франции в конце XVIII в. началось строительство *первого крупного волнолома*.

В Голландии и Англии с их разветвленной речной системой водный транспорт играл особую роль. В XVII—XVIII вв. реки здесь все

больше использовались для хозяйственных нужд. В Англии, начиная с XVII в., шла неустанная работа по расширению речного судоходства. Чтобы обеспечить транспортировку тяжелых грузов (каменного угля, строительных материалов, железа), углублялись и расчищались русла рек, строились многочисленные шлюзы. Во второй половине XVIII в. развернулось строительство каналов, благодаря которым многие промышленно развитые города центральной Англии получили выход к морю. Грузовые перевозки по рекам и каналам обходились в несколько раз дешевле, чем по дорогам. Каналами стали соединять также судоходные реки, в результате чего внутренними водными путями оказалось связано множество городов и селений, удаленных друг от друга на десятки и даже сотни километров.

Речное судоходство во Франции и в германских землях осложнялось (помимо множества таможенных застав) существованием гильдий (цехов) лодочников, которым принадлежала монополия перевозок на определенных участках рек, вследствие чего грузы приходилось иногда несколько раз перекладывать с барок одних гильдий на барки других, что удорожало и замедляло доставку товаров. И все же доставка по рекам обходилась дешевле, чем сухопутная, и это также побуждало к строительству каналов: их протяженность в XVII—XVIII вв. выросла во Франции со 150 до 1 000 км, в Пруссии с 530 до почти 1 300 км.

В Англии, как ни в одной другой европейской стране, получило развитие каботажное судоходство, т.е. морские перевозки вдоль побережья: основной частью английского флота в XVIII в. были именно каботажные суда. Каботажное судоходство полностью доминировало также в торговле английских колоний в Северной Америке, а затем длительное время и в США.

Развитие и сочетание столь разнообразных видов транспорта в Англии стало одной из необходимых предпосылок начавшейся в последние десятилетия XVIII в. Промышленной революции.

2.4. Торговля

В XVII—XVIII вв. торговля была вторым по значению после сельского хозяйства сектором экономики, в чем намного превосходила промышленность. *Внутренняя торговля* по своему объему преобладала над внешней (возможно, за исключением Голландии). Самой распространенной формой торговли были городские рынки, ярмарки, существовавшие не только в крупных центрах, но и в десятках и сотнях небольших городков и местечек. Подавляющая часть того, что продавалось на таких рынках, — сельскохозяйственная продукция, изделия деревенских промыслов и городских ремесленников — производилось в самой стране. В некоторых больших городах рынки собирались ежедневно, а в мелких — один или несколько раз в не-

делю. В Англии в середине XVII в. при населении примерно в 5 млн человек было 800 городов и селений с регулярно действовавшими рынками. Даже спустя столетие, в середине XVIII в., английская внутренняя торговля по стоимости в 2—3 раза превышала внешнюю.

Во Франции с ее многочисленным населением рынков было особенно много: в первой четверти XVIII в. в одном только районе на севере страны, где проживало 600 тыс. человек (3 % всего населения страны), насчитывалось 85 ежедневных рынков; кроме того, в течение года проводилось около 200 ярмарок продолжительностью 1—3 дня.

Если рынки в мелких городах притягивали к себе продукцию из близлежащей сельской округи, в основном в радиусе 15—30 км, то торговые связи больших городов простирались на многие десятки, а то и сотни километров. В Мадрид в XVII в. ежегодно доставлялось до 50 тыс. голов баранов, более 20 тыс. быков и телят, 13 тыс. свиней. В Париже в конце XVIII в. в течение года продавали до 100 тыс. голов мясного скота, много тысяч лошадей, большое количество зерна и других продуктов — все это поступало из разных концов Франции. В больших городах могло быть несколько рынков, обычно специализированных (мясные, рыбные, хлебные и др.). Помимо рынков процветала и розничная торговля, на улицах таких городов было множество разносчиков, лавочников и бродячих торговцев.

Мелкая розничная торговля внедрялась также и в сельской местности. Ею занимались странствующие торговцы — *коробейники*. Начиная с XVII в. кое-где в деревнях появились лавки, и торговля приобрела постоянный характер. Одновременно складывался новый тип торговцев-скупщиков: разъезжая по стране, они приобретали сельскохозяйственную и промышленную продукцию непосредственно у производителей или со складов, а затем перепродавали ее оптом или в розницу на городских рынках. Получила распространение также практика оптовых продаж товаров на аукционах. Слабее была развита внутренняя торговля в Европе к востоку от Эльбы, на тех территориях, где все еще господствовало крепостное право. Здесь городов было меньше, их население увеличивалось очень медленно вследствие ограниченного притока людей из сельской местности, откуда крестьяне не могли уйти без разрешения господина.

В большинстве европейских государств сохранялось множество таможенных застав, как дорожных, так и речных. На реке Луара во Франции в XVIII в. пошлины взимались в 80 пунктах. Хотя размеры таможенных сборов обычно были невелики, все же они стесняли перевозчики. Отрицательное влияние таможи на торговлю особенно ощущалось в Германии и Италии: каждое из многих государств, на которые были разделены эти страны, ограждали себя таможенными барьерами. Главным предметом внутренней торговли был хлеб (зерно, мука и выпеченный хлеб) как основа питания населения. Потребность в хлебе возрастала не только по мере увеличения город-

ского населения, но и в деревне, где становилось все больше тех, кому приходилось покупать хлеб вследствие хозяйственной специализации отдельных районов (например, на виноградарстве, огородничестве, льноводстве), из-за увеличения численности малоземельных и безземельных крестьян, батраков и поденщиков, а также тех, кто был занят в надомных промыслах. Постоянный рост потребности в хлебе превратил его в важную часть международной торговли: зерно доставлялось голландцами по Балтике из восточногерманских земель и Польши в Амстердам (в среднем по 150 тыс. тонн ежегодно в течение XVII в.), откуда по мере надобности его вывозили в Португалию, Испанию, Норвегию, Англию и другие страны.

В торговле промышленными товарами долгое время доминировали текстильные изделия, особенно множество видов шерстяных тканей, но постепенно их стали теснить ткани из других материалов. На XVIII в. пришелся подъем шелковой торговли, причем с шелком, ввозившимся из Азии, успешно конкурировали итальянские, а затем и французские шелка. мода на шелк распространилась по всей Европе, шелковая одежда стала отличительным атрибутом аристократии и богатой городской верхушки. Подражая знати, в шелк (хотя и более дешевый) рядились горожане с более скромным доходом и даже трактирщицы и служанки. Помимо тканей, в ходу были и другие шелковые изделия — чулки, косынки, носовые платки. Лидером в торговле шелком была Франция, однако в ее вывозе как в европейские страны, так и в Америку были и другие предметы роскоши — бархат, плюш, расшитые золотом и серебром материи, кружева, настенные ковры, шляпы и перчатки, парфюмерия. В XVIII в. в торговле текстилем произошел новый сдвиг: в сбыте все более возрастала доля полотняных и хлопчатобумажных тканей. Крупными центрами межгосударственной торговли в континентальной Европе были оптовые ярмарки в Лейпциге (куда съезжалось до 7—8 тыс. купцов) и во Франкфурте-на-Майне, собиравшиеся на несколько недель 2—3 раза в год.

В целом в XVIII в. в Голландии, Англии и отчасти во Франции торговля способствовала значительному хозяйственному сближению отдельных районов и областей. В других же европейских странах, несмотря на постепенное расширение внутренних экономических связей, в большей или меньшей степени сохранялась хозяйственная и рыночная разобщенность, которая особенно давала о себе знать в Германии и Италии, являясь следствием политической раздробленности. Большое влияние на торговлю оказывал *меркантилизм* — экономическая политика европейских государств, направленная на поощрение собственной промышленности. Власти устанавливали высокие пошлины на вывоз сырья и полуфабрикатов или вовсе запрещали его и всячески старались ограничить ввоз тех иностранных промышленных изделий, которые могли бы составить конкуренцию аналогичным отечественным. С помощью этих мер правительства стремились обеспечить приток в страну возможно большей массы

денег, что, согласно теории меркантилизма, обеспечивало ее богатство и процветание, а государству давало возможность получить средства, необходимые для постоянно возрастающих военных и административных расходов. Такая политика вела к распространению контрабанды, т. е. беспошлинного ввоза и вывоза товаров в обход таможен. В этот период контрабанда иногда покрывала до 1/3 всего спроса на некоторые товары. В ряде стран (например, в Испании) для борьбы с вооруженными отрядами контрабандистов (а также с разбойниками, которыми кишели большие дороги) властям приходилось посылать регулярные войска.

В XVII—XVIII вв. *европейская заморская торговля* переживала бурный подъем и приобрела поистине мировые масштабы. К началу XVIII в. европейцам была уже известна — с точки зрения расположения континентов и их конфигурации — большая часть поверхности Земли (по сравнению с 1/5 в начале XVI в.), что сказалось на географии торговли. Произошли большие изменения в направлении основных торговых потоков, в структуре, методах и организации торговли. Веками основной товар, ввозившийся с Востока в Европу — специи (перец, мускатный орех, гвоздика, имбирь), — доставлялся сухопутным путем из Азии к южному побережью Средиземного моря, откуда монополизировавшие торговлю пряностями (а также шелком) венецианские и генуэзские купцы переправляли специи в Европу. К XVII в. эта торговля пришла в полный упадок, так как открылась возможность получать пряности морским путем по более низкой цене и в большем объеме. Главные торговые пути переместились на Атлантический и Тихий океаны, а Средиземное море оказалось на окраине внезапно расширившегося мира. До Великих географических открытий торговые маршруты по Балтике и Средиземному морю не превышали 2—3 тыс. км, теперь же обычными стали грузовые перевозки на 6—8 тыс. км между Европой и Америкой, а протяженность океанских торговых путей на Филиппины, в Индию, Китай и Японию достигала 20—30 тыс. км. Абсолютно преобладающая часть торгового оборота приходилась на о-ва Карибского моря, Южную и Северную Америку. Именно связи с американским материком в наибольшей степени обусловили увеличение объема и расширение ассортимента внешней торговли стран Западной Европы. Во второй половине XVIII в. употребление специй и спрос на них стали сокращаться, тогда как возросшие объемы кофе, сахара, какао, кукурузы, тропических фруктов, табака завозились в Европу и постепенно входили в массовое употребление. По мере увеличения спроса на эти продукты росло их производство на плантациях, которые европейцы заводили на Азорских, Канарских и Антильских островах (особенно на Кубе, Гаити, Пуэрто-Рико, Мадейре, Ямайке). Голландские купцы способствовали устройству кофейных плантаций на о. Ява.

В плантационных хозяйствах на малонаселенных островах Карибского моря и на американских территориях с самого начала

ощущалась нехватка рабочей силы. Выход был найден в использовании труда чернокожих невольников, которых стали ввозить из Африки. Начавшаяся в XV—XVI вв. торговля «живым товаром» в XVII—XVIII вв. приняла огромные размеры. По разным подсчетам с середины XV в. и до 1870 г. из Африки в Новый Свет было доставлено от 10 до 16,5 млн негров, из них от 7,7 до 11,7 млн в XVII—XVIII вв. Вывезенных из Африки невольников, возможно, было на несколько миллионов больше, но многие из них погибли в пути из-за крайне тяжелых условий перевозки через океан. В XVIII в. работорговля достигла своего апогея: в среднем ежегодно в Америку привозили от 58 до 80 тыс. африканцев — в несколько раз больше, чем в XVII в.; больше всего негров попало в Бразилию (не менее 3,6 млн), на острова Карибского моря, принадлежавшие Англии и Франции, и в испанские владения. В XVIII в. негры-рабы были основной рабочей силой на сотнях и тысячах плантаций, а в Бразилии также на рудниках и мануфактурах. Сложилась так называемая «треугольная торговля»: корабли из Европы (в основном из Англии), груженные тканями, оружием, порохом, зеркалами, металлическими изделиями, дешевыми украшениями (например, разноцветными стеклянными бусами), отправлялись к западным берегам Африки, где привезенные товары обменивались у местных царьков на захваченных ими у соседних племен невольников (а также на золото и слоновую кость). Доставив рабов на Антильские о-ва (откуда многих из них переправляли затем в Южную и Северную Америку), корабли с грузом кофе, сахарного сырья, какао, табака, фруктов возвращались в Англию и другие страны. Нередко корабли, выгрузив невольников, наполняли трюмы бочонками с ромом и снова отплывали к побережью Западной Африки, где меняли спиртное на рабов. Один и тот же корабль мог совершить несколько таких челночных рейсов, прежде чем возвращался с колониальными товарами в Европу. Работорговля приносила огромные барыши, выручка купцов и судовладельцев от продажи негров намного превосходила их расходы на приобретение невольников в Африке. В Англии, которая в XVIII в. доминировала в работорговле, строились корабли, специально оборудованные для перевозки максимального количества невольников, а изготовление предназначенных для работорговли цепей, кандалов, железных ошейников и приспособлений для клеймения негров приняло такой размах, что обогатило целые города, специализировавшиеся на таком производстве (например, Ливерпуль).

Расширение торговли с Америкой и Азией сказалось на рационе питания европейцев. С конца XVII в. кофе вошел в массовое употребление в Англии, Германии, а затем во Франции, Голландии и других странах. То же, хотя и в более скромных размерах, происходило с какао. Впервые в Европе заведение, в котором подавался напиток из кофе, открылось в Венеции в 1640 г., в Лондоне первая кофейня появилась в 1653 г., а к концу XVIII в. здесь их насчитыва-

лось уже до тысячи. Быстрое распространение кофе и какао в этот период запечатлено даже в произведениях искусства (в музыке — «Кофейная кантата» И. С. Баха, в живописи — картина «Шоколадница» художника Ж. Э. Лиотара). На рынке Амстердама кофе появился на рубеже 1660—1770-х гг., составив 0,05 % всех продаж, а спустя столетие его доля поднялась до 23 %. До середины XVII в. чай почти не был известен в Европе и стоил очень дорого. В XVIII в. голландские купцы резко увеличили его поставки в Европу: в 1715 г. было продано 48,4 тыс. кг, а в 1750 г. 600 тыс. кг чая. В результате цены на чай снизились почти наполовину, он стал дешевле пива и превратился в обычную часть пищевого рациона многих европейцев. Еще одним новшеством XVII—XVIII вв. был сахар. В XVI в. в Англии при Генрихе VIII Тюдоре его подавали как изысканное лакомство к королевскому столу, а медики одно время прописывали сахар как лекарство, и поэтому его продавали в аптеках. В XVII—XVIII вв. из редкого и дорогостоящего вещества сахар превратился в один из наиболее потребляемых пищевых продуктов. В ряде европейских стран производство разных видов сахара превратилось в особую промышленную отрасль; кроме того, сахарное сырье начали применять в производстве спирта. Наконец, XVII—XVIII вв. стали периодом победного шествия по странам Европы завезенного из Америки табака, употребление которого вошло в привычку сначала среди горожан, а затем и у всего населения.

До середины XVII в. во внешней торговле европейских государств, как в самой Европе, так и за ее пределами, господствовала Голландия, обладавшая огромным по тем временам флотом и наиболее совершенными судами. Успех голландцев был обусловлен также тем, что, прекрасно изучив рынки в Европе и на других материках, они развернули комбинированную торговлю, перевозя из порта в порт и из страны в страну товары, пользовавшиеся спросом. Голландцы широко практиковали посредническую (комиссионную) торговлю, доставляя грузы для заказчиков из разных европейских стран за относительно невысокую плату, так как эксплуатация судов с немногочисленными, но хорошо обученными экипажами (к тому же неприхотливыми в еде) обходилась голландским судовладельцам дешевле, чем в других странах.

Первый удар по голландской торговой гегемонии нанесла Англия: *Навигационный акт 1651 г.* разрешал ввоз товаров из ее колоний только на английских судах, что стимулировало рост морских перевозок и судостроения. Во второй половине XVII в. голландская торговая экспансия встретила препятствия и во Франции, где значительно увеличился торговый флот, постепенно вытеснивший голландский в вывозе из Франции. К середине XVIII в. английский торговый флот превзошел голландский по количеству кораблей, их грузоподъемности и мореходным качествам. Во второй половине века англичане захватили первенство в атлантической работоторговле, ранее при-

надлежавшее голландцам. Англии удалось одолеть и другого торгового колониального конкурента — Францию.

Английские купцы переняли некоторые методы голландцев, в частности стали активно практиковать реэкспорт товаров, поступающих с Востока (например, наладили широкий сбыт индийских хлопчатобумажных тканей в Африке и Европе, чая — в Северной Америке). Однако другой особенностью английской внешней торговли было увеличение в ней доли английских промышленных изделий: в течение XVIII в. их производство для экспорта, выросло в 4—5 раз. Крупнейшим центром сбыта английского сукна в Европе стал Гамбург, где обосновались английские купцы.

Европейская торговля со странами Азии по своему характеру значительно отличалась от торговли с Америкой и Африкой. До конца XVIII — начала XIX в. по качеству и стоимости тканей (прежде всего хлопчатобумажных), посуды, металлических изделий Европа уступала Индии и Китаю, поэтому изделия европейской промышленности не находили здесь спроса. Традиционным предметом европейского вывоза в эти страны (еще с XIV—XV вв.) были золото и серебро, которые обменивались на местные хлопчатобумажные и шелковые ткани, фарфор, ювелирные украшения, пряности и экзотические фрукты. Торговля со странами Азии получила новый толчок после того, как в результате захвата испанцами и португальцами Южной Америки в Европу хлынул поток золота и серебра. В XVII—XVIII вв. основная часть этих драгоценных металлов оседала в более развитых странах — Голландии, Англии и Франции, где испанцы и португальцы покупали различные товары и оружие. Голландцы, приобретающие серебро также в Иране, Японии и на Филиппинах, увеличили его вывоз в Китай и Индию более чем в 5 раз по сравнению с серединой XVII в. Англия вывозила в первой половине XVIII в. золота и серебра вдвое больше, чем в XVII в., оплачивая ими 80 % всего импорта из Азии, по стоимости намного превосходившего экспорт английских товаров. Однако эту разницу английским купцам удавалось покрывать за счет доходов от перепродажи восточных товаров в другие страны. В целом торговля с Азией по своим масштабам намного уступала торговле с Америкой, хотя и постоянно росла. В 1785 г. стоимость вывоза товаров в Европу только из испанской Америки достигла 6,5 млн ф. ст., а из Индии — 1,3 млн.

В европейской заморской торговле в XVII—XVIII вв. особую роль играли *торговые акционерные компании*, возникшие в Голландии, Англии, Франции, Швеции, Пруссии, Дании и даже в монархии Габсбургов и пользовавшиеся государственной поддержкой (см. главы 18—21). Наиболее мощными были голландская и английская Ост-индские компании, получившие от своих правительств право монопольной торговли со странами Востока.

Характерная черта европейской мировой экспансии того времени — нераздельность торговли и колониальных захватов — отчетли-

во проявлялась в действиях этих компаний: они представляли собой также военно-политические организации, осуществлявшие захваты территорий и их колониальную эксплуатацию. Ост-индские компании заложили основу голландского (в Индонезии) и английского (в Индии) колониального господства; принадлежавшие им обширные территории во второй половине XVIII в. перешли под управление правительств.

Финансово-банковское дело. Следствием бурного подъема торговли и колониальной экспансии явилось сосредоточение в Западной Европе больших денежных средств, однако их использование было затруднено из-за недостаточного развития финансовых учреждений. Потребность в более гибких и эффективных методах финансового предпринимательства, прежде всего торговых операций, стимулировала дальнейшее развитие банковского дела.

Еще во второй половине XVI в. несколько банков в Неаполе стали выпускать новое платежное средство — бумажные банковские билеты (*банкноты*), получившие хождение наряду со звонкой монетой. Однако только в XVII в. с основанием банков в Венеции, Милане, Амстердаме, Гамбурге, Лондоне, а также в Шотландии банкноты получили широкое распространение. Основным платежным средством в Европе были в то время металлические деньги, преимущественно из золота и серебра. Вследствие постоянной порчи монет их номинал очень часто не соответствовал количеству содержащегося в них драгоценного металла, что осложняло торговые сделки. Внедрение в оборот банкнот, на которых обозначалась определенная денежная величина, упрощало и облегчало платежи, способствуя известному улучшению денежного обращения в европейских странах. Банкноты явились предшественниками бумажных денег, которые впервые получили хождение в английских колониях в Северной Америке, а затем в США.

В XVII в. выпуск банкнот способствовал также зарождению и развитию кредитной функции банков. Наряду с деньгами, поступавшими в банки в виде вкладов частных лиц, банкноты использовались при выдаче кредита заемщикам. Такая форма банковской деятельности получила значительное развитие в Англии: здесь наряду с Английским банком, учрежденным в 1694 г., к концу XVIII в. существовало 350 небольших частных банков, занимавшихся кредитованием. Несмотря на значительное расширение деятельности банков, огромные денежные средства все еще оставались в руках ростовщиков.

Еще одним новшеством в финансовой сфере стало появление акций многих торговых и некоторых промышленных компаний, которые таким образом привлекали к себе значительные денежные средства. На биржах больших городов наряду с заключением торговых сделок обычным явлением стала купля-продажа акций. Спекулятивные биржевые операции с акциями периодически приводили к банкротству сотен держателей акций и обогащению за их счет узких групп биржевых спекулянтов.

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Дворянство и духовенство. В большинстве европейских стран общество состояло из сословий. Высшими сословиями были духовенство и дворянство. Их численность была невелика: к духовенству принадлежало не более 1 %, а к дворянству 1—2 % населения, только в Венгрии и Испании доля дворян достигала 4 %.

Духовенство и дворянство главенствовали в обществе экономически и политически. Земля была основным источником доходов дворян и католического духовенства, их доля в землевладении (в разных странах до 25—40 %) намного превосходила их долю в составе населения.

Духовенство и дворянство обладали рядом исключительных прав, унаследованных еще со Средних веков, что определяло их положение как привилегированных сословий. Объем этих прав в разных странах был не одинаков, однако в целом в сочетании с земельным богатством права позволяли этим двум сословиям доминировать в обществе. Во многих странах церковнослужители и дворяне либо вообще не платили основных налогов, либо вносили только часть их, значительно меньшую, чем платили *податные сословия* — крестьянство и горожане. Как владельцы *феодов, сеньорий, маноров*, дворяне получали различные платежи от крестьян, а также немалый доход от разнообразных хозяйственных привилегий — *баналитетов*. Церкви все крестьяне обязаны были отдавать часть урожая (обычно от 2 до 4 %). На церковных землях в католических странах платежи крестьян по своему размеру, как правило, не уступали тем, которые вносились землевладельцам-дворянам.

Духовенство и дворянство пользовались значительными юридическими привилегиями. В католических государствах священнослужители были подсудны особым церковным судам. Действовало церковное право, которое отличалось от юридических норм, принятых в светских судах. Дворянам за совершенные правонарушения полагались более мягкие приговоры, чем недворянам, они освобождались от позорных наказаний и пыток (кроме случаев государственной измены). Вместе с тем многие дворяне сами были носителями судебной власти; возглавляя сеньориальные, поместные и манориальные (в Англии) суды, где разбирались гражданские и уголовные дела тех, кто проживал в их владениях. К привилегиям дворян относился и

особый порядок наследования в виде *майоратов* и *фидейкомиссов*, исключавших дробление и продажу их земельных владений. Майорат предусматривал переход всего или большей части имущества семьи к старшему по мужской линии, а фидейкомисс устанавливал строгий порядок наследования на 3—4 поколения вперед. Такие правила обеспечивали целостность имущества как условия непрерывной преемственности и процветания дворянского рода. Таким образом, в европейских странах существовало юридическое, правовое неравенство, обусловленное не имущественными различиями, а самим фактом принадлежности к тому или иному сословию — именно от этого зависело, наделен или не наделен человек определенными правами.

Помимо привилегий, приносивших реальные выгоды, дворянам принадлежали почетные права, подчеркивавшие особость их положения по сравнению с непривилегированными сословиями: право носить оружие, занимать (в сеньориях) лучшие места в церкви во время службы, во время праздников и церемоний и др.

Дворянство преобладало в командном составе армии и на дипломатической службе. Например, во Франции более 90 % офицеров были дворянами, а в Пруссии и Испании офицерский корпус был полностью дворянским. В некоторых странах аристократия занимала важные посты в центральных органах управления. Высшие иерархи католической церкви — кардиналы, примасы, архиепископы и епископы в своем абсолютном большинстве происходили из дворянских семей.

Дворянство было неоднородно по происхождению, размерам состояния, источникам дохода. Его высший, наиболее богатый слой в разных странах насчитывал несколько десятков или сотен семей. Это была титулованная аристократия — герцоги, князья, графы, маркизы, виконты, бароны. Немногие из них принадлежали к древним родам — потомственному дворянству, насчитывавшему 5—6 и более поколений. Основную часть дворянского сословия составляло среднее и мелкое дворянство. Доходы низшего слоя дворян — мелких землевладельцев — порой были настолько малы, что обрекали их на прозябание в бедности.

Сходным было положение и многих приходских священников — самого многочисленного слоя католического духовенства. Их бедность являла разительный контраст с роскошным образом жизни церковников высших рангов, чьи огромные доходы порой в десятки раз превышали доходы низшего духовенства. В протестантской церкви отсутствовала многоступенчатая иерархия, и в положении духовенства контрасты богатства и бедности были не столь остры.

Несмотря на исключительность своего положения, дворянство не было замкнутым сословием, отделенным непреодолимым барьером от других социальных групп. На протяжении XVII—XVIII вв. выходцы из других сословий постоянно пополняли ряды дворянства. Причины этого процесса *аноблирования* (т.е. вхождения в дворянство,

одворянивания), его формы и масштабы в разных странах имели как общие черты, так и особенности.

В Англии расширение дворянского сословия происходило особенно интенсивно с середины XVI до середины XVII в.: за столетие число дворянских семей выросло с 6,3 до 19,5 тыс., что намного превосходило показатель естественного прироста населения. Особенно расширилось мелкое дворянство — *джентри* — с 5,8 до 18 тыс. семей. Это явилось следствием распродажи земель монастырей в период Реформации, королевских земель в первой половине XVII в., а затем земельных владений, конфискованных у роялистов в период революции в середине XVII в. Покупавшие земли состоятельные горожане и крестьяне превращались в землевладельцев и пополняли ряды дворянства. Новое дворянство в Англии включалось в предпринимательство и торговлю, приобщаясь к товарно-рыночным методам обогащения.

Постоянно пополнялось и французское дворянство: почти половина тех, кто принадлежал к этому сословию, получила дворянское звание в период 1650—1789 гг., причем среди титулованной аристократии доля аноблированных за полтора века была еще выше, достигая 2/3. Такой масштаб одворянивания был обусловлен политикой французских королей, продававших десятки тысяч должностей в судебном-административном аппарате. Эта политика преследовала две цели — пополнение казны и создание слоя непосредственно зависимых от короля чиновников. Покупка должностей высшего ранга давала право на потомственное или личное дворянство. Так, наряду со старым, родовитым «*дворянством шпаги*», во Франции образовался слой нового «*дворянства мантии*» (такую одежду обычно носили в судебных палатах, где многие покупали должности). Еще одним каналом аноблирования богатых горожан была покупка ими сеньорий и дворянских титулов.

В Италии было два типа дворянства. На юге, в Неаполе, на островах Сицилии и Сардинии властвовали крупные и крупнейшие землевладельцы — феодальные бароны. Образ их жизни, отмеченный произволом и расточительством, и феодальные методы хозяйствования мало менялись с течением времени. В Северной и Центральной Италии основную часть дворянства составляла городская знать — потомки разбогатевших купцов, банкиров, скупщиков земель. В XVII—XVIII вв. эта аристократия держала в своих руках городское управление, ее доходы складывались из больших должностных окладов, арендных платежей с земельных владений, а также поступлений от банковских операций.

В XVII в. в Ломбардии и Южной Италии испанские власти в фискальных целях прибегали к продаже феодалов и пожалованию дворянского достоинства, вследствие чего в ряды дворянства переходило немало богатых горожан — высших должностных лиц, откупщиков налогов, финансистов. Приобретая дворянские титулы, многие из

них продолжали активно заниматься торговыми и финансовыми сделками.

В восточной части Германии — в Пруссии в рамках крепостнической системы утвердилось полное хозяйственное и юридическое всевластие дворян-землевладельцев над крестьянами. Помимо этого, дворяне выполняли единственную в своем роде роль: государство возложило на них ответственность за военную подготовку крестьян к солдатской службе. Будучи практически поголовно офицерами прусской армии, дворяне по приказу монарха дважды в году в течение нескольких недель проводили у себя в имениях военные учения крепостных крестьян.

XVII век прошел под знаком укрепления экономических и политических позиций дворянства, увеличения его численности, расширения дворянского землевладения и общей тенденции к аристократизации. Дворянство в большинстве стран оставалось верным традиционной, унаследованной от прошлого системе ведения хозяйства. Только в Англии значительный слой дворян активно втягивался в капиталистические отношения, что создавало почву для долгого социального и политического доминирования дворянства в стране.

Престиж дворянства был высок: его привилегии, господство при дворе, в армии, отчужденность от профессиональных занятий и ручного труда, особый образ жизни (в частности, наличие у аристократов множества слуг) воспринимались как знаки избранности, особых качеств, позволявших дворянам занимать место на вершине общества. Такое верховенство подчеркивали поведение и психология дворян. Им были присущи сознание собственной исключительности, высокомерие, они относились с презрением не только к простонародью, но даже к тем состоятельным горожанам, которые к их сословию не принадлежали. Неписанный кодекс чести дворянина не позволял в случае ссоры с «неблагородным», как бы он ни был богат, решить конфликт по-дворянски, т. е. дуэлью, вооруженным поединком.

В XVIII в. положение дворянства и отношение к нему в обществе претерпели определенные перемены. Усилилась тяга части дворян к предпринимательству. В Италии и Франции больше дворян стали сдавать свои земли в посредническую или капиталистическую аренду. Во Франции богатые аристократы вкладывали средства в строительство портовых сооружений, оптовую морскую торговлю, текстильное, горнодобывающее и особенно металлургическое производство, а также в финансово-кредитные операции. В целом в деловые предприятия втянулось более 1 000 французских дворянских семей, составлявших, однако, лишь 1,2 % французского дворянства.

Независимо от внутреннего расслоения сословия, от принадлежности к его «верхам» или «низам», к древнему роду или недавно аноблированной семье, большинство дворян считали свое привилегированное положение естественным и готовы были отстаивать неприкосновенность своих особых прав и привилегий. И все же при-

надлежность к дворянству постепенно перестала предопределять общественные взгляды всех, кто входил в это сословие. Во второй половине XVIII в. наметилась идейная эволюция части дворянства.

Во Франции, Италии, Испании, Португалии небольшие группы высокообразованных дворян (подчас из семей титулованной аристократии) включались в *движение Просвещения*. В своих сочинениях они выступали за проведение социальных преобразований. В ряде стран во второй половине XVIII в. эти либерально настроенные дворяне стали идеологами и активными участниками политики реформ.

Горожане. Буржуазия. По мере усиления абсолютных монархий, автономия — отличительная особенность западноевропейских городов в Средние века, сужалась, но не исчезла полностью. Города сохраняли, хотя и в урезанном виде, самоуправление — собственные суды и выборные городские советы, а также некоторые привилегии. В городах в основном обосновывались состоятельные люди, не принадлежавшие к дворянству. В европейских странах их называли по-разному: в Германии — *бюргерами*, в Италии — *цивильными*, гражданским сословием, а во Франции — *буржуа* (буквально — *горожанин*, во множественном числе — *буржуазия*).

В XVII—XVIII вв. слово «буржуазия» употреблялось только во Франции. В XIX в. под буржуазией стали понимать капиталистов-собственников фабричных предприятий, использующих труд наемных рабочих, а затем и другие группы состоятельных людей, не принадлежавших к дворянству и занятых предпринимательской деятельностью. В таком собирательном значении термин «буржуазия» получил широкое распространение. Его стали использовать также применительно к истории всех европейских стран в Раннее новое время.

В XVII—XVIII вв. буржуазия включала в себя имущих горожан, чьи профессиональные занятия и источники дохода были весьма различны. Торговля была в то время сферой, где накапливались и циркулировали основные капиталы. Купцы, особенно оптовики, обязательно входили в состав городской верхушки, но их доля среди городских богачей отдельных стран и даже одной страны была неодинаковой. В приморских, портовых городах среди городской знати могли преобладать *купцы-негоцианты*, сколотившие огромные состояния на заморских и колониальных предприятиях, владельцы торговых судов, портовых складов, верфей. В XVII—XVIII вв. расширился слой *купцов-скупщиков*, вовлеченных в мануфактурное производство в городах и сельской местности. Намного уступала им по численности группа *владельцев централизованных мануфактур*. Складывался также слой *сельской буржуазии*, включавшей в себя разбогатевших крестьян и крупных арендаторов капиталистического типа.

В Раннее новое время в ряде стран широко распространилась практика сдачи государством на откуп налогов и таможенных пошлин. Вследствие этого образовались небольшие, но чрезвычайно богатые и влиятельные группы *финансистов-откупщиков*, воро-

чавших миллионами и предоставлявших денежные займы (под высокие проценты) государству и титулованной аристократии. В Италии, Франции, Испании, Голландии постепенно складывался социальный слой *рантье* — разбогатевших горожан, которые отошли от всяких коммерческих предприятий и жили на ренту, т. е. на проценты от приобретенных ими государственных или банковских ценных бумаг. К богатой городской верхушке относились также ювелиры, золотых дел мастера, крупные издатели-типографы. Особой категорией богатых и знатных горожан были чиновники, занимавшие высокие посты в судебных и административных учреждениях.

В некоторых странах, особенно в Италии, Франции и Голландии, состоятельных горожан притягивала к себе земля. Она считалась самым надежным помещением капитала не только в период экономического спада или застоя, но и в годы благоприятной хозяйственной конъюнктуры. К тому же был еще один стимул, побуждавший вполне преуспевавших горожан и предприимчивых людей приобретать недвижимость — эталоном благополучия служил для них аристократический образ жизни дворян-землевладельцев. Владение землей было очень престижно, являлось показателем высокого социального положения. Нажив большие деньги, многие богатые горожане предпочитали риску торговли стабильный доход с земли. Новые землевладельцы строили загородные виллы, окруженные садами и парками.

В Голландии в XVIII в. немало богатейших купцов полностью отошли от торговых операций и поселились в роскошных загородных домах. Во Франции к концу XVIII в. состоятельным горожанам принадлежало 20 % всех сельскохозяйственных земель, что не намного уступало общей площади дворянских землевладений. Городская верхушка платила взносы в городскую казну, избиралась в городские советы, занимая в них главные должности. Городская знать, «почтенные горожане» обладали налоговыми, юридическими и торговыми привилегиями. К среднему слою горожан принадлежали цеховые ремесленники десятков самых разнообразных специальностей, розничные торговцы и лавочники. Численность ремесленников, объединенных в *цехи* (или *гильдии*) была неодинаковой как в отдельных странах, так и в городах одной страны. Например, в Германии ремесленники составляли от 12 % городского населения в южных землях до 40 % в Бранденбурге. В XVIII в. в среде цеховых ремесленников усилилось расслоение. Выделилась группа более состоятельных мастеров, имевших подмастерьев и учеников и постепенно подчинивших себе рядовых ремесленников, которые могли использовать в своих мастерских только труд членов собственных семей.

Буржуазия встраивалась в существующие порядки и вполне преуспевала. Во Франции, Италии, Португалии, Испании финансисты, собственники судебных и административных должностей, откупщики налогов, *рантье* срастались с сохранявшимися феодальными или полуфеодальными порядками, паразитировали на них и вовсе не

желали их ликвидации. Самые богатые горожане покупали сеньории или брали на откуп сбор сеньориальных повинностей и таким образом приобщались к традиционной системе эксплуатации крестьян.

Богатая верхушка городов, как правило, была удовлетворена своим господством в городском управлении и не добивалась политической власти на государственном уровне или расширения своего участия в центральном аппарате управления. До конца XVIII в. дворянство и городская знать не были социальными антагонистами. Более того, XVII—XVIII вв. во многом прошли под знаком сближения интересов этих слоев и их частичного слияния. Усилия абсолютистских монархий в ряде стран, особенно во второй половине XVIII в., добиться большего участия в налогообложении дворян и духовенства были вызваны не требованиями городской буржуазии, а потребностями государственной казны.

В целом буржуазия (за исключением Англии последних десятилетий XVIII в.) была еще далека от внутренней консолидации и не осознавала себя особой группой общества, обладающей собственными политическими взглядами и идеалами. Социальное сознание буржуазии было неоднородным, двойственным. Богатые горожане продолжали ориентироваться на дворянство как социальный образец, подражая образу жизни «благородных». Получение дворянского звания было для многих богатых людей пределом их чаяний.

Во Франции процесс аноблирования продолжался в широких масштабах до конца XVIII в.: всего за 15 лет (с 1775 по 1789 г.) дворянское звание приобрели около 2,5 тыс. горожан. В разных странах (от Италии до Голландии) было немало случаев, когда купцы-предприниматели, достигнув зенита успеха, прекращали все свои дела и вкладывали накопленные средства в покупку недвижимости, завещая сыновьям оставаться землевладельцами. С другой стороны, в среде тех, кто не принадлежал к дворянам, но нередко был более богат, чем многие из них, находили отклик новые социальные ориентиры, например признание в качестве основного критерия социального статуса не знатности происхождения, а богатства, способностей, заслуг, знания. В целом же буржуазия не склонялась к каким-либо радикальным социально-политическим переменам.

Городские массы. Плебс. Абсолютное большинство горожан состояло из тех, кого в ту пору называли *простолюдинами*, *плебсом*. Это были работники по найму, подмастерья, мелкие уличные торговцы, рыночные писцы, городские служащие низшего ранга, разносчики, слуги, грузчики, знахари и знахарки, возчики, сторожа. По уровню жизни и умонастроениям к трудовым слоям были близки мелкие ремесленники и лавочники. Эти группы являлись основанием городской социальной пирамиды. Те, кто жил случайными заработками, мусорщики, нищие представляли социальное «дно» городов. В конце XVIII в. по мере развития промышленного переворота в Англии зарождался *фабричный пролетариат*.

Трудовая масса городов жила бедно или находилась на краю бедности, периодически доставляя беспокойство городским и центральным властям. Городской люд покупал продовольствие на рынке и был очень чуток к колебанию цен на продукты питания, что делало его потенциально бунтарской средой. Чтобы избежать эксцессов, связанных с подорожанием продовольствия, в ряде европейских стран действовал особый распорядок на городских хлебных рынках, позволявший малоимущим горожанам приобретать хлеб по доступным ценам. Вызванные этим расходы перекладывались на городскую казну. Принудительная хлебная торговля была привилегией городских низов многих городов по сравнению с массой крестьянства. В то же время ограничение свободы хлебной торговли в XVIII в. стало источником острого социального противоречия между крупными оптовыми хлеботорговцами и городскими плебейскими массами.

Крестьянство. К крестьянству принадлежало абсолютное большинство населения Европы. Из каждых 100 западноевропейцев от 70 до 85 были крестьянами. Именно крестьяне определяли облик Европы как сельского, аграрного общества.

Крестьяне представляли основную трудовую силу, они кормили и одевали себя и горожан, производя пищевые продукты и промышленное сырье (кожи, шерсть, лен, шелк). Крестьяне были главным податным сословием, вносящим львиную долю государственных налогов. По мере расширения регулярных армий все большее число солдат набиралось среди крестьян.

Крестьянство оставалось самой угнетенной и эксплуатируемой частью населения. В ряде европейских стран (в Пруссии, Венгрии, Богемии) оно было закрепощено, и весь строй его жизни определялся дворянами-землевладельцами. Однако и в тех странах, где личная свобода крестьян утвердилась, большинство их были безземельными или малоземельными держателями и арендаторами. Высокий уровень их эксплуатации (в немалой степени с помощью еще феодальных и полуфеодальных методов) обрекал массу деревенских жителей на скудное существование. Сосредоточение большей части сельскохозяйственных угодий в руках привилегированных сословий и богатых горожан вынуждало множество крестьян арендовать землю.

С учетом уплаты налогов государству и церковных взносов общий вычет из дохода крестьян-держателей и арендаторов мог достигать до половины, а то и более. Следствием этого были низкий жизненный уровень крестьян, убогость их жилищ, однообразное и скудное питание: обычно крестьяне ели хлеб из смеси ячменя, овса и других злаков низшего сорта, пшеницу же приходилось в основном отдавать натурой землевладельцам или продавать на рынке для внесения денежных платежей. Крестьяне были лишены всякой медицинской помощи, неграмотность среди них до конца XVIII в. была намного выше, чем среди городских тружеников.

Единственным организующим началом, спланивавшим крестьян и позволявшим им в течение веков отстаивать свои интересы, была *деревенская община*. Хотя к началу Нового времени в большинстве стран Западной Европы она уже почти разложилась, в деревне еще сохранялись элементы общинного уклада. Система открытых полей позволяла после уборки урожая крестьянскому скоту свободно пастись на всех земельных угодьях, включая господские. В некоторых странах (в Италии, Франции, монархии Габсбургов) сохранялись значительные площади общинных земель (пустоши, болота, леса, луга вдоль рек), обеспечивавшие крестьян бесплатными дровами и хворостом для очагов, древесиной, дополнительными выпасами для скота. Стремясь сдержать натиск землевладельцев, общинные советы во Франции и Италии подавали множество жалоб на господ и возбуждали десятки и сотни судебных процессов, тянувшихся десятилетиями.

В XVII—XVIII вв. усилилось социальное расслоение крестьянства. Вверх поднимались небольшие группы оборотистых, удачливых людей, которые, скопив некоторые средства, арендовали или даже прикупали земельные участки, приобретали хороший скот и таким образом расширяли свое хозяйство. В Англии в XVII в. отдельные представители зажиточной крестьянской верхушки могли даже вливаться в низший слой сельского дворянства. Однако в целом слой зажиточных крестьян был невелик и численно не шел в сравнение с массой обедневших крестьян, которые не справлялись с платежами, постепенно теряли скот и землю и, сохранив дом и небольшой приусадебный участок, превращались в наемных сельских работников — *батраков* либо вынуждены были работать *надомниками* — прядильщиками, ткачами, красильщиками, выполняя заказы разъезжих купцов-скупщиков, мануфактуристов.

Социальная структура общества в Северной Америке. Общество в английских колониях в Северной Америке в отличие от западноевропейских стран не знало деления на сословия. Не существовало дворянства как особой социальной группы, а духовенство, в основном протестантское, не обладало никакими привилегиями. Попытки привить здесь феодальные институты провалились. Социальный статус колонистов определялся их имущественным положением. К верхам общества принадлежали крупные землевладельцы и богатые купцы. Средние слои — торговцы, судовладельцы, ремесленники, средние и мелкие землевладельцы-фермеры, священники, учителя — составляли больше половины населения, что превышало долю этих социальных групп в странах Европы. К низам общества, помимо наемных работников, относились законтрактованные переселенцы (*сервенты*), обязанные в течение нескольких лет работать в счет погашения своего долга на предпринимателя, оплатившего их переезд в Америку. Около четверти населения колоний составляли бесправные негры-рабы, сосредоточенные в основном на юге.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Характерные черты абсолютной монархии. Государственный строй, господствовавший в XVII—XVIII вв. в большинстве стран Западной Европы, современники называли *абсолютной монархией*. Формирование этого строя началось на рубеже Средних веков и Нового времени. Как тип государственности абсолютная монархия обладала рядом отличительных черт.

Утверждение абсолютной монархии сопровождалось *территориальной консолидацией*, которая достигалась путем ослабления самостоятельности отдельных земель и владений и их сплочения в единое государственное образование во главе с монархом-сувереном. Ему как носителю высшей власти обязаны были беспрекословно повиноваться все подданные независимо от их сословной принадлежности.

В начале Нового времени сложилась *централизованная система управления*: монарх при содействии подчиненной ему администрации стремился утвердить свою власть на всей территории страны, в центре и на местах, во всех сферах и на всех уровнях управления. Центральные органы власти постепенно расширялись по мере выделения канцелярий, советов и ведомств, специализировавшихся на ведении дел в той или иной отрасли государственного управления (судебной, финансово-налоговой, таможенной, военной, внешнеполитической). Со временем эти ведомства и канцелярии превращались в министерства. Тенденция к разделению ранее объединенных функций проявлялась и на уровне местных органов власти. Создание централизованной системы управления повлекло за собой формирование нового социального слоя профессиональных должностных лиц, государственных чиновников, бюрократии.

Государство стало вмешиваться в экономику, проводить *активную экономическую политику*, главной целью которой было увеличение поступлений в казну в связи с постоянным ростом государственных расходов, прежде всего военных.

Наряду с расширившимся государственно-административным аппаратом армия превратилась в опору монархии. В первые века Нового времени в военном деле произошли серьезные перемены. Место дворянского ополчения, собиравшегося в случае войны, постепенно заняла *постоянная армия*, состоявшая сначала из наемни-

ков (преимущественно иностранных), а затем из *рекрутов*. Регулярные армии постоянно разрастались, причем их рост шел быстрее, чем рост населения. Об увеличении численности армий можно судить на примере трех европейских стран:

Франция	Англия	Пруссия
1653 г. — 155 тыс.	1544 г. — 42 тыс.	1653 г. — 4 тыс.
1678 г. — 280 тыс.		
1691 г. — 440 тыс.	1712 г. — 75 тыс.	1740 г. — 80 тыс.
		1750—1760-е гг. — 160—186 тыс.
1790-е гг. — 800 тыс.	1813 г. — 250 тыс.	нач. XIX в. — 300 тыс.

Все больших расходов требовало также оснащение армий более совершенным (т. е. огнестрельным) оружием; одновременно увеличивалось число транспортных средств, расширялись тыловые службы, строились мощные крепости и другие оборонительные сооружения. Во Франции военные расходы в начале XVIII в. достигли 100—145 млн ливров против 4,5 млн в начале XVII в.; в Англии в период Войны за испанское наследство в начале XVIII в. армия и флот поглощали соответственно 45 % и 35 % всех поступлений в казну. Именно постоянное увеличение военных расходов заставляло монархий искать дополнительные источники доходов, что влекло за собой разруху *фискальной системы и рост налогов*.

Типичной чертой монархий этого времени были большие *дворы государей*. Чтобы контролировать все еще влиятельную аристократию и «привязать» ее к трону, монархи окружали себя сотнями и даже тысячами придворных (как это было при Бурбонах в Версале в XVIII в.), раздавали пенсии, ренты, награды, доходные придворные должности. Неотъемлемой стороной придворной жизни были блестящие праздники и увеселения. Огромные траты на содержание дворов уступали по своим размерам только расходам на армию.

Вокруг наиболее знатных аристократов и фаворитов складывались придворные группировки, соперничавшие за влияние при дворе и за расположение монарха, сулившее политические выгоды и материальные блага. Приближенные к монарху персоны могли оказывать покровительство многим людям в столице и в провинции, откуда они происходили. Такие системы личной зависимости (*клиентелы*) позволяли столичной знати влиять на провинциальную администрацию и знать.

Понятие «абсолютизм» в сознании современников и в историографии. В XVII—XVIII вв. официальная политическая доктрина провозглашала власть монарха «абсолютной». Это понятие трактовалось современниками по-разному. С одной стороны, монарха считали «посланцем Бога на земле», а его власть — дарованной ему свыше и потому не зависимой ни от каких общественных установлений. Короли «по своей абсолютной власти выше закона», — утверждал в начале XVII в. английский монарх *Яков I Стюарт*, — они

«суверенные законодатели и не связаны законами страны». «Только в моей персоне заключена суверенная власть, — вторил ему *Людовик XV* во второй половине XVIII в., — только мне принадлежит законодательная власть, независимая и нерушимая». Вместе с тем сложилось представление, что, хотя монарх олицетворяет верховную власть, существуют «основные законы» страны, т. е. издавна сложившийся порядок, который не позволял королю, кроме всего прочего, посягать на права собственности подданных и вводить произвольно новые налоги. Такой традиционный порядок, подкрепленный рядом юридических установлений, в XVII — XVIII вв. называли *конституцией*, хотя на деле конституции в современном ее понимании — т. е. основного писаного закона страны — не существовало.

В отечественной и зарубежной историографии XIX — XX вв. важнейшей чертой абсолютной монархии, пришедшей на смену сословной монархии Средних веков, считали неограниченную власть государя. Такое представление легло в основу *концепции абсолютизма* (термин «абсолютизм» возник в 1820-е гг.), которая была распространена вплоть до второй половины XX в. Абсолютизм приравнивался к самодержавной власти монарха, основанной на полностью подчиненной ему и всесильной бюрократически-чиновничьей системе.

Бессспорно, XVII — XVIII вв. прошли в Западной Европе под знаком усиления государства и его роли в обществе, расширения его функций и властных полномочий, создания более разветвленной системы управления, внедрения централизации, сосредоточения большей власти в руках монархов. Общей тенденцией стало стремление центральной власти урезать полномочия сохранявшихся еще от Средних веков сословно-представительных собраний, и некоторые из них прекратили свое существование. Этот факт историки долгое время использовали как доказательство того, что именно с исчезновением таких сословных собраний, препятствовавших усилению власти государей, утвердился абсолютизм как ничем не ограниченное, деспотическое правление. Исследования второй половины XX в. показали необоснованность таких взглядов.

Особенности абсолютизма в отдельных странах. Основные составляющие государства абсолютистского типа (централизация, бюрократическая система управления, административная и законодательная унификация, усиление личной власти монарха и др.) проявлялись весьма неодинаково в отдельных странах Европы. Все зависело от конкретных исторических условий, в которых протекало становление абсолютной монархии, в частности от степени развития и укорененности возникших еще в период сословной монархии разного типа представительных и административных учреждений, которые все еще продолжали существовать и функционировать. Очевидно, судить об объеме власти монарха при абсолютизме можно только с учетом характера государственной системы в каждой отдельной стране и того факта, что сословное представительство в разных фор-

мах существовало не только на общегосударственном, но и на провинциальном и местном уровнях.

В исторической литературе было принято считать образцом абсолютизма **Францию** XVII—XVIII вв. в большей степени именно потому, что *Генеральные штаты* — общеполитическое сословное собрание — перестали созываться после 1614 г. Однако Генеральные штаты вообще не были регулярно действующим учреждением (в XVI в. они собирались всего трижды, причем в 1560 г. после 76-летнего перерыва), а главное — перестали вотировать сбор налогов и ни в чем не ограничивали королевскую власть.

Система управления во Франции оставалась дуалистической. Ее неотъемлемой частью были особые учреждения — 13 парламентов, неповторимой особенностью которых было сочетание судебной и законодательной функции. Самым влиятельным среди них был *Парижский парламент*, полномочия которого распространялись на всю Францию и включали в себя контроль как над действиями местных властей в провинциях, так и над муниципалитетом Парижа. Столичный парламент претендовал на роль высшего судебного органа страны. Важнейшим среди его полномочий было право регистрации королевских указов, без чего те не могли вступить в силу. Таким образом, Парижский парламент, по крайней мере юридически, контролировал королевское законодательство. Аналогичными были функции провинциальных парламентов, включая право регистрации королевских эдиктов.

Характерной чертой формирования абсолютных монархий в Западной Европе была продажа должностей в административно-судебном аппарате и в армии. Широкая продажа должностей началась во Франции в XVII в. Купленные должности приносили большой доход их владельцам и становились их полной наследственной собственностью. Лица, купившие должности («дворянство мантии», или служилое дворянство), не являлись чиновниками в полном смысле слова и приобретали определенную независимость от короля. «Дворянство мантии» постепенно смыкалось со старым родовитым «дворянством шпаги» и готово было отстаивать в парламентах интересы привилегированных сословий как в центре, так и в провинциях вразрез с централизаторской политикой короля. Архаическая система продажи должностей и их наследования снижала способность короны управлять государственным аппаратом. Монархия несколько раз делала попытки проводить реформы, но все они заканчивались провалом. К концу XVIII в. выявилась внутренняя слабость французской абсолютной монархии, оказавшейся в состоянии глубокого кризиса.

В *монархии Габсбургов* дуализм абсолютистской системы государственного управления был выражен особенно сильно. В каждой из входивших в ее состав земель — Штирии, Нижней Австрии, Богемии (Чехии), Венгрии, Южных Нидерландах — действовали местные сословные собрания и властные учреждения, сохранялось свое

особое законодательство. В собственно австрийских землях, а также в Богемии и Венгрии власть фактически принадлежала светским и церковным магнатам, державшим под контролем земельные сословные собрания (*сеймы*) и подчиненную им местную администрацию. Назначаемые из Вены должностные лица уступали местным чиновникам по численности и влиянию.

В государстве отсутствовала единая система налогообложения, в большинстве земель сословные собрания самостоятельно определяли размеры налогов, порядок их раскладки и сборов, а также суммы, предназначенные имперской казне. Таким образом, до середины XVIII в. прерогативы центральной власти на уровне земель были весьма ограничены.

В 1740-е гг. после поражения в войне с Пруссией монархия Габсбургов постаралась добиться большей самостоятельности в австрийских землях и Богемии, однако военные налоги по-прежнему могли вводиться только с согласия сословных собраний. В других же частях империи (Венгрии, Южных Нидерландах, Ломбардии) до 1780-х гг. все налоги согласовывались с местными сословными собраниями и магистратами, причем венгерское дворянство и духовенство вообще не платили налогов.

В *Испании*, несмотря на ее военную мощь, абсолютистское государство до начала XVIII в. отличалось слабой централизацией. Отдельные области сохраняли широкую автономию, обладая не только представительными учреждениями — *кортесами*, налоговыми и судебными привилегиями, но и собственными денежными системами и вооруженными силами. Реальная власть в областях принадлежала местной аристократии. Только в первой половине XVIII в. после сокрушительного поражения Испании в войне с антииспанской коалицией были приняты меры к усилению центральной власти и значительно ограничена политическая самостоятельность областей.

В *Италии* в XVI — XVII вв. переход к монархиям абсолютистского типа происходил при сохранении политической раздробленности. Централизация областных, региональных государств сопровождалась ликвидацией автономии коммун и территорий, устранением (или лишением всякого влияния) выборных учреждений, а также унификацией правовых норм. Власть все более сосредоточивалась в руках одного правителя, опиравшегося на вновь созданную систему управления. Были упразднены сословные собрания в Пьемонте (уже в 1560 г.), на о. Сардиния и в Неаполе (в 1642 г.). Только на о. Сицилия парламент действовал вплоть до начала XIX в., и хотя в нем были представлены 43 города, подчиненные юрисдикции короны, в парламенте господствовали крупные феодальные землевладельцы, сохранявшие право вотировать налоги.

Германские земли вступили в Новое время в состоянии доставшейся от феодализма беспримерной по масштабам политической раздробленности. Сотни больших, средних, мелких и мельчайших

светских и церковных владений, формально входя в состав средневековой Священной Римской империи и подчиняясь ее главе — избираемому императору, на деле являлись самостоятельными государственными единицами. Во многих из них периодически собирались сословные собрания — *ландтаги*, вотивовавшие право государей собирать налоги.

С окончанием Тридцатилетней войны *Вестфальский мир* (1648) признал князей совершенно независимыми от императора и полностью самостоятельными во внутренних и внешних делах. Так совокупность обстоятельств привела во второй половине XVII в. к утверждению в германских государствах абсолютистских начал управления. Князья старались либо упразднить, либо лишить реальных полномочий ландтаги, ограничивавшие их власть. Подобно монархам больших европейских стран, германские властители создавали чиновничий бюрократический аппарат, собственные вооруженные силы, заводили дворы с обширным штатом придворных. Особенность абсолютизма в Германии, как и в Италии, состояла в том, что он не привел к территориальной консолидации; напротив, абсолютизм здесь закрепил политическую раздробленность и экономическую обособленность германских земель, став препятствием для поступательного развития германского общества. При этом в ряде крупных германских государств абсолютистские устремления правителей встречали упорное противодействие сословных учреждений, например в Мекленбурге и Вюртенберге. Конфликты, возникшие, в частности, в связи с проблемой контроля над финансами, могли тянуться десятилетиями и принимать различные формы. Сохранялся дуализм власти: ландтаги (или созданные ими особые учреждения) могли оставаться противовесом абсолютистской власти и порой связанным с ней проявлениям произвола и деспотизма.

Большими особенностями отличался абсолютизм в *Бранденбургско-Прусском государстве*, имевший ярко выраженный *милитаристско-бюрократический характер*. Сделав ставку на создание сильной армии как главной опоры своего режима и средства расширения территории государства, монархи из правившей здесь династии Гогенцоллернов стали действовать напролом: не считаясь с ландтагами, они самовольно вводили налоги в городах и деревнях. Созданный ими обширный чиновничье-бюрократический аппарат был поставлен под контроль военного ведомства. Городские советы — органы самоуправления, были упразднены. В результате власть Гогенцоллернов, особенно во второй половине XVIII в. при короле Фридрихе II, приняла самодержавно-бюрократические черты. Однако даже при этом власть правителей не стала безграничной. Дворянские привилегии оставались незыблемыми, даже если противоречили интересам королевской власти. Несмотря на вечную потребность монархии в деньгах, дворянство не платило налогов. Сгон крестьян с земель сокращал число налогоплательщиков, однако изданные в

этой связи королевские постановления, ограничивавшие произвол землевладельцев, игнорировались последними, а власти не настаивали на выполнении своих декретов.

В *Дании* и *Швеции* долгое время господствовали аристократические кланы, отстаивавшие свои привилегии и ограничивавшие власть короля. Во второй половине XVII в. совместные действия духовенства и горожан (а в Швеции также и крестьян) позволили устранить господство аристократической олигархии и укрепить королевскую власть, хотя в Швеции ее окончательное верховенство утвердилось только в 1770-е гг.

Таким образом, в целом та форма государственности, которая утвердилась в большинстве западноевропейских стран в XVII — XVIII вв. и которую принято называть *абсолютной монархией*, хотя и принесла с собой большую централизацию управления и усиление власти монархов, отнюдь не превратила ее в неограниченную. Достигнутый уровень централизации часто был невысок: в Испании, монархии Габсбургов и Франции отдельные провинции и области по-прежнему обладали той или иной степенью автономии. От прошлого сохранились местные органы власти, отстаивавшие свою независимость от короны. Европейские страны были далеки и от законодательного единства: не только в областях и провинциях, но в более мелких административно-территориальных единицах продолжали действовать собственные законодательные нормы. Во Франции такие законы исчислялись десятками, что дало основание одному историку сравнивать законодательство этой страны с пестрым лоскутным одеялом. Однако и в других странах правовая, налоговая и судебная системы, а также система мер и весов были весьма далеки от унификации.

«Старый порядок» был обществом привилегий. Больше всего привилегий было у дворян и духовенства, хотя немало особых прав принадлежало также городам, городским цеховым корпорациям, университетам. Существование множества привилегий само по себе ограничивало власть монархов.

Социальная основа абсолютизма в отдельных странах Западной Европы также была неоднородной. В Испании абсолютная монархия вплоть до начала XVII в. ориентировалась преимущественно на интересы аристократической верхушки, представители которой долгое время доминировали в высших органах управления. Вместе с тем короли вытесняли титулованную знать из некоторых высших государственных органов вполне послушными им служилыми людьми с целью подчинения себе аппарата управления. В Пруссии до конца XVIII в. опорой абсолютистского государства было провинциальное дворянство, полностью подчинившее себе крестьян и составлявшее офицерский костяк прусской армии. Однако административный аппарат Пруссии практически целиком состоял из чиновников-горожан.

Габсбурги, добивавшиеся укрепления центральной власти и консолидации полиэтнической монархии, хотя и учитывали в своих действиях главенствующую роль в обществе феодального дворянства и церкви, тем не менее периодически вступали в противоборство с дворянством, не желавшим поступаться своими привилегиями и отстаивавшим областную автономию.

Весьма сложная социальная природа французского абсолютизма была обусловлена особенностями развития общества во Франции в XVII—XVIII вв. Дворянство утратило здесь свою сословную однородность, часть его втянулась в буржуазные отношения. В то же время образовался влиятельный и весьма многочисленный слой бюрократии, начавшей доминировать в аппарате управления. Все большую силу набирала группа финансовых воротил, которые могли вступать в союз с бюрократической верхушкой. Интересы этих группировок, а также придворной знати и высшего духовенства, соотношение сил между ними во многом определяло в XVIII в. характер политики французского абсолютизма.

Государственное устройство *Англии* ставило ее на особое место среди европейских монархий. Здесь рано возникло английское представительное собрание — *парламент*, который закрепил за собой право контролировать налогообложение: короли могли собирать с подданных налоги только с согласия парламента. В Англии фактически не было сословий, обладавших особыми привилегиями, и критерием представительства в палате общин была не сословная принадлежность, а имущественное положение. Королевской власти не удалось создать в провинциях подчиненную ей бюрократическую администрацию: власть на местах вплоть до XIX в. по заведенному порядку принадлежала судам, выполнявшим одновременно и административные функции. Мировые судьи, как правило, выбирались из среды мелкого и среднего провинциального дворянства, часть которого втянулась в буржуазные отношения. Наконец, островное положение Англии сказалось в том, что короли долгое время не имели права содержать в мирное время постоянную армию — в этом также проявлялась зависимость королевской власти от парламента.

В первой половине XVII в. новые английские короли из династии Стюартов попытались избавиться от контроля парламента над налогами, добиться финансовой и административной самостоятельности и таким образом утвердить королевское самовластье. Однако их намерение расширить прерогативу короны, действуя в обход парламента, было воспринято в обществе как проявление деспотизма, как нарушение традиционного порядка, предусматривавшего разграничение прав парламента и короля. Возникший конфликт привел страну к революции. В конечном счете именно в Англии на рубеже XVII—XVIII вв. утвердился первая в Европе *конституционная монархия*, т. е. ограничение королевской власти было закреп-

лено официально в качестве одного из устоев государства, его организационной черты.

Республики. В Европе вплоть до конца XVIII в. существовали государства с республиканской формой правления: Республика Соединенных провинций Северных Нидерландов (Голландии), Венецианская и Генуэзская республики в Италии, десятки городских республик в германских землях. Фактически республиканским было устройство Швейцарии. Однако эти государства были неодинаковы, имея собственные характерные черты. Республики в Венеции и Генуе представляли собой сложившееся еще в Средние века олигархическое правление замкнутых групп городских патрицианских семей (купцов, финансистов, магистратов), многие из которых обзавелись дворянскими титулами. В администрации Венеции и Генуи не было профессиональной бюрократии — должности занимали те, кто принадлежал к верхушке городской знати, наследовавшей посты в аппарате управления.

Республика Соединенных провинций северных Нидерландов представляла собой федерацию 7 провинций. Наиболее влиятельной среди них была Голландия. Провинции сохраняли собственные законы и институты власти. Ведущую роль играли города с правящей патрицианской верхушкой, которая доминировала и в провинциальных собраниях, направлявших своих представителей в Генеральные штаты. В ведение центральной власти входили только внешняя политика и военные дела. От участия в управлении были отстранены не только массы населения, но и богатые купцы, не принадлежавшие к городскому патрициату. В чрезвычайных обстоятельствах (во время войны или политического кризиса) вся власть временно передавалась избранному верховному правителю — *статхаудеру*.

Французская революция конца XVIII в. вызвала к жизни новые, сменявшие друг друга формы государственности, породила новые государственные институты и методы управления.

С образованием в конце XVIII в. США и принятием конституции 1787 г. на карте мира появилось первое республиканское государство, основанное на новых, демократических по своей природе, политических и правовых принципах.

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ

XVII — XVIII века в истории западной церкви — это начало сложного и противоречивого постепенного перехода от религиозного теоцентричного сознания к более рациональному, секуляризованному мировосприятию. XVII век начался яростными религиозными баталиями, разжегшими пламя опустошительной Тридцатилетней войны; в середине века в Англии свершилась революция под лозунгами пуританизма, а европейские ересеографы сбились со счета, описывая многочисленные секты, якобы переживавшие момент мистического единения с Богом. Вопросы истинной веры, спасения, обретения божественной благодати находились в центре духовных исканий человека XVII в., чувствовавшего постоянное присутствие Бога. Однако к концу столетия огонь религиозных чувств постепенно остыл, уступая место личному рационализированному благочестию.

В этот период происходило расширение границ христианского мира за пределы Европы в результате создания колоний и активной миссионерской деятельности священников в самых отдаленных уголках земного шара. Основным регионом миссионерской экспансии была Америка, где успех сопутствовал прежде всего католическим миссионерам, что обуславливалось как спецификой испанской и французской модели колонизации, нацеленной в большей мере, нежели английская, на интеграцию коренного населения, так и большей привлекательностью для индейцев красочного католического ритуала по сравнению с аскетичной протестантской службой, где главное место занимала проповедь. Комментарии к тексту Священного Писания, пусть и с практическими рекомендациями для повседневной жизни прихожан, были слишком сложны для понимания американских индейцев. В отличие от жесткого ригоризма пуритан, требовавших от неопитов неукоснительного соблюдения библейских предписаний, католические миссионеры, как правило, проявляли известную гибкость в отношении традиционных местных верований, в результате чего появлялся удивительный сплав христианских и местных языческих представлений.

Реформация кардинальным образом изменила религиозную карту Европы. Относительная конфессиональная стабилизация была достигнута в результате Тридцатилетней войны. В большинстве стран

Северной Европы утвердился протестантизм. В Швеции, Датско-Норвежском королевстве, Пруссии лютеранство стало официальной религией, в то время как кальвинизм доминировал в Шотландии и Швейцарии. Немало адептов этого религиозного движения было и в Англии (пуритане), Франции (гугеноты), Голландии и других странах.

Особым своеобразием среди протестантских церквей отличалась *англиканская церковь*, занявшая промежуточную позицию между католицизмом и лютеранством. Такое положение не могло не привести к возникновению в Англии многочисленных радикальных религиозных сект, объединившихся под знаменем пуританизма и требовавших более последовательной реформы англиканской церкви и очищения ее от «скверны» католицизма. Пуританизм стал знаменем английской революции середины XVII в., однако после Реставрации Стюартов произошла своеобразная «мирная смерть пуританизма», его распад и оскудение, до сих пор удивляющие многих исследователей. Среди причин подобного явления можно назвать и усталость населения от бесконечных религиозных баталий и тягот гражданской войны, и неприятие жесткой регламентации повседневной жизни, и жестокие гонения, которым подверглись пуритане после возвращения Стюартов на английский престол, и восстание англиканства в качестве государственной церкви. В результате после колоссальной вспышки религиозных чувств, пришедшейся на первую половину XVII в., наступил период «охлаждения», когда огонь истовой веры все еще горел среди адептов радикального сектантства.

В Англии, пожалуй, наиболее ярко проявилось одно из главных противоречий протестантизма — между принципами личной свободы в вопросах веры и существованием государственной церкви. Следствием реформационного движения, с одной стороны, стало распространение представления об индивидуальной свободе, преимущественно в религиозной сфере; с другой стороны, созданная в ходе Реформации государственная англиканская церковь требовала от подданных английской короны полного подчинения. Неизбежный конфликт между формализмом официальной церкви и «живым» личным верованием, опиравшимся на принципы свободы совести, приводил к появлению разнообразных сект, как правило, мистического толка, выступавших за полный индивидуализм и «автономию» личности.

Квакерское движение, возникшее в Англии в середине 1640-х гг., в разгар Английской революции, проповедовало, что основой религиозной истины является внутреннее озарение. В отличие от пуритан, представителей так называемого библейского направления в Реформации, опиравшегося исключительно на тексты Священного Писания в поисках Божественного откровения, квакеры учили, что каждый верующий может познать Божественную истину в себе са-

мом. *Квакеры*, или *Друзья*¹, как они предпочитали называть себя, доказывали, что Библия была лишь декларацией откровения Господня, а не самим откровением, которое следует искать в своей душе. Проповедуемая квакерами доктрина внутреннего озарения, которое позволяет каждому верующему постигать волю Бога без посредничества священников и церковной литургии, способствовала обоснованию принципов свободы совести и освобождения от насилия в вопросах веры.

Демократизм квакерской общины, равенство всех ее членов не зависимо от их социального положения, духовное равноправие женщин, которые могли проповедовать наряду с мужчинами, способствовали утверждению начал личной свободы и в социальной жизни. Друзья, не признавая сословных границ, ко всем обращались на «ты», не снимали головных уборов в присутствии старших, были предельно аскетичны в одежде, отрицали этническое и расовое деление людей, осуждали рабство, войны и любое проявление насилия над личностью.

Несмотря на миролюбие и пацифизм квакеров, эта секта стала объектом жестоких гонений со стороны государственной церкви в Англии — пуританской в годы революции, англиканской после Реставрации Стюартов. Только лишь на просторах Америки, вдали от официальной церкви метрополии квакеры обрели возможность свободно исповедовать свои взгляды. В созданной ими колонии Пенсильвании была установлена полная веротерпимость.

Мистическое направление в XVII в. получило развитие и в рамках католической церкви, однако учение *квиедизма* (от лат. *quietus* — спокойный), призывавшее верующих к спокойному пассивному созерцанию Бога и принятию любой судьбы как Божьего дара, нашло поддержку лишь среди ученой элиты и не стало подобно квакерству массовым религиозным движением.

Основные же усилия католической церкви были направлены на то, чтобы восстановить и укрепить подорванные Реформацией позиции. Ударной силой контрреформации стал *Орден иезуитов*, захвативший в свои руки контроль над многими университетами, активно занимавшийся издательской и миссионерской деятельностью, проникнув в Индию, Китай, Японию, на Филиппины, в Южную Америку, где в начале XVII в. было создано иезуитское государство в Парагвае. «Общество Иисуса» приложило немало усилий, чтобы использовать в интересах католической церкви достижения культуры XVII в. Овладев в совершенстве искусством казуистики и поле-

¹ Квакерами (или «трясунами» — от англ. *quake*) их впервые называли судьи, разбиравшие дела по обвинению в святотатстве и услышавшие о странном поведении этих верующих: во время молитв квакеры молчали и лишь изредка «сотрясались» под воздействием якобы вселявшегося в них Святого Духа. Сами же квакеры называли себя Друзьями, так как секту они называли «Общество друзей внутреннего света Божественной истины».

мического богословия, иезуиты оправдывали любые действия, совершаемые «во благо» католической церкви. Выработанная ими система «приспособительной» (*accomodativa*) морали позволяла — во имя «высшей цели» — весьма произвольно толковать религиозные и нравственные принципы, «приспосабливая» их к конкретной ситуации. Искусные дипломаты, интриганы, политики — иезуиты часто становились духовниками и советниками европейских монархов.

Для преодоления кризисных явлений в католической церкви была начата масштабная реформа, основные положения которой были оформлены на *Триденском соборе* (19-й Вселенский собор) (1545—1563). Среди главных мероприятий реформы, претворенных в жизнь на протяжении XVII в., были укрепление церковной дисциплины и улучшение системы подготовки священнослужителей, которые стали все больше сил и времени посвящать каждодневной работе в приходах, прежде всего по религиозному просвещению паствы. На пожертвования прихожан создавались небольшие школы, где священники занимались обучением детей и неграмотных. Была проведена унификация и регламентация католической литургии и введен катехизис. Следствием реформы церковного ритуала стало утверждение необычайно пышной мессы — в противовес аскетичной протестантской службе. Множилось количество почитаемых святых и росло число церковных праздников.

Реализация решений Триденского собора вызвала идейные дискуссии в самой католической церкви и привела к возникновению многообразных религиозных учений, одним из самых влиятельных среди которых был *янсенизм*, предлагавший, по сути, свой вариант реформы католицизма в ответ на вызов протестантизма и секулярные тенденции культуры Раннего нового времени. Основатель этого религиозного движения фламандский епископ *Корнелиус Янсениус* (1585—1638) в своем трактате «Августинус» выступил с отрицанием догмата о свободе воли и в защиту доктрины предопределения, признав спасение благодатью. Центром янсенизма во Франции стал монастырь Пор-Рояль, расположенный неподалеку от Парижа. Начатая в стенах Сорбонны богословская полемика янсенистов с иезуитами стала широко известна и за пределами Франции во многом благодаря «Письмам к провинциалу» *Блеза Паскаля* (1623—1662). В центре теологических дискуссий оказался самый сложный вопрос о свободе воли и благодати, иначе говоря, как примирить существование свободной человеческой воли и необходимость Божественной благодати, без которой невозможно спасение человека. Янсенизм неслучайно называют континентальной версией английского пуританизма: выступая сторонниками доктрины предопределения, янсенисты призывали вернуться к раннехристианской церкви, ратовали за предоставление всем мирянам права читать и толковать Библию, проповедовали суровый аскетичный образ жизни при страстной вере в Бога.

Несмотря на то что янсенизм был осужден папством, часть французского духовенства отказалась подчиниться церковной дисциплине и требовала созыва Вселенского собора. В рамках католической церкви все более заметной становилась тенденция некоторой автономизации, принявшая, например, форму *галликанства* во Франции или *февронианства* в монархии Габсбургов.

XVIII век отличается уже иной характер: в эпоху Просвещения вопросы религии и церковной реформы уступают место реформе общества и государства, а теологические споры протестантизма и обновленного католицизма — светской философии Просвещения. После длительного периода массовых религиозных движений и острейших богословских баталий происходит постепенная секуляризация духовной культуры. В XVIII в. формируется новое отношение к религии. Под влиянием достижений Научной революции уже к самой религии стали применяться новые научные понятия, а в результате просветительской критики наиболее одиозных черт организации католической церкви, ее культовой обрядности и догматики набирают силу антиклерикальные тенденции. Рационализм, вера в могущество человеческого разума стали внутренним стержнем и символом Просвещения. Тем не менее проблема соотношения разума и веры занимала многие блестящие умы эпохи. Отношение к религии (и с религией) у большинства просветителей было непростым. Многие из них, оставаясь, как они сами о себе отзывались, «добрыми христианами», скептически оценивали традиционные христианские представления; некоторые просветители склонялись к безверию, однако большинство придерживалось *деизма*. Провозгласив принцип свободомыслия (в том числе и в духовной сфере), просветители ратовали за толерантный образ мысли.

Именно в XVIII в. широкое распространение в западном мире получили идеи свободы религиозных убеждений, а многие монархи стали проводить политику веротерпимости, что было особенно актуально для католических стран. Людовик XVI в 1787 г. предоставил протестантам ряд гражданских прав, которых они были лишены после отмены *Нантского эдикта* в 1685 г. Иосиф II в 1781 г. даровал протестантам свободу вероисповедания и уравнивал их в гражданских правах с католиками. Основной удар «просвещенные» монархи в католических странах Европы нанесли ордену иезуитов. Преследование иезуитов и запрет «общества Иисуса» в большинстве католических стран вынудили папу Климента XIV в 1773 г. упразднить орден. «Просвещенные» монархи Европы принимали ограничительные меры и в отношении других религиозных орденов.

Своеобразной реакцией на рационализм эпохи Просвещения, постепенную секуляризацию духовной культуры, исчезновение «живой» истовой веры и холодный формализм государственной церкви стал всплеск *мистицизма*, охвативший в той или иной степени весь протестантский мир в конце XVII — XVIII в. Мистическое направле-

ние протестантизма приняло форму *пиетизма* в континентальной Европе, прежде всего в Германии (в рамках лютеранства и церкви моравских братьев), и *методизма* в Англии. Благодаря активной миссионерской деятельности идеи пиетизма распространились по всему миру. Живой отклик они нашли в Британских колониях Северной Америки, где страстные проповеди основателей английского методизма — братьев Уэсли, Дж. Уитфилда — способствовали началу *Первого Великого Пробуждения*.

Отвергая внешнюю церковную обрядность, пиетизм особое значение придавал эмоциональным переживаниям верующего, его опыту «внутреннего возрождения» и нравственного самоусовершенствования через покаяние, борьбу с грехом и благочестивый образ жизни, нацеленный на служение ближнему. В рамках пиетизма развернулась активная кампания по моральному «исцелению общества». Проповедь милосердия и благочестия привела к небывалому подъему общественной благотворительности.

Всплеск пиетизма наглядно демонстрирует, что, несмотря на общую тенденцию секуляризации духовной культуры, среди значительной части населения были сильны мистические настроения и потребность в «живой» вере, а это лишний раз показывает сложность и неоднозначность духовной эволюции западноевропейского и американского общества в этот период.

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Традиционная картина мира. В начале Нового времени представления европейцев о мироздании определялись, как и прежде — в Средние века и в эпоху Возрождения — библейским повествованием о происхождении мира и человека.

Более тысячи лет в Европе господствовало учение об устройстве Вселенной, выдвинутое Аристотелем (IV в. до н.э.) и греческим астрономом и математиком Птолемеем (II в. н.э.). Они утверждали, что Вселенная конечна, в ней есть «верх» и «низ», в ее центре находится неподвижная Земля, вокруг которой по круговым орбитам движутся с неизменной скоростью планеты, включая Солнце, что и вызывает на Земле смену дня и ночи. Аристотель объяснял движение планет и звезд тем, что они прикреплены к вечно вращающимся невидимым кристаллическим сферам.

Приняв античную концепцию Вселенной, христианские теологи наполнили ее религиозными символами, утверждая, что божественный промысел потому поместил Землю в центр мира и населил людьми, что именно здесь должно было совершиться величайшее событие — Бог однажды спустился на Землю в облике человека (Иисуса Христа) и принес себя в жертву ради искупления грехов людей и их нравственного спасения. Так античная *геоцентрическая* (от древнегреческого *гео* — земля) *концепция мира* приобрела *теологический характер*; соединившись с христианским учением, она превратилась в догму, в единственную картину мироздания, признанную церковью.

Однако геоцентрическая система издавна обуславливала множество трудностей у астрономов, так как наблюдая за планетами, они приходили к выводу, что орбиты планет не являются строго круговыми. Искусственность системы Аристотеля — Птолемея была очевидна для многих, но до XVI в. никто не находил ей альтернативы: движение Солнца вокруг Земли казалось совершенно бесспорным фактом, а публично высказывать сомнение в его достоверности означало бы посягать на авторитет Священного писания и церкви.

Традиционные представления о знании. Отношение к системе Аристотеля — Птолемея как к единственно истинной отражало дожившие до Нового времени представления о знании. Важнейшими источниками знания считались Священное Писание, сочинения выдающихся теологов («отцов церкви»), схоластические трактаты и

признанные церковью сочинения некоторых античных авторов (главным образом Аристотеля). Основой обучения в школах и университетах было усвоение уже накопленных сведений и авторитетных мнений по самым различным проблемам. Ученым считался знаток готового книжного знания, а не открыватель чего-то неизвестного. В знании видели источник полной, окончательной истины, не нуждающейся в уточнении и конкретизации.

В то же время в Европе были широко распространены такие специфические формы знания, как *астрология*, *алхимия* и *магия*. Астрологи утверждали (произвольно и бездоказательно), что расположение на небе планет и звезд (в частности, в день рождения человека) и их движение определяют судьбу, жизненный путь людей. Кроме того, отдельным планетам приписывалось покровительство различным профессиям. Астрологи предсказывали также природные катаклизмы, политические и церковные события, войны и социальные потрясения. Прогнозы (гороскопы) астрологов пользовались большим спросом, почти у каждого правителя был свой придворный «звездочет».

Алхимики веками пытались открыть способ превращения различных металлов и минералов в золото и серебро: чтобы достичь этой цели, они проводили бесчисленные эксперименты с множеством веществ, получая таким образом полезные сведения об их свойствах. Наконец, незыблемой в те времена была вера в магию, т.е. в таинственные способности некоторых людей, используя некие сверхъестественные силы, подчинять себе окружающих, исцелять их либо, напротив — причинять им вред. Астрология, алхимия и магия, переплетаясь с астрономией и медициной, в некоторой степени способствовали накоплению знаний о природе.

Открытие Николая Коперника. Переворот в астрономии. Великие географические открытия и последующее развитие торговли и колониальная экспансия позволили европейцам по-новому увидеть земной мир — в огромном многообразии его природных условий, стран и народов. Книгопечатание значительно облегчило знакомство со всеми видами знаний, ускорило и расширило циркуляцию идей, в частности античных авторов. Возрождение, возвеличив человека как обладателя неограниченных созидательных и познавательных способностей, создавало благоприятные условия для освобождения сознания от укоренившихся мировоззренческих догм.

Прорыв в традиционных взглядах на мироздание осуществил *Николай Коперник* (1473—1543). Каноник одного из католических соборов в Польше, Н. Коперник был астрономом, математиком, изобретателем, врачом. Опираясь на предположение античных авторов о том, что Солнце — это центр Вселенной, а также на результаты собственных астрономических наблюдений, в сочинении «Об обращении небесных сфер» он высказал революционный взгляд на строение мира: в центре Вселенной находится не Земля, а Солнце и именно вокруг него движутся планеты. Земля, — утверждал Н. Коперник,

— лишь одна из планет, она вращается одновременно вокруг Солнца и вокруг собственной оси, чем и объясняется смена дня и ночи. Перемещение небосвода и звезд вокруг Земли — кажущееся, в действительности вследствие вращения Земли меняется видимая с нею часть небесного свода. Предложив новую *гелиоцентрическую* (от др.-греч. *Гелиос* — Солнце) концепцию, Н. Коперник, однако, остался верен другим постулатам Птолемея — Аристотеля: о круговом движении планет, вызванном вращением кристаллических сфер, и о конечности Вселенной (хотя и считал ее более пространной).

Н. Коперник много лет не решался обнародовать свои идеи. Трактат «Об обращениях небесных сфер» был издан только в 1543 г., и, по преданию, ученому довелось увидеть книгу лишь за час до кончины. Его идеи сначала вызвали насмешки и нападки, особенно резкие со стороны *Мартина Лютера* (1483—1546) и *Жана Кальвина* (1509—1564), возмущенных отходом Н. Коперника от истин Ветхого Завета — единственного безусловного авторитета протестантов. Многие астрономы отвергли теорию Н. Коперника, считая ее противоречащей самоочевидному факту — обращению Солнца вокруг Земли. Потребовались многие десятилетия, чтобы его идеи получили подтверждение и развитие как отражающие физическую реальность мира.

Среди тех, кто воспринял гелиоцентрическую идею Н. Коперника, были итальянский философ *Джордано Бруно* (1548—1600), считавший, однако, что Вселенная бесконечна и не имеет центра, и немецкий астроном и математик *Иоганн Кеплер* (1571—1630). В книге, изданной в 1609 г., И. Кеплер доказал, что планеты обращаются вокруг Солнца не по круговым, как продолжал считать Н. Коперник, а по вытянутым эллиптическим орбитам и притом не равномерно, а со скоростью, меняющейся в зависимости от изменения их расстояния до Солнца. Свои выводы И. Кеплер облек в математическую форму, что позволило предсказывать движение планет по небосводу.

Огромную роль в утверждении новых представлений о Вселенной и природе сыграл итальянец *Галилео Галилей* (1564—1642). Н. Коперника он называл своим учителем, «осмеянным и освистанным толпой невежд». В 1610 г. Г. Галилей сконструировал телескоп с увеличением в 32 раза и использовал его для астрономических наблюдений. Так, небесные тела впервые предстали перед человеком в совершенно новом виде. Г. Галилей установил материальность планет (раньше их считали светящимися точками или пятнами); Луна оказалась не идеальным сферическим телом (это утверждение Аристотеля много столетий безоговорочно принимали за истину) — на ее поверхности удалось различить горы, кратеры и впадины. Г. Галилей обнаружил пятна на Солнце (независимо от некоторых других астрономов) и почти одновременно с ними, четыре «луны», т. е. спутника Юпитера (ныне их известно 16), фазы Венеры (что доказывает ее вращение вокруг Солнца, подобно тому как фазы Луны доказывают ее вращение вокруг Земли), а также странную ромбовидную

форму Сатурна (впоследствии в более сильные телескопы удалось разглядеть огромное кольцо, окружающее эту планету). Млечный путь при наблюдении за ним в телескоп оказался скоплением бесчисленных звезд. Вселенная раздвинула свои пределы, и утверждение о ее ограниченности пресловутыми «кристаллическими сферами» было подорвано. Помимо замечательных астрономических открытий Г. Галилей заложил основы механики — науки о законах движения земных и небесных тел. Он отстаивал метод опытного, экспериментального изучения явлений природы и их математического описания. Кроме телескопа Галилей изобрел и впервые начал использовать линзы, воздушный термометр, гидростатический барометр и другие приборы. Он доказывал самостоятельность науки как особой сферы деятельности и опыта человека и призывал в спорах о характере природных явлений «опираться не на авторитет Священного Писания, а на чувственный опыт и необходимые доказательства».

Астрономические открытия Г. Галилея, показавшие истинность гелиоцентрической модели мира, привлекли внимание католической церкви к теории Н. Коперника как таящей в себе весьма опасные для религиозной доктрины мировоззренческие выводы. В 1616 г., спустя три четверти века после издания труда Коперника «Об обращении небесных сфер», римская церковь осудила его учение, запретила издание этого трактата и потребовала от Галилея под угрозой тюремного заключения отказаться от всякой проповеди учения Коперника. Однако в 1633 г. Галилей издал книгу, в которой, хотя и в завуалированной форме, старался показать справедливость идей Коперника. Состоявшийся в связи с этим суд инквизиции принудил прославленного в Европе 70-летнего ученого публично на коленях отречься от теории Н. Коперника и запретил ему до конца дней заниматься наукой. Однако и в Италии, и в других странах Европы усилия церкви и носителей традиционной схоластической учености воспрепятствовать развитию новой науки не имели успеха.

Новые научные открытия. XVII век был временем становления новых отраслей естественно-научных и технических знаний, их превращения в самостоятельные науки. Примечательная черта этого периода — широта интересов ученых, занимавшихся одновременно исследованием различных проблем и природных явлений. *Эванджелиста Торричелли* (1608—1647) в Италии, *Блез Паскаль* (1623—1662) во Франции развили направление механики, связанное с изучением движения жидкостей и их взаимодействия с находящимися в них твердыми телами — *гидромеханику*. Одновременно было положено начало изучению воздушной среды. Открытие Э. Торричелли — установление факта атмосферного давления (1644) нашло практическое применение при создании насосов для откачки воды. Б. Паскаль опытным путем доказал изменение давления воздуха в зависимости от высоты над уровнем моря. Английский исследователь *Роберт Бойль* (1627—1691) и французский *Эдн Мариотт* (1620—1684) расширили и уг-

лубили исследование воздуха и газов. Открытие ими (независимо друг от друга) факта сжатия заключенного в сосуде воздуха вследствие оказанного на него давления имело фундаментальное значение и получило название закона *Бойля — Мариотта*.

Р. Бойль был одним из крупнейших исследователей-экспериментаторов своего времени. Изучая свойства газов, жидких и твердых тел, он провел бесчисленное количество опытов, позволивших выявить многие ранее не известные явления (в частности, он обнаружил, что расширение воды при замерзании обладает такой силой, что способно разорвать железную трубу). Р. Бойль высказал предположения, предвосхитившие принципы современной химии, например: что свойства веществ зависят от способа соединения разных атомов и что тела состоят из некоторых исходных первичных элементов.

Английский врач *Уильям Гарвей* (1578 — 1657) стал фактическим основателем физиологии. В начале XVII в. господствовало представление о кровообращении, восходившее еще к древнеримскому врачу *Галéну* и признававшее наличие в организме двух видов крови: «одухотворенной», питающей тело, и крови-носительницы жизненной силы, причем считалось, что каждая из них движется по собственной системе сосудов. У. Гарвей в 1629 г. установил подлинную схему кровообращения: из сердца по артериям и по венам — в сердце. После опубликования своего открытия в течение 10 лет ученый подвергался ожесточенным нападкам столпов тогдашней английской медицины, опровергавших его взгляды цитатами из античных авторов. У. Гарвей стал также основателем современной эмбриологии, выдвинув идею постепенного формирования органов живых существ.

Итальянский естествоиспытатель *Марчелло Мальпиги* (1628 — 1694) завершил разработку новой теории системы кровообращения, обнаружив в легких тончайшие кровеносные сосуды — капилляры, соединяющие артерии и вены, а своими исследованиями в анатомии и зоологии он способствовал выделению их в самостоятельные отрасли знания. В 1660—1670-е гг. с помощью усовершенствованных микроскопов был открыт абсолютно неизвестный ранее мир. Английский естествоиспытатель *Роберт Гук* (1635 — 1703) и М. Мальпиги описали подробности строения растений, в частности Р. Гук выявил их клеточную структуру и ввел сам термин «клетка». Голландец *А. ван Левенгук* (1632 — 1723) с помощью изготовленных им особых линз для микроскопов (с увеличением до 300 раз) обнаружил новый вид живых существ — микроорганизмы (бактерии, инфузории и др.) и описал различные их формы. Он наблюдал также красные кровяные тельца и подробно изучал строение живых тканей.

Многочисленные путешествия и экспедиции расширяли сведения о земной поверхности, благодаря чему на географических картах фиксировались вновь открытые территории и уточнялись очертания уже известных. В XVII в. главная роль в составлении новых более подробных и точных карт и их издании принадлежала голландским

картографам. В 1650 г. в Голландии вышла в свет первая «*Всеобщая география*» *Б. Варениуса* (1622 — ок. 1650), содержащая материал преимущественно по физической географии.

В ходе Научной революции развились такие методы изучения природы, познания мира, которые в своей совокупности означали рождение науки нового типа, сочетавшей теоретические и опытные исследования с математическим описанием изучаемых явлений и полученных результатов. Это открывало путь рационалистическому познанию мира. С расширением сферы исследований и их специализацией возникали новые отрасли научного знания. Научные изыскания приобретали все более систематический и непрерывный характер и тяготели к решению практических задач.

Механистическая концепция мира. По мере того как подтверждался факт обращения планет вокруг Солнца независимо от каких бы то ни было «небесных сфер», на первый план выдвинулся вопрос о причинах такого обращения. На этот счет высказывались различные мнения. Французский ученый *Рене Декарт* (1596 — 1650), задавшись вопросом, почему планеты движутся по изгибающимся траекториям вокруг Солнца, а не улетают в космос, предположил, что планеты притягивает к Солнцу какая-то сила. В начале 1680-х гг. английские ученые Р. Гук, К. Рен и Э. Галлей высказали мысль, что Солнце притягивает к себе планеты и что действие этой силы притяжения (т. е. *гравитации*) подчинено особому закону.

Решить эту проблему было суждено *Исааку Ньютону* (1642 — 1727). Большая часть его жизни прошла в Кембриджском университете. Математические способности (в возрасте 25 лет он принял кафедру математики) сочетались у И. Ньютона с качествами теоретика и экспериментатора. Изучая природу света с помощью сконструированной им призмы, он обнаружил, что белый цвет состоит из нескольких составляющих его цветов. Вопрос о том, что представляет собой свет, тогда живо интересовал ученых. И. Ньютон сначала склонялся к теории волновой природы света (ее отстаивали *Ф. М. Гримальди* и *Х. Гюйгенс*), но со временем принял идею света как мельчайших частиц (в XX в. обнаружилось, что свет совмещает в себе оба эти свойства). Занимаясь астрономией, он изобрел новый тип телескопа (с металлическими зеркалами), более сильный, чем линзовый телескоп Г. Галилея. И. Ньютон развивал направление математики, связанное с изучением разного рода динамических явлений. Ранее Декарт ввел понятие *переменных величин*, что позволило математически описывать движение. Разработанное Ньютоном (одновременно с *Г. В. Лейбницем*) дифференциальное и интегральное счисление стало основой развития современного естествознания.

Важнейшей сферой изысканий Ньютона была механика. Опираясь на научные выводы И. Кеплера, Г. Галилея и Р. Декарта, И. Ньютон сформулировал три основных закона движения тел: инерции, пропорциональности силы ускорению, равенства действия противо-

действию. В 1687 г. в книге «Математические начала натуральной философии» (в то время под «натуральной философией» понимали естествознание, в частности физику) И. Ньютон ввел в науку новый универсальный закон *всемирного тяготения*, который давал объяснение множеству самых разных явлений: во Вселенной — движению небесных тел (звезд, планет, комет), на Земле — морских приливов и движению твердых тел — вплоть до падения яблок с деревьев. Универсальность этого закона отражала единство Вселенной и отсутствие принципиальных различий между Землей и другими космическими телами. Закон всемирного тяготения предполагал взаимодействие, т. е. взаимное притяжение тел на расстоянии, без видимого носителя этой силы. Действие закона и его математическое описание, данное И. Ньютоном, были убедительно подтверждены наблюдениями и практикой, но физическая сущность тяготения, передача ее через пустоту так и остались без объяснения. Ньютон придал механике законченную, классическую форму. Он завершил научный переворот, начатый открытием Коперника. Благодаря работам Ньютона оформилась новая *механистическая модель мира*, сменившая аристотелевскую *теологическую* картину Вселенной.

Мировоззренческие последствия Научной революции. Научная революция стала одним из главных факторов преобразования европейской культуры в целом, ее секуляризации. Именно в естественных науках прежде всего начало утверждаться и побеждать новое светское знание, подтачивавшее схоластические догмы и религиозные представления о мире. Утверждение новой механистической теории мироздания сопровождалось поворотом во взглядах на то, из чего состоят твердые тела, жидкости, воздух, а также и все живое, включая человека, иначе говоря, в понимании *материи*. Естествоиспытатели, используя атомистические идеи древнегреческих философов Демокрита и Эпикура, утверждали, что основным строительным материалом Вселенной являются мельчайшие невидимые частицы материи — *атомы, корпускулы*: из них состоит все сущее на Земле и в Космосе. Ученые сходились на том, что и атомы, и все состоящие из них тела, включая небесные, подчинены одним и тем же законам механики и математики. *Атомизм*, представлявший в те времена умозрительную, философскую гипотезу, получил в XVII—XVIII вв. распространение и превратился в основу новой механистической и материалистической концепции мира.

Под влиянием механики как доминирующей науки своего времени солнечную систему стали уподоблять огромному самодействующему небесному механизму, не требующему никакого участия внешней, надприродной силы. Отсюда вытекало, что Бог совершенно не причастен к работе небесной машины и самое его присутствие во Вселенной оказывалось излишним. Однако в период рождения новой науки религиозное сознание продолжало господствовать, и самые выдающиеся ученые-естествоиспытатели считали мир творени-

ем Бога, а природу, по выражению Г. Галилея, — «исполнительницей его воли». Это противоречие между наукой и верой, порожденное научными открытиями, все более проявлялось в воззрениях ученых. Во взглядах Р. Декарта естественно-научный подход уже оттеснял теологические догмы: акт божественного творения мира признавался, но выглядел совсем иначе, чем в Библии. Декарт утверждал, что Бог сотворил материю в виде трех видов мельчайших частиц-корпускул и с помощью первичного толчка привел их в состояние вихревого движения. Так рождалась Вселенная: частицы одного вида образовали Солнце и звезды, другие — небо, третьи — вещество Земли и прочих планет. По существу Декарт выдвинул теорию образования мира, космоса, альтернативную библейской, и отнес к акту божественного творения только то, что тогда нельзя было объяснить рационально — возникновение материи и приведение ее в движение.

Для И. Ньютона, человека глубочайшей религиозности¹ научное познание природы было (как и для И. Кеплера) неотделимо от возвеличивания Бога, создавшего шедевр — Вселенную, в которой все подчинено точному расчету и строгим законам. Сознание того, что новая научная концепция мира, в которую он сам внес огромный вклад, подрывает теологическое мировидение, создавало для Ньютона мучительную проблему. Стремясь во что бы то ни стало найти место Бога во Вселенной и доказать его постоянную причастность к функционированию небесного механизма, Ньютон не только объявил Бога истинным творцом открытого им закона всемирного тяготения, но и утверждал, что Бог каждые 50 тысяч лет корректирует работу Вселенной (т.е. периодически «чистит механизм»), а также каждое мгновение создает новую материю. Таким образом, Ньютон фактически воспроизводил в несколько измененном виде средневековую доктрину непрерывности божественного творения.

Немецкий философ и математик Г. В. Лейбниц, напротив, доказывал, что Бог создал мир на основе строгих законов движения, и это сделало ненужным его дальнейшее вмешательство. Однако само утверждение, преследовавшее цель доказать «искусность верховного Творца», позволяло сделать вывод: после акта творения все происходящее во Вселенной уже совершенно не зависит от Бога.

¹ По свидетельству современников, преклонение И. Ньютона перед Всевышним доходило до того, что если при нем в разговоре упоминался Бог, он обязательно снимал шляпу. В течение нескольких десятилетий одновременно с интенсивными научными изысканиями И. Ньютон тщательно изучал Священное писание (на древнееврейском, древнегреческом и латинском языках, используя 30 различных изданий Библии) и тексты библейских пророков с целью познания законов Бога, а также рационального объяснения упоминаемых в Священных книгах чудес (прежде всего небесных) путем сопоставления их с реальными природными явлениями. Объем сохранившихся теологических рукописей И. Ньютона (многие тысячи страниц оборотного текста) огромен и не уступает объему всего написанного им по естественным наукам. Таким образом, великий физик и математик был также одним из крупнейших теологов своего времени, знатоком и комментатором Библии.

Таким образом, независимо от религиозных взглядов творцов новой науки, ее развитие вело к обособлению представлений о мире от религии и питало убеждение в возможности объяснить природу из нее самой, без помощи теологии. О постоянном вытеснении религии из мировоззренческих представлений свидетельствовало распространение концепции, которые, хотя и признавали бытие Бога, истолковывали это понятие по-иному, чем христианское вероучение. Сторонники *деизма* понимали под Богом не особое телесное существо, а безличную, бестелесную силу, разумную первопричину мира. Те, кто придерживался *пантеизма*, шли дальше: отрицали существование Бога как особой внеприродной субстанции и доказывали его полную слитность с природой, растворенность в ней.

Секуляризация представлений о Земле. Развитие естествознания приводило к постепенному утверждению научных, рационалистических представлений не только о небе и Вселенной, но и о Земле как планете, о ее природе и истории человеческого рода. Одним из проявлений этого процесса секуляризации знания явилась начавшаяся в XVII в. *дискуссия о возрасте Земли и человечества*. Натуралисты и писатели в печатных изданиях и переписке стали обсуждать вопрос о всемирном потопе, так красочно изображенном в Библии. Был ли потоп на самом деле, и если был, то принял ли он всемирный характер? Был ли потоп вызван реальными процессами на Земле, или внешним воздействием, например появлением кометы? По существу, участники дискуссии рассматривали возможность библейского потопы лишь с точки зрения природного явления и целиком исключали из обсуждения библейский тезис о потопе как наказании Божьем. Хотя некоторые участники дискуссии считали сам факт потопы достоверным, немало других полностью отрицали библейский рассказ, полагая, что никакого потопы вообще не было.

Эта дискуссия, навеянная влиянием опытного естествознания, стала лишь первым шагом на пути критического пересмотра других догм Священного писания. Так, в XVII в. уже звучали сомнения в достоверности библейского свидетельства об одновременном создании Земли и человека. Была высказана идея о необходимости разделить во времени историю Земли и историю человеческого рода.

И. Ньютон пришел к выводу, что первоначально Земля находилась в расплавленном состоянии. Датский исследователь *Николаус (Нильс) Стено* (1638 — 1686) на основе изучения геологии Апеннинского п-ва высказал предположение о постепенном развитии структуры земной поверхности. В XVIII в. выдающийся французский натуралист *Жорж Луи Бюффон* (1707 — 1788) в своих печатных работах утверждал, что Земля существует 50 тысяч лет; он был уверен, что она возникла гораздо раньше, но предпочитал не писать об этом, опасаясь преследований церковников, утверждавших, что все сущее было сотворено Богом за 4—5,5 тысячи лет до Рождества Христова. Так постепенно утверждался взгляд на библейскую картину творения

и библейскую шкалу времени лишь как на мифологический образ возникновения Земли и ее древней истории, который вряд ли соответствует тому, что было в действительности.

Проявилось и критическое отношение к библейской истории человечества. В Европу хлынул поток сведений о множестве ранее мало известных и вовсе неизведанных народов, населявших вновь открытые или осваиваемые материка и территории. В 1650-е гг. автор вышедшей в Голландии книги утверждал, что аборигены Нового Света и китайцы существовали до Адама, ставшего родоначальником только одной ветви человеческого рода, поэтому Библия повествует не о всеобщей истории человечества, а только об истории его части.

Новое понимание знания и роли науки. В ходе Научной революции сложилось новое понимание знания как открытия непознанных, скрытых природных явлений путем опытного изучения их свойств независимо от всяких догм. Отвергалось и традиционное понимание знания как полной, окончательной, абсолютной истины. Его сменила *идея относительной истинности всякого знания*: ведь опытный метод исследования вел к открытию все новых свойств изучаемых объектов и, значит, к углублению знания. Поэтому понятие истины начали связывать с непрерывным накоплением и совершенствованием знаний, что означало возникновение *идеи прогресса науки*.

Экспериментальный характер новых наук (особенно химии, физики, а затем физиологии) требовал применения особых приборов и технического обеспечения. Так наука неизбежно сливалась с техникой. Стиралось традиционное противопоставление интеллектуального труда и ремесел — «механических искусств», связанных с применением ручного труда и потому считавшихся «неблагодарным» занятием.

Рождался взгляд на науку как средство, открывающее большие возможности использования человеком сил природы в созидательных целях. Уже в начале XVII в. английский мыслитель *Френсис Бэкон* (1561 — 1626), а затем и Р. Декарт предсказывали, что в будущем науки сыграют огромную роль в жизни человечества, позволят ему преодолеть подчиненность природе и добиться господства над ней.

Научные общества и академии. Возраставший интерес к изучению природы, потребность образованных людей в интеллектуальном общении привели к возникновению обществ и кружков, члены которых занимались научными исследованиями и обсуждали научные и философские проблемы. Появление таких обществ отчасти обуславливалось тем, что церковный контроль над университетами препятствовал занятиям в них естествознанием. В Италии по примеру литературных кружков эпохи Возрождения научные общества Нового времени было принято называть (следуя античной традиции) академиями. В 1603 — 1651 гг. в Риме существовала *Академия деи Линчеи (Академия рысьеглазых)*. Называя себя так, ее участники хотели подчеркнуть свое стремление проникнуть в тайны «огромного театра природы», познать то, что остается скрытым для других.

В состав Академии входил Г. Галилей. Его друг и ученик князь *Леопольд Тосканский* учредил во Флоренции в 1657 г. *Академию дель Чименте (Академию опытов)*. Круг интересов ее участников был широк: они занимались исследованиями в области фармакологии, зоологии, механики, оптики, метеорологии и других наук и использовали при этом множество инструментов. В первые десятилетия XVII в. научные кружки появились во Франции — как в столице, так и в провинции. В Париже *кружок ученого монаха Мерсенна* посещало более 100 человек, занимавшихся философией и математикой.

В Англии в 1640-е гг. начались собрания некоторых групп ученых. На их основе в 1660 г. было учреждено *Королевское общество*, провозглашавшее своей целью «точное описание всех природных явлений» простым языком, близким к языку «ремесленников, крестьян, торговцев, а не языком философов». Королевское общество являлось по существу Академией наук. Ученым секретарем общества в течение первых 30 лет XVIII в. был И. Ньютон. Начиная с 1665 г. общество издавало журнал, где публиковались научные труды членов общества. Журнал призывал ученых «искать, экспериментировать и открывать новое», вносить вклад в «великое дело накопления знаний о природе» ради «всеобщего блага человечества». Также в 1665 г. в Париже начала выходить ежедневная газета «*Журналь де саван*» («Газета ученых») — по сути один из первых европейских научных журналов, а в 1680-е гг. в Германии — научный журнал «*Труды ученых*».

Во Франции в 1666 г. была основана *Академия наук*. В XVIII в. Академии наук или научные общества академического типа возникли уже в большинстве европейских стран, что свидетельствовало как о поступательном развитии естественных наук и увеличении численности ученых, так и о поддержке науки правительствами, осознавшими возможность ее использования в государственных целях.

Влияние Научной революции на общественную мысль. Под воздействием развития естественных наук складывался своеобразный культ природы как упорядоченной, разумно организованной системы, регулируемой неизменными законами. Природа, чуждая случайностям и хаосу, казалась контрастом человеческому обществу с его бесконечными войнами, социальными потрясениями и антагонизмами. Такое представление о природе наводило на мысль о возможности приложить методы, принципы и законы естествознания к изучению общества с целью определения путей его совершенствования. Подобный подход наложил своеобразный отпечаток на общественную мысль. Характерной особенностью предстательств о человеке и обществе в XVII—XVIII вв. стали *натурализм* (т. е. ориентация на природу как нечто образцовое, идеальное) и *механицизм*, выразившийся в уподоблении человека и общества механизму и в применении к ним принципов и законов, заимствованных из самой развитой в то время науки — механики. По примеру механики и физики мыслители пытались создать *социальную механику* и *социальную*

физику. Бытовало мнение, что человек, раз он принадлежит к природе, то и управляется, подобно всем другим природным телам, законами механики. Человека как живое, действующее существо, отождествляли с машиной: руки сравнивали с рычагами, сердце — с насосом, грудную клетку — с мехами, а самую жизнедеятельность приравнивали к механическим процессам. Так, в понимании Декарта жизнь — это ответная реакция организма на внешние раздражения, а живой организм человека и животного представляет собой особую «самодействующую» машину. Смерть человека, считал Р. Декарт, наступает не потому, что душа покидает тело, а из-за порчи, поломки механизма, т. е. выхода из строя какого-то из органов человеческого тела.

Новые представления о природе и движении тел переносили также на социальное поведение человека. Ф. Бэкон утверждал, что физика есть «мать всех наук», и ее методы можно применять в этике и политике, которые благодаря этому уподобятся физике.

Идея атома как первоэлемента природы превратилась в понятие о человеке — *социальном атоме*. В латыни, общепринятом языке ученых людей того времени, эквивалентом древнегреческого «атомос» (неделимый) стало слово «*индивидуум*» (*individuum*). Представление об индивидууме как основной частице общества отражало возраставшую в XVII—XVIII вв. самостоятельность человеческой личности. В таком образе человека проявилась тенденция объяснения поведения социальных атомов, основываясь на законах механики: считали, что действия людей определяются взаимным притяжением или отталкиванием (*Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс*). Искали даже способы математически точно установить меру притяжения или отталкивания, вызванного человеческими страстями, для объяснения поведения людей в «естественном» (догосударственном) состоянии и для определения способов усовершенствования общества.

Тенденция к механистическому объяснению явлений проявилась и в переносе понятий механики на взаимодействие государственных органов и учреждений и в отождествлении самого государства с механической системой или силой. Вследствие этого отношения между государствами или правительствами стали представлять в виде «равновесия сил» («политического равновесия») и «системы государств», допускалась возможность точно измерить такие силы и выявить характер их взаимодействия с помощью методов геометрии. Используя принципы механики, старались также определить сущность войны и мира. В XVIII веке практика использования категорий естествознания распространялась и на другие сферы общественной мысли. Так, создатели политической экономии переносили понятия классической механики на экономические отношения. *Адам Смит* (1723—1790) уподоблял частнопредпринимательскую деятельность «моральной гравитации» и по аналогии с механикой считал, что естественное разделение труда обеспечивает равновесие производства и распределения.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В XVII—XVIII вв.

XVII—XVIII века в жизни народов Европы и Америки были переходной эпохой, последними столетиями аграрной цивилизации, существовавшей на протяжении нескольких тысячелетий. Подавляющее большинство людей по-прежнему трудились на земле почти так же, как их деды и прадеды.

В то же время новые явления в экономике, политике, общественном устройстве, культуре меняли условия человеческого существования. Интенсивное освоение европейцами других континентов, развитие мировой торговли, новые продукты питания, технические изобретения и научные открытия, распространение новых вероучений и политических идей, рост грамотности и расцвет издательского дела, усиление государственности, урбанизация, — все это оказывало влияние на повседневную жизнь, нравы и поведение людей.

Противоречивое сочетание старого и нового обуславливало усиление социокультурных контрастов между теми, кто пользовался всеми благами цивилизации своего времени, и большинством, лишенным такой возможности. В XVII—XVIII вв. существовало несколько различных моделей повседневной жизни. Мода, царившая при блистательных королевских дворах европейских монархов, становилась эталоном для дворян и буржуазии. В среде простых горожан сложился свой стиль жизни, в котором сочетались соблюдение собственных норм и традиций, с одной стороны, и стремление отчасти подражать высшим слоям общества — с другой. Образ жизни крестьян изменения затронули в наименьшей степени.

Своя специфика была в повседневной жизни как у людей из разных слоев общества, так и у жителей разных стран. Несмотря на существование определенных особых стандартов, происходил интенсивный процесс культурного взаимообмена и заимствований. В XVII веке — веке апогея французской монархии — образ жизни, моды и правила поведения, свойственные придворному обществу Франции, стали образцом, которому стремилось подражать все европейское дворянство. В XVIII в. влияние Франции отчасти сохранилось, но наряду с этим в европейском обществе распространилась англomania: авторитет Великобритании как сильнейшей мировой державы находил выражение в моде на все английское, в стремлении подражать англичанам в повседневной жизни. В сознании европей-

цев границы ойкумены расширились, и мода XVIII в. отреагировала на это: среди богатых людей вошло в обычай коллекционировать предметы восточного декоративно-прикладного искусства, а европейские мастера, удовлетворяя вкусы заказчиков, изготавливали вазы, ширмы, строили садово-парковые павильоны в «китайском» стиле. Европейские колонисты в Северной Америке создавали новый жизненный уклад, сообразный как местным условиям, так и нормам, ценностям и идеалам, импортированным из Европы. В европейских колониях на территории Южной Америки новое общество создавалось в тесном взаимодействии с коренным населением, в результате чего сложилась латиноамериканская цивилизация. Своеобразный латиноамериканский стиль повседневной жизни сочетал в себе элементы европейского и индейского происхождения.

Хлеб насущный и рождение гастрономии. Основным продуктом питания большинства жителей Европы в XVII—XVIII вв. был хлеб из пшеницы, ржи, ячменя или овса, а также похлебки и каши из овса, проса, гречихи и ржи. Хлеб крестьяне пекли сами, а горожане чаще покупали его у булочников и приезжавших из ближних деревень крестьян, хотя и сами пекли. Мягкий пшеничный белый хлеб был роскошью, доступной лишь богачам. Большинство людей питались хлебом грубого помола из непросеянной муки. Лишь во второй половине XVIII в. в передовых странах, Великобритании и Франции белый хлеб начал широко распространяться, вытесняя все прочие сорта. Зерновой рацион разнообразили овощи, рыба, яйца, сыр и мясо. Для простонародья мясо не было предметом каждодневного потребления. Помимо существовавших в католических странах церковных запретов на потребление скоромной пищи в постные дни (166 дней в году), сказывались нехватка и дороговизна мясных продуктов. Так, в начале XVII в. ткачи-подмастерья из немецкого города Нюрнберга жаловались, что могут есть мясо лишь трижды в неделю, а в большинстве французских деревень небогатые крестьяне питались мясом лишь раз в неделю. Рацион питания в разных странах заметно различался. В Англии во второй половине XVIII в., в рамках аграрной революции, высеивание кормовых культур привело к заметному прогрессу животноводства. В результате, по словам испанского посла, на лондонском рынке продавали «за месяц больше мяса, чем потребляют его во всей Испании за год». В пост ели рыбу: морскую (треску, сельдь) и речную.

После открытия европейцами Нового Света в Америку были завезены пшеница, рис, сахарный тростник, кофе и виноградная лоза, а в Европу — картофель, кукуруза, фасоль, помидоры, табак. Поначалу отношение к новым продуктам было настороженным, картофель и помидоры разводили как декоративные растения, но со временем их употребление в пищу вошло в привычку. Внедрение культуры картофеля повсеместно вызывало сопротивление населения. Многие считали его вредным для здоровья. Но на рубеже XVIII—XIX вв.

картофель утвердился в Европе в качестве одного из основных продуктов питания, «второго хлеба». Распространению этой новой культуры способствовала ее высокая урожайность, а также то, что картофель не облагался традиционными податями в пользу сеньоров и церкви. Кукурузу в Европе сначала разводили на корм скоту, широко употреблять ее в пищу европейцы начали с XVIII в., и появились даже блюда национальной кухни из кукурузы (итальянская полента, румынская мамалыга). В Европе крестьяне стали разводить на продажу завезенных из Америки индеек, а сами питались преимущественно солониной.

Некоторые из давно известных и составлявших большую редкость и стоивших дорого продуктов питания стали более доступными. Это сахар и разнообразные пряности (корица, гвоздика, мускатный орех, имбирь). Сахар завоевал Европу и Америку после того, как европейские колонисты основали плантации сахарного тростника в Южной Америке и на Антильских островах. В Англии в течение XVIII в. потребление сахара возросло в 15 раз, хотя в большей части Европы его все еще считали предметом роскоши. Пряности завозили в Европу из Индии, а потом, как и сахарный тростник, начали разводить в Новом Свете, особенно на Антильских островах. Ввоз перца и пряностей в Европу достиг пика к середине XVII в. Цена на заморские пряности снизилась, и они превратились в продукты массового потребления. Одновременно возделывание кормовых культур позволило перейти к стойловому содержанию скота зимой и не забивать его осенью. Благодаря этому в рационе зажиточных людей вместо солонины и копченостей, обильно сдобренных специями, появилось свежее мясо. В результате пряности вышли из моды, их употребление начало сокращаться. Злоупотребление пряностями стали считать признаком дурного вкуса.

Появились новые деликатесы: кофе, чай, шоколад, табак. Купцы, торговавшие с восточными странами, ввели в Европе турецкий обычай — пить кофе после обеда. Мода на кофе началась при дворе французского короля Людовика XIV и охватила со временем все европейские столицы, где появились кофейни на манер подобных заведений, издавна существовавших в Турции и Египте. В Европе кофейни стали своего рода литературными, политическими и профессиональными клубами, где обсуждали все животрепещущие вопросы, обменивались новостями, заключали сделки, а литераторы сочиняли здесь свои произведения. В кофейнях подавали не только кофе, но и чай, который в большинстве стран стоил очень дорого и считался предметом роскоши (широко распространился чай лишь в Голландии и Англии, куда его поставляли Ост-Индские компании этих стран). В кофейнях курили и нюхали табак. К концу XVIII в. в больших европейских городах кофе стали пить ремесленники и рабочие, которые, по словам современника, «нашли это питье более экономным, более питательным и вкусным, нежели любое другое». Распро-

странение колониальных продуктов не проходило гладко и вызывало бурные споры. Одни приписывали новым продуктам необыкновенные целебные свойства; другие, напротив, утверждали, что их употребление вредит здоровью, и требовали их запретить.

В XVII—XVIII вв. в разных слоях населения стало нормой массовое потребление вина. В XVIII в. вблизи крупных городов (за пределами города, где не надо было платить пошлины) появилось большое количество кабаков и винных лавок. В Северной Европе, где климат не позволял культивировать виноградную лозу, напитком бедняков было пиво. Впрочем, пиво высшего качества являлось предметом роскоши и вывозилось из немецких городов во многие страны. Возросло потребление крепких спиртных напитков, например виноградной, зерновой и можжевелевой водки. Возник обычай раздавать водку солдатам перед боем. Водка и ром, пришедшие с европейцами в Новый Свет, спровоцировали массовый алкоголизм среди индейских народов.

В XVI—XVIII вв. зародилась гастрономия как искусство изысканной кухни. Публиковались многочисленные трактаты по кулинарии. Законодателем кулинарной моды стал Париж. По всей Европе аристократы держали в своих домах французских поваров. Повара старались изобретать такие блюда, которых еще никто не пробовал, замысловатые соусы, десерты. На приготовление одного соуса подчас уходило полдня. Во второй половине XVII в. появилось шампанское вино, и в скором времени без него уже не обходилось ни одно великосветское празднество. Трапезы в аристократических домах состояли из 8 и более перемен. Остатки с королевского стола и с пиршеств в знатных домах продавали простым горожанам.

Человек у себя дома. В жизни людей из разных стран было много общих черт. Крестьяне Северной и Центральной Европы жили обычно в крытых соломой домах, деревянный каркас которых заполнялся щепнем, соломой и известью (такая конструкция называется *фахверк*). В трудные, неурожайные годы солома с крыши шла на корм скоту. Пол — утрамбованная земля. Обычно в крестьянских домах к одной большой жилой комнате примыкали амбар, хлев и другие хозяйственные помещения. Черепичная крыша в деревне была символом достатка и отличала дома богатых крестьян, построенные из камня. В Средиземноморских странах, где камень был наиболее доступным строительным материалом, крестьянские дома строились преимущественно из камня.

Жилище многих сельских сеньоров мало отличалось от домов богатых крестьян. Лишь крупные сеньоры имели замки, которые, как правило, перестраивались в соответствии со вкусами и потребностями времени и больше походили уже не на средневековые крепости, а на городские особняки.

Повседневная жизнь горожан, в первую очередь зажиточных, заметно преобразилась. Полы даже в небогатых домах стали покрывать

керамической плиткой, а в XVIII в. пришла мода на паркет. Деревянную конструкцию потолка стали закрывать штукатуркой. Стены в небогатых домах покрывали дешевыми бумажными обоями, а в богатых — роскошными расписными обоями, обойными тканями и деревянными панелями. Особенностью интерьеров голландских домов была отделка стен цветной керамической плиткой. В северной части Европы распространилось повсеместно застекление окон, включая дома крестьян и городских наемных рабочих. Однако, например, на юге Франции еще во второй половине XVIII в. в окна вставляли промасленную бумагу.

В крупных европейских городах строились многоэтажные дома (до 7—8 этажей). В таких домах сдавались комнаты беднякам. Верхние этажи, мансарды и чердаки занимали люди самого низкого социального положения.

Жили и работали обычно в одном и том же доме: первый этаж занимала мастерская или лавка, над ней жила семья хозяина, а выше — работники. Служебные кабинеты чиновников тоже находились у них дома. В богатых особняках XVII в. все комнаты располагались анфиладой, и в них невозможно было уединиться. В XVIII в. эта традиционная планировка городского жилища стала меняться. Жилое помещение отделялось от лавки и мастерской и могло находиться даже в другом квартале. У людей появилось пространство для частной жизни. В апартаментах XVIII в. отделялись друг от друга разные типы помещений: личные покои семьи; парадные залы и салоны для приемов; кабинет хозяина дома; комнаты прислуги и кухня. Таким образом, частная, светская и профессиональная жизнь оказывались пространственно разделенными. Хозяева жили отдельно от слуг, в связи с чем возник обычай вызывать их с помощью колокольчика.

В XVII веке и бедняки, и богачи зимой в своих домах страдали от холода. Современники сетовали на то, что даже за королевским столом в Версале вино замерзало в бокалах. В XVIII в. климат стал теплее. Кроме того, проблему отопления удалось решить, с одной стороны, благодаря усовершенствованию конструкции камина, а с другой — в результате изменения архитектурной моды и уменьшения размеров жилых помещений в королевских и аристократических резиденциях. В крестьянском доме источником тепла был очаг, на котором готовили еду. В городах в каморках бедняков не было каминов, и они обогревались жаровнями. В странах Северной и Восточной Европы дома отапливались печами.

В домах бедноты, как в деревне, так и в городе, была только самая необходимая мебель. Кровать, соломенный тюфяк, стол, скамья, табуретки, крюк для подвешивания котла, сундук с откидной крышкой для одежды и домашнего скарба — такова незамысловатая обстановка небогатого жилища XVII—XVIII вв.

Обстановка зажиточных домов становилась все более богатой и разнообразной. Наряду с жизненно необходимыми предметами,

апартаменты наполнились изящными комодами, бюро, кушетками, туалетными столиками, делавшими повседневную жизнь комфортной и приятной. Во многих странах научились делать зеркала. Раньше секрет их производства знали только в Венеции и хранили в строжайшей тайне, поэтому зеркала были большой редкостью и стоили дорого. С распространением производства зеркал они постепенно превратились в обычный предмет домашнего обихода.

Посуду делали из олова, меди, серебра, фаянса, стекла. Бедняки довольствовались глиняной и деревянной посудой. Фарфоровая посуда долгое время оставалась предметом роскоши. Еще в Средние века в Европу попадали чудесные китайские изделия из фарфора. После Великих географических открытий приток фарфоровой посуды с Востока увеличился. Европейцы неоднократно предпринимали безуспешные попытки раскрыть секрет китайского фарфора, но та посуда, которую им удавалось сделать, была хуже по качеству и очень хрупкая. Наконец, в начале XVIII в. в Саксонии *Иоганн Фридрих Бетгер* (1682—1719) сумел разгадать секрет состава фарфора. В 1710 г. под его руководством в саксонском городе Мейсене заработала первая европейская мануфактура, производящая изделия из фарфора (мейсенский фарфор). Со временем появились фарфоровые мануфактуры в Вене, Севре во Франции, Нимфенбурге в Баварии, Петербурге, Копенгагене и других городах. Постепенно фарфоровая посуда стала обычным предметом повседневного обихода.

Человек в кругу семьи. Среди существовавших типов семьи выделялись два основных: во-первых, *малая семья*, состоявшая из родителей с детьми; во-вторых, *расширенная*, или *сложная, семья*, состоявшая из нескольких малых семейных ячеек (например, родители и женатый сын). Эти два типа семьи различались не только способом проживания, но и способом раздела наследства. Там, где преобладала малая семья, наследство обычно делилось поровну между детьми, по крайней мере между сыновьями. Там же, где преобладал расширенный тип семьи, принято было назначать наследника, который оставался с родителями, получал большую часть их имущества и продолжал дело отца. Другие сыновья вынуждены были рано покинуть отчий дом и искать счастья на стороне. Обделенные наследством сыновья из крестьянских семей нанимались батраками к соседям или уходили в города, пополняя ряды городского плебса. В дворянских семьях обычно старший сын наследовал львиную долю имущества и род занятий отца. Младшим сыновьям приходилось избирать другую карьеру. Так, например, если отец был офицером, то старший сын тоже поступал на военную службу, а младшие становились чиновниками, священниками, сельскими сеньорами.

Семьи, как правило, были большими, многодетными. Выживало в среднем по 5—7 детей в семье, а рождалось еще больше, но часть детей умирала во младенчестве. Обучение и воспитание детей начи-

налось дома. Затем их могли отдавать в школу или «в люди» (в чужих семьях подростки работали в качестве прислуги или подмастерьев). В XVII—XVIII вв. количество школ увеличилось, так что больше детей, чем прежде, могли учиться рядом с родительским домом. Появились школы не только для мальчиков, но и для девочек.

Авторитарным главой семьи был отец. В его обязанности входило, в частности, религиозное воспитание детей. Роль женщины в семье долгое время ценилась невысоко и признавалась подчиненной. Считалось, что долг матери — рожать и выкармливать детей, но фактически ее роль была значительнее. На ее плечи ложилось основное бремя домашнего хозяйства и воспитания детей. В нравоучительной и педагогической литературе XVIII в. стали прославлять миссию женщины-матери, воспевали материнские чувства. В это время создавался ставший впоследствии популярным в XIX в. образ женщины-хранительницы домашнего очага.

Городская среда. Число городских жителей неуклонно росло, особенно много было горожан в Голландии и Англии. На их долю приходилось около четверти и более населения этих стран (в Голландии — более половины). Крупнейшими городами Европы XVIII в. были Лондон (575 тыс. жителей в начале века и 948 тыс. в конце), Париж (500 и 550 тыс. соответственно) и Неаполь (300 и 430 тыс.).

В городах XVII—XVIII вв. ремесленники одного цеха, купцы, чиновники, судейские, финансисты, знать обычно селились по соседству и у каждого квартала поэтому было свое особое лицо. Так, в Лондоне Флит-стрит была средоточием юристов, Стрэнд стал кварталом знати. На окраинах образовались кварталы бедноты: в частности, в Уайтчепеле жили и работали кожевники.

В городах в это время практиковались и различные виды сельскохозяйственной деятельности. Внутри городских стен располагались сады, огороды и виноградники, а по улицам разгуливали свиньи. В середине XVIII в. властям Венеции пришлось специально запрещать разведение свиней в городе.

Во многих городах по-прежнему деревянные дома с соломенными кровлями вплотную примыкали друг к другу, и в случае пожара выгорали целые кварталы. Большой пожар 1666 г. уничтожил почти весь лондонский Сити. Со временем деревянные постройки сменились каменными или кирпичными, крытыми черепицей. Подчас строительство из камня внедрялось принудительно. Например, власти обещали помощь погорельцам лишь при условии, что их дома были построены из камня и имели черепичные кровли. В XVIII в. новые постройки в Париже возводились уже в основном из камня, а в Лондоне и Амстердаме — из кирпича.

Во второй половине XVIII в. распространилось представление, что жизнь в городе вредна для здоровья человека и города необходимо благоустраивать. Французский писатель Луи-Себастьян Мерсье считал, что узкие, плохо расположенные улицы, чересчур высокие

дома, мешающие свободному движению воздуха, бойни, рыбные рынки, сточные канавы, кладбища ведут к тому, что воздух постепенно портится, отягчается грязными частицами и вскоре становится спертым и вредным для здоровья. Дома непомерной высоты являются причиной того, что жители первых двух этажей пребывают в полумраке даже тогда, когда солнце стоит в зените.

С европейскими городами, сохранившими от Средневековья лабиринты узких улиц и беспорядочную застройку, резко контрастировали города Америки, выстроенные по регулярным планам.

В XVIII в. европейские столицы и крупные провинциальные города перестраивались: застраивались пустыри, разбивались широкие площади и бульвары; их украшали фонтаны и статуи; возводились величественные здания театров и административных учреждений, строились больницы и крытые рынки. В Париже были снесены дома, выстроенные на мостах, так как, по мнению городских властей, они имели безобразный вид и препятствовали свободному передвижению воздуха с одного конца города на другой.

В XVIII в. городская администрация проявляла заботу о здоровье жителей и прислушивалась к рекомендациям врачей и ученых. Так, из гигиенических соображений кладбища стали выноситься за городскую черту. В Париже было запрещено в лавках и на рынках употреблять медную посуду и весы, свинцовые стойки и столы, чтобы окислы этих металлов не отравляли организм человека. Однако в остальном городская инфраструктура менялась мало.

Городские улицы были по-прежнему грязными, тротуары и мостовые, как правило, отсутствовали. В рытвины на улицах некоторых немецких городов проваливались повозки. Многие улицы Амстердама после дождя превращались в непроходимое болото. Заботясь о развитии торговли, власти голландских городов уже в XVII в. начали мостить центральные площади и примыкающие к ним улицы, что вызывало недовольство кальвинистских проповедников, осуждавших трату денег на «ненужную роскошь». На парижских улицах тротуары появились только в 1782 г.

Условия жизни во всех слоях общества были преимущественно антисанитарными. В балдахинах над кроватями, в складках одежды и на теле человека гнездились насекомые. Для утреннего туалета в спальнях богатых домов стояли кувшины с водой: умывали лишь лицо и руки. Иногда вместо умывания просто обтирали лицо и руки влажным полотенцем. Заботой о чистоте своих домов славилась в Европе голландские хозяйки, которые постоянно что-то мыли, чистили и скребли. В некоторых домах уборку проводили ежедневно, кроме воскресенья. Мыли даже фасады домов. Правда, как написал английский путешественник, «они содержали свои дома в бóльшей чистоте, чем собственные тела».

В большинстве городов не было ни водопровода, ни канализации. Только у самых богатых людей были дома ванны, а все остальные

ходили в публичные бани. Однако во многих городах бани закрывали, так как в них распространялись заразные болезни. Долгое время мытье в бане считалось лечебным средством, а не способом поддерживать чистоту тела. Во второй половине XVIII в. в Париже стали модными купания в Сене, которые устраивались в специально построенных плавучих купальнях. В отсутствие канализации помой и нечистоты выливали прямо на улицу, спустили в реки и каналы. Нечистоты из выгребных ям попадали в соседские колодцы. Городская улица по ширине имела либо вогнутую, либо выпуклую форму, в зависимости от того где проходили сточные канавы: посередине (в Лондоне и Париже) или по бокам улицы (в голландских городах). Побывав в конце XVIII в. в Берлине, Н. М. Карамзин писал: «Лишь только вышли мы на улицу, я должен был зажать себе нос от дурного запаха: здешние каналы наполнены всякою нечистотою». А в Париже того времени он увидел «тесные улицы, оскорбительное смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира — куча гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущая ручьями из мясных рядов — зажмите нос и закроете глаза». Когда в целях борьбы с постоянными эпидемиями городские власти произвели очистку парижских улиц, то в честь такого выдающегося события стали слагать поэмы и даже отчеканили две памятные медали. Только во второй половине XVIII в. полиция запретила выливать грязь на улицы Парижа. Чистотой отличались голландские города, где горожане регулярно мыли тротуары и мостовые перед домами. Однако приятное впечатление от чистых, ухоженных голландских улиц могла испортить вонь от каналов, куда спускали нечистоты.

Города плохо снабжались водой, обычно воды не хватало. Так, во всех голландских городах ее брали из резервуаров для дождевой воды, мелких колодцев и каналов. На улицах Парижа водоносы продавали воду из Сены. Водопроводов было очень мало, и некоторые из них остались еще от древних римлян. Водопроводы имелись во многих городах Португалии. В Лондоне вода из Темзы поступала в дома по подземным деревянным трубопроводам.

По ночам на городских улицах было темно. Из-за этого подчас сталкивались и переворачивались повозки и кареты. Пешеходы, выходявшие вечером на улицу, сами освещали себе дорогу факелами. Фонари на улицах были установлены в Лондоне и Амстердаме во второй половине XVII в. Затем уличное освещение распространилось в других городах Европы. В домах для освещения пользовались свечами и масляными лампами.

Этикет и нормы повседневной жизни. В жизни людей возникали новые обычаи, появление которых было связано с тем, что менялось сознание людей, их представления о собственной личности и о своем теле. Человек, в первую очередь образованный горожанин, осознавал себя независимым индивидом, и это влияло на нормы поведения, принятые в обществе. Кроме того, новые обычаи стано-

вились факторами социальной дифференциации, указывающими на принадлежность к «хорошему обществу».

Так, к концу XVII в. распространился обычай не есть суп из общей миски, стоявшей посреди стола, а наливать каждому в свою тарелку. Одновременно входило в привычку пить за столом из своего стакана, а не передавать один стакан друг другу по очереди. Еще в XVI в. появились индивидуальные ложки и ножи. Вилками в то время пользовались лишь итальянцы. В начале XVII в. английский путешественник с удивлением писал, что в Италии он нашел обычай, которого нет в других христианских странах: разрезая мясо, итальянцы пользуются небольшими «граблями» из железа, стали или серебра. Когда он попытался перенять эту привычку, вернувшись в Англию, над ним стали смеяться. Вилками по всей Европе стали пользоваться только в середине XVIII в. На протяжении всего XVII в. в самом изысканном обществе, в том числе и при королевских дворах, мясо ели руками. С этим был связан обычай подавать гостям большое количество салфеток и несколько раз во время трапезы мыть руки.

Менялись представления о приличном поведении. Стало неприличным раздеваться в присутствии посторонних, это считалось возможным только в присутствии людей низшего общественного положения. Вошли в обиход ночные рубашки и нижнее белье. Считалось неприличным зевать во весь рот, чесаться, плевать и сморкаться на пол, что раньше было вполне допустимым. Воспитанные люди старались сдерживать свои импульсы и следовать в жизни установленным правилам хорошего тона. Постепенно вошло в привычку употребление носовых платков. В конце XVI в. у короля Франции Генриха IV было лишь 5 носовых платков, а во второй половине XVII в. у его внука Людовика XIV их собралась уже целая богатая коллекция. Все эти новые для того времени обычаи и нормы поведения (например, обычай не есть из общей посуды) в глазах людей XVII—XVIII вв. выглядели не как требования гигиены, а как правила поведения, отличающие благородных, воспитанных господ от неотесанных мужланов. Во всех руководствах о правилах хорошего тона говорилось, что молодые дворяне должны следовать содержащимся в руководстве рекомендациям, если они не хотят вести себя, подобно простонародью. Новые нормы поведения распространялись «сверху вниз»: возникая при королевском дворе, они сначала усваивались знатью, затем проникали в среду богатых горожан, постепенно входили в обиход среди остального городского населения и, наконец, становились нормами поведения всего общества в целом.

Отдых и праздники. По окончании трудового дня люди предавались увеселениям в кругу семьи, ходили в гости, мужчины посещали кабачки и кофейни. В часы досуга люди из самых разных слоев общества танцевали, играли в карты и кости. У дворян к этому добавлялось еще одно любимое развлечение — охота. Во многих стра-

нах большой популярностью пользовались различные виды игры в мяч. Образованные люди читали, музицировали, посещали литературные кружки.

В XVII—XVIII веках отмечали большое количество церковных праздников, особенно в католических странах. Многие из них, такие как дни местночтимых святых, праздновались лишь в пределах одного города, одной провинции, одной или нескольких деревень. Были и широко отмечавшиеся общехристианские праздники — Рождество, Богоявление, день Невинноубиенных, Троица, Иванов день, день Св. Мартина, день Св. Николая. В ходе Контрреформации число католических праздников увеличилось, с каждым из них были связаны особые обряды. Так, на Богоявление выбирали «бобовых королей». На день Св. Николая Угодника дарили детям подарки, складывая в носки, подвешенные к каминной трубе. Эти обычаи фольклорного характера соблюдались и в католических, и в протестантских странах. Попытки католической и протестантской церкви в ходе Реформации и Контрреформации искоренить бытовавшие в народе языческие традиции не увенчались успехом. Так, повсюду продолжали отмечать майский праздник, имевший языческое происхождение. На городских и сельских площадях устанавливали разукрашенное «майское дерево», вокруг которого 1 мая водили хороводы и пели песни.

Помимо церковных существовали государственные светские праздники. Поводы для их организации были разнообразны. Государство XVII—XVIII вв., как правило, не знало такого явления, как национальный праздник, отмечаемый ежегодно в один и тот же день в память о некоем значительном событии в истории страны. Такие праздники были характерны для государств с республиканским строем или для конституционных монархий. Например, жители голландского Лейдена ежегодно отмечали годовщину освобождения своего города от испанцев, граждане образовавшегося в конце XVIII в. нового государства Соединенных Штатов Америки праздновали 4 июля День Независимости, во Франции в первые годы революции стали отмечать 14 июля праздник Федерации. Абсолютные монархии свои самые важные государственные праздники обычно отмечали единожды в связи с конкретным событием. Такими событиями могли быть военные победы и заключение мира; коронация монарха; свадьбы в королевской семье, официальное оповещение о беременности королевы, рождение наследника престола и других детей, выздоровление членов королевской семьи после болезни; приезд иностранного государя, посла или другого высокопоставленного лица; закладка первого камня и завершение строительства крупного сооружения, дворца или парка.

Праздник носил публичный характер, разворачивался на городских улицах и площадях. Важным его элементом было участие монарха. Во время праздника происходило общение монарха и народа.

Существовал примерный сценарий, которому обычно следовали организаторы официального городского праздника: король въезжал в город, в церквях звонили в колокола, проходили торжественные богослужения, на улицах устраивали шествия и иллюминацию, палили из пушек, на площадях играли оркестры, заключенных отпускали из тюрем на свободу, народу раздавали угощение и деньги.

В королевских резиденциях устраивались придворные праздники, поводами для организации которых становились торжественные события в жизни королевской семьи, визиты иностранных монархов и принцев, дни религиозные праздников. При дворе регулярно давались драматические и музыкальные спектакли, званые обеды и ужины. Пышные, хорошо продуманные и организованные праздники должны были демонстрировать величие и власть короля, процветание страны. Такие празднества являлись одним из рычагов, с помощью которых монархи управляли аристократией и всем королевством.

Устраивались и семейные торжества по случаю свадеб, крестин, религиозных праздников и других важных событий. Обязательной частью такого торжества было застолье.

Одежда и мода. На костюм человека XVII—XVIII вв. влияли два разнонаправленных фактора. Одним была сословная иерархия общества, находившая свое внешнее выражение в костюме. Каждому человеку — крестьянину, ремесленнику, купцу, судье, дворянину — следовало одеваться сообразно своему статусу. Другим фактором была изменчивая мода, которой по мере сил стремились следовать представители самых разных слоев общества. Попытки властей бороться с этим, принимая законы «против роскоши» и запрещая простолюдинам носить шелка, золото и драгоценности, оказывались малоэффективными. Конечно, за модой следили в основном те, у кого были на это средства. Крестьяне и ремесленники в будни одевались просто и функционально. Повседневный рабочий костюм они шили сами из домотканого холста или грубой шерсти. Праздничный костюм в семьях бедняков зачастую переходил от родителей к детям и потому был мало подвержен капризам моды. Однако это не означало, что народный костюм вообще не менялся. Из столиц новые моды приходили и в провинцию, в первую очередь в города. Богатые люди отдавали вышедшие из моды наряды своим слугам, а те, поносив, зачастую перепродавали их мелким ремесленникам и рабочим. Таким образом, одежда простого народа тоже следовала за модой, хотя и с опозданием.

В XVII—XVIII вв. законодательницей мод была Франция. Так называемый французский костюм из ярких шелковых тканей носили по всей Европе и в европейских колониях в Новом Свете; ему долгое время сопротивлялись при испанском дворе, где допускалось лишь черное одеяние с небольшим белым жабо. На испанский лад одевались и в Голландии, но к концу XVII в. и в эти страны проник-

ла французская мода. Она распространялась повсеместно с помощью изготовленных в Париже кукол-манекенов, одежда которых служила образцом для местных портных. При этом манера одеваться сохраняла региональные и локальные особенности.

Европейский костюм попал в Новый Свет вместе с европейскими колонистами. Выходцы из Европы старались одеваться так, как было принято на их далекой родине. Правда, коренное население Испанской Америки сохранило традиционный костюм, который носили здесь до появления европейцев, но лишь отчасти. Определенные изменения все-таки произошли. Христианские миссионеры требовали соблюдать «пристойность» и гораздо тщательнее, чем прежде, прикрывать наготу. А в высших слоях индейского общества считалось престижным одеваться на европейский манер. Первые колонисты в Северной Америке заимствовали хорошо приспособленные к местным условиям элементы индейского костюма: мокасины и одежду, сшитую из оленьих шкур.

Мужской костюм XVII—XVIII вв. состоял, как правило, из рубашки, жилета, камзола и штанов до колен. Детали и покрой их со временем менялись. Верхней одеждой были плащи различной длины и покроя, а также куртки с рукавами. К концу XVII в. на смену широким штанам пришли узкие *кюлоты* (тоже доходившие до колен), сохранившиеся на протяжении XVIII в. Дворяне носили шелковые вязаные чулки. Модный костюм изобиловал декоративными элементами: оборками, вышивкой, бантами, кружевами, стеклянными пуговицами. Для мужского костюма были характерны резкие, контрастные сочетания цветов: синего с красным, красного с белым. В XVIII в. распространилась нарочито небрежная одежда (*неглиже*): рубашка из тонкой ткани, надетая без жилета под камзол нараспашку. В конце XVIII в. из Англии пришли новые виды мужской верхней одежды: *сюртук* и *фрак*. Мода на них стала проявлением англomanии, охватившей европейское общество XVIII в. Основной мужской обувью были туфли и узкие сапоги на цветных каблуках. Башмаки делались одинаковыми на правую и левую ногу. Обувь на красных каблуках имели право носить только дворяне. В ненастную погоду поверх туфель и сапог надевали кожаные галоши без задника на деревянной подошве.

В начале XVII в. мужчины носили усы, бороды и длинные волосы. В царствование Людовика XIV бороду стали брить все, за исключением священнослужителей. Во второй половине XVII в. при дворе французского короля началась мода на пышные парики, сохранявшаяся на протяжении 150 лет.

У женщин на протяжении XVII—XVIII вв. сохранялся *каркасный костюм*, но форма каркаса менялась, что влекло за собой изменение внешнего вида одежды. На рубашку надевали *корсет* и *фижмы*, а на них сверху — *лиф*, *юбку* и широкое *распашное платье* с короткими рукавами. В XVII в. корсет носили, главным образом, дамы из

высшего общества. В XVIII в. по праздникам его надевали и женщины из народа. Платье украшали ленты, кружева и шлейф. Длина шлейфа должна была соответствовать социальному статусу дамы. Обувь носили на высоких каблуках. Женщины надевали чулки из белого и цветного шелка и закрепляли их под коленом подвязками. Выходя на улицу, женщины покрывали голову кружевной косыночкой, *капором* или *чепцом*. Для модниц выходили специальные иллюстрированные периодические издания с описанием того, что следует носить в этом сезоне. Особенно много таких журналов стало издаваться в XVIII в.

В XVIII в. по всей Европе в самых разных слоях общества вошли в моду индийские набивные ситцы. Дешевизна этих ярких, красочных тканей делала их доступными. Они постепенно вытесняли привычные шерстяные ткани и холсты из льна и конопли.

В XVIII в. в гардеробе как женщин, так и мужчин появилось большое количество белья. Богатые люди меняли его по несколько раз в день. В то время считалось, что вода служит разносчиком болезней (что было небезосновательно, если учесть загрязненность воды в городах), а грязь с тела лучше всего удаляется при смене белья.

Особой детской одежды в то время не было. Детей одевали так же, как и взрослых.

Люди судейского сословия, чиновники, профессора университетов, священники, медики носили *мантии* определенных цветов, покроя и длины, принятых в данной корпорации. В среде буржуа и купцов относительный архаизм костюма сочетался со стремлением не отставать от моды и перенимать отдельные элементы одежды представителей высшего социального слоя. Женщины из буржуазных кругов еще охотнее, чем их мужья, подражали в одежде дворянам. Те же тенденции проявлялись и в костюме ремесленников, мелких торговцев и городского плебса, хотя одевались они, конечно же, гораздо проще. Народный костюм был не только функциональным; подобно костюму представителей высших слоев общества, он служил средством социальной репрезентации. Людям из народа тоже не были чужды соображения престижа. Так, за появление в торжественной официальной обстановке в рабочей одежде муниципальные власти и собратья по цеху имели право наказывать ремесленников вплоть до ареста.

По мере урбанизации росли различия между городской и крестьянской одеждой. Крестьяне, как и их далекие предки, носили рубахи из холста, куртки, широкие штаны, полотняные или суконные гетры, обувь из толстой кожи или деревянную. Голову покрывали войлочной шляпой. Костюм крестьянки состоял из рубашки из грубого холста, лифа со шнуровкой, юбки, фартука, верхней кофты и чепца. Богатые крестьяне тяготели к городскому костюму. В конце XVII в. сельский священник из Фландрии жаловался на то, как вызывающе, с его точки зрения, зажиточные крестьяне позволяют себе

одеваться по праздникам и воскресеньям. Его негодование вызывали «молодые люди в шляпах с золотым или серебряным галуном и соответствующих этому нарядах; девушки с прическами в фут высотой и в подобающих этим прическам туалетах». Столетие спустя пастор и окружной судья из швабской деревни удрученно писали: «Роскошь и расточительность, зачастую бесполезные, и в особенности расходы на дорогой костюм... также здесь встречаются, нанося значительный ущерб имуществу, так как никто не хочет уступить своему соседу».

В повседневную жизнь людей проникали новые предметы быта. Сначала во Франции, а затем и в других странах начали пользоваться *зонтами*: в XVII в. защищаясь от дождя, а со второй половины XVIII в. — и от солнца. Появление некоторых новых вещей стало результатом изобретений и научных открытий. Так, в середине XVII в. голландский естествоиспытатель *Христиан Гюйгенс* изобрел сначала *часы с маятником*, а потом часовой механизм современного типа. Его открытие позволило делать вместо нагрудных *карманные часы*, небольшие и удобные в обращении. Поначалу носить часы было доступно лишь самым богатым людям, но со временем это стало обычным явлением в европейских городах.

Болезни и лечение. Антисанитарные условия жизни способствовали распространению заболеваний. Многие умирали от заразных болезней, зачастую носивших характер эпидемии. В Европе свирепствовали эпидемии чумы, оспы, тифа, холеры, кори, сифилиса. В 1603 и 1625 гг. в Лондоне чума унесла около 1/5 части населения города. В 1709—1710 гг. в Восточной Пруссии от эпидемии чумы вымерла примерно треть жителей. В 1723 г. в Париже от оспы умерли 20 тысяч человек. Мор сильнее ощущался в городах, где люди жили скученно. Во время эпидемий умирали люди из всех слоев общества, но больше всего — бедняки, которые недоедали и ютились в трущобах. Бесчисленные европейские войны того времени обычно сопровождалась вспышками эпидемий. В XVII в. по всей территории, охваченной Тридцатилетней войной, распространился тиф. В начале XVIII в. Северная война сопровождалась эпидемиями тифа и чумы. Тиф вспыхнул в Европе и в середине XVIII в., во время Семилетней войны. В период революционных и наполеоновских войн по всей Европе вновь прошли дизентерия и тиф.

Вместе с тем некоторые смертоносные болезни отступили. Почти исчезла проказа, наводившая страх в Средние века, постепенно терял эпидемический характер сифилис. Сначала на западе, а затем и на востоке Европы ушли в прошлое эпидемии чумы.

Важнейшими средствами борьбы с болезнями и эпидемиями оставались пост, молитва и покаяние. Широко применялись средства народной медицины, особенно в деревнях. Люди с достатком прибегали к услугам профессиональных врачей. В XVII—XVIII вв. в Европе узнали и стали использовать новые лекарственные средства, за-

везенные с других континентов. Из Индии ввозили опий, а из Америки — хинную кору. Зародилась практика *оспопрививания*. В 1721 г. в Англии по распоряжению леди Монтегю врач сделал ее дочери прививку оспы. В середине века оспу начали прививать во Франции.

Лечились обычно у себя дома, больницы были уделом бедняков и пользовались дурной славой. Медики и власти общими усилиями пытались бороться с эпидемиями. Больных изолировали в лазаретах, иногда оцеплялась вся местность, охваченная эпидемией. Одежду больных сжигали, а в домах для дезинфекции жгли ароматические вещества. Для предупреждения эпидемий устраивали карантин в портах, особенно для судов, приходивших с Востока, откуда в Европу и были завезены многие болезни.

Умирили люди в своей постели, в окружении чад и домочадцев. Близкие и знакомые умирающего старались посетить его, чтобы проститься, поэтому в момент последнего причастия в его комнате собиралась толпа народа. В конце XVIII в. врачи осуждали этот обычай как вредный для тяжело больного человека, которого, возможно, еще можно спасти. После смерти человека родные строго соблюдали принятый в данной стране и социальной среде ритуал траура. И отойдя в мир иной, люди оставались недалеко от своих родных и друзей. В раннее Новое время, как и в Средние века, кладбища располагались вокруг церквей, посреди городов и деревень. В непосредственной близости от кладбищ находились лавки и рынки. Людей знатных хоронили в церкви. В английских колониях в Америке именно на кладбищах, а не в церкви совершались похоронные церемонии. Сооружать надгробия в церкви в Северной Америке не было принято.

В XVII—XVIII вв. в Европе укоренился обычай создавать семейные усыпальницы. Местом погребения высокопоставленных и богатых семейств становились боковые капеллы приходских и монастырских церквей, часовни замков, специально возведенные часовни на кладбищах. Широкое распространение получили эпитафии, в которых родственники восхваляли и оплакивали умерших. В XVIII в. в связи с ростом населения в каждом приходе было обычно два кладбища: одно возле церкви, для наиболее уважаемых людей; другое — отдаленное, для бедняков, которых хоронили в общей могиле. Так увеличилась пропасть, разделявшая богатых и бедных даже после смерти.

РАЗДЕЛ II

СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В XVII в.

Глава 8

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1640—1660-х гг.

8.1. Предпосылки революции

Англия в первые десятилетия XVII в. В начале XVII в. престол Англии заняли правители шотландской династии Стюартов. Король Шотландии Яков VI как отдаленный потомок Генриха VII Тюдора получил по завещанию бездетной Елизаветы I Тюдор английскую корону и взошел на трон под именем *Якова I* (1603—1625). Его сменил на престоле сын и наследник *Карл I Стюарт* (1625—1649). Англия и Шотландия были теперь связаны личной унией.

Какой была Англия во времена первых Стюартов? Небольшое по территории государство с населением около 5 млн, внешне сохраняло средневековые устои и правовую систему. Страна оставалась аграрной, четыре пятых ее населения было связано с сельским хозяйством. В деревне, как и прежде, господствовал *манориальный строй*. Хозяином манора был *лендлорд*, а крестьяне в манорах были преимущественно *копигольдерами*. Лично свободные, но поземельно и судебно зависимые от дворян, они считались держателями наделов земли и общинных угодий (пастбищ, лугов) по *копии протокола манориальной курии* — судебного и административно-хозяйственного центра манора, который находился во власти лендлорда. Копия протокола фиксировала условия держания крестьянами-копигольдерами земель манора на основе обычного права, т. е. обычаев, применяемых по традиции. Дворяне же, хозяйствовавшие в своих манорах на господской (домениальной) земле, считались *благородными держателями* по рыцарскому праву и зависели от верховного собственника земли — короля, который вводил их во владение землей и в рыцарское сословие, т. е. по правовым нормам сохранялся условно-феодалный характер владения лендлордов

землями. В городах по-прежнему господствовала цеховая организация ремесел.

Однако эти внешние признаки не дают представления о глубинных процессах, протекавших в английском обществе. В первые десятилетия XVII в., несмотря на еще соблюдавшиеся старинные обычаи, традиции и правовые нормы, стали постепенно утверждаться капиталистические отношения, складывался новый уклад организации и методов хозяйствования. Базой укрепления нового уклада были высокая степень развитости товарно-денежных связей, растущая товарность хозяйства, энергичный рыночный обмен.

Сельское хозяйство. В условиях успешной коммерциализации сельского производства основной, аграрный сектор экономики переживал подъем. Сельскохозяйственная продукция занимала первое место в национальной и международной торговле. Этому содействовали устойчивый спрос на английскую шерсть вследствие роста городского населения как в самой Англии, так и на континенте, а также выгодные условия, созданные на рынке инфляцией в период «революции цен». Именно поэтому дворяне и другие богатые люди стремились расширить свои земельные владения. Их действия сопровождалась ломкой традиционных поземельных отношений, разрушением устоев крестьянской общины. Лендлорды вопреки условиям копии протокола манориальной курии посягали на владельческие права крестьян (держателей, чаще срочных, чем наследственных). Хозяин манора мог самовольно: повышать обычно фиксированные ренты, а также платежи при вступлении крестьян в держание; сокращать сроки держания, как правило, оформляемые на «три жизни» (условная «жизнь» крестьянина, первоначально определявшаяся 33 годами, стала исчисляться 7 годами); наконец, присоединять к своему домену крестьянские земли, огораживая прежде всего общинные уголья, а нередко и наделы. Так и в XVII в. продолжались огораживания, начавшиеся еще в конце XV в.

Наиболее предприимчивые хозяева маноров противоправно узурпировали крестьянские земли (законодательство против огораживаний существовало с 1488 г.). Нередко лендлорд проводил в курии проверку копий протоколов, подтверждающих права крестьян на их держания по обычаю. Если письменного подтверждения этих прав не обнаруживалось (что было не редкостью за давностью лет), судьба крестьян была предрешена, они оставались без земель. Бывало также, что лендлорды, считавшиеся владельцами всех манориальных земель, по собственной воле лишали крестьян их участков.

Огораживания проводились в центре, на востоке и юге страны, т. е. в районах оживленной торговли, развитых торговых путей. Особенно много крестьянских земель огораживали в графствах Лестершир, Бедфордшир и других, где количество огораживаний исчислялось десятками тысяч (от 10 до 30 тыс.). Этот процесс разлагал при-

вычный строй сельской крестьянской общины и активизировал формирование капиталистических отношений.

Капиталистический уклад в сельском хозяйстве. Представление о том, как выглядел новый уклад в деревне, дают характеристики хозяйств трех видов, различавшихся в зависимости от того, кто был организатором производства — дворянин, фермер-арендатор или зажиточный крестьянин. В любом случае наблюдалось качественное изменение методов хозяйствования.

Дворяне предпочитали сдавать укрупненные земельные массивы в аренду и получать высокую, произвольно назначаемую ими самими арендную плату — подвижную, регулируемую рыночной конъюнктурой, вместо традиционно взимаемой с крестьян ренты. Арендная плата нередко в 15 и более раз превышала ренту. Порой дворянин сам становился деятельным предпринимателем, развивал доходное хозяйство, привлекая вместо крестьян-держателей батраков. Он мог также превратить пахоту в пастбища, увеличить отару овец, которые высоко ценились благодаря повсеместному распространению в стране шерстяной промышленности и прежде всего сукноделия. Современникам была очевидна важность овцеводства в сравнении с продукцией пашенного земледелия. Неслучайно пастбищные земли преобладали в стране над пашней: соответственно — 11 млн и 8 млн акров (1 акр $\approx$ 0,4 га). Часто деловитые дворяне приобщались к промышленному делу или к заморской торговле. К 1630 г. 16 % численности разного рода предпринимательских компаний составляли именно компании дворян. Они по мере возможности с готовностью приобретали дополнительные земли, например, у нуждавшихся в средствах аристократов. Кроме того, любой предприимчивый человек, имевший деньги, мог приобрести землю, купить дворянский титул, обзавестись хозяйством и войти таким образом в состав нового дворянства.

На новый путь хозяйствования вступали обычно неродовитые и небогатые дворяне — *джентри* (хотя изредка хозяйственную инициативу проявляли и аристократы). В руках джентри находилось около половины используемых в сельском хозяйстве земель. Другая, бóльшая, половина принадлежала короне, церкви, аристократии и части дворян рангом ниже, а также *фригольдерам* — свободным держателям земель, находившихся вне манориальной юрисдикции. В формировании значительного слоя дворянства, вставшего на путь предпринимательства, проявилось большое своеобразие социальной структуры страны.

Еще один компонент нового уклада — хозяйства фермеров, которые арендовали у лендлордов многие сотни акров земли (обычные сроки аренды составляли от 50 до 99 лет). Рачительный предприниматель, делец, фермер вел хозяйство с размахом, используя труд наемных работников, совершенствовал агротехнику, возделывал еще мало известный в Англии картофель. Для аграрного строя страны

типичным стало преобладание именно крупной капиталистической аренды.

Наконец, еще один вид хозяйства, представлявший новый уклад, возникал в результате расслоения основной массы населения Англии — крестьянства (свыше 60 %). Оно не просто имущественно дифференцировалось (что наблюдалось в стране и в прежние времена), а переживало процесс «раскрестьянивания». Динамично развивающиеся рыночные отношения обуславливали обогащение части крестьян, выделение зажиточной верхушки. Таких крестьян именовали *йоменами* (собираательно — *йоменри*). Йомены прибегали к применению наемного труда и часто арендовали добавочные участки земли.

Наряду с йоменами, в результате «раскрестьянивания» и присоединения лендлордами к доменам земель крестьян, возникла огромная масса вовсе безземельных *пауперов*. Беднейшие же крестьяне, еще не полностью лишившиеся земли, держали столь малые наделы, что их обычно называли *коттерами* — владельцами одной хижинки (коттеджа), которая только и могла уместиться на крохотном участке. Прослойка коттеров составляла в среднем от 40 до 45 % всех крестьян в манорах. Быстро протекавший процесс обезземеливания крестьян обеспечивал наемными работниками хозяйства вступивших на путь предпринимательства дворян, йоменов и фермеров.

Новые тенденции в промышленности. Среда цеховых ремесленников в городах так же, как и крестьян в деревнях, подверглась расслоению. И хотя строгие предписания цеховых статутот несколько замедляли этот процесс, тем не менее в цехах образовалась небольшая богатая верхушка, а масса бедных и вовсе обедневших мастеров постоянно росла. Так, в графстве Эссекс ремесленники жаловались на то, что они «были мастерами, а стали рабочими». Цеховая компания сукноделов Лондона в 1634 г. объединяла 2 тыс. членов, став предприятием капиталистического типа, где доминировали богатые мастера. Подмастерья и ученики фактически превратились в почти даровую рабочую силу, т. е. были низведены до статуса наемных труженников.

Ремесло развивалось повсеместно и в сельской Англии, при этом масса деревенских ремесленников также интенсивно расслаивалась, что особенно отчетливо проявлялось в сукноделии. С одной стороны, выделился узкий слой преуспевающих ремесленников, вместе с которыми трудились подмастерья, ученики, 3—4 наемных рабочих. С другой — широкий слой сукноделов-бедняков, вынужденных, как значилось в их петиции, «ограждая себя и семью от нищенства», привлекать к работе даже своих малолетних детей.

Ремесленники-бедняки и полностью разорившиеся сукноделы составляли базу рассеянной мануфактуры, развивавшейся преимущественно в деревенской местности. *Мануфактура* с наибольшей очевидностью демонстрирует появление нового уклада в промыш-

ленности. Крестьяне-ремесленники в деревнях превращались в надомников, которые по-прежнему трудились в своих домах, но на деле становились наемными работниками мануфактуристов-суконщиков, поставлявших им сырье на обработку и скупавших у них готовый товар.

Такие предприниматели использовали, как правило, не одну сотню «домашних рабочих» разных специальностей (в сукноделии применялось обычно в среднем до 13 специальных операций). Так, суконщик из Колчестера давал работу 485 надомникам в окрестных деревнях. Иногда рассеянные мануфактуры встречались и в крупных торговых городах. При смешанном типе мануфактуры надомники становились частью тружеников предприятия мануфактуриста — принадлежавшей ему центральной мастерской, куда поставлялась их продукция. Централизованные мануфактуры, в которых наемные работники трудились под одной кровлей, встречались редко — не было достаточных средств для постройки зданий. Иногда такие предприятия создавались в помещениях монастырей, секуляризированных в период Реформации.

Новые формы ремесла в рамках капиталистического уклада укоренялись вопреки серьезному противодействию цехов, опасавшихся конкуренции со стороны динамично развивавшихся мануфактур.

Промышленность страны в целом развивалась успешно. Более всех преуспевала шерстяная отрасль, особенно сукноделие. В отдельных районах ряда графств (например, Глостершира) сукноделами работали более 45 % жителей. Кроме сукна, производились одеяла, чулки и различные шерстяные изделия, востребованные в сыром климате Англии, а также на континенте. Постепенно становилось на ноги хлопчатобумажное производство, введенное в основном протестантами-беженцами из Фландрии, развивалось также шелковое. Разнообразные обрабатывающие отрасли пополнялись новыми — рафинирование сахара, бумагоделательное производство. Благодаря имевшимся в стране месторождениям полезных ископаемых процветала горнодобывающая промышленность (несмотря на технические сложности, вызванные затоплением шахт и рудников), что обусловило дальнейшее развитие металлургии и металлообработки.

Как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, новый уклад отличался от средневекового производства методами и организацией ведения хозяйства, появлением новых социальных групп.

Торговля. Несмотря на бесспорные успехи производства, источником богатства нации в начале XVII в. признавалась торговля. В графствах торговля бурилась на ярмарках, собиравшихся, как правило, по-сезонно. Растущие экономические взаимосвязи между различными районами и отраслями свидетельствовали об увеличении емкости формировавшегося внутреннего рынка, естественным центром которого стал Лондон, насчитывавший 200 тыс. жителей, не считая

населения пригородов и постоянно стекавшихся из всех уголков страны мигрантов.

Наиболее прибыльной была внешняя торговля, которая опиралась на теорию *меркантилизма*, отражавшего интересы торговых кругов. Его основным принципом признавался активный торговый баланс, нацеленный на накопление денежной массы внутри страны путем реализации политики «покупать меньше и дешевле, продавать больше и дороже». Иначе говоря, обогащение государства меркантилисты связывали с неэквивалентным обменом во внешней торговле. Многие экономические трактаты того времени посвящались пропаганде преимуществ торговли. «Евангелием меркантилизма» стали труды *Томаса Мэна*, в частности его памфлет «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией» (1621).

Внешняя торговля была сосредоточена в руках богатейших заморских компаний, монопольно торговавших даже с самыми дальними странами. Несмотря на риск, английские купцы с удивительным упорством снаряжали торговые экспедиции. В начале XVII в. были основаны *компании* — знаменитая *Ост-Индская* (1600), в правление которой, кстати, с 1615 г. входил Т.Мэн, имевшая колоссальный капитал в 1,5 млн ф. ст.; две *Виргинских* (*Лондонская* и *Плимутская*, 1606); *Канадская* (1628), *Массачусетская* (1629), пролагавшие торговые пути в Северной Америке; реорганизованная *компания* так называемых «*купцов-авантюристов*» (т.е. предпринимателей, 1614), которая вела торговлю с европейскими странами. Возрастала роль Англии как экспортера не только сырья (шерсти, угля, руд), но и готовых изделий: шерстяных тканей, обработанного олова, свинца, меди, а также и другой продукции металлургии и металлообработки.

Ростовщики-финансисты. Все сферы экономики нуждались в кредитах, и практика кредитования (особенно после отмены в XVI в. законов, запрещавших ростовщичество) широко охватила хозяйственные структуры страны. Предоставлением денежных ссуд занимались богатейшие ювелиры, золотых дел мастера, и другие люди «денежного мешка». В своих конторах они осуществляли кредитные сделки обычно из 8—10 % годовых. На основе контор возникали банки. Центром финансово-кредитных операций стала деловая часть Лондона — Сити. Ростовщики играли видную роль не только в экономике, но и в политической жизни страны.

Экономическая жизнь Англии находилась на подъеме. Однако в результате нарушения торговых путей (прежде всего из-за войн на континенте и крушения заморских экспедиций) нередко возникали и кризисы-застои. Убытки терпели не только крупные предприниматели, но и трудовой люд, лишившийся работы, а значит, средств существования.

Колонии. Английские купцы, вовлеченные в заморские торговые предприятия, основывали постоянные торговые фактории — поселения, становившиеся опорными пунктами колонизации новых тер-

риторий. Колонизация развивалась по нескольким направлениям. Англичане, встречая сопротивление местного населения, не без труда продвигались, в самой древней (с XII в.) и ближайшей колонии — Ирландии. В Новом Свете они закрепились на восточном побережье Северной Америки (Виргиния), на близлежащих островах (Бермудских, Малого Антильского архипелага), а также в Южной Америке. Еще одним направлением колонизации была Индия. Наконец, английские купцы проникли и в Африку, создав фактории в Гвинее.

Из колоний вывозили высоко ценимое сырье, приносившее баснословные барыши: шелк-сырец, табак, особые породы дерева для кораблестроения, пряности (например, перец, гвоздику), сахарный тростник, лекарственные растения (в частности, опиум). С колонизацией африканских земель была тесно связана работоторговля английских купцов. Самым богатым и влиятельным в Англии было, несомненно, лондонское купечество. В Лондоне сосредоточилось до 3/4 всей внешней торговли страны.

Освоение новых земель сталкивало интересы Англии с интересами Португалии, Испании, Голландии, Франции, что нередко выливалось в военные конфликты.

Особенности социальной структуры. Совпадение экономических интересов, сходные методы хозяйствования нового дворянства, фермеров, мануфактуристов, купечества и обслуживавших их ростовщиков-финансистов естественным образом предопределили сближение нового дворянства и буржуазии, что стало важнейшей особенностью английского общества.

Вместе с тем сохранялся довольно многочисленный социальный слой, условно говоря, старого, консервативного дворянства, мало изменившегося со времен средневековья как в хозяйственном отношении, так и в быту. Среди тех, кто продолжал вести хозяйство по старинке, взимая ренту с крестьян-держателей земель, преобладали аристократы (хотя были также мелкие и средние землевладельцы). Аристократы стремились поддерживать традиции и обычаи, оберегали средневеково-рыцарские, дворянские ценности и, как правило, отвергали любые новшества, причем часть из них даже сохраняли верность католицизму. Более всего эти тенденции были распространены в экономически отсталых северных и западных графствах.

Новые дворяне преуспевали не только в экономической сфере. Они укрепили также свои политические позиции как на местах, в графствах, где занимали посты шерифов, мировых судей и другие административные должности, так и на уровне центральной власти, в нижней палате парламента, в Вестминстере. Еще в последние годы правления Елизаветы I, требуя учитывать их интересы, представители новых кругов дворянского сословия выступали в парламенте с критикой различных аспектов политики королевы. Уже тогда в парламенте начала формироваться оппозиция абсолютной власти монарха. Однако гибкая в своих действиях Елизавета, заботясь о рас-

ширении социальной базы абсолютной монархии, в какой-то мере учитывала эту критику.

Правление Карла I Стюарта (1625—1649). С восшествием на престол династии Стюартов ситуация коренным образом изменилась. Стремление Якова I в течение всего его правления добиться расширения прерогатив королевской власти и упорное несогласие с этим парламента свидетельствовали о явном различии позиций, что вызывало бурные дискуссии о правах парламента и власти монарха. Эти споры завершались роспуском королем парламента созывов 1604, 1614, 1621 гг. При Карле I противоречия между короной и парламентом еще более обострились, что отчасти объясняется особенностями характера короля.

Карл I, как и его отец, был убежден в неограниченной полноте своей власти. «Парламент будет заседать или нет, смотря по тому, какими я найду плоды его деятельности» — заявлял король. Карл I не вполне проникся пониманием особой роли и места парламента в системе английской государственности, не осознавая того, что сам король считался подчиненным законам государства. Ощущая себя помазанником божьим, Карл I не желал признавать права парламента, верховенство законов которого считалось незыблемым. Бытовавшая формула *король в парламенте* предполагала совместную и согласную деятельность законодательной (парламент) и исполнительной (король и его правительство) власти. Карл I же стремился изменить баланс власти в свою пользу, не сомневаясь в своем праве единолично осуществлять все функции государственного управления.

Однако парламент при всем традиционном уважении к монарху и его власти, признавал себя прежде всего представителем нации, выразителем ее верховенства. Он провозглашал свою ответственность перед обществом с точки зрения соблюдения прав подданных, «вольностей свободнорожденных англичан», он рассчитывал на признание королем согласованных действий короны и парламента как гаранта *английской свободы*.

По социальному составу парламент был в большинстве своем дворянским, поскольку действовала все еще средневековая избирательная система, дававшая право голоса и право быть избранным депутатом только свободным землевладельцам (фригольдеры в соответствии с их доходами имели право голоса на основе 40-шиллингового ценза, но не могли быть избранными в парламент). Наиболее активную политически часть депутатов составляли представители экономически крепнущего нового дворянства, а также буржуазии, представленной в палате общин избранными от городов состоятельными купцами, финансистами и юристами. Они не мирились с претензиями Карла I по-своему истолковывать прерогативу короля и править, не считаясь с компетенцией парламента и законами государства.

Финансовая политика. Если верхняя палата парламента оставалась в основном оплотом короля, так как лордов в нее «приглашал»

сам монарх, то нижняя палата общин чрезвычайно остро реагировала на финансовый курс Карла I, который старался любыми путями увеличить поступления в казну. Потребность в этом диктовалась постоянно растущими расходами на содержание государственного аппарата: администрации на местах (в графствах, муниципалитетах), центральной канцелярии, флота и т.д. Весьма значительными были затраты на содержание двора, оплату множества слуг, придворных, пенсионеров. С фискальными задачами короны была сопряжена, кроме того, защита монархом традиционных основ экономического порядка (структуры землевладения, цеховой организации), с нарушителей которого взимались солидные штрафы в пользу казны.

Все еще сохранявшаяся в стране стародавняя система землевладения предполагала зависимость дворян и их благородных, или рыцарских, держаний непосредственно от короля. Часть дворянского владения землями по традиции считалась держанием военного, служилого происхождения по рыцарскому праву, и владельцы таких держаний составляли рыцарское сословие (исключением были лишь землевладельцы, еще не успевшие получить рыцарского достоинства). Сбором всевозможных платежей в пользу короля на основании поземельной зависимости (по сути феодального происхождения) занималась королевская *«Палата опеки и ввода во владение»*. Карл I, будучи верховным собственником земель, чрезмерно злоупотреблял посягательством на кошельки подданных. Он требовал платежей при вступлении лендлорда в наследство, при достижении им совершеннолетия и при многих иных обстоятельствах, то и дело произвольно им выискиваемых.

Оппозиция в парламенте в лице ее лидеров — видного деятеля купеческой элиты Лондона *Джона Пима*, *Джона Элиота*, выдающегося правоведа *Эдуарда Кока* и других депутатов, настроенная против своеволия короля, отвергала финансовые вымогательства Карла I и фактически сам институт средневековой поземельной зависимости от короля. Новое дворянство энергично отстаивало свои интересы, требовало ликвидации *«Палаты опеки и ввода во владение»*, упразднения *«всех повинностей, относящихся к рыцарской службе»*, превращения *«всякого рода рыцарского держания»* дворян в их полную собственность. Насколько традиция произвольных поборов была обременительна для дворянства, можно судить по тому, что еще в правление Якова I первый же его парламент (1604—1611) предложил королю упразднить Палату, т.е. отказаться от прав верховного собственника земель в обмен на предоставление ему ежегодно 200 тыс. ф. ст. Однако Яков I отказался от этого соглашения — *«Великого контракта»*, как называли его современники, поскольку считал контракт посягательством на свои прерогативы и невыгодным для себя. Оппозиция Карлу I, продолжая дело парламентов Якова I, стремилась к превращению земель на рыцарском праве в ничем не ограниченную собственность в свободную от средневековых услов-

ностей и пут. Дворянство было заинтересовано в свободе своей предпринимательской деятельности в качестве полноправных земельных собственников.

Решительный протест оппозиции вызывали и другие меры Карла I, направленные на увеличение доходов казны. Так, король практиковал продажу патентов на монополию как промышленного производства различных товаров (мыла, соли и т. д.), так и на торговлю ими внутри страны, а также патентов на монопольную деятельность заморских компаний. Кроме того, Карл I продавал патенты и хартии мореходам-колонизаторам, даруя им в заокеанских колониях земли в качестве держаний по воле короля. Он специально оговаривал при этом, что приобретенные территории находятся вне компетенции парламента. Прибегая к подобной практике, корона пополняла казну и обеспечивала приток в страну богатств. Однако тем самым король предоставлял привилегии узкому кругу промышленников, купцов, мореплавателей, способных внести за патент высокую плату. Власть сковывала свободу конкуренции, отстраняла от прибыльной деятельности основную массу предпринимателей. Политика Карла I к тому же открывала монополистам возможность устанавливать завышенные цены на внутреннем рынке. В парламентских речах, в многочисленных памфлетах звучал громкий протест против монополистов.

Раздражение промышленных кругов порождалось требованием властей строго соблюдать цеховые уставы, предписывавшие количество орудий производства и его стандарты, регламентацию торговли мастеров, т. е. всем тем, что было в действительности отжившим, парализовывало инициативу и предприимчивость ремесленников (например, ткачи Йорка жаловались в петиции, что уставы запрещают мастерам иметь более одного ткацкого станка). Однако королевская власть содействовала принятию все новых уставов путем продажи грамот на оформление корпораций ремесленников (так было с тем же цехом ткачей Йорка в Ньюбери и других городах).

В силу традиций английской государственности король не имел права вводить новые, чрезвычайные налоги, пошлины, тарифы и облагать ими население без санкции парламента. Вотирование парламентом таких сборов (получение королем так называемой *субсидии*) предписывало точное установление депутатами величины субсидии и конкретного срока, в течение которого король мог собирать налоги и пошлины. Однако столкнувшись с оппозицией и не рассчитывая добиться ее согласия, Карл I самолично, без одобрения парламентом стал вводить все новые налоги и пошлины («потонную» и «пофунтовую»), на товары и объявлял принудительные займы, что вызывало недовольство королевской властью не только у парламента, но и у всего общества. В ответ правительство Карла I прибегало к арестам непокорных людей или вводило разорительные военные постой в домах тех англичан, которые отказывались подчиниться

королевским налоговым «новшествами». Парламентская оппозиция расценивала финансовую политику Карла I как произвол, посягательство на права подданных, их «имущество, земли и владения», а методы проведения этой политики (в обход парламента) как незаконные, подрывающие государственные основы.

Внешняя политика. Внешняя политика Карла I отличалась непоследовательностью, противоречивостью, особенно в отношении католических Испании и Франции, давних конкурентов Англии в торговле и колониальной экспансии. После неудачного сватовства в 1623 г. к испанской инфанте (когда он был наследным принцем) Карл, став королем, объявил войну Испании, «национальному врагу» Англии. Его первый министр главный адмирал британского флота герцог *Джордж Вильерс Бекингем* (1592—1628) в трех предпринятых против испанцев экспедициях потерпел неудачу. В парламенте и по всей стране крах морских операций переживался мучительно, особенно в связи с воспоминаниями о разгроме в 1588 г. «Непобедимой армады».

С Францией поначалу наметилось сближение и даже союз — благодаря женитьбе Карла I на сестре Людовика XIII, католичке Генриетте Марии. Однако затем последовала война, которую англичане проиграли в 1628 г. Все это не добавило популярности внешней политике короля и настроило против него общественное мнение.

Религиозно-церковный вопрос. Пуританизм. В английском обществе господствовало религиозное сознание. Библия признавалась единственным источником истины, проливавшим свет на понимание государства и власти, общества и человека, его нравственности и поведения в земной жизни. Библия не только давала ответы на религиозные вопросы, но и влияла на всю общественную жизнь; была главным авторитетом; присутствовала повсюду, не только в церквях, но и в повседневной жизни англичан, во дворцах и хижинах.

В результате королевской Реформации, осуществленной в XVI в. Генрихом VIII, в Англии утвердилась государственная *англиканская (епископальная) церковь*. Главой ее был монарх, имевший титул *защитника веры*. Он назначал епископов и других верховных церковных служителей, государство финансировало церковь, в стране с населения собиралась церковная десятина (10 % от дохода). Англиканская церковь была умеренно протестантской, сохраняла многие дореформационные атрибуты католицизма — торжественную пышность богослужения, культовую обрядность, таинства (крещения и причащения). Сохранила англиканская церковь и католический догмат о спасительной силе церкви, а у протестантизма заимствовала учение о спасении каждого человека личной верой.

Почти одновременно с официальным реформационным процессом, в Англии росло пуританское движение. *Пуритане* (от англ. *pure* — чистый), не принимавшие остатков католицизма, этих «папистских суеверий», стремившиеся очистить от них англиканскую

церковь, выражали более радикальные принципы протестантизма. Они проповедовали церковь недорогую, лишенную помпезности, упрощение религиозного культа, служение Богу лишь путем толкования Священного писания, придавали большее значение проповеди, чем таинствам, признавали догму о предопределении и мирском призвании. Они не одобряли расточительность, призывая к бережливости и воздержанности.

Каноны пуританизма полностью соответствовали этике предпринимательства, духовно-религиозным потребностям и светским запросам экономически наиболее активной части общества.

Пуритан объединяла общая религиозная доктрина, но их представления о том, как должна быть организована церковная жизнь, не совпадали. В пуританизме существовали возникшие еще в XVI в. два крупных религиозных течения. Умеренное составляли *пресвитериане*, которые выступали за сохранение централизованной организации церкви, но не государственной (в отличие от англиканской). Главная роль в ней отводилась не монарху и назначаемым им епископам, а старейшинам (пресвитерам), избираемым из числа людей, наиболее влиятельных в церковных общинах. Верховным центром должны были стать церковные съезды — синоды. Другое, более радикальное течение пуритан образовали *индепенденты*, отрицавшие всякую централизованную организацию церкви и добивавшиеся независимости, полной автономии каждой религиозной общины — как в формах богослужения, так и в понимании вероисповедания. Именно такой своеобразный церковный демократизм индепендентов, отвергавших и епископов, и пресвитеров, привлекал массы.

Большинство парламентской оппозиции придерживалось пуританского отрицания догматики англиканства и «полупапистской» англиканской церкви как организации, являвшейся надежной опорой королевской власти. Пуританизм стал идейно-религиозным знаменем противников как англиканской церкви, так и абсолютной монархии. Слово «пуританин» воспринималось в обществе как синоним политического оппонента королю и его власти.

В парламенте политическая полемика между королем и оппозицией по всем вопросам выражалась в религиозной форме. Обе стороны в аргументации своей правоты пользовались не только юридическими нормами, прецедентами и терминами, но более всего — текстами Священного Писания.

Карл I как глава англиканской церкви проводил политику жесточайшего преследования пуритан — они подвергались незаконным арестам и тюремному заключению без суда и следствия.

Борьба парламента против короля. Политика Карла I вызывала постоянные дебаты в Вестминстере. Оппозиция настаивала на том, что парламент обладает верховной властью, являющейся его «старинным, существенным и бесспорным правом», а король может править только «совместно и согласно» с парламентом. Карл I, озна-

комившись с требованиями и доводами депутатов, последовал примеру Якова I — распустил два первых парламента, 1625 и 1626 гг. Однако третий парламент, созванный в 1628 г., оказался еще более несговорчивым. Лидеры оппозиции подготовили и предложили Карлу подписать по существу свой первый программный документ — «*Петицию о праве*» (1628), в котором излагались требования к королю отказаться от принудительных займов и налогов, не вотированных парламентом; прекратить незаконные аресты (в первую очередь пуритан) и посягательства на имущество людей без приговора суда; ликвидировать военные постои в домах неблагонадежного, по мнению властей, населения. Оппозиция добивалась гарантий личных и имущественных свобод. В надежде получить от палаты очередную субсидию, король подписал «Петицию о праве», придав ей силу закона. Однако он не намерен был ее выполнять. Более того, Карл I распустил парламент и не созывал его 11 лет. С 1629 по 1640 г. он по существу правил как неограниченный монарх.

Беспарламентское правление. Одиннадцатилетнее беспарламентское правление Карла I крайне обострило противоречия в английском обществе. Оппозиционеры перед роспуском парламента обратились к населению с призывом не платить налоги, не вотированные палатой общин. А король со своим финансовым советником лордом-казначеем Ричардом Уэстоном изобретал все новые методы поиска финансов для казны. Так, в 1630 г. «воскрешенный» им старинный прецедент обязывал каждого дворянина, имевшего доход не менее 40 ф. ст., платить значительную сумму за посвящение в рыцарское достоинство, что выглядело чистейшим анахронизмом. Карл I издавал указы-распоряжения местным властям об обязательном взимании с землевладельцев высоких штрафов за проведенные огораживания. Королевские комиссии 1632, 1635, 1636 гг., следившие за выполнением статуты против огораживаний, принесли казне более 30 тыс. ф. ст. Эти указы вызвали бурю негодования со стороны нового дворянства. В 1634 г. чисто фискальной мерой короля была ревизия лесных владений дворянства, часть которых (по старым описям) могла считаться принадлежавшей короне. Лендлордам в этом случае приходилось выплачивать определенные суммы в счет «возмещения» короне.

Большой отклик в стране получило так называемое *дело Хемпдена*. В 1635 г. Карл I возродил существовавшую еще в англо-саксонские времена *корабельную подать*, необходимую тогда для организации отпора пиратам в прибрежных графствах. Начиная с 1636—1637 гг. налог должны были платить все имущие жители страны. Сквайр *Джон Хемпден*, один из лидеров распущенного парламента, отказался внести «корабельные деньги» и подал судебный иск о незаконности взимания подати. Хотя судебный процесс Дж. Хемпден не выиграл, его поступок подтолкнул оппозицию к более решительному противостоянию королевской власти.

Религиозно-церковная политика Карла I усугубляла политическую реакцию. Примас англиканской церкви, архиепископ Кентерберийский *Уильям Лод* и епископы требовали от приходских священников более решительно выступать в защиту королевской власти и поддерживать неограниченное правление Карла I Стюарта.

В 1630-е гг. гонения на «врагов церкви и короля», т.е. пуритан, приняли еще больший размах. Их выслеживали, арестовывали, подвергали пыткам — бичевали, выжигали клеймо на теле, вырывали ноздри, отрубали уши. Усердно действовали *Звездная палата*, расправлявшаяся с политическими противниками, и *Высокая комиссия*, судившая отступников по религиозно-церковным мотивам. В результате гонений пуританам не оставалось иного выхода, как только покинуть родину; многие эмигрировали в Голландию, Вест-Индию, северо-американские колонии — начался *великий исход*.

Народные выступления. Упорное противодействие оппозиции политике Карла I одобрительно воспринималось значительной частью английского общества. Началось брожение среди трудовых масс, принимавшее различные формы социального протеста. Одной из причин волнений явились огораживания в результате осушения Больших болот в восточной Англии, которые стали проводить предприниматели, имевшие патент от короля. Лендлорды, не прибегавшие к огораживаниям, увеличивали свои доходы, самовольно взимая с крестьян повышенную, так называемую «улучшенную», ренту и другие платежи (в том числе за пользование мельницами, мостами, дорогами), иногда в сотни раз превышавшие обычные ренты. Кроме того король пустил в распродажу часть своих лесных массивов, где по старинному обычаю крестьяне имели лесные сервитуты — право пасти скот, запастись хворостом, собирать лесные плоды. Новые владельцы лесов лишали их этого права. И дворяне, хозяйствовавшие по старинке, и новые дворяне, в том числе «огораживатели», и пришлые предприимчивые хозяева земель теснили крестьян любимыми способами.

Крестьянские волнения стали постоянным фактором жизни общества, их требования были различны. Одни боролись против огораживаний, особенно в 1630-е гг. Большие территории начиная с 1632 г. были охвачены движениями так называемых «болотных людей». *Лесные восстания* крестьян вспыхивали в ответ на ликвидацию лесных сервитутов. Часть крестьян отказывалась вносить «улучшенные» ренты и другие платежи. Глубокая социальная дифференциация разъединяла сельскую массу. Коттеры мечтали удержать хотя бы клочок земли перед угрозой полного обезземеления. Копигольдеры хотели отмены копигольда на обычном праве, превращения его в независимую от дворян свободную собственность. Всеобщее недовольство охватило даже зажиточных йоменов, помышлявших о том, чтобы стать полноправными собственниками своей земли и избираться в парламент.

Торгово-ремесленное население болезненно ощущало на себе бремя политики короля, практиковавшего продажу монополий. Рядовые ремесленники и торговцы при господстве монополистов не могли свободно производить товары и торговать. Кроме того, на положение этих людей пагубно влияли кризисы-застой производства, которые нередко были обусловлены неудачной торговой деятельностью тех же купцов-монополистов. Подобные кризисы стали частыми (1631, 1633, 1637, 1639 г.) и наиболее чувствительно задевали лишавшихся работы и средств существования наемных труженников мануфактур и цехов, подмастерьев и учеников. Наконец, в 1640 г. разразился особенно глубокий хозяйственный кризис. Тогда была создана королевская комиссия для обследования промышленности. Комиссия во избежание кризисов предложила, в духе политики Карла I, ввести на мануфактурах регламентацию, подобную цеховой.

В 1630-е гг. участились подачи петиций и волнения торгово-ремесленных людей. Объектами их протеста были не только монополисты, но также богатые мастера и купечество, главенствовавшие в городских муниципалитетах. Преуспевающие горожане не оставались в стороне: на волне массового недовольства они отстаивали свои требования, в частности право избирать депутатов парламента.

Брожения в сельской местности и в городах перерастали в угрожающие выступления. Сбор «корабельной подати» сопровождался волнениями, участники которых грозились «прислужить» сборщиков налога, «повесить негодяев». Напряженная ситуация в обществе во многом определялась, кроме того, наличием огромных масс пауперов, оставшихся без земель бывших коттеров, а также тех, кто самочинно занимал участки лесов и пустоши, поденщиков, бродячих ремесленников, других безработных и бездомных. Их насчитывалось не менее 800 тыс. Эти люди спонтанно подключались к любым формам протеста, несмотря на то что оставались в силе статуты, сурово карающие за бродяжничество.

Примечательной чертой Англии 1630-х гг. стало распространение множества сектантских общин. Это была одна из форм народно-реформационной оппозиции, включавшая как индипендентские, так и весьма своеобразные, далекие от пуританизма, секты. Последние, как правило, выходили за пределы пуританизма в области религиозной догматики, понимания существа веры, полагая, что каждый человек и в особенности угнетенные и отверженные — истинные толкователи Священного Писания, и именно они призваны преобразовать общество на евангельских началах (Бог «предпочитает бедных», Бог «осуждает поклонение золотому тельцу»). Общей для учений различных сект была надежда на скорое обновление общественного порядка в соответствии с принципами справедливости и свободы.

Активизация населения, повсеместное распространение сект свидетельствовали о глубоком сдвиге в общественном сознании. Пери-

од правления Карла I стал временем политизации широких слоев английского общества, приобщения к политике народа.

Канун революции. Крайнее обострение социально-экономических, политических и религиозных противоречий, порожденных недовольством режимом Карла I, привело страну к общенациональному кризису, перераставшему в предреволюционное состояние общества. В 1637—1640 гг. обстановка накалилась до предела. Толчком, ускорившим развитие событий, стало *восстание в Шотландии* в 1637 г.

Положение в Шотландии было сложным. Здесь противостояли друг другу силы католического и реформационно-пресвитерианского движений. Последние еще в 1592 г. добились одобрения шотландским парламентом пресвитерианского устройства церкви. Стюарты, оставаясь королями Шотландии, стремились утвердить в ней свою абсолютную власть, и поэтому стали насаждать там епископальную церковь англиканского типа.

Карл I санкционировал новое церковное устройство — отмену пресвитерианства и расширение полномочий назначаемых королем епископов. Архиепископ У.Лод в 1637 г. распорядился проводить церковную службу в Шотландии по единообразному англиканскому молитвеннику. Шотландцев стали принуждать к соблюдению «новых канонов и новой литургии». Однако шотландцы, трепетно оберегавшие свой суверенитет, религиозно-церковную автономию и независимость, восстали и в 1639 г. вторглись в пределы северной Англии.

Карлу I требовались средства для подавления восстания и успешного ведения войны с целью изгнания их с территории Англии. Он вынужден был в апреле 1640 г. после 11-летнего перерыва созвать парламент, чтобы, как того требовала традиция, получить от него субсидию. Парламент, атмосферу в котором определяла пуританская оппозиция, отказался предоставить королю средства для войны против шотландских пресвитериан. Его в этом поощряли бурно проходившие в апреле—мае народные демонстрации в Лондоне. 5 мая Карл I разогнал парламент, заседавший всего три недели и получивший название *Короткого парламента*. Тогда горожане попытались сжечь дворец архиепископа и освободить из тюрем заключенных пуритан и других противников власти. События в столице послужили сигналом к усилению борьбы против короля и церкви по всей стране. Тем временем шотландцы продолжали наступать, королевская же армия терпела поражения.

3 ноября 1640 г. Карл I Стюарт, оказавшись в безвыходной ситуации, был вынужден вновь созвать парламент, что само по себе стало реальной победой оппозиции над королем. Этот парламент просуществовал до 1653 г. и вошел в историю как *Долгий парламент*. Оппозиция незамедлительно приступила к реализации своих первоочередных требований, и палата общин фактически трансформировалась

в верховную власть страны. Начало заседаний Долгого парламента, получившего вскоре поддержку массовых движений, означало начало революции.

8.2. Начальный этап революции (ноябрь 1640 — август 1642 гг.)

Деятельность Долгого парламента. Парламент оказался в центре революционных событий. Среди его депутатов (547 человек) большинство (55 %) составляли представители оппозиции. Это были джентри, купечество, финансисты, а также юристы-адвокаты, т. е. люди предпринимательских кругов, активно вовлеченные в экономическую деятельность. Меньшинством же Долгого парламента (39 %) были сторонники короля, которые склонялись к традиционным хозяйственным методам. Оппозиционные депутаты стали, по признанию современников, «главными архитекторами машины», работающей против короля и его приверженцев. Лидера оппозиции *Джона Пима* (ок. 1584—1643) называли «король Пим» в противовес Карлу I Стюарту.

Начальному этапу революции были присущи некоторые особенности: во-первых, согласованная деятельность в парламенте пресвитериан и индепендентов при том, что пресвитериане имели большинство и возглавляли оппозицию; во-вторых, соблюдение депутатами традиционных норм, исторически сложившихся во взаимоотношениях между нижней палатой и королем, что предполагало необходимость добиваться санкции короля для принятия законов. Однако в действительности преобразования, решительно проводимые парламентом, выходили за грань привычных понятий о соотношении прерогативы короны и полномочий представительного органа. Несмотря на то что все законы обязательно должны были получать санкцию короля, Долгий парламент в течение 1640—1641 гг. сумел сконцентрировать в своих руках всю высшую власть в государстве — законодательную, исполнительную и судебную. Принятый в феврале 1641 г. *Трехгодичный акт* узаконил созыв парламента не реже чем раз в 3 года, причем независимо от желания короля. В мае того же года король был вынужден подписать принципиально важный закон о роспуске парламента только по его собственному решению. Были учреждены постоянные комитеты, временные комиссии (всего — до 40) по административным (в том числе должностным), финансовым и прочим вопросам (Комитет безопасности, Комитет по ассигнованиям и др.). В графства были посланы комиссары парламента, и там, наряду с властью шерифов и мировых судей, были созданы местные парламентские комитеты.

Палата общин весьма энергично оказывала давление на короля. При всеобщем одобрении населения парламента ликвидировал кара-

тельные органы власти — Звездную палату и Высокую комиссию. Новая власть с вынужденного согласия короля отстранила его «дурных советников», передала суду проводников стюартовской политики, а среди них и фаворита Карла I, его министра, прозванного в народе «черным тираном», лорда Страффорда (Томаса Уэнтворта), и архиепископа У.Лода, которые были казнены. Ликование жителей вызвало освобождение парламентом из тюрем жертв королевского и церковного произвола.

Пристальное внимание депутаты уделили финансовым вопросам: королю запрещалось отныне самовольно взимать любые поборы с населения без санкции на то парламента; отменялись «корабельная подать», «потонные» и «пофунтовые» сборы; кроме того, были ликвидированы патенты на монополии, а их владельцы удалены из парламента. Комитет по делам религии подготовил билль о ликвидации епископальной церкви и провозгласил союз и дружбу с пресвитерианской Шотландией во имя «истинной религии». Парламент образовал специальный комитет по делам Ирландии с целью укрепления там английского господства.

Деятельность парламента получила в стране значительный отклик. Особенно активны были жители Лондона. Некоторые лондонцы вооружились и охраняли Вестминстер, где заседал парламента, а также королевский дворец Уайтхолл: они были начеку, боясь происхождения петиций и памфлетов. Ободренные решительной самостоятельной позицией парламента пуритане открыто выступали с осуждением короля, церкви, епископата. Население Англии надеялось на парламента, доверяло ему и одобряло начатые им преобразования.

Вместе с тем в графствах среди трудового люда раздавались требования прекратить огораживания, вернуть огороженные земли крестьянам, отменить церковную десятину. В стране ширилось сектантское движение.

Все это внесло некоторое смятение в среду парламентариев и приверженцев короля. И те и другие опасались, как бы волна всеобщего негодования не затронула их самих и их собственность. В парламенте неслучайно звучали голоса против «равного распределения земли и имущества». Оберегая свои земли, новая власть уже в 1641 г. объявила о неприкосновенности изгородей, возведенных до созыва Долгого парламента, т. е. признала огораживания законными. Видимо, чтобы смягчить недовольство крестьян, парламента отменил законы о распродаже королевских лесов.

«Великая ремонстрация». В ноябре 1641 г. парламента представил королю *«Великую ремонстрацию»* (т. е. «протест») — главный программный документ этого этапа революции. Текст Ремонстрации (204 статьи) делился по содержанию на две части: в одной подробно излагались злоупотребления, совершенные за время беспарламентского правления Карла I, под влиянием, как считали депутаты, «дур-

ных советников и папистов». В другой части Ремонстрации выдвигались требования парламента: свобода предпринимательства, отказ от монополий, запрет финансовых вымогательств короля, пуританская реформация церкви, пресечение поплзновений католиков. Главное, категорически отвергалось «превознесение прерогативы короны над законом» и отстаивалось правление короля совместно и в согласии с парламентом, что означало отрицание абсолютной власти монарха. Решением нижней палаты «Великая ремонстрация» была отпечатана (против воли короля) и стала манифестом парламента, обращенным ко всей нации.

Успешно начатая деятельность парламента осложнилась осенью 1641 г. В октябре началось восстание угнетенных ирландцев. Карл I воспрял духом, он писал своему соратнику: «...дурные вести из Ирландии помешают свершению некоторых безумств в Англии». Король не только отказался подписать «дерзкую Ремонстрацию», но попытался арестовать лидеров оппозиции в парламенте — Дж. Пима, Дж. Хемпдена и других, а затем распустить непокорную палату. Однако бдительность депутатов и лондонцев сорвала его планы, а солидарные с парламентом тысячи крестьян и ремесленников, прибывшие в Лондон из окрестностей и близлежащих графств (что напугало и самих депутатов), защитили палату общин. В январе 1642 г. Карл I отправился на Север, население которого сохраняло верность королю. В августе того же года он поднял в Ноттингеме королевский штандарт, объявив парламенту войну.

8.3. Первая гражданская война (август 1642 — март 1647 гг.)

Расстановка сил. Лагерь роялистов, сплотившийся вокруг Карла I Стюарта, состоял из аристократии, титулованного дворянства, сохранявших преданность монарху и одобрявших его политику. На стороне короля было и хозяйственно отсталое дворянство, политически консервативное, сохранявшее верность традиционным устоям, дорожившее милостями и почестями со стороны короны. К тому же некоторые из дворян находились на королевской службе. Короля поддержали епископы и англиканское духовенство. В королевский лагерь входила также часть буржуазии, экономически зависимая от короля и его политики предоставления привилегий богатейшей верхушке общества. Это были торговые, промышленные и колониальные монополисты, финансисты-кредиторы двора, откупщики налогов, тесно связанные с короной экономическими узами. В целом роялисты в их противостоянии парламенту отличала сплоченность и монолитность.

Поддерживавшие парламент слои общества, отвергавшие абсолютную власть короля и англиканскую церковь, были довольно раз-

народны: новое дворянство, некоторые именитые лендлорды, самые широкие слои купцов и мануфактуристов, значительный круг финансистов лондонского Сити, юристов и, наконец, значительная часть народных масс.

Верхи парламентского лагеря, еще ранее разделившиеся на два религиозных течения, в ходе революции оформились и как политические группировки — пресвитериан и индепендентов. В обеих группировках ведущей силой являлось новое дворянство, политически активное, сильное своим сословным престижем, энергичное благодаря обретенному навыку предпринимательства. Умеренная группировка пресвитериан объединила наиболее состоятельные круги нового дворянства и богатой буржуазии, в том числе финансистов лондонского Сити, отдельных аристократов. Более радикальная группировка индепендентов включала основной слой джентри и значительную часть буржуазии, расположив к себе также широкие массы населения, которые не только поддерживали оппозиционный лагерь, но и оказывали влияние на оппозиционных лидеров, нередко подталкивая их к активным действиям.

Во время революции были группы населения, которые вообще оставались в стороне от развернувшейся борьбы и не присоединялись ни к королевскому, ни к парламентскому лагерям. Жители 22 районов страны заключили соглашения о своей нейтральности. Причины для этого у всех были разные: одни проявляли равнодушие или неосведомленность, не позволявшие им разобраться в сложной обстановке; другие держались в стороне по принципиальным соображениям, не разделяя целей обоих лагерей; кое-кто был готов даже к вооруженному противостоянию обеим сторонам; а некоторые вообще не желали быть втянутыми в противоборство.

Реорганизация армии парламента. В период первой гражданской войны ведущую роль в парламенте по-прежнему играли пресвитериане. Их наиболее заметными лидерами были *Дж. Пим* и *Ф. Стептон*, а военачальниками — *граф Манчестер* (из палаты лордов) и *граф Эссекс*. В начале военного конфликта армия парламента в основном терпела неудачи. И это при том, что на ее стороне были экономически передовые центр и юго-восток страны, порты и флот. Королевскую же армию (*кавалеров*) во главе с племянником короля, принцем Рупертом, поддерживали более отсталые графства, прежде всего, севера. Костяк армии образовала дворянская конница — опытная, хорошо обученная, опытная в боевых действиях.

Поражения парламентской армии объяснялись как военными, так и политическими факторами. Большая часть ее была составлена из наемников, как правило, безразличных ко всему происходящему. Другая комплектовалась в графствах и городах из местных ополченцев, слабо организованных, вовсе не обученных и готовых сражаться лишь в границах собственной территории. Военные неудачи

объяснялись также тем, что пресвитерианские военачальники, испытывая почтительность к монарху, сражались вяло, избегали решительных действий. Граф Эссекс признавался, что, наряду с крупным поражением, он больше всего боится крупной победы. Кроме того, они опасались в случае успеха спровоцировать еще большую активность народа, страшились возможных его бесчинств. К началу 1643 г. выявилась политическая программа пресвитериан: склоняясь к примирению с Карлом I, они сепаратно вступили в переговоры с ним и изложили свои весьма умеренные условия в «*Мирных предложениях*» — роспуск королевской армии и церковная реформация по пресвитерианскому варианту. «Предложения» король отверг («Нет епископов, нет и короля» — таково было не раз высказанное убеждение Карла I).

Перелом в войне в пользу парламента произошел в 1644 г. Во многом этому способствовали парламентская группа индипендентов, их лидеры (*Г. Вен, А. Гезбриг*) и военачальники, среди которых выделялся *Оливер Кромвель* (1599—1658), возглавивший индипендентов и ставший лидером революции — человек незаурядных способностей и решимости. О. Кромвель родился в семье дворянина средней руки — джентри, разбогатевшего в период королевской Реформации и секуляризации монастырских земель. В ней царил пуританская атмосфера, и О. Кромвель глубоко впитал традицию пуританизма — он был чрезвычайно набожным, его речь непременно содержала ссылки на Библию. Образование он получил в университете Кембриджа (1616) и в Лондоне (1619—1620), где учился юриспруденции. В 1628 г. началась политическая деятельность О. Кромвеля — его избрали депутатом парламента. Типичный сквайр, он женился на дочери состоятельного торговца мехами, так что его брак олицетворял союз нового дворянства и буржуазии. В 1640 г. О. Кромвель был вторично избран депутатом, став членом Короткого, а затем и Долгого парламента, где входил в комитет по религиозным делам. Начав войну в чине капитана, он всецело посвятил себя военной карьере (к 1644 г. стал генерал-лейтенантом). Отмечая типичные свойства личности О. Кромвеля, художники того времени изображали его с Библией в одной руке и с мечом в другой, подчеркивая религиозность сурового пуританина и его талант военачальника.

Индипенденты, в противоположность пресвитерианам, стремились к полному разгрому королевской армии. О. Кромвель на практике доказал возможность этого. В конце 1643 г. он призвал в свои отряды людей из народа — йоменов, фригольдеров, ремесленников — тех, кто был в состоянии запастись всем необходимым для службы в кавалерии. О. Кромвель предпочитал, по его словам, человека «в грубошерстном кафтане, который знает, за что сражается». Его солдаты воспринимали дело парламента как свое кровное, к тому же они были «людьми духа», полными религиозного энтузиазма. Отряды О. Кромвеля принесли парламенту первую значительную и перело-

мившую ход войны победу в июле 1644 г. в *битве при Марстон-Муре* (близ Йорка). Эти «божьи ратники» сражались, писал очевидец, «сплоченно, как один человек». Отряды, скомплектованные из убежденных добровольцев, хорошо подчинялись воинской дисциплине. Как религиозные фанатики, они шли в бой с пением псалмов и неизменно побеждали. Их прозвали *железнобоками*.

О. Кромвель был инициатором реорганизации парламентской армии по образцу своих отрядов. В этом он опирался на поддержку масс, которые в петициях требовали допуска в армию народных добровольцев. В парламенте развернулись жаркие дискуссии между индependентами и пресвитерианами. Наконец, опасавшийся народной стихии парламент вынужден был уступить давлению «снизу». В феврале 1645 г. был принят закон об организации *парламентской армии «Нового образца» — «Новой модели»*, как стали ее называть. В апреле того же года закон *«О самоотречении»* отстранил от руководства армией прежних военачальников, за исключением О. Кромвеля. Их заменили офицеры-индependенты, отличавшиеся личной доблестью, военными способностями, преданностью делу парламента. Среди них было немало простолюдинов: полковники *Т. Рейнсборо* (шкипер), *Т. Прайд* (извозчик). Создавалась регулярная армия с единой системой финансирования, общим командованием во главе с *Т. Ферфаксом* и его помощником О. Кромвелем, возглавившим кавалерию с новым составом верных солдат из народа. Их стали называть *круглоголовыми* (в связи с короткой стрижкой) в отличие от *кавалеров* с их длинными кудрями. Это была подлинно революционная армия, хотя ее боевой дух часто принимал форму религиозной экзальтации. В ходе войны «Новая модель» увеличилась с 22 до 70 тыс. человек.

Реформа армии уже в июне 1645 г. обеспечила победоносный исход войны в *битве при Нейзби* (в графстве Норхемптон). Король капитулировал, обстриг волосы и бороду, и переодевшись в костюм слуги, в карете со своими приближенными отбыл к шотландцам, рассчитывая на их пиетет к монарху исконной династии Стюартов. Однако шотландцы-пресвитериане выдали Карла I пуританскому парламенту Англии. Долгий парламент заплатил за короля непомерно большой выкуп в 400 тыс. ф. ст. Преданного и проданного шотландцами Карла I английские комиссары с большим почетом, с пушечными залпами и колокольным звоном препроводили в замок Холмби на севере Англии, где его жизнь была обставлена с подобающей роскошью. Последние бастионы роялистов пали в марте 1647 г.

Законодательство парламента в период войны. В 1643 г. палата общин приступила к решению религиозно-церковного вопроса. Пресвитериане в начале года созвали в Вестминстере первый синод. Одновременно парламент принял закон «Об уничтожении англиканского епископата», как тогда говорили, «с корнем и ветвями» (январь 1643 г.). Закон удовлетворил весь пуританский лагерь. Однако осенью того же года пресвитериане заключили с Шотландией *«Торже-*

стенную Лигу и Ковенант» — договор о союзе двух государств на основе пресвитерианской веры. В 1644 г. решением синода вводился обязательный пресвитерианский культ богослужения по всей Англии, что, естественно, противоречило намерениям индепендентов.

В период войны парламент занялся также решением аграрной проблемы. В марте 1643 г. был издан закон «*О секвестре*» (конфискации, отчуждении) владений духовных лиц (архиепископов, епископов и др.) и активных роялистов. Другой закон (ноябрь 1646 г.) касался конфискованных земель, которые распродавались большими участками. В среднем цена одного участка епископской земли (таких участков было 727) составляла 911 ф. ст., мелким считался участок стоимостью в 100 ф. ст., тогда как приличный годовой доход крестьянина не превышал 10 ф. ст. Покупать земли могли лишь очень богатые люди. Распродажей земель парламент решал свои финансовые потребности — он получил в итоге более 2 млн ф. ст.

Наконец, летом 1643 г. парламент приступил к процедуре рассмотрения вопроса о статусе дворянского землевладения. Был учрежден комитет для подготовки закона, касающегося «благородных» держаний и судьбы архаичной Палаты опеки и ввода во владение, с которой приходилось иметь дело дворянам, возведенным в рыцарское достоинство (с рыцарским дворянством не следует путать титул личного дворянства). Палата олицетворяла собой — по средневековой традиции — поземельную зависимость дворянства от короля. В феврале 1646 г. депутаты приняли закон «*Об упразднении Палаты*». Закон означал отмену рыцарского держания, т.е. ликвидацию условно-феодальной природы землевладения дворянства. Лендлорды освобождались от поземельной зависимости, от всех платежей, повинностей, служб феодального происхождения в пользу короны. «Все держания, основанные на *оммаже* (т.е. рыцарские держания)... равно как и все другие связанные с ними обязательства, отменяются» — значилось в тексте закона. В результате правовой статус земельной собственности коренным образом изменялся, дворянское землевладение приобретало черты свободной собственности, независимой от короля.

Финансовая политика парламента щедро компенсировала богобязанных пуритан лондонского Сити путем уплаты им солидных процентов по предоставляемым этими «толстосумами» займам, необходимым для ведения войны. Чтобы покрыть большие проценты, Палата общин усилила налогообложение населения. В 1643 г. были введены многочисленные акцизы, т.е. косвенные налоги на товары широкого потребления — на топливо (уголь), ткани, продовольствие.

Нарастание протеста масс. Положение простого люда в период войны заметно ухудшилось. Враждующие армии вытапывали посевы, отбирали у населения съестные припасы, конфисковывали лошадей. Солдатские постои наносили жителям серьезный материальный урон. Война нарушила обычное течение хозяйственной жиз-

ни, затруднила сношения между графствами. Кроме того, в 1646 г. случился неурожай. А в начале 1647 г. грянул очередной кризис — застой промышленности и торговли, чреватый ростом безработицы.

Вспыхнули с новой силой массовые волнения в городах и сельской местности. Десятки тысяч простых людей в графствах образовали *движение клобменов* («дубинщиков») в защиту, как они провозгласили, «личности и имущества от насилия и грабежа», за прекращение военных действий. Усилилась борьба крестьян против огораживаний. Одни крестьяне уничтожали изгороди и возвращали себе огороженные земли. Другие, чтобы не допустить огораживаний, пытались охранять свои земли, организуя посменные дежурства. Крестьяне отказывались платить «улучшенные» ренты и другие платежи, порой сжигали манориальные документы, в которых фиксировалось их подчинение лорду манора. Множество петиций направлялось парламенту, в них выражалась надежда крестьян узаконить их право на владение землей. Крестьяне хотели быть такими же хозяевами своих наделов, как лендлорды.

Особое место в этой борьбе занимало сектантское движение. *Секты рэнтеров, милленáриев, сикеров* и многие другие выражали в своих религиозных взглядах собственное отношение к Священному писанию, к христианским канонам, к Богу. Некоторые считали, что «моральный кодекс» Библии не обязателен, что Бог существует в каждом человеке и в любой вещи, приходили к *пантеизму* или вплотную приближались к полному отрицанию религии. Социальные воззрения сектантов сводились к стихийному примитивному *эгалитаризму* — все люди равны перед Богом, равноправие — божий дар. Их политические идеалы чрезвычайно разнились — от веры в необходимость покончить с монархией и установить «истинно народную» республику до отрицания всякого государства.

Практика сектантов, их поведение выглядели также весьма разнообразно: были среди них мирно, пацифистски настроенные (*квaкеры*), были воинственные, призывавшие к восстанию (*милленариисты*), были многие, *исповедовавшие «культ греха»*, предававшиеся «земным радостям» (питейные сборища, кощунственные песни, прелюбодения, богохульство). Наконец, некоторые в своем поведении отличались странным сумасбродством (появлялись обнаженными, в перьях и т. д.). Все эти чудачества и странности сектантов в действительности в своеобразной форме отражали стремление обездоленных людей обрести лучший порядок — свободу и справедливость.

В целом же в народных петициях сообщалось о горьком разочаровании политикой парламента: «Мы верили в вашу искренность... а вы ограбили и разорили нас». Выразитель народных чаяний обращался к О. Кромвелю в предупреждающей манере: «...если и впредь будешь тормозить в парламенте наши петиции, то для всех нас, угнетенных и задавленных, слишком полагававшихся на тебя, избавление придет не от вас...» (т. е. не от Долгого парламента).

8.4. Борьба за дальнейшие преобразования (март 1647 — февраль 1648 гг.)

Цели пресвитериан и программа индепендентов. После окончания первой гражданской войны обнаружилось еще более серьезные противоречия между пресвитерианами, имевшими большинство в парламенте — «верховой власти нации», и индепендентами, руководившими армией. Умеренные и весьма осторожные пресвитериане, вполне удовлетворенные проведенными преобразованиями, стремились к соглашению с королем. В замке Холмби пресвитериане воздавали королю все почести и выполняли его желания: Карлу I разрешили иметь большую свиту, короля выслушивали на коленях, преклонив головы, целовали ему руку. Пресвитериане были заинтересованы в возвращении Карла к монаршей деятельности, что означало бы для них восстановление порядка в обществе. Их второй задачей был роспуск армии, избавление от этого «гнезда мятежа».

Индепенденты же добивались более существенных завоеваний, чем те, что были достигнуты в течение 6-летней борьбы. Генералы и офицеры разработали программу дальнейших преобразований. Индепендентский вариант государственного переустройства излагался в документе *«Главы предложений»* (август 1647 г.). Его основными авторами были О. Кромвель и его зять, генерал *Г. Айртон*, идеолог индепендентов. В «Главах предложений» предусматривалось, прежде всего, расширение полномочий парламента: парламент надлежало избирать каждые два года; он получал судебную власть и право контроля над армией. Предполагалось изменение избирательной системы с учетом интересов состоятельных групп. Имелось в виду перераспределение избирательных округов пропорционально сумме налогов, уплачиваемых жителями каждого округа, с целью предоставления крупным городам права избирать в парламент; таким путем существовавший земельный избирательный ценз заменялся имущественным цензом, который могли платить богатые люди, не имевшие земель. Кроме двухпалатного парламента, «Главы предложений» предусматривали создание Государственного совета как органа исполнительной власти, ответственного перед парламентом. В церковном плане индепенденты требовали отмены «насильственного принуждения» к пресвитерианской вере и — что было существенно для индепендентов — легализации и автономии каждой религиозной общины (кроме «католиков-папистов»). В остальном проект конституции индепендентов не отличался от политической платформы пресвитериан. О. Кромвель и его соратники сохраняли незбылемыми монархию и палату лордов как ее неперемный атрибут.

Левеллеры. Армия выступала солидарно против соглашения с королем и против роспуска «Новой модели», т.е. против «происков пресвитериан». Однако солдатской массе стало ясно, что «Главы

предложений» удовлетворяли лишь верхушку армии, тех, кто шел за индипендентами. Солдаты понимали отличие интересов простых людей от целей руководства армии, изложенных в программе индипендентов. Социально и политически дистанцируясь от офицеров, называя их с насмешкой «грандами», «шелковыми», солдаты все более прислушивались к агитации левеллеров.

Левеллеры (уравнители) стали заметны в ходе революции с 1645 г. Тогда они сплотились в идейное течение единомышленников и тревожили страну смелыми памфлетами, направленными против королевской власти, церкви, а также против политики Долгого парламента. Уже в 1647 г. левеллеры организационно оформились в политическую группировку демократической ориентации, сторонники которой раньше всего появились в Лондоне, а затем левеллерское движение распространилось по всей стране. Наиболее видными его идеологами и деятелями были *Р. Овертон*, *У. Уолвин*, *Дж. Уайлдмен*. Их признанным лидером стал *Джон Лилберн* (ок. 1614 — 1657). Дж. Лилберн родился в семье небогатого дворянина, учиться ему пришлось у лондонского торговца сукном. Нюжды и недовольство торгово-ремесленной среды повлияли на его восприятие режима Стюартов как несправедливого, что подтолкнуло Лилберна к оппозиционным кругам. Талантливый публицист, целеустремленный и энергичный по природе, он неустанно выступал в своих памфлетах против любой тирании, за что не раз оказывался в тюрьме по распоряжению как короля, так и Долгого парламента. Мужественная борьба Лилберна вдохновлялась главной идеей: «Свобода — единственное сокровище». По завершении гражданской войны, в которой он участвовал как офицер кавалерии парламента, Дж. Лилберн стал призывать индипендентов к дальнейшим преобразованиям, которые выходили бы за рамки их программы и отвечали интересам народа. Демократические взгляды и смелость, острый язык и бесстрашное перо снискали ему популярность среди простых людей, называвших Лилберна «честным Джоном». Пропаганда левеллерских взглядов имела несомненный успех — увеличивались ряды гражданских и армейских левеллеров.

Идеи левеллеров базировались на важных теоретических основах. Левеллеры исходили в своем политическом учении из естественного права, провозглашавшего свободу каждого человека и равенство всех людей. Они придерживались концепции общественного договора, т. е. договора между государством, с одной стороны, и обществом, с другой. Отсюда происходила *идея народного суверенитета*, так как общество, по мнению левеллеров, благодаря договору сохраняет за собой высшую власть. Верховенство народа, принадлежность высшей власти «свободнорожденным англичанам» — фундаментальный принцип демократического политического учения левеллеров.

Конкретная программа левеллеров формировалась в ходе революции, видоизменялась в горячих спорах и запечатлевалась во множе-

стве документов, петиций, памфлетов. Первым документом гражданских левеллеров была *«Большая петиция»* (март 1647 г.), поданная парламенту сразу по окончании войны. Этот манифест знаменовал рождение левеллерской демократии. В октябре 1647 г. армейские левеллеры составили документ *«Дело армии»*, в котором в зародыше нашли воплощение идеи основной программы левеллеров — *«Народного соглашения»*.

«Народное соглашение». Документ, написанный совместно представителями армейских и гражданских левеллеров, представлял собой, по существу, проект левеллерской конституции. Затем *«Народное соглашение»* многократно дорабатывалось (насчитывают до 7 его редакций). *«Народное соглашение»* предполагалось принять в ходе всеобщего референдума. Как признают исследователи, это была первая в истории демократических движений попытка предложить писаную конституцию. Основная, политическая часть *«Народного соглашения»* излагала принципы глубокой демократизации государственной системы. Провозглашался *«взаимный договор»* между государством и обществом, имевший целью уничтожить любой произвол властей и учредить справедливое правление. Левеллеры отвергли монархию, являясь сторонниками республиканской формы политического устройства. В республике, где, по мнению левеллеров, реализуется идея народного суверенитета, власть должна исходить от однопалатного, избираемого каждые два года (в других редакциях — одногодичного) парламента из 400 депутатов (палата лордов подлежала ликвидации). В компетенцию парламента входили все вопросы внутренней и внешней политики. Особо подчеркивалась гарантия парламентом безопасности *«личности, свободы, собственности»*. Парламент не мог вмешиваться лишь в *«дела веры, религии и богослужения»*, т. е. утверждалось отделение церкви от государства. Левеллеры были также сторонниками веротерпимости.

Приверженцы всеобщего политического равенства, левеллеры предлагали избирательное право для мужчин с 21 года. Исключение они делали лишь для активных роялистов, *«слуг и лиц, живущих милостью»*, т. е. получателей *«благотворительного пособия»*, поскольку материально зависимые люди не могли, как полагали левеллеры, быть самостоятельными при голосовании. Левеллеры выступали, кроме того, за перераспределение избирательных округов, чтобы в парламенте не было *«множества представителей от гнилых местечек или незначительных городков»* и чтобы представительство было более равным, т. е. пропорционально численности жителей. В *«Народном соглашении»* демократические стремления левеллеров отразились и в предложении выплачивать депутатам жалованье (имея в виду прежде всего народных представителей). Практическое управление, по предложению левеллеров, должен был осуществлять *«комитет депутатов»* парламента (в других редакциях — Государственный совет), т. е. исполнительная власть, правительство. Всем лицам

на государственных постах следовало отчитываться перед парламентом. В конституции левеллеров фиксировалось, что «законы должны быть равными для всех».

Цель достижения именно политического равенства преобладала в идеологии и деятельности левеллеров, нередко их называли *политическими*, или, реже, *юридическими левеллерами*. Их социально-экономические требования, рассеянные в различных текстах, находились на втором плане. Левеллеры признавали незыблемым принцип частной собственности: нельзя, полагали они, «уравнивать состояния людей, упразднять собственность и объявлять имущество общим». Они призывали к отмене церковной десятины, настаивали на свободной торговле (против монополий), выступали против огораживаний и за возвращение огороженных общинных земель (порой допускали их выкуп). Левеллеры требовали обеспечить плату жителям за постоя в их домах, облегчить налоговое бремя, иногда предлагали увеличить заработную плату «бедным людям за их труд».

Отличаясь от индипендентских «Глав предложений», «Народное соглашение» и другие документы левеллеров вдохновляли демократические слои общества на борьбу за углубление преобразований. В противовес конституционной модели индипендентов левеллеры стремились к созданию новой политической системы, обязанной своим происхождением суверенному народу и ответственной перед ним.

Обострение противоречий в армии. Под влиянием левеллеров солдаты более решительно, чем офицеры, выступали против намерения «новых выскочек — пресвитериан» распустить армию. В полках возникли советы избранных солдатами агитаторов (апрель — май 1647 г.), которые провозгласили себя выразителями общенародных интересов. Представители агитаторов, наряду с офицерами, вошли в созданный в июне 1647 г. *Совет армии*. Встревоженные решимостью солдат офицеры начали склоняться к переговорам с королем. По поручению армейских индипендентов, короля перевезли из замка Холмби в ставку армии, а затем под Лондон во дворец Хемптон Корт. Теперь и пресвитериане, и индипенденты уповали на соглашение с королем.

Общеармейское собрание летом 1647 г. приняло торжественное обязательство: армия — «последний бастион свободы» — не будет распущена до тех пор, пока не добьется удовлетворения своих требований. Солдаты побуждали О. Кромвеля к походу на Лондон; они понимали тактику пресвитериан, которые вели дело к свертыванию революционных преобразований. Ход событий был ускорен попыткой пресвитериан изгнать депутатов-индипендентов из палаты общин и создать в Лондоне верные им вооруженные силы.

В ответ на это армия во главе с О. Кромвелем 6 августа 1647 г. вступила в Лондон, с воодушевлением встреченная многотысячным населением столицы. Кавалерия Кромвеля окружила Вестминстер, и

офицеры провели «чистку» парламента, изгнав из него лидеров пресвитериан — Ф. Степлтона и других (они отправились в эмиграцию). Так, опираясь на военную силу и поддержку масс, индепенденты под напором солдат левеллерской ориентации распространили свою власть и на парламент. Политическое господство перешло к индепендентам. Современники осознавали суть происшедшего: «Бог низложил славу короля и его партию. Он ниспроверг и партию Сити» (т. е. пресвитериан).

Осенью 1647 г. идейные разногласия между солдатами и офицерами раскололи армию. Политическая борьба в ней приняла форму постоянных дискуссий и фокусировалась на принципиальных вопросах — о судьбе монархии, о роли парламента, об избирательном праве. Апогеем дискусионных баталий стала *конференция Совета армии* в конце октября — начале ноября 1647 г. в местечке Патни близ Лондона. Здесь столкнулись взгляды сторонников «Глав предложений» (О. Кромвелля, Г. Айртона) и агитаторов «Народного соглашения» (Э. Сексби, Дж. Уайлдмена). В итоге длительных дебатов солдатам не удалось отстоять левеллерскую программу дальнейших преобразований. Индепенденты же, убедившиеся в непреклонности солдат, удалили агитаторов из Совета армии. Это обстоятельство еще сильнее взбудоражило солдатские массы. Они требовали принятия «Народного соглашения» и демонстрировали в полках боевой дух: «Свободу народу, права — солдатам». Но Кромвель быстро расправился с наиболее активными солдатами, предав 14 из них военному суду и в назидание остальным приговорив одного солдата, Р. Арнолда, к расстрелу тут же перед строем. Дальнейшее противоборство в армии приостановилось из-за бегства короля из дворца Хемптон-Корт на о. Уайт. Однако Карл I, надеявшийся на освобождение, попал в руки верной Кромвелю охраны. И все-таки королю удалось тайно вступить в сговор с шотландцами, теперь они поддержали Карла, предвидя отмену индепендентами пресвитерианской церкви. Король, рассчитывая на помощь шотландцев и англичан-роялистов, в феврале 1648 г. начал новую войну против парламента.

8.5. Демократический этап революции (февраль 1648 — май 1649 гг.)

Вторая гражданская война. Шотландская армия контролировала север Англии, на остальной территории страны пришли в движение верные королю роялистские полки. Подняли голову сторонники короля, для которых он продолжал оставаться помазанником божьим; в Нориче, Колчестере вспыхнули мятежи роялистов. Парламентская армия с огромными трудностями, но достаточно быстро одержала победу над войсками короля. Решающая *битва* произошла *при Престоне* (графство Ланкашир) в августе 1648 г. Вой-

на завершилась полным разгромом шотландских и английских роялистов.

Оставшиеся во время войны в Лондоне депутаты-пресвитериане предприняли еще одну попытку договориться с королем и распустить парламентскую армию. Вести об этом до предела жесточили солдат и офицеров против короля и пресвитериан. Король — главный «преступник», вновь развязавший «зловредную войну» — так считали в войсках и единодушно требовали «возмездия и справедливости». В начале декабря 1648 г. Карла I без обычных почестей, без свиты перевезли с о. Уайт на южное побережье Англии, где король, по сути, оказался под арестом.

Совет армии тем временем обнародовал декларацию о возвращении войск в Лондон, что и произошло 5 декабря. А уже 6 декабря 1648 г. отряд драгун под командованием полковника Томаса Прайда провел процедуру унижительного изгнания пресвитериан из парламента. В результате «прайдовой чистки» (второй после августа 1647 г.) из палаты общин были удалены 143 пресвитерианина, что окончательно укрепило политическую власть индепендентов в парламенте.

Провозглашение республики. Со всех концов страны в парламент шли петиции с требованием справедливости и наказания короля — виновника кровопролития в двух войнах. В конце декабря короля перевезли в Виндзор, где поместили под строгой охраной. Солдаты и народ были воодушевлены победами над королем и пресвитерианами. Понимая события по-своему, они под влиянием левеллеров настаивали на проведении индепендентами демократических преобразований в духе «Народного соглашения».

Такой поворот событий отнюдь не входил в планы О. Кромвеля и его сторонников. Но лидеры индепендентов не могли не учитывать настроений солдат и народных масс. Индепенденты не осмелились пойти наперекор их воле. Кромвелю нельзя было пренебрегать призывами к наказанию короля. Понимая, что неумолимо приближается развязка, Кромвель, не без мучительных колебаний, принял трудное решение — судить и покарать короля. Как всегда, он нашел опору в религии, внушив себе, что само Провидение вело к такому финалу. Индепенденты вынуждены были осуществить смелые и глубокие преобразования, которых требовал народ под влиянием демократических идей левеллеров. События стремительно развивались по их сценарию.

23 декабря 1648 г. постановлением палаты общин был создан комитет для привлечения короля к судебной ответственности как «зачинщика гражданских войн и виновника всех бедствий страны». В начале января 1649 г. в самом вместительном зале парламента — Вестминстер-холле — собрался Верховный суд, и 20 января при большом стечении публики из всех слоев населения начался открытый судебный процесс над королем Карлом I Стюартом. 27 января суд вынес королю смертный приговор и 30 января 1649 г. Карл I был

казнен. Кромвель не присутствовал на публичной процедуре казни — он в это время усердно молился.

В начале января 1649 г. Долгий парламент объявил палату общин единственной «верховой властью Англии», как того добивались левеллеры. В марте была провозглашена ликвидация королевской власти («ненужной, обременительной и опасной»), а также палаты лордов. 19 мая 1649 г. парламент принял акт, официально объявлявший Англию свободной республикой без какого бы то ни было короля и без палаты лордов. Реальная сила левеллерской демократии отразилась на развитии событий: были осуществлены политические преобразования, отвечавшие духу «Народного соглашения».

8.6. Английская республика (май 1649 — декабрь 1653 гг.)

Сущность республики. Новое республиканское государственное устройство Англии включало в себя однопалатный парламент, которому вручалась верховная законодательная власть, и высший исполнительный орган — Государственный совет, подчиненный палате общин. В обеих ветвях власти должности заняли соратники О. Кромвеля. Индепенденты не имели намерения проводить дальнейшие демократические преобразования, на которые надеялись левеллеры: группировка Кромвеля не обновила избирательную систему, т. е. не открыла доступ в парламент новым демократическим элементам, не предоставила народу политические права, на что уповали приверженцы «Народного соглашения». Республика не стала демократической, она была индепендентской.

Эмблемой республики избрали умиротворяющие символы — «крест и арфу». *Республика «креста и арфы»* декларировала свободу совести, личности и имущества для всех англичан. Однако антидемократическая природа республики проявилась с момента ее провозглашения. Парламент потребовал от властей всех уровней принять меры для предотвращения митингов и собраний и обязал *Т. Ферфакса* предупредить возможные волнения в армии. Деятельность левеллеров, их агитация и памфлеты были объявлены антиправительственными. Руководителей левеллеров объявили изменниками, арестовали и заключили в лондонский Тауэр. Люди из народа хорошо поняли, кто пришел к власти: «Мы не видим превращения королевства в республику». Левеллеры не могли смириться с установлением республики индепендентского образца.

Политика республики. Индепенденты подчинили своим интересам как внутреннюю, так и внешнюю политику республики. В первую очередь, с помощью ряда мероприятий, они укрепили свое экономическое положение. Колоссальное обогащение победителей произошло в результате карательной экспедиции в Ирландию (1649—

1650), с целью «усмирить» восставших в 1641 г. «варваров и негодяев», как О. Кромвель называл ирландцев. Из Англии на покорение зеленого острова отплыла флотилия из 130 кораблей. Экспедиционная армия (более 10 тыс. человек) предала колонию огню и мечу. В результате почти 10-месячного кровавого «усмирения» Ирландии остров превратился в груду развалин, треть населения погибла, тысячи жителей эмигрировали. В 1652 г. был принят *«Акт об устройении Ирландии»*. «Устройство» означало разграбление ирландских земель и раздачу их прежде всего армейской верхушке и кредиторам парламента — финансистам лондонского Сити в счет уплаты долгов по займам, а также распродажу земель дельцам, перекупщикам, спекулянтам. Солдаты Кромвеля — борцы за свободу в Англии — в Ирландии превратились в мародеров. Они жестоко убивали людей, особенно католических священнослужителей, по малейшему поводу. О. Кромвель, обычно пресекавший мародерство, теперь фактически поощрял солдат.

В 1650—1651 гг. Кромвель расправился также с шотландцами за то, что те короновали и посадили на престол *Карла II Стюарта* — сына казненного короля. Победями в Шотландии О. Кромвель в очередной раз доказал свой талант полководца. Разгромив шотландскую армию и отряды Карла Стюарта-младшего, он возвратился в Англию триумфатором.

Торгово-промышленная политика республики включала принятие протекционистских законов о запрете ввозить на внутренний рынок конкурирующие товары из других государств (прежде всего шерстяные ткани), а также принятие актов о пониженных пошлинах на ввоз товаров из английских колоний. Навигационный акт 1651 г. был направлен против извечного конкурента — Голландии. Этим актом предписывалось, что товары могли ввозиться в Англию и ее владения лишь на английских кораблях или на судах стран-производителей товаров. Голландия же богатели на посреднической торговле. Поскольку Голландия не признала Навигационный акт, Англия объявила ей войну (1652—1654). С целью расширения торгово-колониальной экспансии О. Кромвель приступил к строительству большого флота. Успехи страны подняли ее авторитет на международной арене. В 1650 г. английскую республику признала Испания, затем германские княжества, Швейцария, Швеция и другие государства, а через два года — Франция.

Движение левеллеров. Республика не оправдала тех надежд, которые левеллеры связывали с установлением республиканского порядка. Она оказалась подчиненной узкополитическим целям индипендентов, поэтому левеллеры продолжали добиваться демократизации государственного строя. Современники понимали различие между левеллерами и индипендентами: «цель одних — народо-властие, цель других — олигархия». Борьба левеллеров протекала в двух формах. Прежде всего, они попытались оказать военное сопро-

тивление индипендентам, мобилизовав армейские части. Восстания солдат в мае и сентябре 1649 г. были решительно подавлены Кромвелем. Они оказались последним всплеском активной борьбы левеллеров.

Другой формой движения левеллеров стала «памфлетная война». В памфлетах они раскрывали суть политики Кромвеля, индипендентскую природу республики, обличали «новые цепи Англии». Парламент неоднократно объявлял памфлеты левеллеров «мятежными документами». Режим Кромвеля не раз заключал руководителей левеллеров в тюрьмы. Над Дж. Лилберном индипенденты учинили два судебных процесса, его изгоняли из страны (в январе 1652 г. он отбыл в Голландию). По возвращении Лилберг снова был помещен в тюрьму на о. Джерси, затем в Дуврскую крепость, где пробыл до самой смерти в 1657 г.

Левеллерам так и не удалось полностью осуществить свою демократическую программу. Их движение в начале 1650-х гг. пришло в упадок. Выдвинув на первый план требования политических преобразований, они меньше внимания в своей агитации уделяли аграрному вопросу, волновавшему основное население — крестьянство. Копигольдеры — подавляющая часть крестьян — желали отмены «всех видов держания по копии». Лишь на спаде движения в петиции 1652 г. и в документе «*Основные законы и свободы Англии*» (1653) левеллеры впервые четко зафиксировали пункт о необходимости «отмены таких рабских форм держания, как копигольд». Агитация левеллеров в пользу политического равенства, за расширение избирательного права находила отклик скорее у городских слоев населения — ремесленников, мелких лавочников. Однако левеллерское движение не было связано со стихийной борьбой масс, особенно в сельской Англии. Не в последнюю очередь на судьбе левеллеров сказались негативные последствия участия солдат в ирландской экспедиции. Социальная база левеллеров оказалась чересчур мало-мощной, чтобы успешно противостоять индипендентам, которые использовали против них военную силу и репрессии.

Истинные левеллеры — дигтеры. В годы Республики глубокое разочарование, связанное с ростом материальных невзгод, охватило беднейшие слои английского общества: коттеров, обездоленных крестьян, батраков, разорившихся ремесленников, пауперов. Низы общества умножали и без того огромное количество сект. Сектантское движение достигло в ту пору наибольшего распространения.

Самым заметным среди сект было *народно-реформационное течение*, руководимое *У. Эверардом*, *Р. Костером* и другими. Его участников называли «истинными левеллерами», поскольку они критиковали индипендентскую республику глубже и придерживались более радикальных взглядов, чем левеллеры. Не ограничиваясь идеей политического равенства, они выдвинули на первый план требование материального, имущественного равноправия. Наиболее круп-

ной фигурой среди них был самобытный мыслитель *Джерард Уинстенли* (1609 — после 1652). Скупые сведения о жизни Д. Уинстенли свидетельствуют, что происходил он из торговой семьи, затем и сам стал мелким торговцем в Лондоне, но в 1640-х гг. разорился и пошел батрачить в сельскую местность графства Суррей. Тяжелый труд среди других обездоленных людей повлиял на его представления о происходящих событиях и заставил задуматься о судьбах Англии. Будучи человеком незаурядным, Уинстенли изложил свое миропонимание в памфлетах «*Новый закон справедливости*» (1649), «*Закон свободы*» (1652), во многих других сочинениях.

В текстах сочинений Д. Уинстенли заметно сильное влияние религиозной аргументации, но одновременно прослеживается и рационалистическая тенденция. Он не только отвергал режим индипендентской республики, но и предлагал позитивный общественный идеал. Его оригинальное социально-политическое учение включало в себя по сути две программы. Одна касалась осуществления конкретных задач: ликвидации власти лордов над землями, отмены копигольда, наделения бедняков пустующими землями без уплаты «рабских рент» и равного права тружеников на земли на основе принципа общности земель. Д. Уинстенли хотел решить аграрный вопрос в пользу всех крестьян — и копигольдеров, и безземельной бедноты. Что касается политического устройства страны, он доказывал необходимость установления подлинно народной, «свободной республики».

Вместе с тем Д. Уинстенли по существу развивал некоторые идеи «Утопии» *Т. Мора*. В его трактатах рисовалась картина отдаленного будущего Англии: общество вольных тружеников, основанное на «законе справедливости» — без частной собственности («Изгнать из мира эту проклятую вещь, называемую частной собственностью!»), без наемного труда, без социальных различий и без государства. Движателем «нового общества», по Уинстенли, станет наука и техника. Путем достижения такого общества Уинстенли полагал убеждение: «Мы одолеем любовью и терпением!». Он надеялся на «внутреннее просветление» верхов общества и неслучайно адресовал памфлет «Закон свободы» прежде всего О. Кромвелю.

Истинные левеллеры попытались на практике осуществить некоторые свои устремления. В 1649 — 1650 гг. Д. Уинстенли и его единомышленники начали сообща обрабатывать пустоши в графстве Суррей на холме Св. Георгия и организовали там колонии для коллективного труда и общежития. Увлеченные идеей, что «земля — общая сокровищница для всех детей ее», они обращались к бедноте с призывом создавать подобные колонии. Их последователи основали колонии во многих графствах. Таких людей называли *диггерами* («копателями»). Местные лендлорды, фригольдеры, йомены, солдаты Кромвеля сгоняли диггеров с пустошей, усмотрев в их необычном поведении скрытую опасность. Диггеры смиренно пе-

реходили на другие пустоши, где их опять преследовали. Лишь колония на холме Св. Георгия продержалась в течение целого года. Остальные колонии быстро прекратили свое существование. Истинные левеллеры — диггеры оказались разогнанными и рассеянными.

8.7. Режим протектората (декабрь 1653 — май 1658 гг.)

Причины изменения государственного устройства. При всех победах и успехах О. Кромвеля вовне и внутри страны, в государстве не было порядка и стабильности. В начале 1650-х гг. население окончательно разуверилось в индипендентской республике, левеллеры были подавлены, диггеры разогнаны. После двух гражданских войн страна была разорена. Старые и новые землевладельцы, обогатившиеся в ходе революции, повели наступление на крестьян. Случаи огораживаний участились после принятия акта 1646 г. об отмене «рыцарского держания», развязавшего руки лендлордам, а также закона 1649 г. об осушении болот, допускавшего огораживания в «болотных селениях». Нередкие кризисы-застои парализовали торговлю и промышленность, обусловили массовую безработицу. Цены на продовольствие поднялись вследствие плохих урожаев; непомерно возросли налоги; к этому добавлялся гнет церковной десятины, хотя церкви как института уже не существовало. В религиозных делах царила полная неразбериха, разоренные храмы пустовали.

Недовольство своим положением и политикой индипендентов народ выражал по-разному: по традиции парламенту подавались петиции, продолжались бунты и беспорядки, чинимые некоторыми сектантами. По стране скитались бродячие проповедники, собирая толпы людей подстрекательскими речами. Брожение народа давало о себе знать в разное время, в различных графствах и уголках страны, оно держало в неослабном напряжении правящие верхи.

Ненависть широких масс была направлена против Долгого парламента, так как именно парламент, олицетворявший собой верховную власть, был в глазах народа ответствен за проводимую в стране политику. Парламент, насчитывавший после двух «чисток» и эмиграции части депутатов, всего 60 членов, претендовал на полное господство в республике, не назначал новых выборов, продлевая собственные полномочия на неограниченное время. Депутаты были озабочены лишь сохранением своей власти и обогащением, учреждали какие-то комитеты и заседали в них, создавая видимость дела (например, издавали указы о запрете петушиных боев, охоты на медведей).

Военная верхушка делала ставку исключительно на армию как главную силу в стране, способную держать в повиновении волновавшийся народ.

Начался разлад между парламентом и армией. О. Кромвель, доверяя лишь армии, действовал по обыкновению решительно. В апреле 1653 г. он разогнал остатки, или, как тогда говорили, «охвостье» Долгого парламента. Государственный совет также прекратил существование по приказу О. Кромвеля. В июле Кромвель имитировал выборы нового парламента: по собственному выбору пригласил почти полторы сотни человек стать депутатами. Это были «божьи люди», представители индипендентских религиозных общин. Однако созданный *Малый парламент*, или «*парламент святых*», неожиданно для О. Кромвеля оказался радикально настроенным, стал обсуждать необходимость отмены акцизов и десятины, упрощения судебной системы. Особенно встревожил армейские верхи проект «святых» пополнить казну путем отмены на один год жалования офицерам. За 5 месяцев деятельности «святые» приняли более 30 статутов. Тогда в декабре 1653 г. Кромвель распустил и этот парламент. Встал вопрос о новой системе государственного устройства.

Установление протектората. О. Кромвель и его соратники видели единственно надежную форму власти в военном правлении. Только такая власть, по их мнению, была способна гарантировать безопасность имущих слоев в условиях, когда народные массы оставались в состоянии брожения. В декабре 1653 г. руководство армии в документе под названием «*Орудие управления*» сформулировало основные принципы нового государственного устройства: в стране формально сохранялись республиканские органы власти — *парламент* и *Государственный совет*. Однако вся полнота реальной власти передавалась «лорду-протектору (защитнику) республики». Титул вручался О. Кромвелю. Протектору доверялась законодательная власть совместно с парламентом. Парламент в составе 400 депутатов избирался на 3 года, причем впервые учреждался имущественный ценз для избирателей, равный не менее 200 ф. ст. ежегодного дохода. Избирательные округа перераспределялись в пользу городов, т. е. буржуазии. Исполнительная власть также предоставлялась протектору, правившему совместно с назначаемыми им пожизненно членами Государственного совета, в который вошли родственники Кромвеля, генералы и полковники: всего 7 военных и 8 гражданских лиц. Кромвель стал фактически единоличным правителем Англии. Он являлся главнокомандующим армии и флота, определял всю внутреннюю и внешнюю политику. Лорд-протектор издавал указы, обязательные к исполнению, ведал налогообложением, правосудием, имел полномочия объявлять войну и заключать мир. Сам же Кромвель видел свою главную задачу в обеспечении спокойствия и стабильности в стране. Он называл себя скромно «констеблем», т. е. охранником порядка. В действительности, как писал современник, «...не прини-

мая звания короля... он возвел себя на трон». Установление *протектората* означало введение в стране верховной власти военных. Позже страна была разделена на 11 военно-административных округов во главе с генерал-майорами (1655).

Политика протектората. Кромвель правил как лорд-протектор почти полные 5 лет (1653—1658). Между парламентом и протектором не было согласия. Два его парламента заседали всего 24 месяца. В первом оказались депутаты разных убеждений (пресвитериане, республиканцы и др.), относившиеся к Кромвелю весьма настороженно и критически. Этот парламент проработал лишь 4 месяца и был распущен Кромвелем, поскольку стремился расширить свои полномочия в ущерб единоличной власти протектора (депутаты предлагали сделать должность протектора выборной). Второй парламент работал 20 месяцев. Ему повезло только потому, что все «подозрительные» для Кромвеля депутаты (более 100 человек) сразу были выведены им из состава парламента.

Политика протектората отличалась особой активностью во внешних делах и в сфере торгово-колониальной экспансии. Англия заключила ряд выгодных договоров и союзов: в 1654 г. — со Швецией и Данией; мирный договор с Голландией, закрепивший победу англичан в первой англо-голландской войне (1652—1654) и признание Голландией Навигационного акта 1651 г., мирный договор с Португалией. Наконец, в 1655 г. были заключены торговый и союзный договоры с Францией.

Успехами была отмечена колониальная экспансия Англии. В 1654 г. англичанам удалось захватить часть французских владений в Канаде. Экспедиция в Вест-Индию завершилась завоеванием о. Ямайка (1655) и окончательным закреплением там англичан в результате войны с Испанией (1655—1659). В 1657 г. О. Кромвель подтвердил монопольные привилегии Ост-Индской компании. Апогеем успехов внешней политики Кромвеля был захват англичанами во Фландрии испанского порта Дюнкерк (1658) после дипломатических переговоров и совместных военных операций с Францией.

Что касается внутренней политики О. Кромвеля, то ряд принятых законов положительно воспринимался верхами общества. В апреле 1654 г. Кромвель издал акт об объединении Англии и Шотландии в рамках протектората, что пресекало поползновения Карла Стюарта-младшего на власть в Шотландии. В 1656 г. был подтвержден основной аграрный закон Долгого парламента — об отмене держания «по рыцарскому праву» (1646). В законе специально оговаривалось, что все ренты, причитающиеся лордам маноров, «должны уплачиваться», т. е. крестьяне по-прежнему оставались зависимыми держателями. Акт 1654 г. фактически приравнивал действия крестьян против огораживаний к уголовному преступлению. Ряд законов протектората (1654, 1657) предусматривал охрану осушительных сооружений и был направлен против крестьян, выступавших в защиту

своих земель, расположенных рядом с болотами. Статут 1654 г. подтверждал продажу королевских лесов, а в 1657 г. был принят акт об описи лесов. Оба акта означали для крестьян ликвидацию лесных сервитутов.

Критика режима. Протекторат вызывал недовольство как со стороны народных масс, так и со стороны роялистов. Крестьяне неустанно требовали запрета огораживаний, «регулирования рент», отмены «низких держаний» — копигольда. В стране активизировалось сектантское движение. Воинственная секта *милленариев* (от лат. *mille* — тысяча), ожидавших пришествия Христа и установления его тысячелетнего царства, подготовила весной 1657 г. под руководством ремесленника-бочара Т. Веннера восстание в Лондоне против режима, правда, подавленное властью в зародыше. Вследствие небывалого увеличения числа сект и порой весьма нестандартного поведения их сторонников (включая богохульство), Кромвель и его сподвижники в конце концов отказались от признания независимости религиозных общин. Власть теперь склонялась к установлению централизованной национальной церкви и признанию более ограниченной веротерпимости: для всех людей объявлялся обязательным основной принцип веры — исповедание божественной природы Христа.

Протекторат подавил заговоры роялистов и предотвратил покушения на жизнь лорда-протектора. Весной 1658 г. были казнены лица, заподозренные в сочувствии Стюарту-младшему. Усилилось преследование католиков. Однако более всего Кромвеля беспокоила критика внутренней политики, раздававшаяся даже в кругу близких к нему лиц. Главным объектом критики стали генерал-майоры в военно-административных округах.

Военное правление на местах пресекало любые проявления недовольства, солдаты не допускали никаких сборищ простолюдинов, людей сажали в тюрьмы по одному только подозрению в непочтительности к властям. Усердные генерал-майоры установили в округах настоящую тиранию. В стране воцарились уныние, подозрительность, доноительство, закрывались увеселительные заведения (трактиры, игорные дома), зато были переполнены тюрьмы, ревностно работала цензура.

К этому добавлялось недовольство введением О. Кромвелем все новых налогов для пополнения казны (финансисты Сити отказывали в займах, так как в своем большинстве они принадлежали к пресвитерианам). Кредита не было, даже в армии не всегда выдавали жалованье.

Самое грозное предупреждение Кромвелю раздалось из «очищенного» им парламента. Депутаты выступили против военно-административных округов и непопулярных генерал-майоров. Недовольственность ощущалась даже в правящей военной олигархии. Все чувствовали чрезвычайный и временный характер режима протектората.

8.8. «Вторая республика» и восстановление монархии (май 1659 — май 1660 гг.)

Возврат к республике. Среди имущих кругов Англии укреплялся политический консерватизм, зрела мысль о восстановлении монархии, которую многие считали испытанной, веками проверенной формой правления, прочной гарантией достигнутого. «Английское право не знает никакого протектора, нация знает монарха», — заявляли представители верхов.

Среди депутатов родилась идея создания нового конституционного документа вместо «Орудия управления». И такой документ был представлен парламентом О. Кромвелю в марте 1657 г. под названием «*Покорнейшая петиция и совет*». В Петиции предусматривалось наделение О. Кромвеля королевским титулом и восстановление двухпалатного парламента. После сильных колебаний Кромвель корону не принял. При этом он согласился восстановить палату лордов и даже начал ее комплектовать, но в 1658 г. скончался. Смерть непрекаемого лидера породила растерянность в парламенте и среди руководителей военного режима. Дело осложнялось тем, что сын Кромвеля Ричард отказался от титула протектора, посчитав себя явно неподходящим для такой должности.

Генералы протектората, оставшиеся у руля правления, не могли не учитывать факт широкой оппозиции в стране режиму военных. Чтобы ослабить беспокойство и напряженность в обществе, они решили восстановить в мае 1659 г. «охвостье» индипендентского Долгого парламента, надеясь на его послушное следование их собственной политике. Тем самым они восстановили республику — «*вторую республику*» (после первой 1649—1653 гг.).

На пути к реставрации монархии. Положение парламента было весьма двусмысленным: его воспринимали не более как вынужденную альтернативу военной власти. Как писал современник, «парламенту доверяли немногие, но генералитет вообще ненавидели». Недовольство вызывало бездействие парламента: не решался вопрос о форме правления. Имущие слои требовали устойчивых политических гарантий для нормализации экономической жизни. Между тем генералитет желал контролировать парламент и осенью 1659 г. вновь попытался утвердить военное правление. На гребне выступлений населения против нового протектората выдвинулась фигура генерала *Джорджа Монка* — командовавшего армией, расквартированной в Шотландии. Дж. Монк двинулся с войсками к Лондону и, вступив в столицу, принял сторону парламента. Попытка генералитета подчинить себе парламент провалилась.

В стране развернулось движение за восстановление пресвитерианского парламента вместо индипендентского «охвостья» («За полный парламент!»). Дж. Монк солидаризировался и с этим движени-

ем. «*Полный парламент*» работал в феврале — марте 1660 г. Пресвитериане же (главным образом из лондонского Сити), решительно настроенные на реставрацию монархии, при поддержке Дж. Монка организовали выборы в новый парламент (по избирательной системе, существовавшей до 1640 г.). В апреле 1660 г. начал работу так называемый «свободный парламент». В мае он издал свой первый акт — этим актом Карл Стюарт-младший был приглашен занять английский престол. Республика пала, вместе с ее крушением завершились два десятилетия борьбы. Потенциал революционных действий и преобразований был исчерпан. Давала о себе знать усталость народа от многолетних бурных событий. Мир и порядок — такими были требования, выражавшие настроения и ожидания людей. Возврат к монархии вселял уверенность в установлении стабильности в обществе. На этой основе сошлись политически активные группировки — пресвитериане, большинство индепендентов, даже генералитет и, естественно, роялисты и англиканское духовенство. В стране быстро возрождалась вера в монархию как оплот спокойствия и благополучия. Единственными силами, противостоящими восстановлению монархии, оставались небольшая часть солдат и республикански настроенные офицеры. Однако они не могли влиять на развитие событий.

8.9. Идеология и культура эпохи революции

Общественно-политические учения. Революция вызвала огромный интерес современников к общественно-политическим проблемам — происхождения власти, форм и функций государства, взаимоотношений государства и общества. Появилось множество сочинений, среди авторов которых были крупнейшие мыслители, чье творческое наследие вошло в сокровищницу политической мысли.

Томас Гоббс (1588 — 1679), выдающийся ученый, развивавший материалистическое направление английской философии, происходил из семьи приходского священника. Он окончил университет Оксфорда и некоторое время работал в должности секретаря великого Ф.Бэкона. Гоббс отрицательно отнесся к деятельности Долгого парламента, аллегорически названного им «бегемотом». Он эмигрировал во Францию, где сблизился с английскими роялистами и даже обучал будущего короля Карла Стюарта-младшего. В Англию Т. Гоббс вернулся лишь в 1651 г., когда у индепендентов возросло стремление к установлению сильной власти. Гоббс принял режим протектората, но после реставрации монархии подвергся гонениям со стороны духовенства за свойственный ему антиклерикализм, а со стороны роялистов — за признание протектората.

В своих теоретических изысканиях Т. Гоббс более всего обращался к осмыслению общественно-политической проблематики. Ее анализу он посвятил теоретическую трилогию — «О теле», «О человеке»,

«О гражданине», созданную в 1642—1657 гг., и знаменитые трактаты «Левиафан» (1651), «Бегемот» (1668). Т. Гоббс дал собственную интерпретацию теории естественного состояния. Он понимал его как изначальную пору равенства всех людей. Тогда отсутствовала частная собственность, ибо, писал Гоббс, «природа дала все вещи всем людям». Однако, по его мнению, это было время «войны всех против всех» за обладание вещами, когда главенствовал принцип «человек человеку волк». Теория естественного состояния в истолковании Гоббса приобрела негативный смысл. Т. Гоббс признавал также теорию общественного договора, согласно которой общество добровольно соглашается передать правление в руки государства. Таким образом, Гоббс считал власть не божественным творением, а делом людей, человеческого общества.

Центральной в политическом учении Т. Гоббса была проблема государства. Философ обосновал оригинальную концепцию роли и функций государства, которое сравнивал с могучим библейским существом Левиафаном: именно государство покончило со всеобщей войной, характерной для естественного состояния, и передало вещи в частную собственность, что, по Гоббсу, есть величайшее благо. Мыслитель был сторонником сильного государства и считал таковым абсолютную монархию. Всевластное государство должно регулировать любую деятельность людей в обществе, в том числе экономическую, вмешиваться даже в отношения собственности и частное предпринимательство, контролировать церковь, которая, полагал Гоббс, хотя и является продуктом невежества людей, но необходима для порядка. Наконец, только сильная монархия способна укрощать «здоровенного, но злонамеренного малого» — народ.

Другой политический мыслитель, один из крупнейших поэтов Англии *Джон Мильтон* (1608 — 1674) родился в семье состоятельного нотариуса-пуританина, человека весьма просвещенного. Дж. Мильтон окончил университет Кембриджа, и университетские власти прочили ему духовный сан, от которого он как убежденный пуританин отказался. Мильтон активно поддержал деятельность индипендентов: откликнулся памфлетами на злободневные проблемы, сотрудничал в газете индипендентов «Политический Меркурий», в период республики был секретарем по латинской корреспонденции при Государственном совете, вел дипломатическую переписку. После восстановления монархии его произведения публично сжигались. Взгляды Мильтона выражены в его публицистике и прозе, но более всего в его насыщенной философией поэзии.

Дж. Мильтон, впитав гуманистическую традицию, критиковал схоластику в обучении и науке, ратовал за расширение знаний во всех областях, за связь образования с жизнью, с природой, много внимания уделял защите свободы слова, печати. Его неприятие абсолютистской власти выражалось прежде всего в осуждении с позиций пуританизма англиканской церкви. Мильтон отвергал вмеша-

тельство государства — «*светского меча*» — в дела церкви. Восприняв теории естественного состояния и общественного договора, Мильтон развивал на их основе идею народного суверенитета, утверждая, что власть исходит от народа, народ сохраняет верховенство — это его «естественное прирожденное право» даже после установления государственного правления, в том числе власти монарха.

В памфлете «*Защита английского народа*» (1651), явившемся ответом на сочинения противников республики, Мильтон обосновал законность восстания народа против Карла I, виновного, по его мнению, в развязывании гражданских войн. Мильтон приветствовал республику и считал, что представителей «народа», под которым он понимал «рассудительных и деловых людей», следует избирать в органы власти. Отстаиваемая им идея «избранной Богом» английской нации, ее особой религиозной и политической миссии, способствовала утверждению национального самосознания англичан. Однако индипенденты использовали эту идею для оправдания карательных походов Кромвеля в Ирландию и Шотландию.

Тяжело пережив крушение республики, Мильтон написал в 1667 — 1671 гг. философские поэмы — «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» — и драматическую поэму в жанре трагедии «Самсон-борец». В этих произведениях Мильтон размышлял об исканиях человечеством лучшего мира.

Оригинальным мыслителем эпохи революции был *Джеймс Гаррингтон* (1611 — 1677). Он получил образование в университете Оксфорда, много путешествовал. Его политические взгляды претерпели серьезные изменения, поскольку сам он эволюционировал от придворного Карла I до сторонника республики. В 1656 — 1660 гг. Гаррингтон возглавлял группу республиканцев, разогнанную в 1660 г. генералом Монком. Сам Гаррингтон оказался в тюрьме, а после освобождения отошел от политической деятельности.

Концепция Дж. Гаррингтона изложена в утопическом романе «Республика Океания» (1656), в трактатах «Преимущества народного правления» (1657), «Искусство законодательства» (1659). Гаррингтон высказал мысль о том, что собственность представляет собой основу общественного развития. Власть, законы определяются характером собственности. Гаррингтон не признавал теорий естественного состояния и общественного договора. Форма государства, считал он, определяется «*балансом собственности*», т.е. ее распределением между социальными слоями. «*Готический баланс*», когда земельная собственность в эпоху средневековья распределялась между короной, знатью и церковью, обусловил господство феодальной монархии. Переход собственности при Тюдорах в руки джентри и упрочение в связи с этим «*народного баланса*» требовали новой формы государства. По убеждению Гаррингтона, ею должна была стать республика. После падения индипендентской республики Гаррингтон разработал и теоретически обосновал собственную конституцию респуб-

лики, которая по социальному содержанию мыслилась им как дворянско-буржуазная.

Гаррингтон признавал «естественное неравенство людей» и их неравные способности к управлению государством. «Естественные аристократы» (т. е. дворянско-буржуазные верхи), по конституции Гаррингтона, должны править в сенате, в который могут входить собственники, имеющие доход от 100 до 2 тыс. ф. ст. В «народную ассамблею» избираются так называемые «естественные демократы» с доходом до 100 ф. ст. Он сформулировал собственный принцип разделения властей: «сенат предлагает, народ (т. е. «естественные демократы») решает, магистраты исполняют». Чтобы избежать возврата к «готическому балансу», Гаррингтон предусмотрел своеобразный «аграрный закон», по которому землевладелец не мог иметь доход свыше 2 тыс. ф. ст. Он признавал свободу совести, считал, что религия — утешение народа, но за свободой, нужен надзор национальной церкви. Прославляя морское и колониальное могущество Англии, Гаррингтон одобрял порабощение Ирландии и Шотландии Кромвелем.

Культура в эпоху революции. Приход к власти пуритан привнес в духовный мир англичан много своеобразного. Это проявилось в особенностях мышления, языка, строя речи, испытавших на себе влияние библейских образов и текстов. В стране утвердилась пуританская этика с ее идеалом строгой жизни — богомольной и благочестивой. Англичане стали одеваться преимущественно в однообразные темные одежды. Расценивая убранство церквей как идолопоклонство (это касалось не только католиков, но и англикан), пуритане учиняли в церквях погромы. Музыка считали «греховным соблазном», стремились изгнать ее из церковного обихода, разрушали органы и другие музыкальные инструменты, сжигали ноты, профессию музыканта клеймили как «языческую». Некоторые композиторы и исполнители, преследуемые пуританами, были принуждены вообще отречься от музыки. Пуритане подвергли гонениям также драматургию и театр. Сочинение пьес и их постановка считались греховным занятием. В 1642 г. театральные представления были запрещены законом, действовала строгая цензура. Пуритане пресекали проявления традиционной народной культуры: празднества, обычные формы досуга, молодежные игры и спорт. Однако пуританский натиск стал ослабевать и в 1656 г. театральные зрелища были разрешены.

8.9. Историческое значение революции

Характер и особенности революции. Английская революция была грандиозным общественным переворотом, оказавшим воздействие на дальнейшую историю Англии и получившим международный резонанс. Содержание сложно переплетавшихся событий состояло прежде всего в борьбе против абсолютной власти короля, нару-

шившего традиции взаимоотношений короны и парламента: Карл I встал над парламентом, над законами. Однако монарх столкнулся с противостоянием парламента, в котором преобладали депутаты, представлявшие новое дворянство и буржуазию, не желавшие мириться с принижением роли парламента. Парламент в своем конфликте с королем опирался на активность населения.

Противодействие парламента и масс абсолютистской власти короля вылилось в открытое неприятие сохранившихся атрибутов старого, средневекового порядка. В результате революция создала условия для постепенного решения назревших исторических потребностей. Это была буржуазная, социально-политическая революция.

Главной силой революционного лагеря во всех событиях на протяжении 20 лет были спаянные общностью интересов новое, обуржуазившееся дворянство и буржуазия. Этот союз — основная особенность революции. Религиозно-политические группировки пресвитериан и индепендентов, солидарные в своем протесте, расходились, однако, в понимании глубины насущных преобразований. Всю деятельность и достижения пресвитериан на начальной стадии революции, индепенденты сочли недостаточными. Придя к руководству парламентской армией и постепенно завоевав политическую власть в парламенте (после первой и второй его чисток), они повели более решительно, чем пресвитериане, борьбу с королевским лагерем.

Фактором, радикально влиявшим на успехи парламентского лагеря, было народное движение. В выступлениях народных масс борьба против королевского лагеря переплеталась с сопротивлением дворянству, купцам, мануфактуристам, с протестом против бедности и пауперизма. Английский историк *Кристиан Хилл* метафорически пишет о «восстании внутри восстания», подчеркивая активность народа в течение революции, которая проявлялась в разнообразных формах массовых движений и в боевых действиях армии «нового образца».

Индепенденты, вынужденные пойти дальше своих собственных целей, установили республику под воздействием народного движения. Активность народа особенно возросла после победы над королем во второй гражданской войне, а затем над пресвитерианами, обусловив начало демократического этапа революции. В 1652 г. Дж. Уинстенли напомнил О. Кромвелю, что победа одержана благодаря «простому народу».

При этом борьба народа не привела к осуществлению его требований и не принесла ему реальной пользы, поскольку одна часть простых людей боролась под эгидой парламента, другая — приняла сторону левеллеров, третья — включилась в деятельность истинных левеллеров и в сектантское движение. Многие выступления имели стихийный и самостоятельный характер (крестьянские движения, волнения горожан и т. д.). Более того, нередко одна группировка народного движения выступала против другой: левеллеры, в частности Лилберн, обрушились с критикой на диггеров; солдаты Кромвеля

(т. е. крестьяне, ремесленники, лавочники), подавляли стихийную борьбу крестьян и выступления левеллеров, преследовали сектантов, разгоняли диггеров. Разрозненные действия народных масс так и не слились в единый революционный поток.

Английская революция, часто называемая «пуританской», приобрела религиозную форму, явившись последним в Европе Нового времени крупным религиозным конфликтом. Пуританизм включал в себя пресвитерианство и индепендентство как религиозно-политические группировки, пуританские секты, возникшие с благословения индепендентов, а также религиозные общины, отошедшие от пуританизма и рождавшие своеобразные вероучения народно-реформационного типа. Все эти разнообразные формы пуританизма придали революционному действию религиозную окраску и свидетельствовали об истовой религиозности общественного сознания англичан.

В исследованиях последних десятилетий (А. Мортон, Кр. Хилла, М. А. Барга) религиозный характер революции как ее отличительная черта раскрыт в полной мере: показаны обилие и многоликость сект, их идеи и поведение.

Итоги революции. В государственно-политической области революция дала обществу важный опыт. Это относилось в первую очередь к безоговорочному отрицанию абсолютной монархии. В 1660 г., приглашая Карла-младшего Стюарта на престол, наиболее активные политические круги представляли себе, что он будет править совместно и согласно с парламентом, а не как абсолютный монарх. В ходе революции роль парламента поднялась на высоту, прежде не известную. Беспрецедентно возросшие полномочия парламента и его деятельность оставили неизгладимый след в обществе. С 1640 по 1649 гг., т. е. с начала работы Долгого парламента до установления республики, в стране стихийно складывалась парламентарная конституционная монархия, еще не подкрепленная в правовом отношении. Тогда парламента сконцентрировал в своих руках все три ветви власти — законодательную, исполнительную, судебную, а король вынужден был с этим считаться.

Аграрное законодательство революции явилось ее главным социально-экономическим завоеванием. Оно связано с ликвидацией «Палаты опеки и ввода во владение» по акту 1646 г., который королю пришлось санкционировать, правда, при условии уплаты ему 100 тыс. ф. ст. ежегодно в счет компенсации. Закон, подтвержденный в 1656 г., открыл возможность превращения дворянских землевладельцев в свободную собственность буржуазно-правового характера.

Вместе с тем тенденция преобразования в аграрной сфере не получила радикального завершения. Кардинальный вопрос о положении крестьянского держания не был решен, крестьяне по-прежнему оставались поземельно зависимыми. Иначе говоря, сохранялся существенный пережиток феодальных отношений между хозяевами маноров и их держателями.

Неоднократно (1649, 1650, 1652, 1657) парламент обсуждал аграрные проекты законов «об облегчении» участи крестьян, о «защите держателей», но законы так и не были приняты. Однако и лендлорды, считавшие всю манориальную землю своей собственностью, должны были, как и раньше, либо изыскивать юридические основания для приобретения крестьянских земель и присоединения их к домениальной, либо, идя наперекор правовым нормам (обычному праву), самовольно посягать на держания крестьян.

Конфискация и распродажа парламентом земельных владений роялистов, церкви и короны (1643, 1644, 1648, 1649) содействовали мобильности земель, расширили емкость земельного рынка и укрепили становление новой земельной собственности.

В значительной степени ощутили ослабление опеки, регулирования, регламентации со стороны государства и королевской власти промышленность и торговля. Торгово-промышленные круги получили большую свободу в результате пресечения широкой практики продажи патентов на внутренние монополии (внешние заморские монопольные компании сохранялись). Купцы и мелкие торговцы, мануфактуристы и ремесленники получили возможность равноправного предпринимательства в условиях свободной конкуренции. Старые институты — цеховая организация ремесла, система судопроизводства, права, под воздействием преобразований революции постепенно, медленно, но неуклонно приспособивались к новым общественным условиям и наполнялись буржуазно-правовым содержанием.

Революция проходила под знаком обретения свободы, неодинаково понимаемой различными слоями общества. Свобода личности, свобода и неприкосновенность имущества, свобода торговли, предпринимательства и конкуренции выражались в понятиях «свободно-рожденные англичане», «английские свободы». В движении народных масс под руководством солдатских и гражданских левеллеров было сформулировано требование политических свобод, равноправия и прежде всего расширения избирательного права. Разработанное левеллерами «Народное соглашение» воспринимается в английской историографии как «шедевр политической мысли, как веха на пути к демократической Англии».

В результате революции произошли изменения в религиозной сфере. Возникшие в 1630-е гг. и в ходе самой революции секты сохранились во множестве, хотя постепенно утратили революционно-реформационный характер и трансформировались в религиозные общины аполитичного содержания.

Революция обогатила европейскую общественно-политическую мысль. Сочинения Т. Гоббса, Дж. Мильтона, Дж. Гаррингтона дали импульс теоретическим изысканиям в области государственно-политических и социологических наук. Концепции этих выдающихся мыслителей явились важной вехой в истории общественно-политических идей, навсегда сохранив свое познавательное значение.

РЕСТАВРАЦИЯ И «СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

9.1. Период Реставрации

Восстановление монархии. Сын казненного короля Карла I Карл Стюарт-младший, находясь в эмиграции, внимательно следил за событиями весны 1660 г. в Англии. В связи с действиями генерала Монка, преследовавшего цель реставрации монархии, Карл издал 4 апреля 1660 г. в Голландии (город Бреда) декларацию. В *Бредской декларации* он обещал амнистию депутатам и сторонникам Долгого парламента, веротерпимость, неприкосновенность прав новых землевладельцев, в руки которых перешли конфискованные во время революции земли. Эти обнадеживающие обещания удовлетворили политические верхи общества. 25 апреля 1660 г. начал заседать «*свободный парламента*», названный *учредительным конвентом*. Большинство в нем принадлежало к пресвитерианам (190 депутатов), роялисты (100 депутатов) были в меньшинстве. Уже 1 мая парламента провозгласил Карла Стюарта-младшего английским королем Карлом II, а 26 мая «король эмигрантов» торжественно, как описывает современник, под «громкую музыку и радостные крики», въехал в Лондон со своей многочисленной свитой. В истории Англии начался период Реставрации (1660—1688).

Пресвитериане в парламенте, которые вместе с армией генерала Монка больше всего сделали для восстановления монархии, полагали, что занявший престол Стюарт будет править «совместно и согласно» с парламентом, как «король в парламенте», соблюдая законы и принципы Бредской декларации. Их надежда подкреплялась тем, что Карл II подтвердил также «Петицию о праве» (1628) и другие документы, гарантировавшие полномочия парламента.

Внутренняя политика Карла II (1660—1685). Новый король был человеком образованным (ученик философа Т. Гоббса), знатком литературы, любителем театра, неплохо разбиравшимся в естественных науках. В начале правления Карла II казалось, что завоевания революции будут узаконены. Действительно, в 1660 г. король подтвердил аграрные законы 1646 и 1656 гг. об отмене «рыцарского держания», Навигационный акт 1651 г. Но уже в мае 1661 г. Карл II поспешил созвать новый парламента, так называемый «кавалерский парламента», состоявший преимущественно из роялистов (более 200 депутатов) и меньшинства пресвитериан (60 депутатов). Как писал английский историк *Т. В. Маколей*, «кавалерский» парламента внача-

ле выступал «за королевскую власть ревностнее короля, а за епископат ревностнее епископов». До поры до времени (с 1661 по 1679 г.) преданный Карлу II парламент позволял королю проводить политику, руководствуясь лишь собственными стремлениями. Стремления же Карла очень скоро обнаружили его желание править полновластно, как неограниченный монарх. В 1662 г. король добился отмены «Трехгодичного акта» (1641), т. е. восстановил дореволюционную практику созыва парламента по воле монарха. Карла II пытался взять в свои руки также и законодательную власть как «король в парламенте», по-своему трактуя эту формулу, и исполнительную власть как «король в Тайном совете» (т. е. в правительстве).

Политика короля обернулась нарушением шаг за шагом всех обещаний Бредской декларации. Казнили в первую очередь тех, кто судил Карла I; затем наказания понесли все активные участники революции. Жажда мести, охватившая роялистов, с особенной силой обрушилась на республиканцев, которые тысячами эмигрировали из страны. Обещание королем политической амнистии не выполнялось. Была восстановлена англиканская церковь. Епископы вдохновили короля на меры по упрочению ее статуса и на религиозные преследования всех несогласных с англиканством (*диссентеров*). В 1661—1665 гг. была принята серия актов, перечеркнувших обещанную Карлом веротерпимость. В частности, «Акт о единообразии», или «единоверии», (1662) объявлял англиканскую церковь единственной официальной государственной церковью во главе с монархом и обязывал священников принести ей клятву верности, а также считать противозаконным сопротивление королю. В соответствии с этим актом тысячи не присягнувших англиканской церкви священников (до 20 % всего духовенства) были изгнаны из своих приходов. Их называли *нонконформистами*. Как реакция на религиозное законодательство Карла II, в 1661 г. в Лондоне вспыхнуло восстание воинственных милленариев, сразу же подавленное. Светских диссентеров и нонконформистов (позже эти термины стали употреблять как синонимы) преследовали: их штрафовали и часто доводили до полного разорения, карали тюремным заключением, ссылали в колонии — подвергали «транспортировке», изгнанию из отечества, что считалось крайне суровым наказанием. Сложнее обстояло дело с намерением короля восстановить права прежних землевладельцев. Вопрос оказался чрезвычайно запутанным. Лишь часть конфискованных во время революции земель (прежде всего у короны и церкви) была возвращена прежним владельцам. Дело в том, что земли продавали нередко не один раз, они переходила из рук в руки и прежнему владельцу бывало трудно доказать в суде свои права на них.

Политика короля частично отвечала требованиям предпринимательских кругов общества. Так, *закон об оседлости* (1662) предписывал закреплять пауперов за приходами по месту их рождения, что обеспечивало рабочей силой как землевладельцев и фермеров, так и

промышленников. Паупер становился, как считали современники, «крепостным прихода». Он не мог искать работу в другом приходе и принужден был, не имея выбора, соглашаться на любую оплату своего труда. Аграрные законы 1660, 1666, 1668 гг. создали благоприятные условия для укрепления позиций лендлордов на их манориальной земле и облегчали им возможность приобретения крестьянских держаний. По закону 1677 г. лендлорды могли посягать даже на земли фригольдеров, если те не имели письменного подтверждения своих прав.

Мануфактуристы-суконщики, заинтересованные в увеличении сбыта своей продукции, приветствовали закон 1667 г. об обязательном захоронении покойников в шерстяных саванах, а позже — закон 1678 г. с требованием к депутатам носить шерстяную одежду в зимнее время (с ноября по март). Одобрительно был встречен обществом брак Карла II с португальской принцессой *Екатериной Браганца* (1662), поскольку Португалия допускала англичан хозяйничать в ее колониях, кроме того, королева щедро одарила новых подданных весомым приданым: англичане получили Бомбей в Индии, Танжер в Марокко, а также внушительную сумму — 800 тыс. ф. ст. в казну государства. Вместе с тем внутренняя политика Карла II была отмечена чертами реакции не только в связи с нарушением им обещаний Бредской декларации. В стране вводилась цензура, власти закрывали все типографии, кроме официальных.

Внешняя политика. Реакция внутри страны дополнилась беспринципной внешней политикой короля, пренебрегавшего интересами Англии. Карла II вошел в историю как «веселый король», который, по выражению современника, «развлекался, не ограничивая себя в расходах». Он любил роскошь, вознамерился превратить дворец Уайтхолл в «малый Версаль», содержал пышный двор, многочисленных фавориток, имел 14 внебрачных детей. Он прославился неразборчивостью в методах пополнения казны. В 1662 г. Карл продал Франции за 2 млн. ф. ст. важный стратегический порт Дюнкерк во Фландрии, завоеванный Кромвелем у Испании и ставший поистине патриотическим символом англичан. Карл не считал для себязорным получить фактически безвозвратный заем от французского короля (50 тыс. ф. ст.) и тем самым поставить Англию в зависимое положение от Франции. Негодование англичан вызывало уничтожение части английского флота в англо-голландской войне (1665—1667). Беспринципность внешней политики Карла II явственно проявилась в том, что он, заключив в 1668 г. союз с протестантскими государствами — Голландией и Швецией, охотно встал на путь сближения с католической Францией. Карл, склонявшийся к католицизму, не гнушался брать регулярные субсидии от Людовика XIV, превращаясь в своего рода униженного пенсионера французского казначейства. Более того, он заключил с Францией тайный *Дуврский договор* (1670), о котором не знали ни парламент, ни даже большин-

ство членов правительства. По договору король фактически отказывался от самостоятельной внешней политики в угоду Франции и обещал Людовику при благоприятных условиях ввести в стране католицизм. Выполняя свои обязательства перед Людовиком XIV, Карл вслед за Францией объявил войну Голландии (1672 — 1674), а в 1672 г. попытался сделать шаг к восстановлению в стране католицизма: объявил «Декларацию о веротерпимости».

Противостояние оппозиции и короля. «Декларация» касалась отдельных сектантов и всех католиков, но воспринималась современниками как акт реставрации католицизма и была резко негативно встречена не только в обществе, но и в парламенте, где заседали в большинстве сторонники короля, но они были англиканами, противниками католицизма. В 1673 г. король впервые встретился с серьезной оппозицией. Парламент решительно отверг «Декларацию» и вынудил Карла II отказаться от нее. Кроме того, в качестве гарантии против восстановления католицизма парламент принял «Акт о присяге» (1673), по которому от всех государственных служащих требовалось присягать по англиканскому обряду и отречься от католических догматов. Король считал для себя приемлемым принять «Акт о присяге» и заключить мир с Голландией (1674). Парламент же стремился проявлять свою самостоятельность: пытался контролировать финансы расточительного Карла, требовал ответственности министров перед парламентом, отстаивал протестантизм. Депутаты парламента опасались повторения революции в результате политики непредсказуемого короля. Опасения не были беспочвенными: после провозглашения королем «Декларации о веротерпимости» участились антиправительственные выступления, в том числе в армии и среди демобилизованных солдат, народные волнения возникали из-за растущих налогов и дороговизны, «мятежные памфлеты» подогревали недовольство населения политикой властей, диссентеры и нонконформисты протестовали против ущемлявшего их права религиозного законодательства.

В такой напряженной ситуации впервые в период Реставрации возникло противостояние «партии двора» и «партии страны». «Партия двора» — правительственная, возглавляемая лордом Дэнби, исходила из уже отвергнутого революцией принципа правления короля как помазанника божьего и выступала в основном за неограниченную власть монарха. Ее сторонники были против своеволия короля лишь в финансовых вопросах и религиозно-церковных делах. «Партия страны» группировалась вокруг парламентской оппозиции во главе с графом Шефтсбери, отрицала принцип широкой прерогативы короля, придерживалась признания не божественного, а договорного происхождения власти, имея в виду договор между королем и парламентом, добивалась подчинения короля законам страны и воле парламента. Вне парламента оппозиция активизировала свою деятельность в лондонском «Клубе зеленой ленты». «Клуб» играл

серьезную роль в политической жизни, его агитаторы и памфлетисты пропагандировали среди населения принципы оппозиции. Таким образом, вопрос о власти, ее сущности, происхождении и — главное — о прерогативе короля и полномочиях парламента вновь был поставлен на повестку дня. Старый предреволюционный конфликт в новом обличье лежал в основе политической борьбы периода Реставрации.

В 1678 г. политическая обстановка в стране драматизировалась из-за будто бы имевшего место католического, папистского заговора, слухи о котором расползлись среди населения. Парламент повторил издание «Акта о присяге» и принял новый закон 1678 г., по которому король должен был удалить из Лондона всех католиков, а значит — некоторых министров, лордов из верхней палаты, а также королеву и брата короля Якова. В 1679 г. Карла II распустил парламент, служивший ему в целом верой и правдой 18 лет. Однако последовавшие выборы принесли победу оппозиции. Карл, вынужденный считаться с успехом *«партии страны»*, сразу же сделал несколько уступок парламенту: брат короля католик Яков был удален из Англии и отправился в Брюссель, лорда Дэнби заточили в Тауэр, а в правительстве король пригласил лидера оппозиции графа Шефтсбери.

Новый парламент на первой же сессии в 1679 г. обсуждал два важных законопроекта. *Билль «Об исключении»* запрещал брату короля Якову наследовать престол. Оппозиция в вопросе о престолонаследии делала ставку на побочного сына Карла II *герцога Монмута*. Другой законопроект, принятый парламентом как закон, — знаменитый (действующий и поныне) *«Хабеас корпус акт»*¹. Он гарантировал свободу личности, предписывал точные правила ареста человека и привлечения его к суду, пресекал и исключал произвол должностных лиц короля. Акт ограждал представителей оппозиции и всех лиц, «подозрительных» властям, от самочинства королевских магистратов. Закон, закреплявший принципы свободы личности, был направлен против своеволия короля, злоупотребления властей, и в этом его историческое значение. Однако действие акта в особых обстоятельствах могло быть приостановлено правительством.

Карл II Стюарт распустил не только парламент 1679 г., но затем и оппозиционные парламенты 1680, 1681 гг. Борьба оппозиции и короля в предвыборных кампаниях особенно обострилась. Тогда возникли новые названия противостоящих политических группировок: вокруг «партии страны» сплотились сторонники укрепления полномочий парламента, их стали называть *виги* (от клички непокорных шотландцев-пресвитериан, ярых противников католицизма); вокруг «партии двора» объединились приверженцы упрочения всевластия короля — *тори* (от прозвища партизан-ирландцев, намек на

---

¹ «Habeas Corpus Act» — от латинского текста старинного приказа должностному лицу, означавшего: «Ты должен доставить тело (т.е. арестованного) в суд...».

прокатолические настроения двора). Король чувствовал себя уверенно: его финансировал Людовик XIV, кроме того, властям удалось обвинить лидера вигов графа Шефтсбери в государственной измене, и он вынужден был покинуть страну. Карл стал править, вовсе не созывая парламент в 1681 — 1685 гг., фактически как неограниченный монарх. Единичное правление короля ознаменовалось суровой реакцией, особенно в 1683 — 1685 гг., когда многочисленные виги и другие «подозрительные» властям люди эмигрировали из-за преследований, а некоторые были казнены. Но в 1685 г. Карл II Стюарт скончался, английский престол занял его брат под именем Якова II: билль «Об исключении», не успев пройти положенной парламентской процедуры, не стал еще законом.

Культурная жизнь периода Реставрации прошла под знаком отказа от пуританских норм поведения, что привело к чрезмерной раскованности прежде всего в верхах общества. Пуританские добродетели — аскетизм, набожность были отброшены, их заменили безнравственность и распущенность. Произошла сильнейшая девальвация моральных ценностей. Возрожденный театр отражал новое состояние нравов, увеселительная комедия реалистично повествовала о ситуациях повседневной жизни (о любовных конфликтах, замыслатах перипетиях жизни персонажей).

Событием в истории английской науки стало подписание королем *хартии об образовании Королевского общества* (1660), со временем — Британской академии наук. Среди членов Общества был *Уильям Пётти* (1623 — 1687), автор множества трудов, в которых проявил себя по преимуществу как экономист. Его наиболее ценный труд «*Политическая арифметика*» (1683) положил начало науке экономической статистики. Как экономист У. Петти, в отличие от меркантилистов, признавал источником богатства общества не сферу обращения, а сферу производства. Петти обосновал трудовую теорию стоимости и занял в истории экономической мысли почетное место родоначальника классической политической экономии.

9.2. Государственный переворот

Режим Якова II. Восшествие на престол нового монарха-католика было встречено двумя восстаниями протестантов в 1685 г. В пресвитерианской Шотландии вспыхнуло восстание под руководством *графа Аргайла*, а на юго-западе Англии — во главе с вигским кандидатом на престол *герцогом Монмаутом*. Оба восстания успеха не имели. Подавление их укрепило решимость короля установить в стране абсолютистско-католический режим. Но ни абсолютизм, ни католицизм уже не имели в Англии социально-политической базы. Для англичан они были пройденным этапом, страна вошла в новую эпоху после Реформации и революции. Успешно развивалось сель-

ское хозяйство. Увеличивалось количество мануфактур, активизировалось судоходство, возникли новые торговые компании (Гудзонова залива, Ньюфаундлендская и др.), были завоеваны о. Барбадос, Новый Амстердам (Нью-Йорк), основаны колонии Пенсильвания, Северная и Южная Каролина в Америке. Экономические успехи страны укрепляли позиции дворянско-буржуазных кругов, повышали их политический вес, а также роль парламента. Они не желали мириться с абсолютистскими претензиями короля и рассчитывали на правление монарха совместно с парламентом. Среди населения пустились глубокие корни протестантизм, кроме официальной церкви существовало немало протестантских общин диссентеров. Англичанам был чужд католицизм. Землевладельческие слои в случае восстановления католицизма опасались угрозы своей собственности — утраты тех земель, которые до Реформации XVI в. принадлежали католической церкви. Население страшилось религиозных преследований: жестокости Карла II в отношении инаковерующих были еще свежи в памяти. Католицизм прочно ассоциировался с деспотизмом двора.

Яков же — «тиран и католик» в глазах населения — шел напролом. Он восстановил ненавистный населению церковный суд — Высокую комиссию, нарушал «Акт о присяге» и поддерживал католиков. Король издал «Декларацию о веротерпимости» (1687), которая относилась к диссентерам и католикам, но современники понимали ее как введение и поощрение королем католицизма. В следующем, 1688 г., Яков II подтвердил декларацию еще раз. Невзирая на всеобщую оппозицию, король обновил состав государственного аппарата в центре и на местах, назначив в него католиков, которые заняли почти все судебские должности. Для укрепления своей власти король в обход парламента создал постоянную армию. Мало того, он повел наступление против англиканской церкви: контролировал и мог запретить проповеди. В результате Яков II оказался почти в полной изоляции. Объединившиеся виги и тори, а также англиканское духовенство договорились совершить государственный переворот с целью устранения Якова Стюарта. Политически активные круги общества полагали, что абсолютистско-католический режим чреват опасностью возникновения новой гражданской войны. Их подхлестнуло к быстрейшему осуществлению переворота также событие, немаловажное в монархическом государстве, — рождение в 1688 г. сына короля, потенциального преемника Якова II.

Ход переворота. В июне 1688 г. 4 вига и 3 тори (6 светских лордов и один епископ) подписали важный документ — приглашение *статхаудеру* (правителю) Голландии *Вильгельму III Оранскому* прибыть с армией в Англию с целью «перемены власти» и «во имя протестантизма». Приглашение и просьба обосновывались тем, что большинство населения страны жаждет установления нового правления. Аргументы в пользу именно Вильгельма Оранского были

тщательно продуманы и взвешены: штатгальтер был протестантом и мужем Марии, дочери Якова II, что придавало видимость преемственности власти и законности ее смены. Международная обстановка благоприятствовала государственному перевороту, поскольку антифранцузски настроенные государства рассматривали Якова II как союзника Людовика XIV; сам же французский король был тогда занят войной с Аугсбургской лигой. В октябре 1688 г., в ответ на приглашение, Вильгельм Оранский опубликовал документ о своем намерении обеспечить Англии «протестантскую религию, свободу, собственность и свободный парламент для английской нации». В ноябре он высадился с небольшим (15 тыс.) войском на юго-западе Англии в городе Торбей (Девоншир) и стал медленно продвигаться к Лондону. Постепенно на его сторону переходили дворяне, а затем командиры и генералы армии Якова (среди них — *Джон Черчилль, герцог Малборо*, предок *Уинстона Черчилля*). Хотя Яков II имел численно большее (40 тыс.) войско, тем не менее он отлично понимал безвыходность своего положения: в графствах население протестовало против его правления, в Ноттингемшире и Чeshire произошли восстания. Яков Стюарт бежал на континент. В декабре 1688 г. Вильгельм III вступил в Лондон.

Однако прибытие Вильгельма в Лондон вовсе не означало провозглашения его английским монархом. Для решения проблемы был созван учредительный парламент. Начался двухмесячный период колебаний и сомнений вигов и тори относительно судьбы английского престола. Тори не могли безоговорочно смириться с тем, что Вильгельм республиканец, штатгальтер республиканской Голландии. Виги же были озабочены тем, как бы устранение Якова не походило на ниспровержение власти, изменение государственного строя, на революцию. Дискуссии в парламенте затягивали решение вопроса, а двусмысленное положение заставило Вильгельма припугнуть парламент возвращением в Голландию. Только тогда, в феврале 1689 г., парламент сформулировал свое решение: король Вильгельм III Оранский и королева Мария должны править вместе. Фактически власть находилась в руках Вильгельма, Мария в дела правления не вмешивалась (она скончалась в 1694 г.). Прежде всего новый король, названный англичанами *посланником Провидения*, с целью избавления страны «от папизма и неразумного правления», издал в июне 1689 г. *«Акт о веротерпимости»*. Закон подтверждал действие всех антикатолических актов и разрешал некоторым протестантским диссидентам (пресвитерианам, индепендентам, баптистам, квакерам) свободное вероисповедание и богослужение, хотя не предоставлял им политических и гражданских прав. Закон не распространялся на крайних сектантов — например, *антитринитариев* (противников догмата триединства Бога), которых сурово преследовали.

«Билль о правах». Принципы сосуществования короля и парламента были зафиксированы в важнейшем конституционном акте —

«Билле о правах» (октябрь 1689). Статьи билля, ставшего законом, устанавливали объем прав парламента и нормы полномочий монарха. Компромисс в системе «король — парламента» удовлетворил все политически активные верхи общества. В законодательной области король не имел права ограничивать законотворчество парламента, т.е. приостанавливать действие или исполнение законов без согласия парламента. Что касается исполнительной власти, «Билль о правах» сужал пределы прерогативы короны в пользу парламента. В финансовой сфере король не мог вводить и собирать налоги (пошлины, платежи) без ведома и санкции парламента. Королю запрещалось иметь в мирное время постоянное войско без согласия парламента. По акту пресекались злоупотребления короля в судебных делах, а орган королевского произвола Высокая комиссия, был окончательно ликвидирован. «Биллем о правах» подтверждалось незыблемое господство протестантизма, оружие могли иметь только протестанты. Закон гарантировал парламентаские свободы: регулярный и частый созыв королем парламента, свободу выборов и прений депутатов, а также свободу подачи петиций королю. Таким образом, парламента, наконец, не только становился полновластным как высший законодательный орган, но и вторгался в компетенцию исполнительной власти монарха и его правительства (однако министров по-прежнему назначал сам король).

«Билль о правах» — правовой документ огромного значения, который окончательно отверг абсолютистские притязания королевской власти. Акт серьезно ограничил прерогативу короны и узаконил четкое разграничение между компетенцией короны и полномочиями парламента. Парламент обрел прочную базу своей государственной деятельности как представительный орган нации (хотя за королем оставалось право созыва и роспуска парламента). «Билль о правах» заложил основы новой государственности, отличной от сословной монархии средневековья и тем более от абсолютной монархии, уже отвергнутой революцией середины XVII в. Он юридически оформил свершившийся государственный переворот.

Значение переворота. Государственный переворот 1688 — 1689 гг. был осуществлен вигами, тори и епископатом. Непосредственные инициаторы и творцы переворота предприняли неординарные действия, пригласив на престол Вильгельма Оранского. Они реалистично оценили серьезный момент в судьбе страны: с одной стороны, обществу угрожал абсолютистско-католический режим Якова II; с другой — внушал опасения ропот населения, перерастающий временами в волнения и даже в локальные восстания против правления короля. Отважившись на чрезвычайную меру, организаторы переворота преследовали цель не допустить возврата к прошлому — абсолютизму, католицизму и революции. Метод проведения переворота не принял форму революции с участием широких слоев общества, это было вполне легальное (с одобрения парламента) «верхушечное»

событие. Смена власти выглядела правомерной и уважаемой как для английской общественности, так и для международных кругов (за исключением Франции, куда эмигрировал Яков II).

Государственный переворот имел для Англии историческое значение. Он продолжил дело Английской революции, поставив последнюю точку в судьбе абсолютной монархии. Благодаря «Биллю о правах» и предусмотренному в нем расширению объема власти и функций парламента были заложены основы правовой базы *парламентарной конституционной монархии* — новой государственности, появившейся в зародыше во время Английской революции и соответствовавшей потребностям дальнейшего развития общества.

Стремясь подчеркнуть действительно непреходящее революционное содержание государственного переворота, его современники, а также мыслители, историки последующих веков (особенно вигско-либерального направления) называли и называют события 1688—1689 гг. не иначе, как «счастливая революция», «славная революция», «красивая революция» и т. д.

Правление Вильгельма III (1689—1702). Правление Вильгельма стало периодом взаимной адаптации короля и парламента к принципам, зафиксированным в «Билле о правах». Вильгельм III Оранский правил как конституционный монарх в рамках, предусмотренных «Биллем о правах», опираясь на парламента и соблюдая законы страны. Парламент же занял доминирующее положение в государственной системе. Тем не менее он продолжал заботиться о гарантиях соблюдения королем парламентарских прав, стремясь к дальнейшему ограничению прерогатив короны. С этой целью был принят ряд законов. В 1689 г. «Акт о мятеже» еще раз утверждал, что король без согласия парламента не мог набирать и содержать постоянную армию в мирное время. В 1694 г. был восстановлен принятый революционным Долгим парламентом «Трехгодичный акт». Акт предохранял страну от возможного беспарламентарского правления короля, что и прежде случалось не раз. Согласно этому документу, парламента, независимо от воли короля, должен был выбираться и созываться каждые 3 года.

«Акт об устройении» (1701), больше известный как закон о престолонаследии, вслед за «Биллем о правах» укрепил верховную власть парламента и подтверждал ограничение прерогатив короля «естественными, прирожденными» правами народа, т. е. законами парламента. Поспешность принятия акта не была случайной: в 1701 г. в эмиграции скончался Яков II, а Вильгельм Оранский находился при смерти. Политические верхи Англии проявляли понятное беспокойство о возможном преемнике короля, особенно в связи с тем, что во Франции находился в эмиграции Яков-Эдуард — сын Якова II (как и отец, он был католиком), который мог претендовать на английский престол. Закон об устройении подтверждал незыблемость «протестантского престолонаследия»: католики — потомки Якова II

лишались права занять престол; после кончины Вильгельма корона должна была перейти к протестантке — дочери Якова II, датской принцессе Анне, а после нее (в случае бездетности) к внучке Якова I курфюрстине Ганновера Софии и ее потомству, тоже протестантам. Важной в акте была статья, по которой с короля снималась ответственность за утверждение законов, возложенная на министра, докладывавшего и подписывавшего закон. Король формально оказывался в стороне от законотворчества. Провозглашалась сменяемость судей только по представлению кандидатур парламентом, власть короля в судебных делах еще больше ограничивалась. Акт 1701 г. устанавливал также, что членом парламента не мог быть человек, состоявший на службе у короля или его пенсионер.

Камнем преткновения во взаимоотношениях короля и парламента оставалась финансовая проблема, т. е. возможное злоупотребление королем практики бесконтрольного расходования средств и введения не вотированных парламентом налогов и других поборов. Теперь парламент определял сумму бюджета и точно устанавливал статьи расходов и размеры затрат короны, строго придерживаясь своего права санкционировать налоги, таможенные пошлины и всевозможные тарифы, придирчиво проверяя финансы короля. Малейшее нарушение им прав парламента в этом вопросе считалось посягательством на «свободу английского народа». Контролируя расходование бюджетных средств, парламент всегда придерживался строгого правила в деле предоставления королю новых субсидий: он по собственному усмотрению фиксировал срок (обычно год) и размер субсидии. Тем самым парламент сохранял за собой право влиять на политику короля и ограничивать его власть в финансовой сфере.

ГОЛЛАНДИЯ

Государственный и общественный строй. Государство Голландия возникло в ходе Нидерландской революции, когда семь северных провинций, освободившихся от испанского господства, основали федеративную Республику Соединенных провинций северных Нидерландов. Ее чаще именовали Голландской республикой или просто Голландией, по названию самой сильной и богатой из объединенных провинций.

Устройство нового государства было отмечено демократическими чертами. Провинции обладали широкой автономией, города и сельские общины пользовались правом самоуправления. Высшим органом власти были Генеральные Штаты, в состав которых входили представители отдельных провинций. Путешественники, посещавшие Нидерланды в XVII—XIX вв., почти всегда отмечали такую особенность страны, как «*партикуляризм*», т. е. политическую разобщенность. И действительно, государственное устройство, зафиксированное в *Утрехтской унии* (1579), изменялось очень медленно. Согласно статьям унии, сохранялась должность *статхаудеров* (наместников) провинций. Однако если прежде их назначал король, теперь они избирались штатами каждой из провинций. По традиции в 5—6 провинциях из 7 на эту должность обычно избирали представителей княжеского дома Оранских (Нассау), к которому принадлежал один из лидеров буржуазной революции XVI в. принц *Вильгельм Оранский*. Статхаудеры обладали значительной властью, гражданской и военной.

Текущими делами провинциальных штатов ведали *пенсионари* (должность пенсионария — советника-адвоката на жаловании возникла еще в Средние века). Голландский пенсионарий официально назывался *великим пенсионарием* и занимал особое положение: ведал вопросами внутренней и внешней политики, т. е. фактически был главой правительства провинции. Великий пенсионарий фактически возглавлял *регентов* — так называли правящий слой городской аристократии (2—3 тыс. чел.), из среды которых выбирали чиновников городских муниципалитетов и провинциальных штатов. Регенты нередко сочетали административную деятельность с предпринимательской. Они отчасти противостояли принцу Вильгельму Оранскому и его сторонникам — *оранжистам*. К оранжистским кругам принадлежали и дворяне — офицеры, а также некоторые регенты. На-

личие общих учреждений не снимало, однако, «партикуляризма» городов, в каждом из которых были свои порядки. Кроме того, особые интересы регентов, в основном коммерческие, часто приводили к конфликтам.

Среди провинций, вошедших в состав Республики Соединенных провинций северных Нидерландов, наибольшим влиянием обладала Голландия, на территории которой находились десятки городов, в том числе Гаага, резиденция правительственных учреждений, и Амстердам, мировой торговый и финансовый центр того времени. Значительную роль в экономической и политической жизни страны играла также провинция Зеландия. Как и в Голландии, власть в ней принадлежала купечеству. Аграрными и относительно бедными были северные и восточные провинции: Фрисландия, Гронинген, Утрехт, Оверэйсел и Гелдерланд. Дворянство здесь отчасти удерживало свои позиции. В положении крестьян двух последних провинций сохранялись черты личной зависимости от землевладельцев. Однако буржуазный строй был господствующим в Голландской республике.

Восьмидесятилетняя война за независимость завершилась в январе 1648 г. подписанием в Мюнстере (Вестфалия) мирного договора, по которому Испания признала, наконец, не только Республику Соединенных провинций северных Нидерландов, но и все территориальные приобретения голландцев в Азии, Америке, Африке, а также принцип свободы морей, равносильный для голландцев признанию неограниченной свободы торговли. К этому времени Голландия находилась в зените своего могущества, занимая ключевое место в системе европейских государств.

Экономика Голландии: рыболовство, торговля, промышленность, сельское хозяйство. Голландия обладала развитой многоотраслевой промышленностью и торговым флотом, превосходившим все флоты других стран, вместе взятые, владела обширными колониями, господствовала в международной торговле. Тысячи голландских кораблей бороздили океаны и моря, посещая множество стран от Японии до Бразилии и от Индии до северного побережья России. На амстердамской бирже заключались сделки на огромные партии товаров. В Голландии насчитывалось несколько тысяч купцов, чьи состояния превышали 1 млн гульденов, но в то же время при населении в 2 млн человек здесь было около 200 тыс. официально признанных нищих.

До недавнего времени большинство исследователей, исходя из очевидного факта господства торгового капитала в стране, склонялись к мнению, что именно деятельность купечества была изначальной причиной экономического расцвета Нидерландов. Естественной предпосылкой явилось при этом расположение страны на перекрестке морских и речных путей Центральной Европы. Лишь в последние десятилетия ученые пришли к выводу, что посредническая торговля не была первопричиной быстрого роста голландской экономики и зарождения в государстве капиталистических отношений.

Безлесная равнина, на которой заболоченные низины — *марши* — чередовались с песчаными почвами у подножия дюн — *геестами*, была малопродуктивной. Зерно приходилось ввозить. Именно поэтому одним из основных занятий голландцев стало рыболовство. Сельдяной промысел на Северном море уже начиная с XI в. был одним из главных источников обеспечения продовольствием. В XIII в. голландцы изобрели способ посола сельди и особой укладки ее в бочки, а к концу века стали спускать на воду рыболовные суда специальной конструкции — *бюйсы*. Соотношение длины и ширины судна обеспечивало его маневренность и высокие мореходные качества, а просторная палуба позволяла обрабатывать улов на месте. Это были плавучие «рыбные заводы», продукцию которых немедленно доставляли на берег специальными транспортом.

О масштабах сельдяного промысла можно судить по тому, что в первой половине XVII в. ежегодно в море выходило 1,5—2 тыс. бюйсов и только в страны Балтийского бассейна экспортировалось около 15 тыс. тонн сельди. Кроме сельди голландцы в это время добывали треску у берегов Исландии, а их китобои ходили к о. Шпицберген, который открыл в 1596 г. голландский мореплаватель *Виллем Баренц*. Значительной была и добыча рыбы в реках, внутренних водоемах.

Рыболовство привело к расширению внешней торговли. Для поддержания отрасли требовался импорт соли и леса. Соль везли из Испании и Франции, лес — из Скандинавии. Так, вместе с собственной торговлей начала развиваться и посредническая. Основной товар, который поставляли из Восточной Европы, — зерно теперь не только обеспечивало Нидерланды, но продавалось также в Испании и других странах. В 1640 г. ввоз зерна из балтийских стран составил более 110 тыс. тонн; этот показатель был примерно равен средней величине ежегодного вывоза из страны. В голландском вывозе в балтийские страны по объему первое место занимала соль, ее ежегодный транзит составлял в среднем 40—45 тыс. тонн. Кроме того, голландцы вывозили сельдь, сыр, испанские и французские вина, колониальные товары, ткани.

К этой «материнской» балтийской торговле в начале XVII в. добавилась еще и прямая торговля с Московским государством через Архангельск. Ежегодно в Архангельск приходили 30—40 голландских судов. Голландцы здесь быстро превзошли англичан, а затем почти полностью вытеснили их с рынка. Из Архангельска везли те же грузы, что и из балтийских стран, но кроме того пеньку, пушнину, осетровую икру, персидский шелк. Капиталовложения в торговлю с Москвой превышали 2 млн гульденов.

Вместе с рыболовством развивался ряд отраслей промышленности, прежде всего — судостроительная с ее вспомогательным производством канатов, парусины и др. В Голландии эта отрасль достигла совершенства, строительство судна обходилось там в 2—3 раза дешевле, чем на верфях других стран; корабли здесь строили в более

короткие сроки, и при равном тоннаже требовались экипажи существенно меньшие по численности. Все это свидетельствует о значительных технических достижениях и более совершенной организации кораблестроения. Голландский торговый флот превосходил флоты других стран как по числу судов, так и по тоннажу. По оценке французского государственного деятеля Ж. -Б. Кольбера, флот Голландии насчитывал 15—16 тыс. судов.

Важную роль в экономике Республики соединенных провинций северных Нидерландов играло также текстильное производство, в частности выделка сукна. Шерсть начали закупать в Англии, а затем и в других странах. Впоследствии англичане стали ввозить грубые неотделанные сукна, а их окончательная отделка и окраска осуществлялись в Голландии. При производстве сукон, а также других тканей широко применялись различные рабочие машины, приводимые в движение как лошадьми, так и энергией ветра. Часть продукции (а в середине XVII в. она составляла десятки тысяч кусков) вывозилась в другие страны. Нидерланды тем самым перешли от просто посреднической, транзитной торговли к реэкспорту. Например, табачная и сахарная, шелкоткацкая и деревообделочная отрасли осуществляли именно реэкспорт своей продукции. Наряду с ними успешно развивались и традиционные отрасли, такие как винокурение, мыловаренное производство и пивоварение. В качестве топлива пивоваренные заводы широко использовали торф. Тысячи тонн торфа ежегодно экспортировались из страны.

Существенные изменения происходили и в сельском хозяйстве. Вместо традиционных культур голландцы стали выращивать красители (марену и др.), масличные (рапс), лен, табак. Эти культуры необходимы были для промышленности. Некоторые провинции (Гронинген, Фрисландия) специализировались на животноводстве, особенно молочном, поставляя масло и сыр как на внутренний рынок, так и на внешний.

С XII века началось осушение участков морского дна для расширения посевных площадей — *польдеризация*. Сначала размеры *польдеров* были небольшими, но в середине XVII в. они занимали уже тысячи гектаров. Осуществить осушение таких огромных площадей можно было только имея соответствующую технику. Голландцы использовали энергию ветра и построили тысячи ветряных мельниц, которые стали характерной приметой местного ландшафта. Помимо обычного применения мельниц для помола зерна и в лесопильной промышленности, они снабжали энергией гидротехнические сооружения осушительной и оросительной систем.

Нужно было защитить страну от наводнений, ведь значительная часть ее территории находилась ниже уровня моря. Неслучайно в названиях многих голландских городов есть слово «плотина» (dam): Амстердам, Роттердам, Зандам. Само строительство специальных систем, возведение плотин, рытье каналов, углубление грунта и т. п.

требовало создания специальных рабочих механизмов. Именно в Нидерландах появились прототипы землеройных и землесосных машин. Таким образом, и в этой важнейшей области, начиная с XII в., происходили значительные технические сдвиги.

Особой отраслью предпринимательства стало цветоводство, ориентированное на внешние рынки. Разноцветные тюльпановые поля и в наши дни оживляют голландский пейзаж. В XVII в. тюльпаны были предметом биржевых сделок, «*торговли воздухом*», как говорили тогда. По нынешней терминологии такие сделки называются *фьючерсными*, урожай закупали заранее, несмотря на риск финансовых потерь.

Господство голландской промышленности в Европе продолжалось до конца XVII в. На рубеже XVII—XVIII вв. Англия в промышленном отношении превзошла Нидерланды.

Колониальная система. Экономический подъем в первой половине XVII в. сопровождался в Нидерландах созданием колониальной системы. Покорение и ограбление чужих народов расширило базу голландского торгового капитала и усилило могущество самой агрессивной части купеческой олигархии. Голландцы создали ряд опорных пунктов в Юго-Восточной Азии, в Индии, на западном побережье Африки и основали Капскую колонию на юге (1652). Оттеснив Испанию и Португалию, Голландия укрепилась на Зондских и Молуккских островах. Началось завоевание о. Ява, которое закончилось только в XIX в. Были захвачены у португальцев также п-ов Маллака (1641) и о. Цейлон (1658). В западной полушарии голландцами была основана в устье реки Гудзон *колония Новый Амстердам* (1622); в 1634 г. захвачен о. Кюрасао, в 1667 г. — Суринам. В 1625—1654 гг. Голландия владела даже Бразилией. Компании, первоначально организованные для торговли с дальними странами, приобрели военно-административный характер: располагали собственными вооруженными силами, штатом чиновников. Под управлением компаний находились обширные территории.

Самой могущественной и долговечной была *Ост-Индская компания* (1602—1798). Генеральные штаты утвердили ее монополию на торговлю в огромном районе, простиравшемся от южной оконечности Африки до берегов Японии. К началу 1620-х гг. компания утвердилась на о. Ява и на Молуккских островах, не только вытеснив силой оружия своих европейских конкурентов — англичан и португальцев, но и прервав в этом районе традиционные торговые связи между азиатскими странами. Ост-Индская компания осуществила захват территорий в других районах (о. Тайвань, о. Маврикий), основала торговые фактории (в Индии, в Японии, на п-ве Малакка). Опираясь на эти базы, она стала в XVII в. главной посредницей в торговле между Европой и Юго-Восточной Азией.

Ост-Индская компания эксплуатировала колонии крайне жестокими методами. Администрация под угрозой карательных мер тре-

бовала от населения поставки всего урожая пряностей за ничтожную плату. На собственных плантациях компании на о. Ява, преимущественно кофейных, применялся принудительный и неоплачиваемый труд крестьян и рабов.

Вест-Индской компании (1621 — 1792) долго принадлежала «пальма первенства» в работорговле. Она доставляла невольников с западного побережья Африки в американские колонии. Голландские купцы получали от компании огромные прибыли, тогда как тем, кто трудился в колониях, она не приносила никаких выгод, а, напротив, увеличивала их тяготы. Достаточно сказать, что когда в 1798 г. Ост-Индская компания была ликвидирована, ее долги в 120 млн гульденов взяло на себя государство. Таким образом, выплаты по долгам ложились на налогоплательщиков.

Голландская буржуазия все более втягивалась в колониальные предприятия и финансовые операции, теряя интерес к совершенствованию промышленного производства. Продукция различных отраслей промышленности постепенно утрачивала способность конкурировать с товарами других стран, и торговая буржуазия, подчинившая себе экономику, сворачивала производство в этих отраслях. Когда и посредническая торговля стала менее доходной, голландский капитал перешел к ссудным операциям, интенсивно финансируя развитие английской промышленности. Такие инвестиции приносили наибольшую прибыль. При этом буржуазия фактически игнорировала экономику собственной страны, которая постепенно приходила в упадок.

Социальные процессы. Особый путь голландского экономического развития определил и своеобразие социальных процессов, происходивших в этой стране. Голландия была частью той территории, того «ядра», по выражению современных историков, в котором вызревали новые социальные явления.

Естественные предпосылки и экономические особенности обусловили городской характер страны. Строить сотни судов можно было только на крупных городских верфях. Морская торговля также требовала создания крупных портов. Наконец, стапельное (складочное) право на определенные виды товаров из других стран можно было осуществлять только в портах прибрежных городов. Мануфактурные предприятия текстильной промышленности, например сукнодельной, также были сосредоточены в городах (например, в Лейдене). Быстро растущий торговый капитал подчинил себе городские ремесленные цехи, создав на их базе мануфактурное производство. Однако города всячески препятствовали развитию ремесла в сельской местности. Только в XVIII в., в период общего упадка производства, стала возрождаться сельская промышленность. Конкуренция внутри отраслей промышленности обретала в Голландии форму соперничества между городами. Крупные центры, такие как Амстердам, пользовались большим влиянием, но, тем не менее, им не удавалось подчинить себе другие города.

Дворянство сохраняло свои позиции в малоразвитых в промышленном отношении провинциях (Гельдерн, Оверэйсел), но и здесь крестьяне были в основном независимы. Что же касается провинции Голландия, занимавшей значительную часть территории, на которой проживало две трети двухмиллионного населения страны, то дворянство не играло здесь заметной роли, в провинциальных штатах его интерес представлял всего один депутат, в то время как города имели 18 депутатов. В этой провинции купечество выступало непосредственно как класс земельных собственников. Приобретая в период Реформации и революции большую часть церковных и дворянских имений, купцы затем прибрали к рукам и крестьянские земли, превратив крестьян в арендаторов. Наряду с крупными капиталистическими фермами, использовавшими труд батраков, существовало и множество мелких крестьян-арендаторов, вносивших высокие арендные платежи.

В различных отраслях промышленности и ремесла, включая судостроение и рыболовство, было занято около 1 млн человек, в то время как в сельском хозяйстве — не более 200 тыс.

Еще одно явление, характерное для Голландии — массовый приток работников из немецких земель. На мануфактурах Лейдена их насчитывались десятки тысяч. Условия были крайне тяжелыми, смертность очень высокая. В Нидерланды ежегодно прибывали также тысячи рабочих из Вестфалии на сезонные работы — покос лугов и добычу торфа.

Внешняя политика и ее влияние на внутреннее положение Голландии. Республика Соединенных провинций северных Нидерландов была в фокусе политической жизни Европы, оказывалась втянутой в многочисленные конфликты и войны. Международное положение непосредственно отражалось на внутреннем развитии государства; обнажались социальные конфликты, активизировались народные массы.

Острая ситуация сложилась в республике в период Английской революции. Торговая буржуазия, представленная партией провинциальных штатов Голландии, политически солидаризовалась с революционным парламентом Англии, но в то же время энергично теснила своих английских конкурентов на внешних рынках. Партия оранжистов, сторонников Оранских из числа дворян и монархически настроенной части торговой верхушки, напротив, активно поддерживала английских роялистов и даже склонялась к коалиции с монархическими державами для вмешательства в английские дела. Однако народные массы, обычно выступавшие против торговой буржуазии, в которой они видели врага, и поэтому поддерживавшие оранжистов, на этот раз их не поддержали. Симпатии масс были на стороне английских революционеров-пуритан. Попытка монархического переворота, предпринятая статхаудером Виллемом II в июле 1650 г., не увенчалась успехом. После его смерти в ноябре нового статхаудера не избирали более 20 лет.

После победы Английской революции торговое соперничество между странами восторжествовало над их стремлением к политическому сближению и привело к *первой англо-голландской войне* (1652—1654). Несмотря на все искусство голландских моряков, они потерпели сокрушительное поражение. Было захвачено более 1700 голландских торговых судов. Блокада побережья нанесла серьезный ущерб экономике Нидерландов и вызвала недовольство населения. Голландцам пришлось признать положения Навигационного акта, изданного английским парламентом в 1651 г. и ограничить свое судоходство в английских владениях.

В 1650—1660-е гг. англо-голландское соперничество продолжало усиливаться. Франция также стала ограничивать голландскую торговлю, установив высокий таможенный барьер. Великий пассионарий *Ян де Витт* с 1650 г. возглавлявший республику, искусно лавировал между обеими державами, стремясь не допустить опасного для Голландии союза с Францией.

Вторая англо-голландская война (1665—1667) началась с нападений англичан в колониях. В 1664 г. они захватили Новый Амстердам (впоследствии переименованный в Нью-Йорк). На этот раз голландцы были значительно лучше подготовлены. Их флот под командованием адмирала де Рюйтера нанес англичанам поражение и даже поднялся по Темзе, угрожая Лондону. 31 июля 1667 г. в городе Бреда был подписан мирный договор, по которому были поделены сферы влияния в колониях. Голландцы ушли из Северной Америки, отказавшись от Нового Амстердама, а англичане перестали претендовать на Индонезию и Молуккские острова. Голландцы удержали также Суринам в Южной Америке.

В 1672 г. Франция вовлекла Англию в новую, третью войну против Республики Соединенных провинций северных Нидерландов. Вторжение французской армии поставило страну в критическое положение. Ян де Витт был убит разъяренной толпой, подстрекаемой оранжистами. Республику возглавил избранный статхаудером юный принц Вильгельм III Оранский, правивший до 1702 г. Голландцы остановили французское наступление, прибегнув к затоплению части своей территории, а поражения, нанесенные адмиралом де Рюйтером английскому флоту, способствовали выходу Англии из войны (1674). Война с Францией продолжалась до 1678 г. Голландцам и впоследствии пришлось неоднократно воевать против Франции, отстаивая свою независимость и целостность своей территории.

Принц Вильгельм III, женатый на Марии, дочери английского короля Якова II Стюарта, принял участие в «Славной революции» и в 1689 г. стал королем Англии. Его деятельность способствовала сближению Голландии с Англией, а также финансированию голландцами английской экономики.

Участие в войне за испанское и австрийское наследство нанесло голландской экономике большой ущерб. По отношению к Англии

республика выступала в роли младшего партнера. И это неравное партнерство наносило не меньший урон ее финансам и торговле, чем войны.

Культура, наука и географические открытия. XVII век — время расцвета голландской культуры. Консолидация голландской нации, революционные традиции и активность народных масс, рост экономики и относительно демократические порядки создали для этого благоприятные условия. Грамотность населения была в Нидерландах выше, чем в других странах. «Куранты», газеты того времени, и полемические памфлеты на злобу дня имели широкое хождение. Книгопечатание приобрело общеевропейское значение. Здесь нередко на многих языках издавались книги, запрещенные в других странах. Университеты, основанные после революции XVI в. в Лейдене, Утрехте, Гронингене превратились в важные научные центры.

В поисках торговых путей голландские мореплаватели совершили ряд замечательных географических открытий, как, например, В. Баренц в Арктике (где его экспедиция впервые презимовала), А. Я. зон Тасман в Океании. *Оливер Ван Ноорт* первым из голландцев совершил кругосветное плавание (1598—1600). Мыс Горн, который обогнули *Якоб Лемер* и *Виллем Схаутен* во время своего кругосветного путешествия в 1615—1616 гг., был так назван ими в честь голландского города. Значительный вклад внесли голландские ученые в развитие картографии. Известный ученый и путешественник *Николас Витсен* (1641—1717) составил подробное описание Сибири и издал карту России.

Идейная борьба против традиционного мировоззрения плодотворно отразилась на творчестве ученых в области гуманитарных наук. Среди них особенно выделялся *Гуго Гроций*, один из основоположников теории естественного права в Новое время.

Существенную роль сыграли голландские ученые в развитии философии. В трудах некоторых философов, например *Уриеля Акосты* (ок. 1585—1640), опровергавшего представления о бессмертии души, явственно обозначилась атеистическая тенденция. В еще большей мере эта тенденция проявилась в философии *Бенедикта (Баруха) Спинозы* (1632—1677), одного из крупнейших представителей метафизического материализма. Критерием совершенства общественного строя Спиноза считал свободу мысли, которую допускало общество. Именно поэтому государственную форму демократического правления он ставил выше, чем монархию. Учение Спинозы оказало большое влияние на дальнейшее развитие материализма.

ФРАНЦИЯ

Франция к началу XVII в. В начале XVII в. Франция была крупнейшим государством Западной Европы с населением около 14,7 млн человек (к концу века численность населения королевства в его расширившихся границах выросла до 21 млн человек). Религиозные войны второй половины XVI в. и неблагоприятная экономическая конъюнктура разорили страну. Земли, объединенные под властью французского короля, представляли собой весьма неоднородный комплекс. Жители провинций говорили на разных языках, имели свои обычаи и особый правовой статус. Города и провинции дорожили своими привилегиями.

В 1589 г. на престол взшел первый король из династии Бурбонов *Генрих IV* (1553—1610). Условия умиротворения страны определил изданный им *Нантский эдикт 1598 г.*, по которому французские протестанты — гугеноты — получили свободу вероисповедания и равенство прав с католиками. Протестанты могли собираться на политические ассамблеи, у них были свои представители при дворе и в парламентах. Для гарантии безопасности и неприкосновенности прав и свобод гугенотов им передали во временное управление более сотни крепостей.

Экономика. В XVII в. отдельные провинции и области страны оставались в экономическом отношении обособленными, наблюдалось сочетание разнообразных типов экономического развития.

Материальной основой могущества Франции была не передовая экономика, ее составляли большая территория и высокая численность населения. Методы ведения сельского хозяйства оставались архаичными, а урожаи — низкими. Франция отставала от Нидерландов и Англии по развитию металлургии. В стране еще не появились банки и биржи. Немногочисленные торговые компании располагали скромными капиталами. Число кораблей торгового флота оставалось незначительным. В отдельных районах вторая половина XVI — первые десятилетия XVIII в. отличались снижением сельскохозяйственного и ремесленного производства. Некоторые историки называют этот период «трагическим XVII веком». В неурожайные годы цены на продукты резко возрастали, и в результате большинство населения не в состоянии было покупать ничего кроме продовольствия. Таким образом, продовольственные кризисы влекли за

собой падение спроса на промышленные изделия, спад ремесленного производства и закрытие мастерских.

Однако экономические трудности проявлялись не повсеместно. Так, в южной Франции не отмечалось снижения сельскохозяйственного производства, что было связано с благоприятными природно-климатическими условиями. Особенно процветали винодельческие районы. Избежали экономического спада и те области, где наметилась специализация на разведении крупного рогатого скота. Промышленное производство тоже переживало кризис не во всех регионах и отраслях. Главным образом пришло в упадок ремесло в небольших городах. В крупных же городах ведущие отрасли — сукноделие и шелкоткачество — развивались стабильно, и в них возобладало мануфактурное производство. Настоящий расцвет переживало в XVII в. шелкоткацкое производство в Лионе.

Аграрные отношения. Разница природно-климатических условий предопределила своеобразие хозяйственных укладов северной и южной Франции. В XVII в. это традиционное различие типов аграрного развития усилилось. Равнины севера стали житницей страны: там выращивали зерновые (главным образом пшеницу). Хозяйство юга было поликультурным: в нем сочетались производство зерновых, виноградарство и садоводство. Обозначилась специализация винодельческих районов. Возле крупных городов крестьяне занимались преимущественно огородничеством. Скотоводство развивалось в основном в горных районах; в других областях страны оно было относительно слабо развито, поэтому навоза для удобрения полей не хватало и часть земель регулярно оставалась под паром. На севере преобладал трехпольный севооборот, на юге — двухполье. На севере получила развитие крупная, капиталистическая фермерская аренда, на юге — испольщина. Фермы создавали скупавшие крестьянские наделы сеньоры, горожане и богатые крестьяне.

Аграрные отношения развивались в рамках *сеньории*: земельного владения, связанного с определенными привилегиями и судебной властью. Взаимоотношения между крестьянами и землевладельцами-сеньорами регулировались феодально-сеньориальными порядками (в те времена эти два понятия были почти синонимичны: «феодальный порядок» обычно означал комплекс прерогатив сеньора, связанных с владением землей на правах феода; «сеньориальный порядок», помимо этого, указывая на высшее социальное положение сеньора по отношению к крестьянам). Большинство крестьян владели земельными наделами — *цензивами* — на условиях вечно-наследственного держания. Владельческие права крестьянина были столь широкими, что фактически приближались к правам собственника: он мог по своему усмотрению продавать, сдавать в аренду, дарить земельный надел полностью или по частям. Однако это не отменяло условного характера прав крестьянина: верховным собственником земли считался сеньор, а крестьяне обязаны были вносить ему за владение

своим наделом феодально-сеньориальные платежи, формы и размеры которых в отдельных провинциях страны существенно различались. В одних они составляли до 10—12 % урожая, а, например, в Бретани и Бургундии достигали в среднем 15—20 %. Сеньор получал денежные и натуральные ренты с крестьянских наделов (*цenz, шампар* и др.), а также обладал почетными правами, подчеркивавшими его высокое общественное положение. К числу таких прав относились, в частности, исключительные привилегии на охоту, рыбную ловлю и содержание голубятни. Семья сеньора занимала особую скамью в приходской церкви. Крестьянам запрещалось продавать свое вино раньше сеньора. Большое значение имели так называемые *баналитеты*: обязанность крестьян за плату, взимавшуюся натурой, пользоваться мельницей, печью и виноградным прессом сеньора. Многие сеньоры имели на своих землях право судить в первой инстанции; на приговор сеньориального суда можно было подать апелляцию в вышестоящий королевский суд.

В разных провинциях Франции от 9 до 44 % земель принадлежало дворянству, церкви — от 6 до 20 %, городской буржуазии — от 10 до 35 % и более, крестьянству — от 22 до 70 %. Земли, пригодные для обработки, были в основном уже освоены. В стране, отличавшейся высокой численностью и плотностью населения, малоземелье крестьян стало серьезной проблемой. Небольшие размеры цензивы не давали крестьянину возможности прокормить семью, и он вынужден был арендовать землю (если имел на это средства), наниматься батраком на ферму или работником-надомником к купцу-мануфактуристу.

Французское общество. В истории народонаселения Франции XVII в. выделяются два крупных периода. На протяжении 1600—1660-х гг. население страны увеличивалось; в 1670—1720-е гг. рост сменился стагнацией, что было обусловлено главным образом усилившимся похолоданием. Низкая урожайность вызывала дороговизну продуктов, продовольственные кризисы и голод, а те, в свою очередь, — снижение рождаемости и рост смертности. Причинами высокой смертности были также войны и эпидемии.

Средний возраст первого брака составлял примерно 25 лет у мужчин и 22 года у женщин. В семьях рождалось по 4—5 и более детей, но лишь половина из них доживала до зрелого возраста. В результате высокой детской смертности средняя продолжительность жизни достигала 32 лет.

85—90 % населения страны проживало в деревне. Каждый крестьянин был членом сельской общины, которая устанавливала календарь сельскохозяйственных работ и следила за его соблюдением, отстаивала интересы крестьян перед лицом сеньора, помогала беднякам и управляла имуществом, находившимся в совместном владении общинников (лесами, пустошами).

Большинство населения городов составляли ремесленники, лавочники, мелкие служащие, рабочие мануфактур, поденщики, при-

слуга. Верхушка городского населения — *буржуазия* — была представлена чиновниками, банкирами, судовладельцами, купцами, хозяевами мануфактур. Многие дворяне тоже предпочитали жить не в своих имениях, а в городах.

Французское общество было сословным. Права и обязанности человека определялись его происхождением и местом в сословной иерархии. Высшими сословиями королевства считались духовенство и дворянство. Духовенство было освобождено от налогов и имело особую систему церковных судов. Дворяне также пользовались многочисленными почетными, налоговыми, должностными и судебными привилегиями. Система привилегий распространялась не только на два высших сословия; она охватывала значительную часть французского общества, включая людей из так называемого третьего сословия. Привилегиями обладали многие французские провинции: они освобождались от ряда налогов и имели органы местного самоуправления — провинциальные штаты. От части налогового бремени освобождались и привилегированные города. Судейские и чиновные корпорации имели права на особые почести и освобождались от части налогов. У ремесленных цехов были монопольные права на производство и сбыт определенной продукции. Торговые компании получали монопольные права на торговлю в определенных регионах. Университеты освобождались от части налогов и от постоя войск.

Однако особенно существенными и многочисленными были все же привилегии духовенства и дворянства. Представители древних и влиятельных родов пополняли ряды придворной знати. Многие дворяне, в том числе провинциальные и сельские сеньоры, служили в королевской армии. Королевская служба и доходы от нее, наряду с земельными владениями, обеспечивали могущество и процветание дворянства. Государство все больше стремилось поставить его под свой контроль, что выразилось, в частности, в серии законодательных актов, направленных против самовольного присвоения дворянского статуса. Неоднократно проводились расследования с целью выявить «узурпаторов», не способных подтвердить документами свои права на принадлежность к дворянскому сословию и пользование соответствующими привилегиями. Такие меры позволяли увеличить число налогоплательщиков. При этом короли возводили во дворянство богатых простолюдинов, используя это как средство пополнить казну. Так, широкое распространение получила продажа аноблирующих (т.е. дающих дворянское звание) должностей в королевской администрации, в судах и финансовых органах. Практика продажи должностей повлекла за собой изменение состава дворянского сословия и формирование слоя должностного дворянства. Так как судьи и чиновники носили мантии, этот слой получил название *дворянства мантии* в отличие от традиционного военного *дворянства шпаги*.

Французская монархия в первой половине XVII в. Главой государства был король, обладавший всей полнотой верховной власти.

Официальная доктрина французской монархии оформилась еще в сочинениях правоведов XVI в. Считалось, что король является единственным носителем *суверенитета* (верховой власти) в стране, что он абсолютно независим и равноправен по отношению к любому другому земному владыке, будь то папа римский или император Священной римской империи. Однако король, наделенный абсолютной властью, правил по закону — именно в этом теоретики абсолютной монархии видели ее отличие от деспотизма, тирании. Король должен был соблюдать божеские законы, т. е. никогда и ни в чем не идти против Бога и христианской церкви. Ему следовало также уважать естественные законы, под которыми подразумевались некие неписанные нормы человеческого общежития, к их числу относились права человека на жизнь, свободу и собственность. Наконец, король был обязан чтить фундаментальные законы французской монархии, под которыми подразумевались правила наследования престола и принцип неотчуждаемости королевского домена. Государство было принято уподоблять «организму», и в свете этих представлений король являлся головой единого и неделимого «политического тела» монархии.

В XVII в. доктрина французской монархии претерпела определенную эволюцию: в сочинениях юристов теперь особенно подчеркивалось, что королевский суверенитет основан на божественном праве, король есть наместник Бога на земле и отвечает за свое правление лишь перед Богом. Утверждалось, что король обладает неограниченным суверенитетом. Как писал один правовед, «король — единственный суверен в своем королевстве, и его суверенитет так же неделим, как точка в геометрии». У теоретиков и политиков завоевала популярность идея *государственного интереса* (*la raison d'Etat*), во имя которого король мог пойти даже на нарушение закона. Первый министр короля Людовика XIII *Арман Жан дю Плесси, кардинал Ришелье* (1585 — 1642), в частности, говорил о праве монарха жертвовать частными интересами отдельных лиц ради общего блага и интересов государства.

При короле, обладавшем всей полнотой верховной власти, имелся консультативный орган — королевский совет. Сложился прообраз системы министерств, во главе которых стояли государственные секретари.

Орган сословного представительства — Генеральные штаты, собиравшиеся во Франции крайне редко, так и не превратились в постоянно действующий институт. В 1614 г. они были созваны в обстановке смут и беспорядков, охвативших страну в период малолетства короля *Людовика XIII* (король Франции с 1610 г.). Распри между сословиями парализовали работу Генеральных штатов, и они в очередной раз продемонстрировали свою неэффективность. Правительство их распустило и больше не созывало вплоть до 1789 г.

В стране существовала разветвленная система многообразных по своим функциям королевских трибуналов, которые помимо отправ-

ления правосудия обладали также широкими административными полномочиями. Наиболее значимыми среди них были *парламенты* (верховные суды). Раньше других (в XIII в.) возник Парижский парламент, распространявший свое влияние на треть территории королевства. Впоследствии парламенты возникли в целом ряде провинциальных столиц. Верховные суды закрепили за собой право контроля над законодательством; проверяли тексты королевских указов на предмет их соответствия существующим законам, традициям французской монархии и привилегиям той или иной провинции. Указ обретал законную силу лишь после его регистрации парламентом. В случае несогласия зарегистрировать указ парламент подавал королю письменные возражения — *ремонстрации*, что было мощным рычагом политического влияния парламентов. Кроме магистратов (судей), привилегию заседать в Парижском парламенте имели высшие аристократы, носившие титулы герцогов и пэров Франции.

По мере развития государственного аппарата расширялся слой чиновничества. К середине XVII в. во Франции насчитывалось примерно 46 тыс. чиновников. В поисках доходов правительство практиковало продажу государственных должностей. В 1604 г. был введен ежегодный взнос в размере 1/60 стоимости должности — *полетта* (по имени собиравшего этот взнос финансиста Поле), закрепивший за чиновниками наследственное право собственности на должность. Заседавшие в парламентах судьи тоже были собственниками своих должностей, что затрудняло правительству возможность воздействовать на них в случае неповиновения.

В провинциях наряду с парламентами власть короля представляли губернаторы, происходившие из влиятельных аристократических семей. Они играли важную роль связующего звена между центральной администрацией и провинциальным дворянством. Королевский приказ о назначении губернатора в провинцию регистрировался местным парламентом. Приблизительно на 1/3 территории страны — в Бретани, Бургундии, Дофине, Лангедоке, Провансе и в некоторых более мелких провинциях — существовали местные сословно-представительные органы: провинциальные штаты. Для сбора налогов на территории этих провинций необходимо было заручиться их согласием.

Прямые налоги собирали королевские чиновники. Их должности продавались в собственность и покупались, как правило, финансистами. Косвенные налоги государство отдавало на откуп компаниям финансистов. В тех провинциях, где имелись местные штаты, сбор налогов осуществлялся под их контролем.

В ходе напряженной борьбы с Габсбургами за европейское господство менялись государственные институты французской монархии. Во время *Тридцатилетней войны* (1618—1648) численность королевских армий возросла с 20 до 150 тыс. человек. На их содержание требовались большие средства. Правительство было заинтересовано в создании более послушной его воле администрации, способной

обеспечить на местах проведение в жизнь распоряжений центральной власти и регулярное поступление налогов. Оно не довольствовалось деятельностью существующих провинциальных губернаторов, судов и финансовых бюро (органов финансовой администрации, отвечавших за раскладку и сбор налогов), которые тесно срослись с местной элитой и были, скорее, склонны отстаивать ее интересы, нежели неукоснительно исполнять указания из центра. В результате в годы Тридцатилетней войны получил развитие возникший еще в середине XVI в. институт *провинциальных интендантов*. Изначально их направляли в провинции с временными поручениями. С середины 1630-х гг. интенданты превратились в постоянных представителей королевской власти на местах. Они не приобретали своих должностей в собственность, а назначались правительством и полностью ему подчинялись, т. е. представляли собой чиновников современного типа. Официально их именовали «интендантами полиции, юстиции и финансов». Интенданты обладали широкими полномочиями: должны были вместо прежних финансовых бюро руководить сбором налогов на местах, надзирать за судами, могли сами судить и выносить приговоры, проверять запасы продовольствия на случай голода, следить за умонастроениями в провинции и преследовать противников короля. Однако имевшиеся в распоряжении интендантов штат сотрудников и финансовые ресурсы были недостаточны для того, чтобы в полной мере осуществлять все эти полномочия. Для правительства они были главным образом агентами информации и контроля, от которых министры короля узнавали о положении дел на местах. Интенданты поддерживали постоянную переписку с центральной администрацией и докладывали о своих действиях. Они призваны были не заменить старые органы местного управления, а сотрудничать с ними и вмешиваться в дела местной администрации лишь в чрезвычайных ситуациях, например в случае беспорядков.

Далеко не все французские дворяне разделяли идеи абсолютной монархии и одобряли политику кардинала Ришелье. Для высших аристократов — принцев крови, герцогов и герцогов-пэров — король был первым среди равных. Они считали новые порядки тираническими и претендовали на место прирожденных советников короля. Сопrotивление дворян принимало две формы: придворных заговоров и вооруженных мятежей в провинции. Заговоры против Ришелье возникали почти ежегодно, в них участвовали высшие аристократы и члены королевской семьи. Используя свои связи и влияние среди провинциального дворянства, они провоцировали мятежи, получавшие финансовую поддержку со стороны Испании. Хотя силы мятежников были малочисленны и их выступления удавалось быстро подавить, но все же они представляли опасность, так как приходились на период участия Франции в Тридцатилетней войне.

Фронда (1648 — 1653). Когда в 1643 г. умер Людовик XIII, его сын *Людовик XIV* (1638 — 1715) был пятилетним ребенком. Ставшая

регентшей при малолетнем монархе королева-мать *Анна Австрийская* (1601 — 1666) назначила первым министром кардинала *Джулио Мазарини* (1602 — 1661). Война продолжалась, и Мазарини был вынужден придерживаться начатой Ришелье политики чрезвычайных мер. Действия правительства вызвали недовольство самых разных слоев общества: народ возмущался тяжестью налогов, суды и аристократия видели в новых методах правления нарушение традиций, умаление своего политического влияния и престижа. Сама обстановка регентства благоприятствовала открытому протесту, так как недовольные выступали не против короля, а лишь против министра итальянца.

В начале 1648 г. пламенная речь одного из магистратов Парижского парламента, обличающая политику Мазарини, была напечатана и распространялась в Париже и провинции, будоража общественное мнение. Вслед за этим парламент заявил, что лишь ему как гаранту законов и традиций королевства принадлежит право опеки над малолетним королем. Антиправительственные выступления парламента современники прозвали *Фрондой* (от франц. *la fronde* — *праща*; считается, что такое прозвище дали оппозиционерам, сравнивая их действия с потасовкой школяров, обстреливавших друг друга из пращи). Первый этап *Фронды* (1648 — 1649) историки обычно называют «*парламентской Фрондой*». Весной и летом 1648 г. магистраты четырех парижских верховных судов (парламента, Счетной палаты, Палаты косвенных сборов и Большого совета), объединившись, выдвинули целую политическую программу. В программу входили требования отозвать интендантов из провинций, уменьшить размер *талли* (прямого налога) и вернуться к традиционному порядку ее сбора под контролем прежних финансовых бюро или провинциальных штатов, не вводить новых налогов без согласия парламента, не держать никого под арестом больше суток (через сутки арестованный должен был предстать перед судьей, который проверил бы законность ареста). Таким образом, парламент добивался расширения своего контроля над государственными делами. Его программа была отпечатана в виде манифеста и широко распространялась в стране. Парижане ее приветствовали. В Париже, Бордо и других крупных городах сочинялись и публиковались памфлеты, направленные против Мазарини («мазаринады»). Всего за 1648 — 1653 гг. их появилось около 5 тыс. Когда по приказу Мазарини парламентские вожаки были арестованы, Париж покрылся баррикадами.

Королем у малолетним королем и Мазарини бежали из города. Париж был осажден королевской армией. Парламент предпочел вступить в переговоры и в марте 1649 г. заключил мир с правительством, но в это время высшие аристократы взбунтовались против Мазарини и он был вынужден покинуть страну. С 1650 г. начался второй этап *Фронды*, который принято называть «*Фрондой принцев*». Лидерами восставших стали принц *Конде*, *принц Конти*, *герцог де*

Бофор, герцог Франсуа де Ларошфуко. Дворянские собрания в Париже и близлежащих провинциях требовали, чтобы впредь монархия опиралась на согласие сословий. На практике это должно было означать регулярный и частый созыв Генеральных штатов. Королевский совет даже назначил очередное заседание Генеральных штатов на сентябрь 1651 г., но для его подготовки ничего не было сделано.

Мазарини вернулся во Францию во главе отряда немецких наемников. Его соперники попытались оказать сопротивление, опираясь на поддержку в Париже и Бордо, но их войска были разбиты и все мятежи постепенно подавлены. Фрондеров объединяла ненависть к Мазарини, но в остальном их интересы расходились. Парламенты и знать оказались неспособны договориться между собой и тем более управлять страной. Население страны устало от гражданской войны, и когда в октябре 1652 г. королева с сыном вернулись в Париж, жители города встретили их с радостью. Летом 1653 г. был подавлен последний очаг Фронды в Бордо. Мазарини вернулся к делам и, опираясь на поддержку достигшего совершеннолетия короля и королевы, продолжил прежнюю политику. Интенданты вернулись в провинции. Правда, со временем правительство пошло навстречу популярным среди населения антиналоговым требованиям, и после заключения мира с Испанией в 1659 г. были облегчены некоторые государственные подати.

Монархия Людовика XIV. После смерти кардинала Мазарини в 1661 г. Людовик XIV, которому уже исполнилось 22 года, собрав министров, заявил, что отныне сам будет своим первым министром, и с тех пор правил самостоятельно. Он был преисполнен чувства ответственности за возложенную на него миссию и старался добросовестно исполнять «ремесло короля». В нем было прирожденное величие, и он умел внушить подданным уважение и страх. Пережитая в детстве Фронда оставила в памяти Людовика XIV неизгладимый след, и он поставил перед собой цель усилить королевскую власть и добиться единства страны, намереваясь также утвердить свое главенство в Европе.

Фронда стала последним мятежом своевольных вельмож. Подавив вооруженное сопротивление, Людовик XIV сумел приручить их с помощью щедрых пенсий, доходных назначений и необременительных придворных должностей. Непокорная прежде знать стала придворной аристократией, подчиненной воле короля. Ее благосостояние зависело от расположения монарха. Жизнь при блистательном королевском дворе требовала немалых расходов, что еще больше усиливало зависимость аристократии от государя. Вооруженные мятежи сменились придворными интригами и борьбой за королевские милости. Людовик XIV не назначал придворных аристократов на высокие государственные должности, но несмотря на это они могли приобрести политический вес благодаря своей близости к королю, а также семейным, дружеским и деловым связям. При дворе сложи-

лись соперничавшие между собой партии — клиентелы, которые возглавляли члены королевской семьи и высшие аристократы.

Оставив Париж, вызывавший у него неприятные воспоминания о Фронде, Людовик XIV со своим двором, в штате которого насчитывалось более 1 тыс. человек, обосновался в новой резиденции в Версале. Версальский двор превратился в место отправления культа монарха, которого приближенные называли — «королем-солнцем». Утреннее пробуждение короля и отход ко сну вечером, его обеды и ужины были обставлены торжественными церемониями, в которых участвовала высшая знать.

Двор представлял собой центр политической и культурной жизни страны; в свое время кардинал Ришелье называл его сердцем государства. Наряду с армией и административным аппаратом двор был тем инструментом, с помощью которого король управлял дворянством и страной в целом. Этикет и церемониал, строгие правила представления ко двору подчеркивали абсолютную власть короля и высокое социальное положение придворной аристократии. Это был довольно замкнутый мир, в который допускались лишь избранные (впрочем, подчас в королевской резиденции могли собираться до 10 тыс. человек, включая как придворных, так и лиц, представленных ко двору), и он являлся эталоном для остальных. Правила поведения, моды, вкусы и манеры придворного общества становились образцом хорошего тона для всего дворянства, а вслед за ним — и для буржуазных кругов. Если театральная пьеса, опера или балет благосклонно принимались при дворе, зрительский успех в дальнейшем был им обеспечен.

Король правил с помощью королевского совета, членов которого он назначал по своей воле. Королевский совет обсуждал законы и иные дела внутренней и внешней политики. Прислушиваться или нет к мнению членов совета, решал король. Государственными делами управляли министерства: военное, морское, королевского дома и иностранных дел. Их возглавляли государственные секретари, которых назначал король. Людовик XIV не ставил аристократов на министерские и другие высокие должности. Аппарат французской монархии формировался преимущественно из числа юристов буржуазного и новодворянского происхождения; постепенно сложились влиятельные чиновничьи династии. Королю принадлежало право вершить правосудие в стране, а от его имени и по поручению во главе судебной системы стоял канцлер, являвшийся одновременно хранителем государственных печатей и возглавлявший заседания королевского совета в отсутствие монарха.

В 1673 г. Людовик XIV урезал полномочия парламентов, запретив им подавать ремонстрации до регистрации закона. Постоянными представителями центральной власти в провинциях стали интенданты. Опираясь на них, король и его министры из Версаля управляли страной, хотя при этом им все же приходилось считаться с местными обычаями и привилегиями подданных.

Экономическая политика французской монархии. Французская монархия активно вмешивалась в сферу экономики. Ее политика в этой области следовала расхожим экономическим рецептам своего времени, впоследствии объединенным под общим названием *меркантилизма*. В основе политики меркантилизма лежало предствление, что процветание и мощь страны измеряются количеством находящихся в ней драгоценных металлов, и потому рекомендовалось ограничивать ввоз иностранных товаров, развивать собственное производство и экспорт, с тем чтобы в страну поступало как можно больше золота и серебра из-за границы. Из этих рекомендаций следовали три направления экономической политики государства: таможенный протекционизм, поощрение мануфактурного производства в стране и развитие заморской торговли. Меркантилистские меры должны были обеспечить поступление в королевскую казну денежных средств, необходимых на содержание армии, чиновничьего аппарата и на активную дипломатию.

Меркантилистскую политику начал проводить Генрих IV, и эту политику затем продолжали его преемники на протяжении всего XVII в. Во время правления Генриха IV субсидировались существующие и были основаны новые стекольные, полотняные, шелкоткацкие и другие мануфактуры. Французское правительство уделяло особое внимание развитию мануфактур, производящих высокохудожественные предметы роскоши для французской и всей европейской аристократии. Предпринимались попытки создания привилегированных купеческих компаний для торговли со странами Востока и Вест-Индией, поощрялось освоение Канады.

Политику Генриха IV продолжил первый министр Людовика XIII кардинал де Ришелье. Вынашивая грандиозный план вовлечения Франции в мировую колониальную торговлю, Ришелье начал переговоры с турецким султаном и пиратами с целью обеспечить французским купцам участие в торговле пряностями со странами Востока; пытался основать компании для торговли с французскими колониями в Северной Америке. Он старался привлечь к этому делу дворян: заморская торговля была официально признана почетным занятием, совместимым с дворянским достоинством, а купцам за успехи в колониальной торговле было обещано дворянское звание.

Однако энергичные меры правительства давали весьма скромные результаты. Богатые французские купцы стремились вложить нажитые капиталы не столько в промышленные и торговые предприятия, сколько в покупку земель и государственных должностей, что было престижнее и давало возможность со временем стать дворянином. Дворяне же, в соответствии с моралью своего сословия, с презрением относились к занятиям, имеющим целью получение прибыли.

В период царствования Людовика XIV экономической политикой государства на протяжении многих лет руководил занимавший пост генерального контролера финансов *Жан Батист Кольбер* (1619—

1683), впоследствии получивший также и должность морского министра. Человек незнатного происхождения, сын купца, он уже в зрелом возрасте купил государственную должность, обеспечившую ему звание дворянина. Кольбер отличался дисциплинированностью и невероятной работоспособностью, мог работать по 15 часов в сутки. В своей деятельности он руководствовался принципами меркантилизма. Кольбер хотел обеспечить Франции экономическое преобладание в Европе, которое соответствовало бы ее политическому могуществу, а в мировой торговле того времени Франция уступала Голландии и Англии. Для этого он считал необходимым развивать французские мануфактуры, в первую очередь те, что производили предметы роскоши и работали на вывоз. К их числу относились, например, мануфактуры по производству шелковых тканей, настенных ковров-гобеленов, мебели, зеркал. Правительство предоставляло мануфактурам выгодные заказы, налоговые льготы, субсидии и монопольные права на производство продукции. Кольбер стремился управлять экономикой: издавал указы, предписывающие промышленникам, какие товары и как они должны производить, какого размера ткань выпускать и чем ее красить. Желая оградить французскую промышленность от конкуренции, Кольбер установил высокие пошлины на ввоз товаров из-за границы. При этом он поддерживал развитие торговли внутри страны. Благодаря его усилиям во Франции строили и ремонтировали дороги и каналы.

Экономическая политика Ж. -Б. Кольбера дала результаты: за несколько лет удалось пополнить государственную казну, увеличить доходы и сократив расходы. Вскоре эти деньги были потрачены на содержание армии и войны. Впрочем, одержать победу в торговом соперничестве с Голландией и Англией Франция так и не смогла. Многие разбогатевшие французские купцы и их сыновья, подобно самому Кольберу, по-прежнему предпочитали вкладывать деньги не в развитие дела, а в покупку земли и государственных должностей. Негативной стороной государственной опеки над экономикой было то, что она избавляла французских мануфактуристов от забот об усовершенствовании и обновлении технологии производства.

Важной составляющей экономической политики Кольбера было поощрение заморской торговли, приносящей высокие прибыли. С этой целью он уделял большое внимание строительству флота и созданию торговых компаний, каждая из которых получала монопольное право на ведение дел в определенном регионе. Образцом была процветающая голландская Ост-Индская компания. По инициативе Кольбера были основаны Вест-Индская компания для торговли с французскими колониями на Антильских островах, Ост-Индская компания для торговли с Индией, Северная, Левантийская, Китайская и Гвинейская компании. Однако из всех компаний выжила лишь Ост-Индская, при помощи которой были основаны французские торговые фактории на побережье Индии. Оттуда во Францию

везли пользовавшиеся большим спросом шелковые и хлопковые ткани, пряности, чай.

На рубеже XVI—XVII вв. началась французская колонизация Канады. В начале 1680-х гг. французы спустились из Канады вниз по Миссисипи и основали в Северной Америке новую колонию, которую в честь короля назвали Луизианой.

Поступления от налогов не покрывали растущих государственных расходов. В 1695 г. для финансирования очередной войны правительство предприняло попытку ввести такой налог, который платили бы все подданные короля, включая привилегированных. Это была подушная подать, получившая название *капитация*. Однако обложить капитацией все население так и не удалось. Духовенство было от нее освобождено и по-прежнему, как повелось со времен Религиозных войн XVI в., вносило в государственную казну лишь «безвозмездный дар», размеры которого оно само определяло на ассамблеях клира.

Народные волнения. Возросшие во время Тридцатилетней войны и войн Людовика XIV налоги ложились тяжким бременем на плечи крестьян. Череда неурожайных лет приводила к катастрофическим последствиям. Цены на продукты непомерно возрастали, бедняки умирали от голода. Массовые голодовки сопровождались эпидемиями холеры, оспы и тифа. Тяготы повседневной жизни вызывали взрывы массового недовольства. В 1620—1640-х гг. народные волнения в деревнях и городах Франции были многочисленны как никогда прежде. Во всех провинциях королевства ежегодно происходило несколько выступлений протеста. Общим мотивом народных восстаний того времени стал протест против роста государственных налогов. Волнения не прекращались и во второй половине XVII — начале XVIII в. Особого размаха достигли восстания 1675 г. в Бретани и 1707 г. в провинции Керси.

Католическая реформа во Франции. Монархия и церковь. Католическая реформа развернулась во Франции уже в XVII в. Приумножились ряды духовенства, появились новые монашеские ордены. Активную деятельность во Франции развернули иезуиты. В каждом крупном и среднем французском городе были построены несколько новых монастырских зданий. В Париже их возникло более 100 за 50 лет. В монастырях утверждались строгая дисциплина, аскетизм, усердие в молитвах. Кардинал Ришелье лично проверял соблюдение правил монашеской жизни. Большое внимание уделялось образованию священнослужителей, для чего в 1640—1680-х гг. во Франции было открыто около 100 духовных семинарий. Монашеские ордены содержали школы для детей. Орден иезуитов основал сеть коллежей, дававших широкое классическое образование.

Церковь активно проповедовала католическое вероучение среди протестантов. Усилия духовенства находили поддержку среди мирян. В XVII в. существовало множество религиозных обществ, состоявших из священников и мирян. Такие общества помогали бедным, пыта-

лись исправлять нравы, преследовали гугенотов, дуэлянтов, артистов и всех, кто, как им казалось, вел аморальный образ жизни.

Королевская власть активно вмешивалась в церковные дела. В 1638 г. Людовик XIII провозгласил, что французское королевство передается под особое покровительство Девы Марии. Однако отношения между церковью и государством были непростыми: с одной стороны, церковь утверждала сакральный характер власти «христианнейшего» короля Франции, а монархи гарантировали церкви и духовенству их свободы и привилегии. С другой стороны, светская и духовная власти оспаривали друг у друга первенство. В XV — начале XVI в. короли добились независимости французской церкви от Рима и ее подчинения королевской власти в решении административных, судебных и финансовых вопросов. Однако споры вокруг полномочий папской и королевской власти не прекращались. Одни, в частности иезуиты, говорили, что духовная власть папы выше светской власти короля, и требовали признания верховенства папы в церковных делах. Приверженцы таких взглядов образовали при дворе влиятельную *«партию святош»*. Другие отстаивали *«вольности галликанской церкви»*, т. е. автономию французской церкви по отношению к папскому престолу. Сторонниками галликанизма выступали как короли, так и Парижский парламент. Ришелье, Мазарини, а затем и Людовик XIV преследовали «партию святош», усматривая в ее позиции посягательство на prerogatives королевской власти.

Духовная жизнь XVII в. была отмечена напряженными поисками ответов на сложные религиозные вопросы. Ярким проявлением таких поисков было новое течение внутри католической церкви, которое назвали *янсенизмом* по имени епископа города Ипр в Южных Нидерландах *Корнелиуса Янсениуса* (1585—1638), автора получившего известность трактата «Августинус», в котором излагались основы новой доктрины. Янсенистам был присущ восходящий к учению св. Августина пессимистический взгляд на человека. По их мнению, вследствие первородного греха человек по природе своей склоняется больше к злу, чем к добру. Только Божья благодать способна направить человека на путь добра. От самих же людей требуются беззаветная вера и каждодневная борьба с собственными дурными наклонностями. Янсенисты были противниками светской культуры. Некоторые из них осуждали любую профессиональную деятельность, государственную службу, семейные узы, общественную жизнь, так как все это отвлекает людей от мыслей о Боге. Новое учение распространилось во Франции в годы Тридцатилетней войны, которую янсенисты считали борьбой между католиками и протестантами, а поэтому выступали за союз Франции с Габсбургами. Приверженцы янсенизма гневно осуждали Ришелье за то, что он во имя государственных интересов встал на сторону протестантских князей — «еретиков» против католиков Габсбургов. Это было началом открытого столкновения и преследований янсенистов со стороны государства. Янсенисты подвергали суро-

вой критике могущественный орден иезуитов, выдвигая обвинения в том, что его члены будто бы требовали от прихожан лишь формального соблюдения правил церковной жизни и не наставляли их на путь истинной веры. Столкновение с этим орденом приводило к конфликту и с королевской властью, так как иезуиты были королевскими духовниками и имели большое влияние на монарха. Под их воздействием Людовик XIV повел решительную борьбу против последователей янсенизма. Папа римский тоже осудил янсенистское учение как еретическое. Изданная папой булла «Унигенитус» (Unigenitus) (1713) была с полным одобрением воспринята королем. Однако булла осуждала не только янсенизм, но и галликанские вольности, поэтому Парижский парламент отказался ее зарегистрировать и она не получила законной силы на территории Франции. Конфликт между королевской властью и парламентом из-за регистрации буллы «Унигенитус» затянулся почти на 20 лет. Ореол гонимых обеспечил янсенистам еще больший успех. Их духовным центром долгое время оставался монастырь Пор-Руаяль, пока в начале XVIII в. он не был разгромлен по приказу Людовика XIV. Убедленным сторонником янсенизма стал выдающийся французский ученый, философ и писатель, *Блез Паскаль* (1623—1662), сильное влияние этого учения испытал драматург *Жан Расин* (1639—1699).

Постепенно на протяжении XVII в. королевская власть ограничивала права протестантов. Ришелье, проводя политику централизации, стремился ликвидировать их особую политическую организацию. С этой целью он осадил главную морскую крепость гугенотов Ла-Рошель. Осада Ла-Рошели длилась больше года, осажденным безуспешно пытался помочь английский король Карл I. После того как крепость сдалась, Людовик XIII даровал гугенотам помилование и подтвердил гарантированную Нантским эдиктом (1598) свободу совести и культов, но все особые политические права протестантов были отменены. У них отняли крепости и запретили созывать политические ассамблеи. Ришелье рассматривал произошедшее как шаг на пути к религиозному объединению страны. В это время многие дворяне-гугеноты стали переходить в католическую веру.

В период правления Людовика XIV преследования гугенотов продолжались, их вытесняли с государственных должностей, запрещали католикам вступать с ними в браки. Провинциальные интенданты широко практиковали *драгоннады*: направляли к гугенотам на постой драгун, а те вели себя как на вражеской территории, безнаказанно вытворяя всякие бесчинства. Все это делалось для того, чтобы принудить протестантов обращаться в католическую веру.

В 1685 г. Людовик XIV окончательно отменил Нантский эдикт, исповедание протестантской веры во Франции было запрещено. В результате к началу XVIII в. приблизительно 200 тыс. гугенотов покинули страну. Это были в основном промышленники, торговцы, ремесленники, рабочие. Они нашли убежище в протестантских стра-

нах — соперницах Франции: в Голландии, Англии, германских государствах. Французская экономика пострадала от вынужденной массовой эмиграции квалифицированных мастеров и деловых людей. И все же результата, на который рассчитывал король, — религиозного объединения страны — это не принесло. Оставшиеся на родине гугеноты тайком собирались на свои богослужения. А на юге Франции, в Севеннах в 1702 — 1705 гг. вспыхнуло большое восстание крестьян-гугенотов, так называемых *камизаров* (название произошло либо от южнофранцузского слова «камиза» — рубашка, либо от «камизада» — ночной бой), вдохновленных призывами проповедников. На подавление восстания королю пришлось направить большое войско в самый разгар Войны за испанское наследство.

Внешняя политика Франции в первой половине XVII в.¹ Главным противником Франции на международной арене на протяжении XVII в. оставались испанские и австрийские представители династии Габсбургов. Во внешней политике Франции государственные интересы брали верх над религиозной солидарностью. Так, Генрих IV поддерживал выступавших против императора германских протестантских князей. Впоследствии этот курс продолжил Ришелье. Его внешняя политика имела конечной целью сделать Францию самым сильным и влиятельным государством Европы. Во время Тридцатилетней войны кардинал Ришелье пытался как можно дольше решать свои внешнеполитические задачи силами союзников: шведского короля Густава II Адольфа и германских князей, но эти планы остались неосуществленными в результате побед Габсбургов на полях сражений и гибели Густава Адольфа (1632). Ришелье вынужден был принять решение о начале военных действий против Испании и Империи. Сначала они развивались тяжело для Франции, затем все успешнее, и в конечном счете французские армии стали наступать на всех фронтах. Победа, казалось, была уже обеспечена, когда в декабре 1642 г. умер Ришелье, а несколько месяцев спустя, в мае 1643 г. скончался Людовик XIII. Испанцы попытались воспользоваться замешательством, вызванным смертью кардинала и болезнью короля, но их атака была отбита. Впоследствии французские полководцы успешно продолжили кампанию на германских землях против войск императора. По *Вестфальскому миру 1648 г.* Франция упрочила свое международное положение. Ее границы расширились за счет большей части Эльзаса и так называемых Трех епископств (Мец, Туль и Верден). Франция, наряду со Швецией, стала гарантом зафиксированного вестфальскими трактатами суверенитета немецких князей и получила возможность играть роль арбитра во внутригерманских делах.

Изнурительная война с Испанией продолжалась еще 11 лет и завершилась *Пиренейским миром 1659 г.*, по которому Франция по-

---

¹ См. также главу «Международные отношения и колониальная политика в XVII — XVIII вв.».

лучила часть экономически развитых испанских Нидерландов (провинцию Артуа), несколько крепостей на своих северо-восточных рубежах и провинцию Руссильон на границе с Испанией. Участники переговоров достигли соглашения о браке между юным королем Франции Людовиком XIV и испанской инфантой Марией-Терезией на следующих условиях: невеста отказывалась от прав своих наследников на испанский престол, а взамен французам было обещано приданое в размере 500 тыс. золотых экю. Выплата такой суммы вряд ли была под силу истощенной войной Испании, и французские дипломаты имели основания использовать впоследствии этот предлог для предъявления их королем прав на испанское наследство.

Франция оказалась достаточно могущественной и богатой страной, чтобы на протяжении 24 лет воевать на нескольких фронтах против лучших армий Европы и финансово поддерживать своих союзников. Но это далось ценой колоссальных усилий и потребовало чрезвычайных методов управления страной и беспрецедентного увеличения налогов.

В годы правления Людовика XIV Франция продолжила борьбу за господство в Европе. В первую очередь для утверждения своего превосходства король использовал дипломатический протокол, добиваясь для французских дипломатов первенства на официальных международных приемах и церемониях. Затем все мощные силы своего государства Людовик XIV бросил на завоевания. Он располагал самой большой в Европе армией, насчитывавшей вместе с ополчением до 600 тыс. человек. Был установлен контроль над армией со стороны гражданской администрации.

Военный министр *Ф.-М. де Лувау* позаботился о том, чтобы дать этой армии современное вооружение — ружье со штыком, совмещавшее в себе огнестрельное и колющее оружие. Он провел ряд реформ: была ограничена продажа офицерских должностей, урегулирована выплата жалованья, укреплена дисциплина (с этой целью войска стали размещать на постой не у жителей, а в казармах), введена униформа. В основном армия была наемной. Источником ее пополнения в военное время стала королевская милиция, формирувавшаяся на основе воинской повинности. Талантливый военный инженер маршал *С. де Вобан* построил на границах «железный пояс» крепостей для защиты королевства. *Ж.-Б. Кольбер* на посту морского министра создал сильный военный флот. Все это позволило французскому королю долгие годы воевать против нескольких европейских стран: Голландии, Испании, Австрии, немецких княжеств и Англии.

Начиная с 1660-х гг. Франция вела почти непрерывные войны, поводом для развязывания которых обычно становились наследственные права французского монарха на те или иные территории. Поначалу эти войны были успешными для Франции. Ссылаясь на преимущественное наследственное право своей супруги Марии-Терезии на Испанские Нидерланды, Людовик XIV ввел туда француз-

ские войска. Так началась *Деволуционнная война*, т.е. война из-за права наследования (1667—1668), в результате которой Франция приобрела несколько стратегически важных городов и земель в Испанских Нидерландах на территории провинций Фландрия и Эно.

Затем последовала победоносная война против ведущей торговой державы мира Голландии (1672—1678), которую поддерживали Испания, император Священной Римской империи и герцог Лотарингский. По *Нимвегенскому мирному договору* (1678—1679) Франция подтвердила присоединение провинции Артуа и получила еще несколько городов в Испанских Нидерландах, а также провинцию Империи Франш-Конте. Этот договор был первым дипломатическим документом, написанным на французском языке, а не на латыни как прежде. Превращение французского языка в международный было свидетельством преобладания Франции в Европе.

В последующие годы Людовик XIV присоединил ряд приграничных территорий и населенных пунктов, ссылаясь на то, что в прежние времена они находились в вассальной зависимости от вновь приобретенных французских территорий. В 1681 г. французская армия без единого выстрела захватила имперский Страсбург, и в результате под контролем Франции оказался весь Эльзас. Когда в 1685 г. умер пфальцский курфюрст, не оставив мужского потомства, французские юристы предъявили права Людовика XIV и на часть пфальцского наследства, так как брат короля был женат на сестре покойного курфюрста. Политика «присоединений» Людовика XIV вызывала растущее беспокойство среди государей Европы. Результатом стало образование в 1686 г. *Аугсбургской лиги*, объединившей императора, Испанию, Швецию и баварского курфюрста с целью дать отпор французскому наступлению. После «Славной революции» в Англии активным участником антифранцузской коалиции стал новый английский король, голландский правитель *Вильгельм III Оранский*. Началась война, которую в английской историографии принято называть Девятилетней, а во французской — *войной Аугсбургской лиги* (1688—1697). Франция оказалась без союзников перед лицом большой европейской коалиции. Война велась с переменным успехом. По условиям завершившего ее *Рисвикского мира* (1697), Франция признала результаты «Славной революции» и права Вильгельма III на английский трон; кроме того, ей пришлось вернуть «присоединенные» территории, однако Страсбург был признан французским.

Едва закончилась эта война, как назрел новый конфликт. Правившая Испанией ветвь династии Габсбургов кончалась со смертью бездетного короля Карла II. А ближайшими родственниками по женской линии ему приходились члены семьи Людовика XIV и германского императора Леопольда I Габсбурга. После смерти Карла II, согласно его завещанию, в 1700 г. внук Людовика XIV Филипп, герцог Анжуйский был провозглашен королем Испании Филиппом V, и с тех пор в Испании стала править династия Бурбонов.

Став королем Испании, внук Людовика XIV сохранил за собой и своими потомками права на французский престол. Потенциальная угроза объединения французской и испанской монархий подняла против них большую коалицию европейских держав. Перевес был явно на стороне противников Франции, которой пришлось воевать одновременно на нескольких фронтах: в Испании, Нидерландах, Германии и Италии, а также на морях и в колониях. Французские войска потерпели несколько серьезных поражений, силы страны были истощены. В королевской казне не осталось денег.

Благодаря усилиям дипломатов и победам французских войск на последнем этапе войны, Франции удалось подписать *Утрехтский* (1713) и *Раштадтский* (1714) мирные договоры на почетных условиях. Филипп V остался испанским королем, но отрекся от прав испанских Бурбонов на французский престол. Бывшие французские колонии Акадия, Новая Земля и Гудзонов залив в Северной Америке, а также Антильский остров Сент-Кристофер отошли к Англии. В Европе Франция в основном сохранила свою северную границу, сделав незначительные уступки, на востоке установилась граница по Рейну (Франция вернула захваченные ею города на правом берегу Рейна), на юго-востоке — вдоль Альп (здесь Франция вернула захваченные территории за Альпийским хребтом в обмен на город Барселоннета, расположенный с французской стороны гор). Война за испанское наследство, не принеся Франции ошутимых результатов и истощившая финансы страны, ознаменовала конец французской гегемонии в Европе.

Вскоре после окончания войны, 1 сентября 1715 г. Людовик XIV умер в возрасте 77 лет. Престол унаследовал его пятилетний правнук *Людовик XV*. За годы правления «короля-солнце» был значительно укреплен административный аппарат абсолютной монархии, усилена личная власть короля. Блестящий версальский двор стал образцом для подражания для монархов всей Европы. Франция этого времени оставалась одной из великих европейских держав, хотя после изнурительных войн Людовика XIV ее международные позиции оказались ослабленными. Финансы были расстроены, а непомерно возросшие налоги тяжким бременем ложились на население страны, платившее подати. Неблагоприятная экономическая конъюнктура начала XVIII в. усугубляла материальные трудности. Неурожаи вызвали катастрофические голодовки и массовые смерти. В 1715—1720 гг. численность населения Франции была ниже, чем в 1640 г. Неэффективной оказалась политика короля, направленная на достижение религиозного единства страны. Его борьба против яansenистов привела к тому, что эта религиозная проблема не только не была решена, но и переросла в политическую и сохраняла всю свою остроту в XVIII в. Попытки искоренить протестантизм также оказались несостоятельными, а вызванная ими массовая эмиграция неблагоприятно отразилась на экономическом положении страны.

Особенности политического и экономического развития Испании к началу XVII в. В XVII в. Испания была великой мировой державой. Ее политическое и хозяйственное влияние распространялось на два континента — Европу и Америку. В состав испанского государства входили территории на Пиренейском п-ве — Кастилия и Арагон, а с 1580 г. — Португалия. В Европе Испании принадлежали Южные Нидерланды, Южная Италия, герцогства Миланское, Люксембург и Франш-Конте. Испанские короли, представители династии Габсбургов, владели колониями в Северной, Центральной и Южной Америке, в Африке и Юго-Восточной Азии. Огромное государство, которое современники называли империей, было создано в сравнительно короткий период — с 1492 по 1580 г.

Последствия важнейших исторических процессов XV—XVI вв.: *Реконкиста* (т. е. отвоевание Пиренейского п-ва у арабов), покорение Нового Света и европейские войны — оказали большое влияние на историю испанского государства в XVII в. Экономика и общество Испании в течение восьми веков развивались в условиях то затихающих, то вновь продолжающихся военных действий, и хозяйственные и демографические ресурсы центра государства — Пиренейского п-ва — были ограничены. Ко второй половине XVI в. оформился комплекс политических, экономических и социальных проблем, обострившихся в течение XVII в.

Характерной чертой испанской монархии было сосуществование в рамках одного государственного образования территорий с различным политическим статусом. Европейские владения, американские колонии, Португалия, Кастилия, Арагон — все части империи испанских Габсбургов имели свои государственно-политические институты. Управление монархией основывалось на представлении, что государство — единство Испании воплощено в персоне короля.

Завоевание Нового Света и практически одновременная европейская экспансия замедлили процессы политической централизации на Пиренейском п-ве. В состав Кастилии и Арагона входили исторические области, обладавшие значительными правами политической автономии (*фуэрос*). Страна Басков в Кастилии; области Арагон, Каталония и Валенсия, вместе составлявшие королевство Арагон, имели собственное самоуправление, судопроизводство, систему на-

лгообложения, вооруженные силы. Фуэрос были источником конфликтов между королевской властью и жителями привилегированных областей. Существование внутренних границ, языковые различия подчеркивали внутреннюю политическую разобщенность Испании.

Значительную экономическую обособленность областей Испании предопределило своеобразие природных условий Пиренейского п-ва — горные цепи, плоскогорья, реки, мало пригодные для судоходства. Реконкиста усугубила ее. Различные регионы страны разное время находились под арабским владычеством и в разной степени испытали влияние длительных военных действий. После завершения Реконкисты были сохранены внутренние таможи, разница денежных систем, налоговые привилегии различных областей страны, что препятствовало развитию хозяйственных связей.

Колониальная торговля не способствовала экономическому объединению полуострова. С юридической точки зрения Новый Свет был собственностью кастильской короны, и поэтому остальные области Испании (например, Арагон и Каталония) не имели права торговать с Америкой напрямую. Колониальная экспансия XVI в. повлияла на экономику Кастилии, особенно ее южных областей — Андалусии и Мурсии. Только андалусские порты Севилья и Кадис имели привилегию торгового сообщения с Новым Светом.

В первой половине XVI в. Кастилия испытала экономический подъем. Спрос Нового Света стимулировал развитие земледелия, виноградарства, возделывания оливковых деревьев на юге полуострова; в северных и центральных районах развивались товарное земледелие и перегонное скотоводство, производство шерсти на экспорт, сукноделие; торговые отношения связывали эти области полуострова с Нидерландами, Англией, Францией. В XVI в. Испания, используя свое политическое господство в Нидерландах и Италии, активно участвовала в европейской торговле, но не всегда могла на равных соперничать со своими вассальными владениями. Из-за политических конфликтов второй половины XVI — начала XVII в. (войны с Англией, восстание в Нидерландах) торговые связи ослабели. Хозяйство северо-восточных областей полуострова (Каталонии и Валенсии) развивалось под воздействием средиземноморской торговли и было слабо связано с центральной Испанией. Государственное налоговое бремя также распределялось неравномерно: основная тяжесть податей легла на районы Кастилии, не имевшие фуэрос.

В результате Реконкисты и завоевания Нового Света военное сословие — дворянство — приобрело большое общественное влияние; в XVI в. оно составляло около 10 % жителей страны. Дворяне-идальго под покровительством королевской власти контролировали самые прибыльные отрасли испанской экономики: колониальную торговлю, производство шерсти на экспорт, товарное земледелие, особенно на юге Испании.

Обширная зона политического влияния обусловила вовлечение Испании в многочисленные международные конфликты. Немалую роль в этом сыграла и стратегия внешней политики самих испанских Габсбургов, сформулированная еще *Карлом V* и *Филиппом II*, — создание «всемирной католической монархии». На протяжении всего XVII в. испанское государство пребывало в состоянии войны, отстаивая свои владения то в Старом, то в Новом Свете. В ходе *Тридцатилетней войны* (1618 — 1648) театром военных действий стали северо-восточные области Пиренейского п-ва.

Обладание империей сказалось на экономическом развитии Испании. Налоговые поступления из подвластных территорий стали важными источниками дохода, но управление территориями за пределами Пиренейского п-ва, в свою очередь, требовало значительных средств. Растущий долг стал «болезнью» испанской финансовой системы, уже в конце XVI в. королевская власть несколько раз объявляла государственное банкротство. Расходы на войну, администрацию и долговые выплаты истощали королевскую казну. Короли, стараясь пополнить бюджет, увеличивали налоги.

На рубеже XVI — XVII вв. Испания вступила в тяжелейший период экономических, политических и общественных изменений, и XVII в. отмечен печатью упадка могущества монархии, где, как говорили, «никогда не заходит солнце».

Особенности развития централизованного государства. В сложной структуре испанского государства очевидным было верховенство Кастилии. Эта область оставалась самой обширной и населенной на полуострове, 87 % жителей Испании были кастильцами; здесь были сосредоточены все органы управления монархией; аристократы Кастилии занимали все высшие государственные должности, были вице-королями в европейских владениях Испании и Новом Свете.

В Испании не существовало общегосударственного сословного представительства. Каждая область имела собственные органы самоуправления — *кортесы*. В Кастилии их политическое влияние постоянно уменьшалось. Еще в XVI в. кастильские кортесы превратились в собрание представителей 18 городов, причем все депутаты были дворянами. Кортесы не имели права задерживать исполнение монарших решений, не могли обсуждать обычное налогообложение: они вотируют только вопросы о чрезвычайных податях и имели право *петиций*. Для того, чтобы предотвратить возможность совместного противодействия городов королевским требованиям, власть чаще всего обращалась к каждому городу отдельно. В XVII в. кортесы собирались только для принесения присяги монарху. По сравнению с Кастилией представительные органы Арагона и Страны Басков, используя права политической автономии, были более активны, особенно отстаивая налоговые привилегии.

Каждая из территорий, входивших в состав монархии, как в Испании, так и за ее пределами, управлялась посредством особого орга-

на — *совета* (соответственно Кастилии, Арагона, Италии, Индии). Наряду с этими советами существовали и *советы общегосударственные*, ведавшие финансовыми и военными делами (например, *совет по делам Казны*, *Военный совет*). Функции советов иногда противоречили друг другу, что приводило к очевидной несогласованности их действий. В XVII в. в системе королевских советов произошло возвышение совета Кастилии.

Габсбурги, а особенно *Филипп II* (1556—1598), считали существование областных привилегий угрозой государственному единству и пытались ограничить действие фуэрос Страны Басков и Арагона. К началу XVII в. королевская власть добилась некоторых успехов.

В автономных областях испанского монарха представляли вице-короли — кастильские аристократы, которых назначали в Мадриде. Испанский король созывал и распускал местные кортесы. Так, в конечном счете пользование «вольностями» зависело от согласия короля.

Государственная администрация. Король и гранды. Политическая история Испании в середине — второй половине XVII в. связана с царствованием двух государей — *Филиппа IV* (1621—1665) и *Карла II* (1665—1700).

Филипп IV отличался сильным характером, обладал выраженной политической волей. Прекрасно образованный человек, он слыл покровителем искусств, увлекался театром, по его приказу была собрана богатая коллекция живописных полотен. В характере короля сочетались широта натуры и, порой, избыточная набожность. Военные поражения, политические неудачи Филипп IV воспринимал как Божью кару за свои собственные прегрешения.

Карл II, правление которого охватывает последние 35 лет XVII в., был физически и психически неполноценным человеком. Личное участие монарха в государственных делах было ничтожным, и во второй половине XVII в. испанские аристократы, например сводный брат Карла II *Хуан Хосе Австрийский*, а затем герцог *Мединасели*, вершили политику государства.

В течение XVII в. в системе высшего государственного управления появились важные нововведения, связанные с ослаблением личного участия короля в государственных делах и усилением политической роли аристократии.

В конце XVI в. начала складываться наиболее зависимая от монарха часть администрации — королевский секретариат, посредством которого король передавал свои распоряжения советам и корректировал их деятельность.

В XVII в. повысилась роль секретарей королевского кабинета, с одной стороны, а с другой — большое влияние приобрел королевский советник, которого в Европе не вполне точно называли фаворитом, или первым министром. Он был доверенный лицом монарха и от имени короля руководил громоздкой административной

структурой. Среди всех аристократов, занимавших этот пост в XVII в., самой яркой личностью был *Гаспар де Гусман Оливарес* (1587—1645), первый министр Филиппа IV. Король называл его своим вторым «я».

В XVII в. королевский советник, как и король, стоял над бюрократической системой и не занимал административных постов. Королевские фавориты, стремясь упрочить собственную власть, способствовали продвижению при дворе своих родственников и клиентов. Государственные дела вершил узкий круг придворных, процветала коррупция, которая усугубилась во второй половине столетия. Поскольку Карл II не занимался государственными делами, роль грандов-членов королевского кабинета возросла: именно они, а не король, принимали решение о кандидатуре главного королевского советника. Аристократов, фактических правителей страны, стали называть «*камарильей*», «маленьким кабинетом».

Политические позиции знати усилились не только на высшем государственном уровне, но и на местах. В городском самоуправлении дворянству традиционно принадлежало право на половину должностей. Испанские короли, испытывавшие в XVII в. явный недостаток средств, продавали муниципальные должности и земли домена в частные руки. Знать, состоятельные дворяне, покупатели должностей и сеньорий, воспользовались этим, чтобы укрепить свое политическое влияние в городских советах и сельских общинах.

Региональные движения в XVII в. Восстание в Каталонии 1640—1652 г. Яркое свидетельство противоречивости процессов централизации и слабости королевской власти — региональные движения середины XVII в., активизация которых связана с имперской политикой Габсбургов: усилением налоговых требований и последствиями военных действий Тридцатилетней войны, захватившей также и Пиренейский п-ов. Лишения военного времени осложнялись политическим нажимом со стороны Кастилии, которая не в состоянии была самостоятельно оплачивать внешнюю политику и стремилась переложить часть налогового бремени на провинции. Это было невозможно без обращения к политическим вольностям автономных исторических областей, таких как, например, Арагон и Страна Басков. Областные движения, направленные против усиления налогового гнета и начинавшиеся как голодные бунты, угрожали государственному единству и иногда опирались на иностранную поддержку. В региональных движениях принимали участие народные низы, требовавшие облегчения феодальных повинностей, и местная знать, желавшая утвердить свои политические привилегии.

В 1640-х гг. испанское государство переживало настоящий политический кризис. В 1640 г. Португалия добилась независимости от испанской короны — так называемое «пиренейское единство», созданное в 1580 г. Филиппом II, перестает существовать. В 1641 г. аристократы Андалусии вступили в заговор против короля.

Самым значительным мятежом было восстание в Каталонии, которое началось в 1640 г. Непосредственным поводом к восстанию послужили требования Мадрида о дополнительных средствах на военные действия как в самой провинции, так и в Италии. Правительство Каталонии отказало королю на основании фуэрос: область и так была истощена — уже год на ее территории шла война, и население содержало армию. Засуха и неурожай усугубили ситуацию. Движение, в котором принимали участие также и крестьяне, и городские низы, охватило всю провинцию. Вооруженные народные отряды вошли в Барселону, разгромили дома знати, убили вице-короля. Ни правительство Каталонии, ни городской совет не смогли умиротворить восставших.

Каталонская знать и городской патрициат оказались в весьма затруднительном положении. Переговоры с королем о выводе из области войск не дали результата, а народное движение выходило из-под контроля — крестьяне отказывались платить сеньориальные повинности. Тогда каталонское правительство прибегло к помощи сильного иностранного союзника и подписало соглашение с королем Франции Людовиком XIII. Через несколько месяцев франко-каталонские войска одержали победу над испанцами, и до 1652 г. Каталония фактически перешла под власть Франции. Однако положение населения не улучшилось — на место испанских солдат пришли французские. Крестьяне не сложили оружия и начали войну против иноземцев. Военная помощь Франции каталонцам в борьбе против Испании иссякала. Во Франции набирала силу Фронда, а испанский театр военных действий постепенно утратил свою важность — аренной франко-испанского противостояния к концу 1640-х гг. стала Италия. Будучи не в силах сдерживать народное движение и лишившись поддержки Франции, каталонское дворянство и состоятельные горожане обратились за помощью к Филиппу IV. Умиротворение Каталонии произошло в 1653 г. на условиях сохранения фуэрос.

Политический кризис 1640-х гг. привел к укреплению местных политических привилегий не только в Каталонии, но и в Арагонском королевстве в целом. Вопреки традиции, созданной еще Филиппом II, в конце XVII в. король назначил вице-королем представителя местной аристократии и строго соблюдал налоговые привилегии Арагона.

Демографические изменения в XVII в. Кризисные экономические изменения в разной степени и в разное время затронули различные области полуострова. Раньше всего, в последней трети XVI в., они проявились в северной и центральной Кастилии, в 1620—1630-е гг. — в южных районах страны, затем — на севере полуострова и на его восточном побережье. Наиболее разрушительное действие кризиса испытала Кастилия.

Демографические изменения были одним из главных показателей и одновременно причин экономического упадка. В конце XVI — нача-

ле XVII в. население Пиренейского п-ва сократилось с 9,5 млн примерно до 8—7,5 млн человек. Причинами демографического спада были 5 эпидемий чумы, самые опустошительные из которых пришлись на середину и на последнюю треть столетия. В 1647—1652 гг. Севилья лишилась половины жителей. Климатические изменения стали причиной неурожая, которые наблюдались каждые 10—15 лет, а за ними следовали голодные годы.

Важным фактором, обусловившим уменьшение численности населения, была конфессиональная политика государства. В 1609 г. из юго-восточных провинций были изгнаны *мориски*, потомки насильственно обращенных в христианство мусульман. Полуостров покинули около 300 тыс. человек.

Открытие и освоение Америки вызвало поток переселенцев за океан: в XVII в. из Испании ежегодно уезжали около 2—3 тыс. жителей. Еще одной причиной обезлюдения целых областей были солдатские наборы.

Произошло не просто сокращение населения. Хозяйственные процессы, налоговая политика монархии привели к его перераспределению между различными областями страны. Еще в XVI в. значительные массы людей переселились на юг полуострова. Это было связано с завершением Реконкисты и открытием Нового Света. Но в XVII в. направление миграций изменяется. Пустеют внутренние области полуострова — центральная Кастилия. Обезлюдевшие селения еще в течение целого столетия станут типичными для ее внутренних областей. С одной стороны, людей по-прежнему привлекает богатейшая Севилья, через которую в страну поступают богатства Америки, — город эмигрантов, стремящихся покинуть Старый Свет ради сокровищ Нового. С другой стороны, растет численность населения северных областей Испании и средиземноморского побережья полуострова. Спасаясь от постоянно растущих податей, люди переселяются из Кастилии в провинции, пользующиеся налоговыми привилегиями.

Последствия демографического спада XVII в. были длительными. Уровень численности населения XVI в. будет восстановлен в Испании только к середине XVIII в.

Сельское хозяйство в XVII в. Основой экономики оставалось сельское хозяйство, в котором было занято около трех четвертей трудоспособного населения страны.

В конце XVI в. произошел спад в развитии земледелия в центральной Испании, а к середине XVII в. — на юге, в Андалусии. Сократились посевы пшеницы. Крестьяне занялись возделыванием других зерновых культур — ячменя, проса. В южных областях растет производство оливок и винограда. В течение XVII в. Испания ввозила хлеб.

Упадок земледелия был связан не только с естественными причинами — климатом и демографическим спадом, важную роль в его развитии сыграли социальные процессы.

Королевская власть искусственно, при помощи *такс*, поддерживала низкую цену на испанский хлеб на внутреннем рынке, а импортное продовольствие под *таксацию* не попадало. Фиксированная цена, рост налогов ограничивали связи крестьянского хозяйства с рынком, и сельскохозяйственное производство становилось невыгодным.

Наследием Реконкисты было разнообразие владельческих прав на землю в разных частях Испании, различное соотношение королевского, сеньориального, церковного и общинного землевладения. В Кастилии самым распространенным типом крестьянского хозяйства было мелкое и среднее наследственное держание, в Арагоне существовали и остатки личной зависимости крестьянства: там сеньоры сохранили право уголовного суда. На юге, в Андалусии, и на юго-востоке, в Валенсии, находились крупные дворянские *латифундии*, использовавшие наемный труд. Под влиянием «революции цен» реальная стоимость рент понизилась, и сеньоры начали требовать их уплаты натурой. Натурой взималась также часть церковной десятины.

В результате изгнания морисков население Валенсии сократилось, обширные поместья остались без рабочих рук. Валенсийское дворянство захватило земли морисков и привлекало на обезлюдевшие земли поселенцев из других областей Испании. Новые землевладельцы расширяли сеньориальные права и увеличивали рентные платежи. Ренты стали составлять до 1/3 урожая, выросла плата при отчуждении наделов. Все это сказалось и на хозяйственном развитии области — многие поместья пришли в упадок. Новое население Валенсии было весьма нестабильным: поселенцы бросали свои наделы, прожив там сравнительно недолго.

В XVII в. королевская власть, стремясь избавиться от финансового дефицита, продавала земли домена, и многие коронные земли стали сеньориями. Новые владельцы захватывали общинные угодья и пустоши, вводили *баналитеты*, передавали земли в аренду церкви, брали на откуп налоги.

Политика государства также сказалась в ухудшении условий существования крестьянского хозяйства. На уплату государственных налогов уходило больше половины средств крестьян. На юге страны государство реквизировало продовольствие для нужд армии и флота. Возросла долговая зависимость крестьянства. Крестьяне брали в долг у церкви, у зажиточных горожан под залог своих наделов и постепенно теряли свои владельческие права. Заимодавцы в счет долга часто скупили урожай на корню.

Упадок земледелия в северных и юго-западных районах Кастилии был связан и с развитием перегонного овцеводства. Скотоводство было традиционным занятием жителей кастильского плоскогорья, области с засушливым климатом и резкими перепадами температур. Рост международного спроса на шерсть в XVI в. сделал перегонное овцеводство очень доходным видом деятельности. Высококачествен-

ную шерсть овец-мериносов вывозили за пределы страны, во Фландрию; более грубые сорта обрабатывали в Испании, на городских мануфактурах. Контролировало эту прибыльную отрасль экономики дворянство. В закреплении его монополии на доходы от участия в международной торговле шерстью большую роль сыграла корпорация кастильских скотоводов — *Места*, членами которой стали влиятельные кастильские аристократы. Места обладала исключительными правами в налогообложении, имела собственное судопроизводство, могла присваивать удобные пастбища на маршрутах перегона овец, не считаясь с желанием владельца (огораживать наделы от отар запрещалось). Корона покровительствовала Месте, поскольку получала доходы от вывозных пошлин на шерсть. В Кастилии, особенно в ее западных и южных областях, земледелие уступало место скотоводству, а крестьяне лишались своих наделов.

Войны, упадок торговли, текстильного производства как в Европе, так и на полуострове, сказались и на состоянии кастильского овцеводства: сокращалось поголовье стад и количество вывозимой тонкорунной шерсти. За первые 20 лет XVII в. объем экспорта снизился в 1,5 раза. Перегонное овцеводство стало менее выгодным. Места начинает заниматься также и оседлым скотоводством. В результате качество испанской шерсти снизилось, а спрос на пастбища, напротив, возрос, что привело к усилению конкуренции между крестьянами и Местой за общинные угодья.

В результате в XVII в. существенно сократились хозяйственные возможности крестьянского хозяйства; заниматься земледелием стало невыгодно и все более затруднительно. Росло количество необрабатываемых, пустошных земель. В Кастилии крестьяне забрасывали свои наделы, пополняя число бродяг. Один из наблюдателей писал о том времени: «Тот, кто может трудиться на земле, не желает этого; тот же, кто желает трудиться — не может».

Ремесло и торговля. В XVII в. внутренняя структура испанской экономики изменилась: ремесленное производство и торговля стали занимать в ней гораздо меньше места, чем в XVI в.

По мере освоения территорий Нового Света оказалось, что производительность испанского ремесла слишком низка для того, чтобы удовлетворить спрос американских колоний. Ввоз драгоценных металлов из Америки вызвал не только «революцию цен», но и приток на полуостров иностранных товаров из европейских стран. Испанское производство по сравнению с «богатствами Индии» стало неприбыльным, и поэтому короли не поддерживали его. Уже на рубеже XVI—XVII вв. увяла и самая динамично развивавшаяся отрасль испанского ремесла — сукноделие. Испанские товары дорожали, спрос на них падал.

Города севера и центра Кастилии — Бургос, Сеговия, Толедо, которые в XVI в. были центрами сукноделия и шелкоткачества, постепенно теряют свое значение. Рассеянное и централизованное

мануфактурное производство, только начавшее формироваться, перестает существовать. Суконные мануфактуры Сеговии, в которых работало от 100 до 300 человек, разоряются, производство сокращается до масштаба ремесленных мастерских.

Упадок переживает и торговля. Прекратили свое существование ярмарки в Медина дель Кампо, крупнейшем торговом и финансовом центре Кастилии. Во многих областях полуострова торговля сузилась до размеров городской округи. Развитие внутренней торговли на полуострове сдерживали внутренние таможи, иностранная конкуренция, состояние денежной системы, налоговый пресс.

Неспособность удовлетворить потребности американских колоний за счет внутренних ресурсов страны и растущий государственный долг побудили испанских королей к предоставлению исключительных торговых прав иностранным купцам. Привилегии на импорт в Испанию своих товаров получили в течение XVII в. англичане, французы, голландцы, Ганза. Королевской власти пришлось брать кредиты у иностранных банкиров под залог американских драгоценных металлов.

Испанское купечество превратилось в торгового посредника между колониальными потребителями и иностранными торговцами и финансистами.

Иностранцы использовали Испанию как перевалочный пункт для своих товаров и как источник драгоценных металлов. Большая часть иностранных товаров, поставлявшихся на полуостров, отправлялась в колонии, в Испании оставалось только 10 %. Драгоценные металлы Нового Света уплывали за пределы королевства. Монархи оплачивали свои долги, а их подданные покупали иностранные товары. Значительную часть американских драгоценных металлов сразу же по прибытии в Кадис перегружали на французские и голландские корабли прямо в бухте.

Серьезным препятствием развитию товарно-денежного обмена было состояние денежной системы. В каждой области существовала своя монета. В Кастилии для международной торговли и государственных расчетов использовали полновесные деньги из золота и серебра. Для повседневных расчетов имели хождение монеты из сплава серебра и меди — *веллоны*, которые по номиналу приравнивались к серебряным. Однако доля серебра в веллоне постепенно сокращалась. Номинальную стоимость веллона устанавливала и периодически изменяла королевская власть, что приводило к росту инфляции, дезорганизации торговли. В 1680-е гг. после очередной денежной реформы Кастилия несколько лет жила в условиях натурального обмена из-за отсутствия наличных денег.

Развитие торговли сдерживалось и налоговой системой. Королевская власть изобретала новые косвенные подати, большинство из которых касалось торговых операций. Самым прибыльным для короны был налог на торговые сделки — *алькабáла*, составивший от 4 до 10 %.

Еще в конце XVI в. сформировался новый источник богатств — доходы от операций с государственными долговыми обязательствами. Налоговые поступления не покрывали постоянно растущих потребностей испанской монархии, поэтому испанские короли, начиная с Филиппа II, занимали деньги у своих подданных и иностранных банкиров под залог американских драгоценных металлов. На сумму долга выпускали специальные документы — королевские векселя, которые обращались на внутреннем рынке и превратились в предмет финансовых спекуляций. Торговля ценными бумагами в XVII в. стала выгодным вложением средств, поскольку не облагалась налогами, а государственный долг постоянно рос. Знать, городской патрициат предпочитали вкладывать деньги в операции с королевскими векселями, а не в производство.

Упадок торговли и ремесла повлек за собой застой городской экономики. Многие состоятельные горожане покупали земли в городской округе и жили за счет рент и натуральных платежей. Изменился облик испанских городов: их застраивали дворцами и монастырями, но все меньше оставалось лавок и мастерских. При этом Мадрид, Севилья, Кадис, Барселона — столичные, портовые города — разрастаются. В середине XVII в. экономическое влияние Мадрида распространялось на большую территорию, притягивая к себе торговлю из других городских центров. В столицу переселяются предприниматели из Толедо, Севильи, Гранады, Валенсии.

В результате экономического спада к концу XVII в. страна все меньше опиралась на собственные хозяйственные ресурсы, попав в зависимость от экономически более сильных европейских государств.

Испанское общество. Экономический кризис сопровождался противоречивыми общественными процессами. В источниках начала XVII в. отмечена «путаница» в испанском обществе — сословная структура рушилась, теряла свою определенность.

Особенность Испании состояла в том, что политика королевской власти в XVII в. сыграла существенную, если не решающую, роль в развитии социальных процессов. Увеличение налогового бремени сказалось на положении всех общественных слоев, но в разной степени: дворянство и духовенство сумели в конечном счете отстоять свои исключительные права в ущерб имущественному положению податных сословий.

Испанское общество XVII в. характеризовалось рядом особенностей. Привилегированные сословия — дворянство и духовенство — были более многочисленны, чем в других европейских странах. С нарастанием кризисных явлений в экономике внутри каждого сословия образовались свои слои богатых и бедных. Уменьшалось число ремесленников и торговцев. В то же время возрастало количество людей без определенных занятий — бродяг, нищих. В крупных городах Мадриде и Севилье в разное время от 10 до 20 % населения существовало за счет благотворительности.

Особенно бедственным было положение податных слоев, так называемого «общего сословия», прежде всего крестьянства. «Положение крестьянина в Испании — самое бедное и ничтожное, и, кажется, все вокруг стоворилось разорить и уничтожить его» — подобные сентенции были общим местом в источниках XVII в. В результате кризиса, увеличения сеньориальных требований, роста налогов, уменьшилось число крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство. Обнищавшие крестьяне, утратившие свой надел, становились бродягами, пополняли ряды городского плебса.

Увеличение налогов, рост сеньориальных платежей и солдатские постой во второй половине XVII в. стали традиционными причинами народных выступлений. В середине века голодные бунты потрясли Андалусию; в 1688—1689 гг. в Каталонии, а в 1693 г. в Валенсии произошли массовые крестьянские восстания, которые правительственные войска с трудом подавили.

Существенно изменилось положение торгово-предпринимательских слоев. Сокращение объемов внутренней торговли привело к разорению испанских торговых домов. Испанское купечество вкладывало средства в покупку титулов и земель, в государственные ценные бумаги, занималось посредническими операциями в колониальной торговле, брало на откуп государственные налоги. Но при этом большинство состоятельных купцов, правдами и неправдами заполучив дворянское свидетельство, покидало ряды податного сословия. Изменить сословный статус можно было по-разному: покупкой прав на должности, которые считались дворянскими, например посты в городских советах; сменой рода занятий — стать государственным чиновником, получив университетскую степень; покупкой сеньориальных прав, ведь считалось, что «у кого вассалы, тот и благороден, тот и дворянин». Испанские короли, несмотря на существовавшие юридические ограничения, фактически поощряли одворянивание состоятельных выходцев из податных групп — горожан, купцов, землевладельцев.

Изменились политические права городских податных слоев. В Кастилии представители цехов были постепенно отстранены от участия в городском самоуправлении местной знатью и состоятельными горожанами, так называемыми «могущественными людьми». Если в Кастилии городские власти полностью попали под контроль местной знати, то, например, в Каталонии, городами управлял патриат — купечество и цеховая верхушка, «почтенные граждане».

Важные изменения произошли в положении дворянства. «Революция цен» привела к обострению имущественного расслоения внутри сословия. При этом королевская власть постепенно распространяла новые подати и на дворянство, а налоговые привилегии постепенно перестали быть признаком исключительного социального статуса.

В наиболее выгодном положении оказались аристократы-гранды, крупные землевладельцы, пользующиеся поддержкой короны. Они

сохранили основу своего достатка — *майораты*, неотчуждаемые земельные владения. Несмотря на то что в общественном мнении утвердились представления о несовместимости дворянства и «низких занятий» ремеслом и торговлей, на деле испанские дворяне, в том числе и титулованная знать, в XVII в. активно участвовали и в колониальной торговле и занимались финансовыми спекуляциями. Магнаты Андалусии, такие как герцог Мединасели, поставляли продовольствие для армии, принимали участие в снаряжении колониальных флотилий, не гнушались доходами от контрабанды. Связь богатства и социальных привилегий постепенно приобретала общественное признание.

На другом полюсе оказались низшие слои дворянства, нищие идалго, утратившие средства к существованию. Обедневшие дворяне превращались в маргиналов, которые не были в состоянии преодолеть сословное отворачивание к «дурным занятиям», связанным с ручным трудом.

В отличие от дворянства и непривилегированных слоев общества испанское духовенство сохранило и укрепило свое социальное и экономическое положение. Церковь оставалась крупным землевладельцем. В XVII в. владения церкви увеличились за счет долговых обязательств, *земель «мертвой руки»*, пожертвований и завещаний. В сельской местности церковь была основным кредитором крестьян. Испанское духовенство не платило налогов: единственная подать, которая распространялась на духовенство, были так называемые *«королевские трети»* — часть десятины, поступавшая в государственную казну.

В условиях всеобщей нищеты духовное звание превратилось в своего рода убежище для тех, кто был вытеснен из «своих» общественных групп: монахами становились не столько из религиозного рвения, сколько в поисках средств к существованию. В 1625 г. в стране было 9 тыс. монастырей. Численность духовенства в течение столетия выросла почти в 2 раза и составила около 200 тыс. человек.

Однако процессы имущественного расслоения затронули и испанский клир. Высшее духовенство получало большую часть церковных доходов, а приходские священники нищали: по образу жизни они ничем не отличались от своих прихожан. Увеличилось количество нищенствующих монахов.

Внешняя политика Испании во второй половине XVII в. Внутренние политические проблемы и экономический спад стали причинами внешнеполитических неудач Испании. В результате войн XVII в. наследие Карла V таяло. В 1648 г. Испания признает независимость Республики Соединенных Провинций, и завершается конфликт, длившийся более 80 лет. В 1659 г., по условиям Пиренейского мира с Францией, монархия лишилась Люксембурга и территорий на франко-испанской границе — Руссильона и Серданьи. Еще более чувствительным было отпадение Португалии в 1640 г., хотя незави-

симось Португальского королевства Испания признала только в 1668 г.

Во второй половине XVII в. главным соперником Испании стала соседняя Франция, а яблоком раздора — Южные Нидерланды и провинция Франш-Конте. Противостояние было столь ожесточенным, что католическая Испания заключила соглашение с протестантской Республикой Соединенных Провинций против Людовика XIV, «христианнейшего короля» Франции. Непрерывавшиеся военные конфликты лишили Испанию Франш-Конте (1668), многочисленных областей во Фландрии (1678), важных в стратегическом отношении территорий, обеспечивавших сообщение между владениями Испании в Италии и Южными Нидерландами. Драматичными были и события *Девятилетней войны* (1688 — 1697), во время которой французский флот бомбардировал средиземноморские порты Барселону и Аликанте (1691), французская армия вошла в Барселону, и Каталония была присоединена к Франции. По условиям *Рисвикского мира* (1697) Людовик XIV вернул Каталонию Испании.

Церковь и испанская культура. Особенности массового сознания. Идеология Контрреформации оказала значительное влияние на развитие испанской культуры. С конца XVI в. до начала XVIII в. культурная жизнь развивается в условиях ограниченных внешних связей. С 1559 г., согласно указу Филиппа II, испанцы не учились за границей, за исключением католических университетов в Риме, Болонье, Неаполе и Коимбре. Естественные науки и живые языки в испанских высших и средних учебных заведениях не преподавали. Доступ в университет был ограничен не только сословными, но финансовыми и конфессиональными требованиями.

Церковь усилила контроль духовной жизни общества. Деятельность инквизиции делала невозможным постановку и обсуждение религиозных вопросов в духе, противоречащем ортодоксальному католицизму. «Индекс запрещенных книг» исключал из круга чтения добрых католиков произведения, противоречащие доктринам *Тридентского собора*, под страхом различных наказаний — от покаяния до конфискации имущества.

Церковь руководила университетской жизнью, определяла содержание учебных программ. Начальное образование, грамматические и латинские школы находились в ведении Ордена иезуитов. Они же руководили и коллегиями для аристократии. В конце XVII в. только учебные заведения иезуитов давали гуманитарное образование классического образца и приобщали студенчество к достижениям естественных и точных наук (математики и физики).

Проявления расовой и религиозной дискриминации были в Испании обыденными явлениями. В монархии действовала процедура проверки «чистоты крови»: для того чтобы занимать общественную или государственную должность, получить образование, заниматься определенными ремеслами, необходимо было представить доказа-

тельства, что в роду кандидата не было иноверцев или осужденных инквизицией еретиков. Представления о «чистоте крови» повлекли за собой и представления о «чистоте занятий». Профессии, связанные с торгово-предпринимательской деятельностью, считались «дурными» и несовместимыми с дворянскими представлениями о чести. Была и обратная связь: занятия торговлей, ростовщичеством, медициной становились поводом для подозрения в религиозной неблагонадежности. Постепенно понятие «чистота крови» начинает подменяться понятием «чистоты занятий» — ремесло, торговля и физический труд считались несовместимыми со статусом дворянина.

Влияние статута о «чистоте крови» на мировоззрение испанцев было огромным. Пресловутая испанская гордость была основана на представлении о безукоризненной чистоте происхождения, которая исключала даже саму возможность родства с иноверцами в прошлом. Свидетельством истинного благородства было документально засвидетельствованное родство с жителями северных областей, поскольку только они не испытали в VIII в. мусульманского нашествия. Распространение подобных представлений о благородстве привело к тому, что все жители северных областей считали себя идальго: были дворяне-плотники, дворяне-сапожники, дворяне-портные.

Имперская идеология превосходства и исключительности определяла мировоззрения большей части образованных испанцев. Согласно этой идеологии, испанская монархия — оплот и щит истинной католической религии, единственная хозяйка открытого ею Нового Света, обладающая правами на обширные территории в Европе, а испанская культура, основанная на истинных ценностях христианства, превышает культур других европейских государств. Эти представления, основанные на идеалах дворянства и воинствующей церкви, были одной из основ культурной традиции XVII в.

ПОРТУГАЛИЯ

Португалия под властью испанских Габсбургов. Великие географические открытия коренным образом изменили положение Португалии, небольшого государства в западной части Пиренейского п-ва с населением около 1,5 млн человек. К середине XVI в. под властью португальской короны оказались десятки фортов и факторий на побережье Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, началась колонизация Бразилии. Португалия стала великой морской и колониальной державой. В 1578 г. португальские войска во главе с молодым королем *Себастьяном*, который правил с 1557 г., высадились на северо-западном побережье Африки. Однако в битве при *Алькасер-Кибире* португальцы были разгромлены мусульманами. Король Себастьян был убит, а власть перешла к его престарелому родственнику кардиналу Энрике. После смерти кардинала в 1580 г. король Испании *Филипп II* начал борьбу за португальскую корону, обосновывая свои притязания тесными родственными связями с пресекающейся династией. В Португалию вторглись испанские войска и нанесли поражение португальской армии. В апреле 1581 г. португальские кортесы вынуждены были провозгласить Филиппа II королем Португалии при соблюдении ряда условий. Португалия сохраняла кортесы и прежнее законодательство, собственную монету, бюджет, систему государственного долга и налоги; все государственные посты должны были занимать португальцы; официальным языком оставался португальский; испанцы не могли вторгаться в португальские колонии; португальские войска не должны были выводиться за пределы страны.

Испанское господство не привело к радикальным изменениям в социально-экономической жизни Португалии. Характерной чертой португальской экономики оставалось гипертрофированное развитие колониальной и внешней торговли. Несмотря на постоянные нападения на португальские корабли голландских и английских пиратов, экспорт колониальных товаров — пряностей, сахара, табака, ценных сортов древесины, изделий из фарфора — приносил огромную прибыль как купцам, так и знати, приобщившейся к колониальной торговле. Еще одним важным источником доходов была работорговля: португальцы поставляли рабов не только в Бразилию, но и в испанские колонии в Новом Свете. В течение XVII в. в Бразилию было вве-

зено около 560 тыс. рабов-африканцев. В самой Португалии рабство также было широко распространено, в основном в городах, где рабов использовали в качестве домашних слуг. Благодаря широким торговым связям Лиссабон стал одним из самых богатых и населенных городов Европы — в начале XVII в. здесь проживало около 165 тыс. человек.

«Революция цен» привела к быстрому одорожанию сельскохозяйственной и ремесленной продукции. В сложившихся условиях изделия португальских ремесленников теряли конкурентоспособность, их вытесняли более дешевые иностранные товары. Развитие ремесленного производства сдерживали и постоянно растущие налоги. Повсеместное распространение цеховой системы препятствовало появлению мануфактур. В то же время создание колониальной империи и рост колониальной торговли дали импульс развитию кораблестроения и лесного хозяйства — выращиванию корабельной сосны. В сельском хозяйстве увеличивалось производство оливкового масла и вина, которые поставлялись в страны Европы и в португальские колонии. Поскольку земельные ресурсы Португалии весьма ограничены, увеличение площадей, занятых виноградниками и оливковыми рощами, обуславливало сокращение посевов пшеницы, что усиливало зависимость страны от импорта хлеба. *Личная уния* способствовала упрочению испано-португальских торговых связей: Португалия ввозила в Испанию соль и получала оттуда зерно. Большую роль в экономике страны играл промысел трески в Атлантике.

В португальской деревне сохранялись феодальные порядки. Около 2/3 обрабатываемой земли принадлежало дворянам и церкви. Во многих районах Португалии все еще существовали сеньориальная юрисдикция, баналитеты, взимаемые сеньором дорожные и мостовые пошлины. В северных и центральных районах страны были распространены различные формы феодального держания и долгосрочной аренды (*эмфитевзиса*); на юге часто встречались латифундии, возникшие еще в эпоху Реконквисты, владельцы которых сдавали землю в аренду крестьянам-издольщикам и крупным арендаторам. В хозяйствах, специализировавшихся на возделывании винограда, оливок или на разведении овец, широко применялся труд поденщиков.

Ведущую роль в жизни страны продолжала играть феодальная аристократия, чье экономическое могущество было основано на сохранении крупных имений-майоратов в самой Португалии и огромных латифундий в Бразилии. Выходцы из знатных семей составляли королевский двор, занимали высшие государственные должности в самой Португалии и в колониях, становились епископами и настоятелями крупных монастырей. *Фидалгу* (низший слой дворянства, не имевший значительной земельной собственности) могли рассчитывать лишь на второстепенные посты в государственном аппарате и на службу в армии.

В эпоху господства испанских Габсбургов укрепился союз государства и церкви. В Португалии, так же как и в Испании, инквизиция

жестоко преследовала «*новых христиан*» (так называли крещеных евреев) и еретиков. Орден иезуитов активно занимался миссионерской деятельностью в португальских колониях; постепенно росло его влияние в политической жизни и системе образования.

Личная уния способствовала сглаживанию испано-португальских колониальных противоречий, однако угроза португальской колониальной империи все более возрастала со стороны голландцев и англичан. Их нападения на побережье Бразилии, Анголы, Мозамбика, на о-ва Индонезии и о. Цейлон, на португальские корабли в Индийском и Атлантическом океане стали постоянными. Неспособность испанских Габсбургов надежно защитить португальскую колониальную империю вызывала все большее недовольство дворян и купцов.

В конце XVI в. на протяжении и первых десятилетий XVII в. верховную власть — испанских Габсбургов — представляли в Португалии назначенные испанским монархом вице-короли либо регентские советы, чаще всего состоявшие из представителей высшего духовенства. Ключевую роль в управлении страной играли королевские советы, в которых господствующее положение занимала аристократия. В течение 1581 — 1640 гг. несколько раз созывались кортесы, представлявшие дворянство, духовенство и горожан, однако их политическое влияние сокращалось. В правление *Филиппа III* (1598 — 1621) королевская власть неоднократно вводила новые налоги, осуществляла принудительные займы, назначала чиновников-испанцев в нарушение тех условий, на которых Филипп II получил португальскую корону. Злоупотребления монархии приняли систематический характер при Филиппе IV, когда все рычаги государственной власти оказались в руках всемогущего фаворита — *графа-герцога Гаспара де Гусмана Оливареса*. Введение новых налогов, государственной монополии на соль, платы за замещение должности; использование португальских войск за пределами Португалии в период Тридцатилетней войны, — все это свидетельствовало о стремлении герцога Г.Оливареса превратить Португалию в одну из провинций Испании.

Недовольство испанским владычеством приобретало разные формы. Среди португальцев широкое распространение в это время получил *себастьянизм* — миф о чудесном спасении короля Себастьяна, который вскоре должен вернуться на родину и восстановить независимость страны. В период личной унии появлялись многочисленные самозванцы, происходившие из самых разных слоев общества и провозглашавшие себя «*королем Себастьяном*». Власти жестоко расправлялись с ними, но народ продолжал верить в возвращение короля.

В 1620 — 1630-е гг. распространялись трактаты, проповеди и памфлеты, в которых обосновывалась незаконность передачи трона испанскому монарху и пагубность для Португалии политики Габсбургов.

С конца 1620-х гг. во многих городах Португалии происходили массовые народные волнения, направленные против усиления налогового гнета. В конце 1637 г. в одном из крупных городов, Эворе,

вспыхнуло народное восстание против роста налогов и произвола королевской власти. Испанцам удалось подавить восстание только в феврале 1638 г. К концу 1630-х гг. большинство населения Португалии было настроено против испанского владычества, Габсбургов поддерживала лишь часть аристократии и высшего духовенства.

Восстановление независимости. Осенью 1640 г. сложился заговор, в котором участвовало около 40 знатных дворян во главе с архиепископом Лиссабона. 1 декабря 1640 г. заговорщики захватили королевский дворец в Лиссабоне, провозгласили восстановление независимости и объявили представителя старинного рода португальских королей герцога *Браганского* королем Португалии *Жоаном IV* (1640—1656).

Переворот, осуществленный горсткой заговорщиков, обрел всеобщую поддержку. Известие о восстановлении независимости вызвало всеобщее ликование, в храмах звонили в колокола, люди выходили на улицы и праздновали освобождение. Созванные в 1641 г. кортесы провозгласили независимость страны. Правящие круги Испании не смирились с потерей Португалии, но до окончания войны с Францией (1659 г.) достаточных сил для военных действий против Португалии у испанцев не было. В начале 1660-х гг. Испания предприняла попытку вновь покорить Португалию, но в решающей *битве при Монтиш-Кларуш* (1665) португальцы нанесли поражение испанской армии. В 1668 г. Испания вынуждена была признать независимость Португалии и отказаться от притязаний на португальские колонии.

Внутриполитическое положение страны в первые десятилетия после восстановления независимости оставалось нестабильным, что было обусловлено слабостью португальской монархии. Жоан IV получил корону из рук знати, совершившей переворот 1640 г., что сделало его зависимым от аристократии. Жоан IV и его сыновья — *Афонсу VI* и *Педру II*, стремясь заручиться поддержкой феодальной знати, жаловали земли своим сторонникам и раздавали титулы. В королевских советах, являвшихся основным звеном управления, по-прежнему доминировала аристократия. В придворной среде шла борьба за власть, что было чревато политическими потрясениями.

После смерти Жоана IV в 1656 г. королем был провозглашен его тринадцатилетний тяжелобольной сын Афонсу VI, но фактически власть оказалась в руках его матери — королевы-регентши *Луизы де Гусман* и ее окружения. В 1662 г. оппозиционно настроенная группа знати совершила дворцовый переворот, в результате которого королева-регентша и ее сторонники были отстранены от власти. Относительно самостоятельное правление Афонсу VI продолжалось до 1667 г., когда вновь произошел дворцовый переворот.

Афонсу VI был свергнут и заточен (хотя формально и продолжал считаться королем вплоть до своей смерти в 1683 г.), власть перешла к его младшему брату Педру II (1667—1706), который до 1683 г. управлял страной в качестве принца-регента, а затем стал королем.

Своеволие феодальной знати во второй половине XVII в. являлось главным препятствием для укрепления королевской власти.

В этих условиях португальской монархии была необходима поддержка горожан, что привело к росту влияния кортесов. В 1641 г. кортесы приняли решение о том, что король не может вводить налоги без их согласия. Был образован постоянно действующий орган кортесов — *Жунта трех сословий*. Однако после окончания войны с Испанией и завершения периода дворцовых переворотов монархия перестала нуждаться в поддержке кортесов и их созыв стал формальностью.

Во второй половине XVII в. в Португалии началось распространение идей *меркантилизма*, интерес вызывала политика Ж. -Б. Кольбера во Франции. Сторонниками идей меркантилизма были посол Португалии во Франции *Дуарте Рибейру ди Маседу* и граф *ди Эрисейра*, с 1675 г. возглавлявший финансовое ведомство страны.

В 1670 — 1680-е гг. королевская власть начала поощрять создание железоделательных, текстильных, стекольных мануфактур, повышались ввозные пошлины на ткани, шляпы и предметы роскоши. Однако эта политика столкнулась с сопротивлением подавляющей части правящих кругов, видевших главный источник обогащения в эксплуатации колоний и в колониальной торговле. Золото и драгоценные камни, добываемые в колониях, стали весомым аргументом противников преобразований. В конечном счете португальская монархия отказалась от меркантилистской политики, граф ди Эрисейра, убедившись в крахе своих начинаний, в 1690 г. покончил с собой.

Восстановление независимости и длительная борьба против Испании вызвали рост патриотических настроений и способствовали укреплению национального самосознания португальцев. В середине XVII в. публиковались многочисленные сочинения, в которых обосновывалась законность и справедливость борьбы португальцев за независимость. Одним из наиболее известных писателей был *Антониу Виейра* (1608 — 1697), монах-иезуит, автор многочисленных работ на политические и богословские темы. Его проповеди, проникнутые патриотическими чувствами, собирали тысячи слушателей. Антониу Виейра выступал также против обращения в рабство бразильских индейцев и против преследования «новых христиан».

В середине XVII в. Португалия пыталась защитить свою колониальную империю от голландцев и англичан. Войны с Голландией и Англией завершились тем, что Португалия сохранила Бразилию, побережье Анголы и Мозамбика, около 15 фортов и факторий на побережье Гвинейского залива, Гоа, Диу и Даман в Индии, Макао в Китае, но о. Цейлон, п-ов Малакка, Бомбей, португальские владения на берегах Персидского залива были безвозвратно потеряны. В итоге центр португальской колониальной империи переместился из Южных морей в Азию в Бразилию. Так завершился первый этап истории португальской колониальной империи и начался второй, продолжавшийся вплоть до провозглашения независимости Бразилии в 1822 г.

ИТАЛИЯ

Особенности государственно-политического строя. Италия в XVII в. — это конгломерат самостоятельных государств, нескольких относительно крупных и ряда мелких. На севере Италии были расположены герцогства Савойское (со столицей в Турине), Модена, Парма, Мантуя и две республики: Венецианская и Генуэзская (с о. Корсика). Центральную часть страны занимали Великое герцогство Тосканское, Папское государство и небольшая республика Лукка. Примерно треть Италии с начала XVI в. находилась еще под господством Испании: на севере — Ломбардия с Миланом, вся южная часть Апеннинского п-ва с Неаполем и острова Сицилия и Сардиния. Небольшие владения были у испанцев также в центральной части полуострова.

К XVII в. в герцогствах и на территориях, подчиненных Испании, утвердился абсолютизм. Однако в отличие от большинства западноевропейских стран, абсолютизм на полуострове не привел к государственной централизации и унификации Италии. Абсолютистские порядки, вызвав усиление власти отдельных монархов, способствовали закреплению политической, экономической и культурной разобщенности страны. Италию отличало своеобразие государственных институтов, значительные различия и особенности в развитии отдельных областей.

Савойское герцогство, помимо области Савоя, включало в себя более развитую область Пьемонт (слово Пьемонт стало со временем синонимом Савойского герцогства). Расположенное между Францией и испанской Ломбардией, небольшое государство оказалось вовлеченным в противоборство двух мощных держав, которые в XVII в. возобновили борьбу за господство на полуострове. Савойское герцогство не раз становилось ареной боевых действий, причинявших огромный ущерб и опустошение. Необходимость выживания и сохранения самостоятельности диктовали необходимость усиления государственной власти и армии. Сословное собрание перестало здесь собираться уже в XVI в. Герцог *Карл Эммануил I* в начале XVII в., а затем другие правители продолжали по французскому образцу усиливать централизацию системы управления, которая в Савойском герцогстве отличалась большей разветвленностью, чем в других итальянских землях. Были введены посты государственных

секретарей (по существу министров) по внутренним и военным делам, по финансам и внешней политике; учреждена система центральных и провинциальных казначейств и другие ведомства; несколькими десятилетиями ранее, чем во Франции, здесь были введены посты интендантов — чиновников с контрольными функциями, представлявших в провинции монарха. Абсолютизм в Савойском герцогстве носил отпечаток авторитаризма: его правители стремились подчинить общество, включая дворянство, своему строгому контролю.

Уже в XVII в. Савойское герцогство имело постоянную армию, достаточно значительную по боеспособности и размерам для такого небольшого государства. Это было связано с особенностями внешнеполитического курса герцогства, на территорию которого периодически покушались Испания и еще чаще Франция. Собственных сил и средств, необходимых для обеспечения территориальной целостности и независимости, не доставало, и герцоги Савойи компенсировали нехватку сил политической изворотливостью и неразборчивостью в методах, возведя эти приемы в главный принцип своей внешней политики. Участвуя в череде войн между Испанией и Францией, они присоединялись к одной или к другой стороне в зависимости от того, какая в данное время имела большие шансы на успех. Если военная удача изменяла союзнику, герцоги могли без колебаний перейти под знамена его противника. При этом правители Савойи ухитрялись вести войны в значительной мере за счет других держав: от 20 до 50 % военных расходов покрывались безвозмездными денежными субсидиями Франции или Испании и даже протестантских государств — Англии и Голландии, заинтересованных в поддержке Савойи как противовеса Испании и Франции.

Участие в войнах практически превратилось в перманентное состояние Савойи, причем усилия отстоять свои владения очень быстро переплелись со стремлением к их расширению. Вступая в очередную войну, савойские герцоги каждый раз требовали в виде вознаграждения за свою военную поддержку передачи им той или иной части соседней территории. Такая не лишенная риска стратегия, хотя и оборачивалась порой тяжелой расплатой — вторжением на территорию герцогства армии вчерашнего союзника, приносила в конечном счете плоды: герцоги пядь за пядью раздвигали границы своих владений. В течение XVII в. им удалось захватить ряд соседних земель (города Аосту, Ниццу, Онелью, часть маркграфства Монферрат в Северной Италии и др.), ставших территориальными трофеями этой единственной в своем роде военно-политической эквилибристики савойских правителей. Уже в XVII в. они начали выдвигать притязания также на Ломбардию с Миланом и территорию Генуэзской республики.

Важным средством укрепления авторитета Савойской династии служила находившаяся с конца XVI в. в кафедральном соборе Турина Плащаница — ткань, в которую, по утверждению церковников,

был завернут перед погребением Иисус Христос, чей облик, как полагали, чудесным образом запечатлелся на материи. *Туринская плащаница* превратилась в одну из величайших реликвий христианства и ее нахождение в столице герцогства истолковывали как неоспоримое свидетельство того, что Савойская династия и ее подданные пользуются особым божественным покровительством. Туринская плащаница, которую объявили личным достоянием Савойских государей, с конца XVII и в XVIII в. использовалась в откровенно политических целях: ее изображение стало главным символом на боевых знаменах династии, а демонстрация Плащаницы превратилась в неотъемлемую часть торжественных государственных церемоний. Еще одним идейным подспорьем монархии явился рождавшийся миф о воинственной Савойской династии, которая, будучи единственно итальянской по своему происхождению, не ограничивается сохранением границ своих владений, а считает своим долгом защищать все итальянские территории, что делает Пьемонт «земным щитом» Италии.

Как показали дальнейшие события, крепко сколоченный государственный аппарат савойского абсолютизма, тяготевшего к авторитарности, во многом предопределил исторические судьбы Савойского герцогства; впоследствии оно оказалось наиболее жизнестойким и динамичным из всех государств Италии и сыграло совершенно особую роль в истории этого государства.

В *Венецианской* и *Генуэзской республиках* центральная власть находилась в руках олигархии, самых богатых и знатных семей («благородных», *нобилей*) Венеции и Генуи. Эти столичные города полностью господствовали над провинцией.

Венецианская республика, помимо материковой северо-восточной части Апеннинского п-ва, включала в себя обширную, протянувшуюся на несколько сот километров территорию вдоль Адриатического моря (вплоть до Албании), в основном со славянским населением (п-ов Истрия, Далмация), а также населенные греками Ионический архипелаг и о. Крит (до 1669 г.); некоторое время республике принадлежала также южная часть Греции — п-ов Пелопоннес (тогда его называли Морей). Население всех этих территорий не имело доступа к государственному управлению, полностью монополизированному столицей. Сохранялась старая, по сути средневековая, структура власти города-государства: Большой совет с законодательной властью, Сенат, коллегии. В столичном патрициате, состоявшем из нескольких сот богатых фамилий, доминировала достаточно замкнутая группа непосредственно правивших семей. Все ключевые должности в городе-государстве передавались по наследству. Номинальным главой республики был *дож*, избиравшийся пожизненно особой коллегией из числа тех, кто принадлежал к правящему слою. Таким образом, аппарат управления долгое время практически не обновлялся, в него подчас не имели доступа даже весьма состоятель-

ные люди, если они не входили в господствующую аристократическую олигархию.

Сплоченность венецианского городского патрициата, спянного общностью интересов, способствовала длительной политической устойчивости Венеции, что в немалой степени обеспечивалось тайной полицией, неусыпно следившей за тем, чтобы внутри правящего слоя не возникло оппозиционных группировок. Обратной стороной такой системы стало постепенное накопление консервативных тенденций, застойность, ослабление духа новаторства.

Сходным было устройство Генуэзской республики, с тем отличием, что правящая столичная верхушка состояла из богатейших финансистов и банкиров, обладателей огромных денежных капиталов, которые они предоставляли в виде займов многим европейским правителям.

Среди всех итальянских государств только Венецианская республика была державой европейского ранга, самостоятельной в своей политике. Венеция наряду с монархией Габсбургов до начала XVIII в. являлась одной из главных сил, противостоящих натиску Османской империи на Европу, однако это противоборство требовало огромных средств и постепенно подрывало (наряду с другими факторами) могущество Венеции. В течение века она утратила о. Крит и вместе с ним и свое влияние в восточной части Средиземного моря.

Папское государство отличал церковный (теократический) характер. Властителем государства был папа римский — избираемый глава Всемирной католической церкви. Должности в управлении в столице и в провинции занимали в основном церковники, преимущественно итальянцы. Их состав мог меняться с избранием нового папы (в течение XVII в. сменилось 12 пап). Назначаемые клирики, зачастую уроженцы других итальянских государств, обычно не были знакомы с местными условиями, поэтому в администрации Папского государства царил беспорядок. Все важнейшие дела решались в Риме в особых церковных органах — *конгрегациях*, узкой группой кардиналов, принадлежавших к знатным фамилиям.

В папским владениям по-иному, чем в других итальянских государствах, формировалась аристократическая верхушка. Многие папы, заняв церковный престол, широко покровительствовали родственникам, особенно своим незаконнорожденным сыновьям, которых было принято считать «племянниками пап». Такое покровительство называли *непотизмом* (от лат. *nepos* — племянник, внук). Ближайшие родственники пап становились кардиналами (иногда в возрасте 17 лет), получали высокие должности в церковной иерархии, богатели, приобретали земли и феодалы. Все это позволяло окружающим пап семейным кланам пополнять ряды высшей римской аристократии, которая таким образом постоянно вбирала в себя выходцев из тех областей Италии, откуда происходили вновь избранные папы. Семьи новоиспеченной знати обычно получали от пап различ-

ные привилегии (в частности, судебные), что еще более ослабляло и без того слабую централизованную систему управления церковного государства. Особенно самоуправной оставалась местная знать — феодальные бароны — в южной части Папского государства, где издавна было сосредоточено много крупных феодалов.

Главной заботой Папства были интересы церкви, а не государства, поэтому папская дипломатия носила в большей степени церковный, а не государственный характер. Папы не прочь были расширить принадлежавшую им территорию за счет соседних небольших владений, но решительно отвергали (как и другие государи) идею объединения Италии из опасения лишиться своей светской власти.

Испанские владения на юге Италии включали в себя три королевства — Неаполь, Сицилию и Сардинию. Считалось, что эти королевства принадлежат лично королю Испании. Управлявшие ими вице-короли, как и возглавлявший Ломбардию губернатор, назначались из титулованной испанской знати и становились заместителями испанского монарха, обязанными строго выполнять поступающие из Мадрида инструкции и распоряжения. В свои итальянские владения испанцы привнесли из метрополии элементы абсолютистской государственности — централизацию власти и более упорядоченную систему управления, но целиком подчиненную задаче финансовой эксплуатации итальянских владений; лишенные реальной автономии, они были далеки от превращения в самостоятельные государства. В Неаполе административный аппарат разрастался вследствие широкой продажи должностей, многие из которых — не только высшие, но и среднего ранга — приносили их обладателям (преимущественно состоятельным горожанам) дворянское звание (например, должности глав провинциальных администраций, судов, губернаторов городов и др.). Так складывалось *служилое дворянство* (во многом сходное с французским «дворянством мантии»). С его помощью испанцы старались утвердить свое верховенство в южных провинциях, где подлинными властителями были крупные феодальные землевладельцы. Испанцы не покушались на их привилегии, хотя и добились их политического повиновения.

Экономика Италии в XVII в.: упадок и хозяйственная перестройка. Еще во второй половине XVI в. Северная и Центральная Италия (условно — до Рима), намного опередившая в экономическом отношении юг страны, представляла собой один из самых развитых регионов Европы. Итальянские промышленные товары (шерстяные и шелковые ткани, изделия из стекла и керамики, оружие) пользовались большим спросом. Венецианская и Генуэзская республики извлекали огромные барыши из своих поставок в европейские страны товаров с Востока (особенно специй и шелка). Внешняя торговля процветала, в стране скапливались большие денежные капиталы. Генуя превратилась в главного кредитора испанской монархии, периодически предоставляя ей крупные займы.

Однако постепенно обнаруживались признаки хозяйственного застоя, который в начале XVII в. перерос во всеохватывающий экономический упадок. Тому были как внутренние, так и внешние причины. Несколько эпидемий чумы и неурожаи обусловили значительное уменьшение численности населения (с 13,4 млн в 1600 г. до 11,5 млн в середине века) и падение спроса на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Сокращались обрабатываемые площади, свертывались ирригационные работы. В новых условиях XVII в. некоторые особенности итальянской промышленности (прежде всего текстильной и оружейной) стали источниками ее слабости. Итальянские товары отличались высоким качеством, стоили дорого и были рассчитаны на богатых людей, готовых приобретать самые лучшие изделия независимо от их цены. В XVII в. на европейские и ближневосточные рынки хлынули товары из Англии, Голландии и Франции (в частности, так называемые «новые сукна»), которые несколько уступали итальянским по качеству и внешней отделке, но стоили значительно дешевле. Итальянская текстильная продукция не выдерживала конкуренции и вытеснялась с международных рынков. Расширение океанской торговли с Новым Светом и Азией, особенно ввоз специй, подорвали экономическую основу мощи Венеции и Генуи, положив конец их процветанию.

В Европе складывалась новая международная экономическая система с центром на севере, и Италия оказалась на периферии. Растущая неконкурентоспособность итальянских товаров выявила уязвимое место промышленности — ее ориентацию преимущественно на внешние рынки. Промышленное производство, сосредоточенное в городах, пришло в упадок, не будучи подкреплено устойчивым внутренним спросом, росту которого препятствовали также многочисленные таможенные границы — не только между государствами, но и внутри них. В течение XVII в. производство шерстяных тканей уменьшилось во Флоренции в 6 раз, в Милане — в 5 раз (из 70 мастерских осталось всего 5), в Венеции — более чем в 13 раз (с 29 тыс. кусков до 2,2 тыс.), в Генуэзской республике число действующих ткацких станков сократилось в 4—5 раз. Подобная картина наблюдалась и в других районах. Традиционная цеховая промышленность в крупных городах Северной и Центральной Италии (за единичными исключениями) оказалась на грани распада. Пришли в упадок все торговые города, на 2/3 сократился их грузооборот. Выстоял лишь город Ливорно, благодаря тому, что местный порт стал базой английской и голландской торговли в Средиземном море.

Однако во второй половине XVII в. после прекращения эпидемий возобновился рост населения и появились признаки хозяйственного оживления. В Северной Италии часть прежнего городского производства переместилась в сельскую местность и в маленькие городки — туда, где не было цехов с их строгой регламентацией производства, где изобилие сырья, дешевой рабочей силы и энергии (много-

численные горные реки позволяли широко использовать водяные колеса) в сочетании с традициями надомного ремесленного промысла открывали возможность производить более дешевые изделия. Например, из Венеции были перенесены в провинцию валяние шерстяных тканей и их частичная окраска, а из Генуи переместилось в сельскую местность производство некоторых видов шелковых материй. В конце века в небольших прибрежных городках Генуэзской республики оживилось судостроение и каботажное судоходство. Сельское население все шире втягивалось в промышленную деятельность, возникали новые отрасли производства. Тысячи крестьянских семей по заказу купцов-предпринимателей занимались обработкой льна, конопли, шерсти, шелка. В некоторых местностях землевладельцы обязывали крестьян-арендаторов вносить часть арендных платежей полуфабрикатами (например, крученым шелком). Кроме того, кризис традиционной городской промышленности не затронул горнодобывающее и металлургическое производства. В сельской местности ожили железоделательный и кузнечный промыслы. Оружие, гвозди, литые, домашняя утварь находили сбыт как в Италии, так и в других странах. Городские капиталы, которые в условиях экономического упадка уходили из производства и торговли, стали теперь частично притекать в деревенскую домашнюю промышленность.

В результате такой передислокации производства во второй половине XVII в. в сельской местности Италии возникли целые промышленные зоны. Уже в 1660 г. в тосканской провинции шерстяных тканей производилось в 3 раза больше, чем во Флоренции. В венецианских землях в районе города Бергамо и в горных долинах производство сукна достигло 40 тыс. кусков в год, причем здесь начали выработать сукно по английскому и голландскому образцам. В ломбардской деревне к концу XVII в. изготовляли в 1,5 раза больше хлопчатобумажных тканей, чем их ранее производили в главном центре этой отрасли — городе Кремона. Если шелкоткачество чаще оставалось в городах (где накопились значительные технические навыки), то первичные операции (кручение и прядение шелка) в течение XVII в. превратились в занятия крестьян по всей Северной Италии — от Венецианской области до Пьемонта.

В Савойском герцогстве вторая половина XVII в. ознаменовалась экономическим подъемом, который не остановила новая затяжная война, начавшаяся в 1690 г. Росло производство пшеницы, внедрялись новые культуры (кукуруза, рис, конопля). Одновременно оживилась промышленность. Появились шелкопрядильные мастерские, отличавшиеся высоким для своего времени техническим уровнем, а также шелкоткацкие и хлопчатобумажные мануфактуры. Даже во время войны не прекращалось сооружение мостов и дорог, развернулась застройка столицы — Турина.

Таким образом, глубокий упадок традиционной городской экономики в большинстве северных и отчасти в центральных областях

Италии стимулировал хозяйственный процесс, характерный для других европейских стран — распространение в сельской местности надомного производства и рассеянной мануфактуры, однако не в таких размерах, чтобы это радикально изменило общую тенденцию хозяйственного отставания. Налицо был структурный сдвиг в сторону увеличения производства сырья и полуфабрикатов на экспорт — показатель того, что по сравнению с предшествующими веками в XVII в. доля промышленного производства в итальянской экономике уменьшилась, а сельскохозяйственного — возросла. Утратив свои передовые позиции в промышленности и торговле, Италия вступила на путь усиленной аграризации.

Социальные последствия экономических сдвигов. По мере того, как постепенно замирала традиционная городская промышленность, многие купцы и богатые ремесленники предпочитали использовать свой капитал в тех сферах, где он обеспечивал стабильный доход независимо от колебаний рыночного спроса. В Италии состоятельные горожане издавна стремились приобретать земли. В XVII в. эта тяга получила дополнительный стимул. В южных областях, в Неаполе многие богатые горожане покупали феоды, включаясь в эксплуатацию сельского населения. На Севере правящая городская аристократия Венеции скупала тысячи гектаров земли в материковых провинциях Венецианской республики.

Другой сферой капиталовложений стали разного рода финансовые операции. В своих владениях, прежде всего в Ломбардии, а также на юге, испанцы из-за постоянной нехватки средств широко практиковали передачу в сеньориальное управление сельских и городских коммун. При этом частным лицам в обмен на единовременную выплату ими денежных сумм предоставлялось на определенный срок, а то и навечно право отправлять на местах правосудие и собирать налоги и различные пошлины. Кроме того, значительные средства вкладывались в облигации государственных займов, которые выпускались также в связи с нуждой в деньгах. Большую активность в скупке феодов и финансово-откупных операциях в Неаполе проявляли генуэзские и флорентийские банкиры, использовавшие таким образом свои огромные капиталы, которые им теперь сложно было выгодно применить в торгово-промышленной сфере.

В результате переориентации на приобретение земель и финансовые операции, на покупку феодальных прав, дворянских титулов и административных должностей много купцов, юристов и должностных лиц переходили в ряды дворянства. Расширялся его верхний, аристократический слой. Например, в Неаполитанском вице-королевстве численность герцогов, князей, графов, маркизов выросла за столетие с 133 до 434. В одних областях (в Тоскане, Генуэзской республике и Ломбардии) часть городского дворянства продолжала заниматься торговлей (лично или через посредников), другая же решительно порывала с этой сферой деятельности. Огромные деньги тра-

тились на строительство прекрасных загородных вилл. Например, в венецианской провинции в XVI в. были возведены 252, а в XVII в. — 332 поистине великолепные резиденции богатых горожан, предпочитавших жить на доходы от государственных долговых обязательств или арендных платежей с недвижимости.

Рост городской аристократии сказался на характере итальянских городов. Италию отличал высокий уровень урбанизации, ухившей корнями еще в античность. В XVII в. 5 из 11 городов Европы с населением 100 и более тысяч жителей находились в Италии. Здесь также было больше всего городов с населением свыше 30 тыс. человек. Крупные города теряли значение промышленных и торговых центров, а разраставшийся слой городской аристократии обуславливал увеличение численности слуг, ремесленников, адвокатов, врачей, художников, обслуживающих городскую знать. Приток из сельской местности людей, тщетно надеявшихся найти заработок, приводил к скоплению в городах массы нищих, занятых попрошайничеством и вымогательством. В больших городах они соединялись в особые корпорации, каждой из которых по взаимной договоренности отводился определенный городской район.

Аграрный строй. Крестьянство Италии в своей массе было безземельным, лишь немногие имели собственные земельные участки. Например, на плодородных равнинах в северных и центральных областях страны крестьянам принадлежало от 3 до 7—8 % сельскохозяйственных угодий. Мелкая и мельчайшая крестьянская собственность существовала преимущественно на неудобных, бедных почвах в предгорьях и горных районах. Именно поэтому большинству крестьян приходилось арендовать землю у крупных землевладельцев. Господствовала мелкокрестьянская аренда разных видов, сроком преимущественно на 1—3 года, реже на 6 лет.

При наличии этих общих черт аграрный строй Италии имел существенные отличия в отдельных частях страны. В большинстве областей Северной и Центральной Италии (за исключением Савойского герцогства, где до начала XVII в. сохранялись сеньориальные порядки) число владений феодального характера было очень невелико. Например, в Тоскане в середине XVII в. площадь под феодами составляла примерно 4 % всей ее территории. Земля концентрировалась в руках богатых горожан, в некоторых местностях им принадлежало от 60 до 75 % всех обрабатываемых угодий. Крупным землевладельцем была также церковь.

Крестьянская краткосрочная аренда возобладала над держаниями феодального характера. Среди разных видов аренды на первом месте была *испольщина*. Арендный договор между землевладельцем и испольщиком предусматривал раздел урожая пополам в соответствии с равным, как считалось, вкладом сторон: хозяин предоставлял землю (часто вместе с постройками и жилищем для крестьянской семьи) и часть инвентаря, а арендатор — свой труд и остальной

инвентарь. Таким образом, испольщику принадлежала только часть необходимых средств производства, что сближало его положение с работником, получающим вознаграждение за труд. В арендном договоре были оговорены также даровые подношения крестьянина землевладельцу (куры, яйца, виноград) и бесплатные отработки (3—4 дня в году) на хозяина (перевозка грузов, окапывание деревьев и др.) — остатки феодального прошлого.

Экономический упадок XVII в. отрицательно сказался на положении деревни на севере и в центре страны. Повсюду усилился нажим на крестьян. В условиях падения спроса на сельскохозяйственную продукцию землевладельцы, чтобы не допустить сокращения своих доходов, изменяли в ущерб крестьянам условия арендных договоров — увеличился размер натуральных даровых приношений и отработок на господина, а также вклад крестьян в производственные расходы. В итоге крестьянской доли произведенной продукции хватало лишь на скудное существование. Вынужденное обращение крестьян за ссудами к хозяину приводило к накоплению задолженности, а вместе с тем к укреплению зависимости арендатора от землевладельца. В Пьемонте, где в 1617 г. было официально объявлено об упразднении сеньориального порядка и об отмене феодальных прав за выкуп (или замене их ежегодными денежными взносами), землевладельцы стремились восстановить эти права. Однако несмотря на то что в XVII в. в Северной и Центральной Италии в деревне наметилось усиление некоторых элементов феодальных отношений, в целом в аграрном строе не произошло качественного сдвига к прошлому. Помимо испольщины были распространены другие виды мелкой краткосрочной издольной аренды (*аффикт, либеллярные договоры*), предоставлявшие крестьянам большую хозяйственную независимость от землевладельца и возможность обогащения. В Ломбардии, в Миланской провинции из среды таких *крестьян-аффиктариев* вышли крупные арендаторы капиталистического типа, в хозяйствах которых, основанных на наемном труде, производилась продукция для рынка.

В отличие от Северной и Центральной Италии на юге страны — в Неаполе, на островах Сицилия и Сардиния господствовали феодальные отношения. Феоды представляли основу хозяйственной, административной и судебной системы. Типичными для Юга Италии были огромные земельные владения площадью во многие сотни и тысячи гектаров — *латифундии*. На Сардинии из 380 феодалов половина принадлежала 6 испанским грандам (один из них владел 76 феодами). В Неаполитанском королевстве три четверти населения проживало в селениях и городах, расположенных на территории феодалов. Землевладельцы-феодалы (их называли здесь *баронами*) обладали хозяйственными привилегиями (*баналитетами*), возглавляли суды первой инстанции, имели право сбора налогов. Доходы баронов складывались из поступлений в счет их сеньориальных прав и

привилегий и из поземельных платежей крестьян. В случае задержки платежа крестьянин мог лишиться своего земельного участка. Вместе с тем под влиянием рыночных отношений некоторые бароны заводили собственные хозяйства и использовали труд поденщиков. Такие хозяйства имели товарный характер. Например, на Сицилии доля поступлений от продажи на рынке пшеницы достигала в доходе феодальных баронов 20—30 %.

В XVII в. на юге Италии землевладельцы, подталкиваемые постоянным ростом цен, старались увеличить поборы. Даже зажиточные крестьяне порой прекращали вносить феодальные платежи и церковную десятину в знак протеста против их увеличения. Самоуправство баронов и нищета постоянно вынуждали часть крестьян бросать свои дома и становиться разбойниками. Грабежи богатых, разбой на дорогах стали неотъемлемой стороной жизни южного общества. Порой собирались разбойничьи отряды, численностью в десятки и даже сотни человек. Для борьбы с ними властям приходилось посылать регулярные войска.

Нарастание социального кризиса на юге Италии. Рост военных расходов, связанных с участием в Тридцатилетней войне, заставил Испанию усилить финансовую эксплуатацию своих итальянских владений. Не довольствуясь экстраординарными выплатами, испанцы в 1630—1644 гг. ввели в неаполитанских владениях десять налогов (включая пошлыны на торговлю сельскохозяйственными продуктами) и выкачали за это время из Неаполя примерно столько же денег (36 млн дукатов), сколько за предшествующую четверть века (40 млн дукатов). В погоне за деньгами испанцы продавали в полное феодальное владение земли короны вместе с расположенными на них городами и селениями. Скупали эти феодалы финансисты-откупщики.

Резко возросший налоговый гнет совпал в 1630—1640-е гг. с достигшим своего максимума феодальным натиском на крестьян и горожан. Сеньоры добивались расширения феодальных прав, устанавливая контроль над любым видом хозяйственной деятельности своих «подданных» (включая ремесла) и облагая ее податями. Делались попытки восстановить прикрепление крестьян к земле. Это наступление баронов сопровождалось волной беззаконий, насилия и расправ. Дело доходило до того, что некоторые бароны самолично убивали тех, кто осмеливался противиться их притязаниям. Произвол феодалов не оставался без ответа: сотни случаев противодействия их самоуправству до предела накалили обстановку в неаполитанских провинциях.

Обострилось положение и в столице вице-королевства — Неаполе, самом большом городе Италии (более 300 тыс. жителей). Управление в городе принадлежало дворянской аристократии, жившей на доходы с феодалов. Вместе с тем титулованная верхушка общества, включавшая в себя немало богатейших финансистов, была втянута в откуп налогов и финансовые операции и использовала свое главен-

ство в управлении столицей, чтобы переключать тяжесть налогов на горожан. Многочисленный средний слой (высокопоставленные должностные лица, юристы, купцы, состоятельные ремесленники) стремились расширить свое участие в городском управлении и ограничить власть аристократии. Большинство горожан (примерно две трети) составлял *плебс* — мелкие ремесленники, лавочники, служащие, рыбаки, работники мастерских и мануфактур. Беднейшей частью плебса были тысячи людей, живших случайными заработками. Эта масса жителей Неаполя (как и самого большого города Сицилии — Палермо) особенно остро ощущала последствия роста цен и введения все новых косвенных налогов: теперь приходилось дополнительно платить почти за все продовольствие.

Революция 1647 — 1648 гг. в Южной Италии. 20 мая 1647 г. восстал народ Палермо — главного города Сицилии. Городская беднота и ремесленники требовали отмены налогов на хлеб, муку и другие продукты. Начались погромы и поджоги домов городской знати. Летом восстание охватило другие города острова. Одновременно развернулось крестьянское движение против феодалов.

События на Сицилии быстро отозвались в Неаполе. Здесь уже несколько месяцев нарастало брожение бедноты, возмущенной тем, что испанские власти, выполняя требование Мадрида о предоставлении еще 1 млн дукатов на военные нужды, ввели налог на фрукты, которые наряду с хлебом занимали основное место в питании городских низов.

7 июля началось восстание в Неаполе. Огромные толпы людей уничтожили все таможи, где взимались торговые пошлины, разгромили вице-королевский дворец и освободили из тюрем заключенных. Захват оружейных лавок и складов позволил вооружиться десяткам тысяч неаполитанцев. Было объявлено об отмене всех налогов на продовольствие. Вице-король и солдаты-испанцы укрылись в неприступных крепостях-замках в ожидании прибытия военной помощи из Испании.

Среди вожakov восставшего плебса выделился 27-летний *Томмазо Аньелло*, рыбак, в просторечье именуемый *Мазаньелло*. Ему предстояло сыграть исключительную роль в развитии восстания. Мазаньелло сумел направить энергию вооруженных толп на разгром роскошных домов богачей-откупщиков и связанных с откупниками дороговизны продовольствия. В Неаполе запыхали огромные костры, на которых сжигали все их имущество: в представлении простого люда уничтожение неправедно нажитого богатства означало торжество попранной справедливости. Этой каре подверглись около 60 богатых домовладельцев. Мазаньелло, провозглашенный «генеральным капитаном народа Неаполя», стал фактическим правителем города. Он демонстрировал свою верность монарху — королю Испании, но одновременно рассылал во все концы не-

аполитанского юга гонцов с призывом к народу присоединиться к восстанию.

Для титулованных аристократов и богатых горожан босоногий бедняк Мазаньелло был воплощением анархии, народной стихии, угрожающей их жизни и имуществу. Они составили заговор против «генерального капитана», к которому примкнули некоторые умеренно настроенные участники восстания. 16 июля Мазаньелло был убит, но хозяином столицы по-прежнему оставался вооруженный плебс.

Революционные события в Неаполе получили быстрый и широкий отклик: бунты и восстания распространились по всему неаполитанскому югу вплоть до самых отдаленных от столицы местностей. Преобладали *антифеодалные выступления*, в которых участвовали не только крестьяне, но также ремесленники и торговцы, а в некоторых районах и мелкое дворянство — все те, кто испытывал гнет и произвол баронов. Антифеодалные восстания очень часто сочетались с *антиналоговыми*, так как баронам принадлежало право вводить и собирать косвенные налоги, торговые и иные пошлины.

Каждодневной реальностью во множестве селений стали нападения восставших на резиденции сеньоров, расправы с феодалами и их приближенными, разграбление их имущества, поджоги и разорение домов, хозяйственных построек, отказ от внесения повинностей и налогов. Вооруженные толпы осаждали замки и монастыри, где искали спасения бароны и их семьи. В городах вырывались наружу давние конфликты, вызванные борьбой между разными группами имущих за первенство в городском управлении и доходные должности.

В самом Неаполе после того, как горожане при поддержке пришедших им на помощь вооруженных крестьян из окрестных селений в ожесточенных уличных сражениях сорвали попытку испанцев силой оружия подчинить себе столицу, инициатива перешла к сторонникам полного разрыва с Испанией. Эту идею отстаивала группа высших должностных лиц во главе с видным юристом *Винченцо д'Андреа*. Они решили свергнуть испанское господство и создать в Неаполе независимое государство. В конце октября 1647 г. в столице была провозглашена *Неаполитанская республика*. События приобрели характер гражданской войны: на подступах к Неаполю начались упорные бои между армией феодальных баронов, стремившихся пробиться в город на помощь испанцам, и отрядами его защитников. Будучи не в состоянии сломить силой их сопротивление, бароны установили продовольственную блокаду Неаполя, надеясь задушить голодом главный очаг восстания.

В конце 1647 г. и в первые месяцы 1648 г. народное движение в неаполитанских провинциях приобрело максимальный размах. Вооруженные отряды крестьян и городской бедноты численностью от 2 до 7 тыс. человек вступали в бои с дворянским ополчением, брали штурмом большие города, в которых укрывались бароны. Такие от-

ряды во многом помогли освобождению Неаполя от продовольственной блокады: баронские отряды были вынуждены отступить от столицы.

В ноябре 1647 г. в событиях произошел новый поворот: в Неаполь добрался на парусной лодке герцог Генрих Гиз, принадлежавший к могущественному аристократическому семейству Франции. Его появление вселило в горожан надежду на то, что Франция окажет помощь Неаполю в борьбе с Испанией. Объявленный главнокомандующим, Гиз поклялся верно служить республике, но на деле преследовал личные цели: он замыслил воспользоваться народным движением, чтобы вытеснить испанцев и занять неаполитанский престол. При этом герцог пытался заручиться поддержкой феодальной аристократии как будущей опоры своего трона. Эти намерения Генриха полностью расходились с позицией республиканской группировки, руководители которой призывали провинции свергнуть испанскую администрацию и установить республиканские порядки. Чтобы привлечь на сторону центральной власти народные силы, они стремились дать толчок антифеодальным преобразованиям.

В декабре 1647 г. сторонники республики опубликовали «Манифест» с обращением к городам и селениям «сбросить с себя тиранию баронов» и реквизировать их имущество и феодальные доходы в качестве компенсации за ущерб, причиненный произволом феодалов. Однако эти призывы к ликвидации испанского господства и отмене феодальных порядков в условиях 1647—1648 гг. не нашли отклика среди провинциальной буржуазии — торговцев, состоятельных ремесленников, образованных групп — тех, кто мог бы поддержать инициативу республиканцев в столице. Состоятельные горожане в провинции, хотя и испытывали на себе произвол баронов, видели порой в народном движении большую угрозу, так как, вступая в города, крестьянские вооруженные отряды вместе с городским плебсом разоряли богатые дома, а иногда расправлялись с их владельцами.

Подобные же настроения распространились и среди состоятельных людей Неаполя, опасавшихся к тому же самоуправства герцога Гиза, оттеснившего от власти республиканскую группировку и начавшего репрессии. Все это позволило испанцам достичь компромисса с богатыми слоями населения Неаполя и восстановить в апреле 1648 г. свою власть в столице. Крестьянско-плебейское движение в провинции продолжалось до конца года и покончить с ним удалось только с помощью жестоких репрессий. Подавить восстание на о. Сицилия отрядам феодальных баронов и испанским войскам удалось также только в 1648 г.

Разъединенность городских антифеодальных сил и крестьянских восстаний, слабость буржуазных слоев явились причинами того, что, несмотря на огромный размах народного движения, в Неаполе и на Сицилии не удалось свергнуть испанское господство и подорвать

феодалные порядки. Поражение революции конца 1640-х гг. привело к закреплению экономической и социальной отсталости Южной Италии.

Общественное сознание. Проблема языка. Вследствие государственно-политической и экономической разобщенности население Италии в массе не сознавало своей принадлежности к одному народу. Господствовало региональное, областное и особенно узко местное (локальное) самосознание: люди чаще отождествляли себя не со страной (Италией), а с местом рождения и проживания — с областью, городом, селением и считали себя венецианцами, римлянами, тосканцами, калабрийцами и т.д. Бытовало даже мнение, что полуостров населяют разные народы.

Такое состояние массового сознания во многом определялось также языковой разобщенностью. Существовали 14—16 основных диалектов (по числу главных областей) и многие десятки наречий и говоров в отдельных местностях и городах. Некоторые диалекты по своеобразию были близки к особым языкам. На местных наречиях говорило абсолютное большинство населения.

Итальянский язык, возникший на основе тосканского (флорентийского) диалекта, в XVII в. стал литературным языком в большей части Италии и средством общения (правда, наряду с латынью) образованных людей разных областей страны. Его использовали в официальной переписке (в частности, дипломатической), при составлении документов, на нем выходила основная часть печатных изданий. Однако в частной жизни знать, верхи общества продолжали общаться на местных диалектах. Обучение же в университетах велось исключительно на латыни, она была обязательным языком и в домашнем образовании детей в состоятельных семьях, латынью было написано много научных и религиозных трудов. В целом итальянским языком пользовалось лишь незначительное меньшинство населения Италии.

Таким образом, государственная, экономическая, языковая разобщенность, иностранное господство, слабость внутренних связей затрудняли развитие общеитальянского сознания. Однако существовал узкий круг литераторов, писателей, поэтов, ученых, чье патриотическое чувство не ограничивалось рамками «малой родины», а распространялось на всю Италию — именно ее они считали отечеством всех, кто населял Апеннинский п-ов. Когда в начале XVII в. герцог Савойи *Карл Эммануил I* начал войну с могущественной Испанией с целью захватить часть принадлежавшей ей Ломбардии, это вызвало внезапный всплеск итальянских патриотических настроений. Во множестве печатных и рукописных воззваний, памфлетов, стихотворений, появившихся в разных областях страны, Карла Эммануила восхваляли как государя-освободителя Италии от испанского гнета, а других итальянских правителей обличали в раболепии перед иноземцами и пренебрежении интересами страны. Однако эти

патриотические призывы литераторов не получили практического отклика, так как в стране в то время отсутствовали условия для широкого распространения итальянского национального самосознания.

Церковь. Образование. XVII век прошел в Италии под знаком возмраставшего влияния католической церкви, что наложило заметный отпечаток на итальянскую культуру. Ее развитие отмечено противоречивыми тенденциями. Папство, осознав опасность открытий *Галилео Галилея* для церковного вероучения, устроило в 1633 г. судилище над ученым, обвиненным в поддержке учения Н. Коперника. Инквизиция вынудила Галилея отказаться от учения. Церковь стремилась приостановить распространение научных знаний и укрепить свое господство во всех сферах духовной жизни общества.

Для достижения этих целей церковь в соответствии с курсом, намеченным *Контрреформацией*, стремилась в максимальной мере подчинить себе систему образования, используя как орудие Орден иезуитов, насчитывавший тогда более 13 тыс. членов. В Италии иезуиты открыли многие десятки учебных заведений — *коллегий, семинарий, школ-пансионатов*. Иезуиты значительно расширили рамки образования и подняли его (особенно первоначально) на весьма высокий для своего времени уровень. Иезуитские школы выпускали молодых высокообразованных дворян, способных успешно подвизаться на государственном поприще и вместе с тем глубоко преданных католической церкви и ордену. Церковь в Италии во многом контролировала и высшее образование. Исключением был только университет в Неаполе, подчиненный не церкви, а королевской власти. Однако несмотря на все усилия церкви оградить Италию от проникновения передовых идей, способных поколебать преобладание традиционной теологической, схоластико-риторической культуры, своим вкладом в науку Галилей дал такой толчок развитию естествознания в Италии, что церковь могла его лишь несколько затормозить, но не остановить.

ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Раздробленность Германии. В Новое время Германия вступила в состоянии беспрецедентной государственно-политической раздробленности, унаследованной от Средних веков. То, что в этот исторический период называли Германией, представляло собой огромную мозаику из 300 светских и церковных владений: королевств, курфюршества, герцогств, княжеств, графств, архиепископств, аббатств. Кроме того, сохранялось почти 1,5 тыс. владений имперских рыцарей, которые, несмотря на крохотные размеры подвластных им территорий, считались государями Божьей милостью, хотя многие из таких «монархов» имели от нескольких десятков до 100 подданных. На самостоятельность претендовали также имперские города — маленькие олигархические республики.

Помимо самой большой по территории и народонаселению державы — монархии Габсбургов, было еще несколько довольно крупных государств — Бранденбург-Пруссия, Бавария, Саксония, Вюртемберг, Ганновер, но абсолютное большинство государств относилось к числу мелких и мельчайших.

Все эти владения входили в состав Священной Римской империи — единственного в своем роде политического образования. Хотя к середине XVII в. Империю уже 200 лет возглавляли императоры из династии Габсбургов, им так и не удалось утвердить принцип наследования престола, принятый в других европейских странах и в светских владениях самой Германии. Этому всячески противились германские князья, не желавшие укрепления власти императора, опасавшиеся как следствия ограничения своих властных прав. Императора Священной Римской империи выбирала коллегия из 8 (а с 1692 г. из 9) светских и церковных *курфюрстов* (буквально — «выбирающих князей»), которые в связи с процедурой выборов предъявляли императору особый документ — *«избирательную капитуляцию»*, оговаривавшую пределы его прерогатив.

Власть императора была слабой не только вследствие самого факта выборности главы Империи, но и потому, что была недостаточна сформирована общегерманская правовая система и отсутствовал сколько-нибудь развитой административно-бюрократический аппарат управления, который позволял бы проводить в жизнь волю императора. В сословно-совещательном органе — имперском рейхста-

ге, полностью доминировали курфюрсты и крупные князья, совершенно не заинтересованные в усилении центральной власти, что предопределяло неэффективность деятельности рейхстага. Резиденция императоров находилась в Вене — центре наследственных владений дома Габсбургов, которая так и не превратилась в общегерманский политический и культурный центр.

Императорская власть не обеспечивала политического единения германских земель. Реальная власть в Германии была сосредоточена на местах, в бесчисленных владениях светских и церковных государей, чья верность и подчиненность императору была лишь формальной. Современные историки сходятся во мнении, что Священная Римская империя, лишённая атрибутов подлинного государства, не являясь ни союзом князей, ни федерацией, представляла собой конгломерат множества территориально-государственных образований, на которые была расколота Германия.

Политические последствия Тридцатилетней войны. После долгих и трудных переговоров 24 октября 1648 г. в Вестфалии были подписаны мирные соглашения (*Вестфальский мир*): в Мюнстере между Империей и Францией и в Оснабрюке между Империей и Швецией. В религиозно-конфессиональном плане важнейшим итогом войны явилось провозглашение принципа, согласно которому на всех территориях Священной Римской империи, кроме личных владений императора (Австрии и Богемии) и баварского курфюрста, подданные могут исповедовать любую религию независимо от веры своего правителя. Однако в то же время в Австрии, Чехии и Баварии фактически было узаконено восстановление католицизма.

Швеция получила территории в северной Германии — Переднюю Померанию, о. Рюген на Балтике, порты Висмар и Штеттин, Бременское епископство, что и превратило шведских монархов в имперских князей. Значительная часть Эльзаса и часть Лотарингии отошли к Франции, вышедшей таким образом на берега Рейна. Территориальные изменения произошли и внутри Империи. Саксония получила область Лаузица, входившую прежде в состав Чехии, бранденбургский курфюрст — Нижнюю Померанию, а Бавария — Верхний Пфальц. Наибольшие потери понесли церковные католические властители, владения которых в западной Германии уменьшились почти вдвое.

Ослабление Империи и власти императоров было давней целью Франции. Теперь она добилась своего: признавались полная суверенность всех немецких территориальных правителей и имперских городов, а также их право заключать по своему усмотрению любые союзы, как между собой, внутри Империи, так и за ее пределами — с иностранными государями, хотя и оговаривалось, что такие союзы не должны быть направлены против императора. Впрочем, только действительно крупным имперским князьям удалось полностью сохранить свой реальный, а не номинальный суверенитет. Более мелкие

правители оказались на деле зависимыми от более сильных соседей или иностранных держав. Однако в целом установление Вестфальского мира, предоставившее князьям фактически полную самостоятельность во внутренней и внешней политике, привело к углублению государственно-политической раздробленности Германии.

Вторая половина XVII в. стала временем разгула самовластия князей, особенно во внешнеполитической сфере. Окончание Тридцатилетней войны не принесло мира Германии — она снова оказалась втянутой в войны, и некоторые из них происходили на германской территории. Основную угрозу Германии представляла экспансионистская политика Людовика XIV, стремившегося установить гегемонию Франции в Западной Европе. В русле этой политики Людовик XIV добивался захвата пограничных с Францией германских земель и подчинения своему влиянию Германии в целом. Он строил даже планы утвердиться на престоле Священной Римской империи. С этой целью Людовик XIV продолжал начатую кардиналом Ришелье политику подкупа германских князей, и некоторые из них в обмен на щедрые денежные субсидии короля с готовностью соглашались поддержать завоевательную политику Франции. Нашлись князья, которые открыто сотрудничали с французским королем, продавая ему десятки тысяч своих солдат. Были и такие вассалы (например, курфюрст Баварии), которые отказались от всякой помощи императору в его попытках воспрепятствовать захвату Людовиком XIV территории Эльзаса и Лотарингии, они запрещали войскам императора проход по своей территории и принуждали его признать присоединение части западногерманских областей к Франции. Все же перед лицом резко возросшей французской угрозы для германских земель рейхстаг в 1681 г. постановил создать постоянные военные отряды (численностью не менее 40 тыс. человек) для оказания поддержки армии императора при обороне территории Империи от французских войск.

Вестфальский мирный договор торжественно провозгласил, что в Империи устанавливается «общий и вечный христианский мир». Мир надеялись закрепить с помощью мер, которые позволили бы избежать новых религиозных конфликтов. Важнейшую из этих мер усматривали в усилении власти территориальных князей и ослаблении власти главы Империи, что и было закреплено в 8-й статье *Оснабрукского договора*. Кроме того, было установлено, что рейхстаг отныне не мог простым большинством голосов решать какие-либо религиозные вопросы. Если такие вопросы возникали, то католики и протестанты должны были обсуждать их порознь, и принятые решения вступали в силу, только если они согласовались между собой. Кальвинизм, наряду с лютеранством и католицизмом, был признан третьим официальным вероисповеданием, но прочие религии, а также различные секты не получали такого статуса.

Гарантами мира становились Франция и Швеция, к ним могли обращаться имперские сословия и правители, если считали свои права нарушенными. Все это превращало Священную Римскую империю из субъекта в объект европейской политики, а само это политическое образование — в призрачный фантом.

В действительности государственно-правовой характер Империи после войны трудно было определить. Видный немецкий юрист и историк *Самуэль Пуфендорф* (1632—1694) образно назвал Священную Римскую империю того времени «диковинным организмом, подобным монстру», имея в виду причудливое смешение в ней монархических, аристократических и других элементов.

По условиям Вестфальского мира, затронувшим политические структуры Империи, император утратил право принимать важные решения без согласия *рейхстага*, хотя в качестве правителя Австрии он имел возможность проводить любую политику. Имперский рейхстаг в Регенсбурге, как и раньше, состоял из *трех курий*: светских и церковных курфюрстов, князей и имперских городов-республик. Законодательная деятельность рейхстага оставалась удручающе мизерной, потому что законы могли быть приняты только при единодушном одобрении их всеми тремя куриями и императором, а этого почти никогда не удавалось достичь. Чтобы создать видимость интенсивной работы при скудости ее реальных результатов, рейхстаг в 1663 г. объявил себя постоянно действующим собранием (и оставался таким до 1806 г.), вследствие чего князья и император, перестав лично участвовать в его заседаниях, направляли в Регенсбург своих уполномоченных представителей. Более или менее успешно рейхстаг справлялся только с ролью миротворца, улаживая постоянно вспыхивавшие мелкие конфликты и свары между территориальными князьями.

Определенное влияние имела центральная имперская инстанция, обладавшая судебно-правовыми полномочиями. Заседавший в гессенском городе Вецлар *Высший имперский суд* разбирал не только дела о нарушении мира, но и особо сложные налоговые тяжбы и жалобы на персон, которые подлежали не местной, а непосредственно имперской юрисдикции. Незаинтересованные в существовании имперского суда местные правители стремились всячески уклониться от финансирования его работы или выделяли столь жалкие суммы, что они напоминали не взносы, а скорее подачки. Суд не мог увеличить свой персонал, вследствие чего развелась такая бюрократическая волокита, что к середине XVIII в. в подвалах суда скопилось до 60 тыс. так и не рассмотренных дел. Было трудно заставить кого-либо подчиниться решениям суда. Как верно писал С. Пуфендорф, «кто может положиться на свою силу, тому плевать на решения в Вецларе».

Проведение этих решений и имперских законов в жизнь входило в обязанности инстанций среднего звена — 10 *имперских окружных*

собраний, которые занимались местными финансами и военной организацией, боролись с преступностью. Более менее эффективно действовали они на юге Германии, где было множество мелких относительно автономных территорий и крохотных рыцарских владений. Так, Швабский округ состоял из 40 духовных, 68 светских владений и 40 имперских городов. В подобных случаях в тех районах, где политическая раздробленность грозила вызвать хаос, окружные собрания выполняли важные функции государственных органов.

Население и экономика Германии во второй половине XVII в.

Тридцатилетняя война опустошила различные районы Германии в неодинаковой степени. Многие области выглядели так, словно над ними пронесся смерч. Другие пострадали меньше, а некоторые так и не узнали, что такое война (например, габсбургские владения и район Зальцбурга). Война пощадила также Гольштейн и Ольденбург, а Гамбург, Бремен и Любек во время войны даже переживали экономический подъем.

Страшная полоса разрушений прошла по стране диагональю с юго-запада на северо-восток. В руинах лежали Мекленбург и Померания, Тюрингия и Пфальц, долина Мозеля и Вюртемберг. Были опустошены Бранденбург, Гессен, Франкония, Эльзас. Война губительно повлияла на демографическую ситуацию. К ее началу в Империи проживало около 17 млн человек, в 1648 г. — примерно 10 млн, или 60 % от довоенного уровня. Германия была отброшена к состоянию 1500 г. Огромная убыль населения являлась не только следствием потерь из-за военных действий. Еще более губительными оказались результаты неизбежных спутников войны — голода, болезней, эпидемий. Вместе со сравнительно небольшими армиями по полям сражений передвигались толпы людей — оружейники, кузнецы, сапожники, портные, маркитанты, жрицы любви. Так, армия Католической лиги насчитывала около 40 тыс. солдат, но вместе с ними шли еще 140—150 тыс. человек. Бежавшее от этой орды население разносило по стране эпидемии, особенно свирепыми были вспышки чумы в середине 1620-х и в начале 1630-х гг.

Плохие климатические условия — продолжавшееся в Европе похолодание — еще больше ухудшали положение. Неурожайные и голодные годы шли почти непрерывной чередой. Лишь спустя столетие численность населения Германии достигла довоенного уровня. Более благоприятным было положение в городах, под защиту стен которых стекались окрестные сельские жители, так что некоторые города за время войны даже выросли. Потоки миграции стали одним из главных факторов неравномерного расселения. Вербовщики территориальных князей настойчиво зазывали новых поселенцев в опустевшие районы, обещая им различные льготы и послабления. Тысячи людей из Швейцарии и Тироля перебрались в Баден, Вюртемберг и Эльзас. Впрочем, чаще эти переселения обуславливались не

экономическими, а религиозными причинами. Еще в начале войны десятки тысяч протестантов покинули рекатолизированные владения Габсбургов и осели в Саксонии и Франконии.

Конфессиональная миграция продолжалась и после войны. Мощным толчком к ней послужила отмена в 1685 г. во Франции Нантского эдикта, что вызвало отток из страны французских протестантов (гугенотов). Более 40 тыс. протестантов перебрались в Германию, в Гессен и Бранденбург-Пруссию. В 1700 г. треть населения Берлина составляли гугеноты.

Приютившими беглецов германскими правителями руководил среди прочих соображений трезвый материальный расчет. Согласно экономическим воззрениям той эпохи считалось, что чем больше население, тем богаче государство. Именно поэтому многие князья проводили целенаправленную переселенческую политику, а их агенты рыскали по соседним странам и обещали согласившимся перейти золотые горы и конечно свободу вероисповедания. Это касалось и евреев, которых с 1670-х гг. вновь стали беспрепятственно пускать в большинство германских государств.

Основным принципом меркантилизма, господствующего в экономической политике и экономической мысли XVII—XVIII вв., было убеждение в том, что активный торговый баланс увеличивает национальное богатство и наполняет государственную казну. И немецкие князья оказывали покровительство прежде всего отраслям ремесла, ориентированным на вывоз своей продукции в другие страны. Вопреки недовольству и даже сопротивлению традиционных цехов они выращивали и пестовали их конкурентов — мануфактуры. Особое внимание уделялось тем отраслям, крупнейшим потребителем продукции которых являлось само государство — оружейной, пороховой, суконной. Значительное распространение получило мануфактурное производство стекла, бумаги, посуды. Однако в целом во второй половине XVII в. ремесленно-мануфактурный сектор экономики все еще оставался второстепенным.

Свыше 80 % населения Германии проживало в деревнях и занималось сельским хозяйством, крайне разоренным за долгие годы войны. С одной стороны, деревни обезлюдели, поля десятилетиями оставались заброшенными и зарастали сорняками, почти не осталось тяглогового скота. В Вюртемберге после войны осталась десятая часть довоенного количества лошадей и быков. Крестьяне либо сами впрягались в плуг, либо вскапывали землю лопатами. С другой стороны, у низших слоев населения деревни появились шансы улучшить свое материальное положение. Однако первоначальные надежды крестьянства на лучшую жизнь после войны быстро улетучились. Сокращение населения и обработка только самых плодородных земель привели к перепроизводству аграрной продукции и резкому падению цен, сохранявшемуся до конца века. Таким образом, для большин-

ства населения и после войны продолжилась кризисная ситуация и общая хозяйственная неустойчивость.

Аграрный строй. В XVI—XVII веках в Германии сложились два различных типа аграрных отношений. В областях, расположенных к западу от Эльбы дворяне-землевладельцы обычно не вели собственного хозяйства, а сдавали землю в краткосрочную или наследственную аренду и жили за счет ренты и различных сборов. Крестьяне в своей массе были здесь лично свободными. На северо-западе, где применялось так называемое «*мейерское право*», с конца XVI в. запрещалось увеличение крестьянских оброков и платежей и выселение арендаторов. С XVII века арендаторы могли передавать свой участок только одному наследнику, что обеспечивало сохранение определенного количества крестьянских хозяйств. Крестьянские сыновья, не имевшие права на наследство, становились батраками, сезонными рабочими, сельскими кустарями или уходили в поисках счастья в города.

Отличались друг от друга аграрные отношения в западной, юго-западной и средней Германии, а также в Баварии, где повинности крестьян были наибольшими. Хотя платежи и повинности ложились на крестьянство тяжелым бременем, они были точно зафиксированы, и произвольно повышать их запрещалось. Крестьяне обладали большей свободой в распоряжении землей: могли продавать ее и делить между несколькими наследниками, что приводило к распространению карликовых хозяйств. Повинности, связанные с личной зависимостью крестьян, не имели большого значения. На территории всей западной Германии преобладал тип аграрных отношений, сходный с французским сеньориальным строем, и характеризовавшийся прежде всего поземельной зависимостью крестьян.

Иной характер имели аграрные отношения в областях к востоку от Эльбы — в Бранденбурге, Мекленбурге, Померании, Гольштейне, Пруссии. Здесь уже в XVI в. дворяне-землевладельцы, сосредоточив в своих руках судебную и полицейскую власть, использовали ее для ограничения личной свободы крестьян и их хозяйственного подчинения.

Крестьян прикрепляли к земле, объявляли «наследственными подданными» своего господина, обязанными обрабатывать его землю, используя свой тягловый скот и инвентарь. Кроме выполнения сезонных барщинных работ, им приходилось вносить натуральный оброк, денежные платежи и государственные налоги. В целом на это уходило около 1/3 валового дохода крестьянина. Самые большие платежи, значительно превышавшие арендную плату за королевские земли, вносило крестьянство в дворянских поместьях Восточной Пруссии. Лишь восточногерманские крестьяне сохранили (еще со времен *Немецкого ордена*) право наследственного владения землей. Эти крестьяне облагались небольшим налогом. В восточной Германии распространились и стали господствовать крупные дворянские

хозяйства, основанные на крепостном труде и специализировавшиеся на производстве зерна. В числе причин становления таких хозяйств — всегда ощущавшаяся здесь нехватка рабочих рук, которая стала особенно острой в связи с опустошительными последствиями Тридцатилетней войны. Другим фактором, вызвавшим распространение такого типа хозяйств и их специализацию, явился постоянный спрос на хлеб в ряде стран Западной Европы. Это обусловило отличительную черту крупных барщинно-поместных хозяйств — их товарный характер и ориентацию на рынок.

Формирование системы крупного землевладения было связано с практикой вытеснения маломощных крестьян с земли и присоединения их участков к господской пашне. Однако и лишенные своих наделов крестьяне не могли покидать поместья: они превращались в крепостных батраков, занятых главным образом на сезонных работах. Закрепление личной зависимости крестьян и увеличение барщины вызывали сопротивление сельского населения. Крестьяне добивались письменной фиксации повинностей, чтобы ограничить произвол дворян-землевладельцев. Распространенной формой протеста крестьян был также отказ выходить на незаконные, с их точки зрения, работы.

Становление абсолютизма. С XVI века в развитых европейских государствах усилилась тенденция к утверждению абсолютной монархии, или *абсолютизма*. В Германии Габсбурги не раз пытались добиться установления императорской власти такого типа, но эти планы окончательно рухнули после заключения Вестфальского мира. Особенность Германии заключалась в том, что абсолютистская форма правления утвердилась не на уровне центральной власти, как это было в большинстве стран Европы, а в отдельных территориальных государствах, входивших в Империю.

Установление абсолютизма в Священной Римской империи протекало очень сложно и противоречиво. Далеко не везде правителям удалось ликвидировать право участия в управлении земельных сословий, представленных в *ландтагах* (дворянства, духовенства, кое-где — горожан и даже крестьян). Особенно упорно ландтаги отстаивали свое право участия в бюджетно-налоговой политике, поскольку так они могли оказывать влияние на деятельность правителя. После войны это право стало главным препятствием для создания князьями постоянной армии, требующей больших расходов. По традиции после окончания войны армию распускали, и страна избавлялась от бремени ее содержания. Теперь же из соображений безопасности и престижа большинство князей стремились оставить некоторое количество солдат и в мирное время, что и стало источником основных конфликтов между правителями и сословиями. Однако в 1654 г. князьям удалось провести в рейхстаге закон, по которому земельные ландтаги были обязаны утверждать необходимые расходы на строительство крепостей и содержание их гарнизонов. Закон означал ре-

шительный шаг на пути создания постоянной армии, комплектуемой на наемной основе. Князья так упорно стремились обзавестись постоянной армией потому, что она становилась главным и наиболее действенным инструментом их власти. Имея армию, правители могли игнорировать решения ландтагов по всем вопросам. В повседневной практике управления князья опирались уже не на традиционные *Тайные советы* из представителей наиболее знатных родов, а на *Кабинеты*, состоявшие из секретарей различных департаментов. Эти чиновники, которых в определенном смысле можно называть министрами, образовывали правительство. Все нити управления правительством находились в руках только одного лица — *абсолютного монарха*.

Тенденция установления абсолютизма была, однако, только одной стороной этого явления. С другой стороны, оттеснение сословий на второй план и кабинетная система правления позволяли проводить целенаправленную политику реформ, которая была невозможна там, где по-прежнему доминировали сословия с их различными и зачастую противоположными интересами. Сословия защищали прежде всего свои традиционные особые права и привилегии, насаждая партикуляризм.

Успешнее и дальше других немецких государств по пути ограничения сословного влияния и реформ продвинулся Бранденбург-Пруссия. Но даже здесь государству не удалось окончательно сломить власть сословий во всех сферах. Если правящая династия Гогенцоллернов смогла довольно легко осуществить это в Бранденбурге, то в их владениях на востоке (в герцогстве Пруссия) и на западе (в графствах Клеве и Марк) этот процесс протекал гораздо медленнее, в частности в Пруссии встретил ожесточенное сопротивление дворянства.

Власть монархов усилилась в разной степени на разных территориях: Мекленбург, например, вообще представлял собой своеобразную дворянскую республику, где власть избираемых герцогов оставалась, по существу, номинальной.

Придворное общество. С эпохой абсолютизма неразрывно связан расцвет общеевропейского феномена — придворного общества. В нем воплотилось стремление государя привлечь к своему двору ранее независимых дворян, чтобы превратить их в служителей государства, олицетворяемого фигурой монарха.

В Германии придворное общество существовало в светских и духовных, католических и протестантских государствах. Образцом для подражания, формировавшим стиль, вкусы и структуру такого общества, чаще всего являлся *двор Людовика XIV*, хотя у многих немецких правителей сохранились и собственные традиции особого церемониала. Некоторые князья подражали венскому императорскому двору, который отличался подчеркнутым неприятием французской модели. Наконец, кое-кто из правителей, например, прусский король

Фридрих Вильгельм I (правил с 1713 г.), вообще не желали тратить на содержание придворного общества и запрещали всяческие церемониалы.

Характерным элементом нового придворного общества стали княжеские резиденции. Многие князья покинули ставшие тесными прежние городские замки и начали возводить (по образцу Версаля) пышные дворцовые ансамбли в стиле барокко за пределами городов. Особенно выделялись резиденции в Мангейме, Карлсруэ, Людвигсбурге. Определяющей чертой городов-резиденций была их строгая геометрическая планировка, подчеркивающая единовластие монарха посредством пространственной символики. Это выражалось в том, что при создании дворцов и парков выделялся центр всей композиции, от которого лучами расходились коридоры и анфилады в зданиях, аллеи в парках. При украшении дворцов и парков фонтанами, скульптурами и картинами широко использовались аллегорические образы, прославляющие деяния и добродетели монархов. Лучше всего для этой цели подходили персонажи греко-римской мифологии.

Разумеется, функция дворов состояла не только в эстетическом возвышении власти. После Тридцатилетней войны придворное общество превратилось в центр политической жизни и стало к тому же значительным экономическим фактором. В резиденциях постоянно возрастало число не только придворных кавалеров и дам, но и обслуживающих лиц. В начале XVIII в. крупнейшие дворы Вены и Мюнхена насчитывали (каждый) до 2 тыс. человек, дрезденский двор — около 500. От светских правителей не отставали и духовные, дворы которых состояли из 200—300 человек. Придворное общество было не только крупнейшим потребителем многих видов продукции, особенно предметов роскоши и художественных промыслов, оно было и ненасытным пожирателем государственных доходов. В конце XVII в. в Мюнхене на содержание двора уходило более 50 % баварского бюджета. В других государствах расходы были скромнее, но все равно колебались в пределах 20—30 % бюджета. От этого выигрывало и торгово-ремесленное население резиденций, в то время как многие города, покинутые монархами и их дворами, стали быстро увядать.

Наконец, дворы и находящиеся при них центральные государственные органы стали своего рода трамплином для способных и образованных людей недворянского происхождения, особенно для юристов, быстро поднимавшихся по социальной лестнице. В то время как дворянство пражигало жизнь в калейдоскопе балов, охоты, застолий, амурных приключений, княжеские кабинеты становились все более профессиональными, а должности в них занимало все больше выходцев из бюргерства.

Бранденбургско-Прусское государство. После Тридцатилетней войны среди германских государств неуклонно возрастало значение

Бранденбурга-Пруссии. Расположенное между реками Эльбой и Одером курфюршество Бранденбург принадлежало династии Гогенцоллернов. Начиная с 1618 г. они по наследству владели и герцогством Пруссия, вассально зависимым от Польши. По окончании войны Бранденбург усилился, хотя в ее ходе был страшно опустошен. Бранденбургский курфюрст *Фридрих Вильгельм*, правивший в 1640—1688 гг., при заключении Вестфальского мира сумел приобрести новые территории: Магдебургское епископство, Восточную и Нижнюю Померанию — выгодный выход к Балтике, и небольшие владения в Западной Германии — на реках Везере и Рейне (на большом отдалении от Бранденбурга). Отныне главные торговые речные пути из Центральной Европы и Южной Германии к Северному и Балтийскому морям шли через территорию бранденбургских правителей, что способствовало экономическому развитию их владений. Ловкий политик Фридрих Вильгельм всегда следовал своему жизненному кредо: «Никакой союз не должен сохраняться, если он достиг своей цели, и никакой договор не обязательно соблюдать вечно». Вступив в шведско-польскую войну на стороне Швеции, курфюрст добился в 1660 г. освобождения Пруссии от ленной зависимости, а затем перешел на сторону Польши, чтобы получить подтверждение от нее своего суверенитета в Пруссии. В 1670-е гг. он не раз менял союзников в войне между Францией и Голландией. В конце концов, Людовик XIV отомстил своему неверному союзнику (которому он выплачивал огромную субсидию), подтолкнув Швецию к вторжению в Бранденбург. В 1675 г. шведские войска выступили из Померании и заняли часть владений Бранденбурга, однако в *сражении при Ферберлине* в июне 1675 г. небольшая прусская армия численностью в 8 тыс. человек разбила превосходящие силы шведских войск. Эта победа привела к небывалому взлету международного престижа Бранденбурга-Пруссии, а Фридриху Вильгельму принесла славу и звание Великого курфюрста, ставшего фактическим основателем новой державы. Именно он заложил основы прусского милитаризма. В конце правления Фридриха Вильгельма 38-тысячная армия, составлявшая 3 % населения, поглощала половину всех расходов государства. Курфюрст провел радикальную реформу всей военной системы. Рекрутирование стало осуществляться на «свободном рынке» в землях курфюрста от его имени. Полки комплектовались из солдат, завербованных в разных провинциях, что нанесло сильный удар по «регионализму». Унификации армии способствовало создание учреждения, выполнявшего функции *генерального штаба*, и назначение *генерального военного комиссара*, ведавшего интендантскими делами. Превращению армии в профессиональную содействовали открытие офицерских школ и введение строгой регламентации службы.

Как постоянная армия, так и созданный курфюрстом небольшой флот оплачивались в значительной степени за счет средств, поступав-

ших из доменов государя, от пошлин, чеканки монет, прямых и косвенных налогов, а также от военных сборов.

Забываясь о хозяйственном развитии своих владений, Фридрих Вильгельм всячески привлекал в страну иммигрантов — гугенотов, лютеран, кальвинистов и евреев. В 1685 г., сразу после отмены Нантского эдикта, курфюрст издал *Потсдамский эдикт* о веротерпимости, обещавший переселенцам различные льготы и привилегии. Спасаясь от религиозных преследований, в Бранденбург переселилось около 20 тыс. гугенотов из Франции, 6 тыс. протестантов из испанских Нидерландов, 2 тыс. из Богемии и 4 тыс. из Швейцарии, много лютеран и кальвинистов из католических княжеств Германии, а также католиков и евреев. В своем большинстве иммигранты были состоятельными торговцами и умелыми ремесленниками и во многом способствовали промышленному развитию страны. Они наладили производство зеркал, часов, бархата, оружия, благодаря им оживилось стекольное, кожевенное и железоделательное производство. Созданные переселенцами многочисленные мануфактуры (в частности, шерстяные, полотняные и бумажные) находились под личной опекой курфюрста, полагавшего, что «промышленность и торговля суть главные опоры государства». В это время был сооружен канал Фридриха Вильгельма, соединивший Эльбу с Одером.

Однако недостаток свободной рабочей силы сдерживал дальнейший рост промышленности Бранденбурга. Личная зависимость крестьян, ограничивавшая приток сельского населения в города, оставалась в силе. Более того, в интересах дворянства в 1653 г. было окончательно узаконено «наследственное подданство» — крепостная зависимость крестьян, и санкционирована власть над ними дворян — владельцев поместий.

Главным достижением Великого курфюрста стало создание из слабо связанных и разрозненных территорий достаточно сплоченного государства с четко работающим административным аппаратом. При Фридрихе Вильгельме сложилась абсолютистская система правления. Для того чтобы преодолеть сопротивление сословий, особенно сильное в Пруссии, курфюрст ввел систему косвенных налогов (*акцизов*) и даже казнил главу кенигсбергской оппозиции, полковника Калькштейна, но добился своего. Введение акцизов и повышение прямых налогов в деревнях увеличило доходы государства с 500 тыс. до 2 млн талеров. Постоянная армия не только усилила позиции Бранденбурга-Пруссии в Европе, но и сыграла роль объединяющего фактора для далеко отстоявших друг от друга земель. Возникли предпосылки для формирования служилого дворянства, которое должно было стать опорой власти абсолютного монарха. Именно при Фридрихе Вильгельме наметились основные линии политики династии Гогенцоллернов.

МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ

Монархия Габсбургов к началу Нового времени. Процесс становления монархии австрийских Габсбургов начался еще в XIII в., однако важнейшие события истории правящей династии пришлось именно на раннее Новое время, когда Дунайская монархия превратилась в одну из великих европейских держав.

Новое государство не только возникло как династическое образование, но и продолжало существовать как таковое на протяжении долгих веков. Территория монархии Габсбургов в целом состояла из трех основных частей. Во-первых, «наследственные земли», полученные Габсбургами еще в конце XIII в. — Верхняя и Нижняя Австрия, Штирия и Крайна, к которым в XIV в. добавились Каринтия, Тироль, Триест и некоторые другие приобретения. Во-вторых, так называемые земли «короны св. Вацлава» — Богемия, Моравия и Силезия, приобретенные в XVI в. и век спустя потерявшие всякую самостоятельность. В-третьих, земли венгерской «короны св. Иштвана», включавшие не только собственно Венгрию, но и Хорватию, Трансильванию и ряд территорий в Польше, по течению Дуная, на Балканах и в Закарпатье. Венгерские земли на протяжении полутора веков стали предметом ожесточенной борьбы между Габсбургами и Османской империей.

В результате всех приобретений династии на карте Европы появилось единственное в своем роде государственное образование, которое нельзя было отнести ни к одному из традиционно выделяемых крупных европейских регионов: оно находилось на стыке нескольких из них — Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Помимо вытекавшего из этого обстоятельства вовлечения Габсбургов в международные проблемы этих регионов, другим следствием образования монархии было значительное увеличение этнической, культурной и социальной разнородности населения и утрата изначально германского характера страны.

Главной проблемой нового государства стала внутренняя консолидация, поскольку монархия Габсбургов представляла собой пестрое «собрание корон» не только в правовом отношении, но и с точки зрения самостоятельности составлявших ее частей и настроений населения, ощущавшего приверженность в первую очередь к своей исторической территории. Свидетельством прочности подобных тра-

диционных структур стал тот факт, что в монархии Габсбургов так и не удалось осуществить разделение на обычные для других европейских государств административные единицы, хотя и было несколько попыток, оказавшихся неудачными.

Вплоть до своего конца монархия Габсбургов состояла из когда-то ставших ее основой исторических «коронных земель», к которым причисляли все подвластные династии территории, кроме областей «короны св. Иштвана», сохранивших еще бóльшую степень самостоятельности.

Другим препятствием укрепления внутреннего единства стал тот факт, что интересы династии Габсбургов далеко не ограничивались потребностями их австрийских земель. Хотя с получения на рубеже XV—XVI вв. Испании произошло разделение на «испанских» и «германских» Габсбургов, все же сохранилось представление о единстве династии, и на европейском уровне Габсбурги выступали единым фронтом. Однако Габсбурги выступали и в качестве императоров Священной Римской империи, фактически с середины XV в. закрепив за собой императорский престол. Таким образом, европейские интересы, с одной стороны, имперская германская политика — с другой, мешали превращению монархии Габсбургов в некую государственную целостность. Показательно то, что уже существующая на политической карте новая страна вплоть до начала XIX в. не имела даже собственного названия. На внешней арене монархия фигурировала как «Австрия», однако для внутреннего пользования обозначение всего государства лишь по наименованию его альпийских провинций было некорректным и не приемлемым. По сути, единственным юридически точным обозначением всех владений Габсбургов стала появившаяся в начале XVIII в. формула *«земли, находящиеся во владении дома Австрии (т.е. дома Габсбургов)»*, либо чаще используемое в обиходе, *«монархия Габсбургов»*.

Важнейшим этапом в становлении нового государства стала Тридцатилетняя война 1618—1648 гг., в результате которой, с одной стороны, была разрушена солидарность «австрийской» и «испанской» ветвей Габсбургов и, с другой, существенно ослабела власть императора Священной Римской империи. Все это привело к тому, что, во многом потеряв свои прежние европейские и германские позиции, Габсбурги все внимание сосредоточили на своих австрийских владениях. Этому способствовал и еще один результат Тридцатилетней войны — потеря Богемией остатков государственности, в частности местные сословия утратили право избирать королей, за исключением маловероятного случая вымирания Габсбургов как по мужской, так и по женской линии.

Эпоха Леопольда I (1658—1705). В первую очередь требовалось решить самые насущные проблемы: сплотить разнородное государство политически и конфессионально, а также обезопасить

страну от самой близкой и опасной угрозы — турецкой. Во многом эти задачи были решены в правление *Леопольда I* (император Священной Римской империи с 1658 по 1705 г.) — одно из самых долгих и успешных в истории габсбургской династии. При нем было навсегда покончено с полуторавековой османской угрозой, более того, *Карловицкий мир 1699 г.*, закончивший австро-турецкую войну 1683—1699 гг., обеспечил Габсбургам владение всей территорией Венгрии и Трансильвании. Тем самым процесс складывания территориальной основы Австрийской монархии, начатый в 1520-е г., был в основном завершен.

Во внутренней политике важным достижением стала консолидация династии Габсбургов. При огромной важности Габсбургов как главной связующей нити для их разнородных владений, большим успехом было прекращение деления австрийской ветви династии на более мелкие линии (после 1665 г. деление на линии было прекращено). Главным же в правлении Леопольда I были *Контрреформация* и *абсолютизм*, часто дополнявшие друг друга. Например, власть сословно-представительных органов в отдельных землях ослабела не только в результате административных мероприятий, но и потому, что сословия, значительная часть которых была протестантской, подверглись разгрому со стороны Контрреформации. Особенно это сказалось на Венгрии.

Габсбурги принесли Венгрии не только освобождение от турецкого владычества, но и Контрреформацию, а также попытки в кратчайший срок включить венгерские государственные структуры в австрийские, в частности соединить венгерскую армию с австрийской. Болезненно воспринимался венграми отказ Габсбургов воссоединить с Венгрией Трансильванию — некогда часть средневекового Венгерского королевства, превращенную турками в свое вассальное княжество. Значительная часть населения выступала с протестами против подобной политики, однако с другой стороны Габсбурги нашли и некоторую поддержку. В результате возникло сыгравшее большую роль в венгерской истории противостояние так называемых *куруцев* («крестоносцев»), т. е. противников Габсбургов, и *лабанцев* («пеших воинов»), их сторонников. В 1660—1680-е гг. особенного успеха достигли повстанцы во главе с *Имре Тёкёли*, которому на короткое время удалось даже создать нечто вроде автономного венгерского государства под протекторатом Турции.

Сломив сопротивление венгров с помощью военной силы, Габсбурги смогли закрепить результаты своей победы на *Пожонском государственном собрании 1687—1688 гг.* Согласно решениям собрания, венгерские сословия, как и богемские за 60 лет до них, отказывались в пользу Габсбургов от своего права выбирать короля. Вместе с тем Венгрия сохранила беспрецедентный в монархии Габсбургов объем прав и свобод. Для любых королевских законов санкция Государственного собрания была фактически необходимой, со-

брание свободно избирало наместника Венгрии, так называемого *палатина*, вотивовало налоги, разрешало рекрутов и т. д.

Государственно-правовое развитие монархии Габсбургов. В государственно-правовом отношении различные земли монархии Габсбургов были связаны главным образом личной унией, персоной общего монарха. Габсбурги правили как короли Венгрии, эрцгерцоги Австрии, герцоги Зальцбурга, маркграфы Моравии и т. д. Однако всегда присутствовали и элементы так называемой *реальной унии*, т. е. общих государственных функций и органов центральной власти. Компетенции и действенность подобных общих институтов в разные периоды австрийской истории и в различных землях могли существенно меняться. В XVII — начале XVIII в. такими центральными органами были: *Тайный совет* — высший совещательный орган при персоне монарха, который затем фактически сменила *Тайная конференция*; *Придворная канцелярия*, которая являлась высшим административным органом и подразделялась на секции, ведавшие военными и внешними делами и отвечавшие за внутреннюю администрацию и суд. Кроме того, существовали *специальные Придворные канцелярии* по управлению отдельными областями монархии — в первую очередь Венгерская, Богемская и Трансильванская. Помимо обычного и для других стран этого времени переплетения функций различных органов, ситуация в монархии Габсбургов осложнялась наличием *Имперской канцелярии* и других имперских органов, компетенции которых конкурировали с австрийскими. На местах важную, но неуклонно сокращавшуюся роль в административных и судебных делах играли сословно-представительные органы — *ландтаги* в «наследственных землях», *сабор* в Хорватии, Государственное собрание в Венгрии и т. д.

В этих условиях в роли фактически единственного «общего знаменателя» для разнородных земель Габсбургов выступала сама их династия, по-прежнему делившаяся на испанскую и австрийскую ветви. Именно поэтому одним из самых важных событий в австрийской истории стала *война за испанское наследство* (1701 — 1714), в ходе которой пресекалась старая испанская ветвь. Результатом стал окончательный и бесповоротный возврат Габсбургов к своим альпийским и дунайским владениям. С точки зрения дальнейшего становления монархии Габсбургов это имело тем большее значение, что практически тогда же, в период с конца XVII в. и до середины второго десятилетия XVIII в. был сделан решающий шаг и к интеграции самой проблемной части Дунайской монархии — Венгрии.

Венгрия в конце XVII — начале XVIII в. Несмотря на решения Пожоньского Государственного собрания подлинного примирения с венгерскими сословиями Габсбургам добиться так и не удалось. Продолжавшиеся насилия и религиозные преследования в итоге привели к самому масштабному выступлению против Габсбургов — *освободительной войне 1703 — 1711 гг.* Борьбу возглавил *Ференц Ра-*

коци II (1676—1735), потомок трансильванских князей — борцов за независимость Венгрии, одна из самых известных фигур венгерской истории. Успехам в борьбе против Габсбургов способствовала не только слава имени его предков, но и огромные личные богатства, позволявшие вооружить целую армию (семье Ракоци принадлежала приблизительно 1/8 часть территории современной Венгрии). К тому же князь умело воспользовался внешнеполитическими обстоятельствами, а именно занятостью Габсбургов в войне за Испанское наследство. Ференц Ракоци вошел в контакт с Людовиком XIV и получал от него периодические субсидии; в 1707 г. произошло сближение с Россией, вызванное тем, что Петр I надеялся противопоставить Ракоци в качестве короля Польши шведскому ставленнику. Ракоци овладел большей частью Венгрии, а поскольку он с 1704 г. был избран еще и князем Трансильвании, то на какое-то время оба венгерских государства оказались фактически в одних руках. Успех Ракоци во многом был связан с тем, что он сумел обеспечить своему движению массовую поддержку, по сути пообещав присоединявшимся к нему крестьянам освобождение от крепостной зависимости. Высшей точкой восстания стало решение Государственного собрания в 1707 г. о низложении Габсбургов с венгерского трона. Однако вскоре успехи Габсбургов в войне за Испанское наследство позволили им направить на подавление восстания более значительные силы, а кроме того все возрастали внутренние противоречия между дворянскими и крестьянскими сторонниками Ракоци. Уже в 1708 г. императорские войска нанесли тяжелое поражение полукрестьянской армии Ракоци. Тем не менее борьба продолжалась еще три года и закончилась подписанием в 1711 г. *Сатмарского мира*.

Значение этого мира трудно переоценить. Впервые с XVI в. было достигнуто относительное единство Венгрии, хотя это единство и было куплено ценой безоговорочного признания господства Габсбургов. Решение об их низложении аннулировалось, по сути вновь принимались принципы, провозглашенные Пожоньским собранием 1687 г. Габсбургам удалось заморить Венгрию путем великодушного обращения с побежденными куруцами, но главное — с помощью признания особого статуса Венгрии. В отличие от всех других земель Дунайской монархии в Венгрии сохранялась не просто административная автономия, но и неписаная *венгерская «конституция»*. Однако, идя на уступки венгерским сословиям, Габсбурги одновременно способствовали консервации сословного строя, что в будущем во многом обусловило трудности с реализацией в стране разного рода реформ. Ряд современных историков считают, что, признав права только что побежденных сословий, Габсбурги упустили уникальный шанс добиться подлинной интеграции Венгрии, а вместе с ней и всей монархии. Вплоть до 1918 г. Венгрия упорно отстаивала свое особое положение и тем самым сводила на нет любые планы по консолидации государства Габсбургов.

Государственно-правовой статус Венгрии, основывавшийся на решениях Государственных собраний, договорах с Габсбургами и венгерской «конституции», выглядел следующим образом. В компетенции короля находилась исполнительная власть, но принимать законы он мог только вместе с сословным органом — Государственным собранием. Государственное собрание состояло из двух палат — палаты магнатов и палаты средних и мелких дворян, а также представителей городов. Особенностью венгерского государственного права было то, что важные законопроекты предлагала нижняя палата. Местными территориальными единицами являлись так называемые *комитаты* — 52 исторические области с широкой сферой самоуправления и собственным судом. Администрация комитата выбиралась на местном дворянском собрании, заседания которого, однако, проводились в присутствии крестьян. Управление из Вены осуществлялось с помощью специальной *Венгерской канцелярии*.

Хорватия и Трансильвания, входившие в состав земель венгерской короны, пользовались автономными правами. В Хорватии во главе правительства стоял назначаемый из местной знати *бан*, который подчинялся венгерскому Государственному собранию и Венгерской канцелярии в Вене. Статус Трансильвании, автономной даже при турках, был существенно выше. Здесь существовало свое особое Государственное собрание, которое состояло из представителей трех так называемых «наций» — *венгров*, потомков немецких переселенцев *саксов*, а также *секеев* — близкого венграм народа, происхождение которого до конца не ясно. Православные румыны считались «терпимой нацией» и в управлении страной никак не участвовали. С 1691 г., когда Леопольд I специальным дипломом подтвердил старые свободы трансильванских наций, и вплоть до 1867 г. Трансильвания располагала автономией под властью Вены и была частью Венгрии лишь формально.

На особом положении было и население так называемой *Военной границы*. Считая свою борьбу с миром «неверных» непрерывной, турки не ограничивались полномасштабными войнами. Промежутки между ними были заполнены нападениями на южные границы монархии, для обороны от которых уже с XVI в. стала создаваться Военная граница. Она представляла собой поселения «*граничар*» — по преимуществу беженцев из Сербии, объединенных в военно-аграрные общины — «*задруги*», и обладавших рядом льгот. Наиболее важное значение имел хорватский участок Военной границы, из-за административного подчинения которого периодически возникали трения между хорватами и Веной, однако Габсбурги сохранили прямой контроль над Военной границей вплоть до последней трети XIX в.

Экономическое развитие монархии Габсбургов во второй половине XVII — начале XVIII в. Необычайная внутренняя неоднородность монархии Габсбургов предопределила и главную характерную черту ее экономики — крайнюю неравномерность уровня и ха-

рактера развития отдельных областей. В XVII в. Дунайская монархия была типичной аграрной страной с отдельными промышленными вкраплениями в альпийских землях, Богемии, Силезии и северо-восточной Венгрии. Фактором, сильно тормозившим экономическое развитие, были войны — в первую очередь Тридцатилетняя война, от которой особенно пострадали как раз наиболее развитые в экономическом отношении земли.

Финансовая система также была далека от единообразия. Самый тяжелый налоговый гнет испытывала Богемия, поскольку потерявшие самостоятельность сословия уже не могли оказать короне достойного сопротивления. Иной была ситуация в Венгрии. Здесь сословия не только сопротивлялись росту налогов, но и настаивали на том, чтобы собранные в Венгрии налоги в ней же и расходовались. Финансовая стабильность монархии Габсбургов окончательно была подорвана войнами с турками и французами на рубеже веков. Попытки оздоровить финансовую систему традиционными средствами — с помощью займов, отдачи на откуп имущества и доходов казны — приводили к непомерному возрастанию силы и влияния откупщиков, управлявших финансами страны, как своими собственными. Злоупотребления одного из них привели в 1703 г. к государственному банкротству.

Сельское хозяйство развивалось умеренными темпами. Происходили некоторые изменения в сельскохозяйственных технологиях, вместо чистого пара в трехполье стали занимать посевы кормов. Появились некоторые новые культуры, например, табак. С другой стороны, некогда развитое виноградарство переживало упадок. Виноградники все чаще превращались в пашни в связи с изменением климата и слабой конкурентоспособностью австрийского вина. Однако в целом сельское хозяйство оставалось традиционным еще и потому, что фактически никак не поощрялось со стороны государства.

Развитие промышленности, наоборот, было в центре внимания Леопольда I и его преемников. *Меркантилизм*, который Габсбурги стали внедрять по французскому примеру, появился здесь с запозданием и никогда не был столь успешным, как, например, в Пруссии. Наиболее развитыми отраслями традиционно оставались металлургия и металлообработка, по которым монархия Габсбургов продолжала занимать одно из ведущих мест в Европе, а также добыча соли и текстильное производство в Богемии и Силезии. Политика меркантилизма способствовала развитию этих отраслей, однако обозначилось отставание Дунайской монархии от передовых европейских стран.

Развитие внешней торговли в первую очередь диктовалось географическим положением монархии Габсбургов. Удаленное от Атлантики государство не могло проявлять колониальной активности; напротив, близость Османской империи стала исходным пунктом для попыток наладить торговлю со странами Востока. Однако первая попытка такого рода — создание в 1667 г. *первой Восточной компании* для торговли с Турцией — оказалась неудачной из-за австро-турецких

войн. Основанная же в начале XVIII в. *вторая Восточная компания* свернула свои операции, не выдержав конкуренции с Венецией.

Демографическое и социальное развитие. Демографическое развитие монархии Габсбургов имело свою специфику, связанную с окраинным, пограничным положением габсбургских земель на юго-востоке Европы. Близость средиземноморского региона, и особенно Османской империи, из которых на Европу распространилась не одна эпидемия, приводила к тому, что практически каждая из этих эпидемий задевала монархию Габсбургов особенно сильно и в первую очередь. Например, чума 1679 г. принесла больше жертв, чем иная война с Турцией. В этих условиях Австрия выполняла не только свою миссию щита Европы против турецкой агрессии, но и служила ее санитарным кордоном — Военная граница, простиравшаяся к середине XVIII в. на все 1750 км южной границы монархии Габсбургов действовала в качестве так называемого «чумного фронта», стремясь предотвратить распространение эпидемий.

Другое бедствие эпохи — почти не прекращающиеся войны — в Дунайской монархии также имело свои особенности, которые были связаны не только с ее вовлеченностью в конфликты как на западе, так и на востоке, но и со спецификой войн с Турцией. Каждый турецкий набег сопровождался огромными демографическими потерями не только из-за гибели людей, но и потому, что множество жителей — особенно женщин — попадало в турецкий плен.

Исчезновение турецкой угрозы на рубеже XVII — XVIII вв. привело к существенным сдвигам в структуре и динамике народонаселения. Прекратилось искусственное сдерживание роста городов, впервые за многие десятилетия города, в том числе и Вена, смогли выйти за пределы крепостных стен. Началось активное переселение во вновь освобожденные области Венгрии. В целом численность населения выросла более чем вдвое благодаря новым приобретениям: если в 1648 г. на территории в 300 тыс. км² проживало 6—7 млн человек, то в 1718 г. размеры монархии Габсбургов увеличились до 725 тыс. кв², а население — до 15 млн.

Главное место в социальной структуре монархии по-прежнему занимало *дворянство* — оно доминировало и экономически, и политически, хотя первым сословием формально считался клир. Однако и в церкви все высшие должности были в руках дворянства, а для того чтобы занять некоторые из них, претендентам приходилось доказывать наличие 16 поколений дворянских предков.

Дворянство, как и все другие социальные группы, было многонациональным и очень разнородным. На его вершине стояла аристократия — 300—400 княжеских и графских родов, основу которых составляло католическое дворянство «наследственных», т. е. немецких земель (Шварценберги, Виндишгрецы и др.), а также богемское дворянство (Кауницы, Коловраты) и некоторые венгерские магнаты (Эстерхази, Палффи). Европейское положение династии Габсбургов

привело к довольно широкому представительству в дворянстве иностранцев — прежде всего испанцев, итальянцев и выходцев из германских стран. Основную же массу «благородного сословия» составляло мелкое и среднее дворянство отдельных земель. Оно было весьма разным по национальному составу, удельному весу и политическому влиянию. Так, у владов дворянства не было вообще, а в Богемии его удельный вес был минимальным — 0,1 %. Немногим больше дворян насчитывалось и в наследственных землях — 0,2 %. На этом фоне ярко выделялось самое многочисленное венгерское дворянство — почти 5 % населения. Оно обладало очень развитым самосознанием (в том числе из-за постоянных войн с Габсбургами и турками) и было отлично организованным благодаря комитатской системе.

Развитие *буржуазии* — со всеми скидками на многозначность этого понятия в Раннее новое время — в монархии Габсбургов шло гораздо медленнее, чем в Западной Европе. Здесь также существовали большие внутренние различия. Успешнее буржуазия развивалась в наследственных землях и Богемии, в то время как Восток оставался почти совершенно аграрным. Например, в Венгрии функции буржуазии во многом взяло на себя среднее дворянство. Даже на очень пестром социально-культурном фоне монархии многонациональный состав буржуазии особенно бросался в глаза. Торговля была сосредоточена в руках национальных и религиозных меньшинств — греков, сербов, армян и евреев. Бóльшую часть цеховой верхушки составляли иностранные мастера, главным образом выходцы из германских государств — к 1740-м гг. их доля достигала 75 %. В этой связи некоторые исследователи даже говорят об «импортированной буржуазии».

Крестьяне составляли основную массу населения страны. Как и в случае с другими социальными группами региональные различия были очень велики. В некоторых альпийских провинциях, например, в Форальберге, крестьяне были лично свободны, а в Тироле даже участвовали в деятельности местного ландтага. Однако восточные области монархии Габсбургов стали одним из типичных примеров «второго издания крепостничества». Экономическая, правовая и личная зависимость крестьянина от феодала в течение XVII в. здесь неуклонно возрастала. Дворяне все чаще сами начинали заниматься своим хозяйством, в пределах поместья происходил постоянный рост так называемой доминикальной (господской) земли в ущерб крестьянской. Соответственно увеличивалась и барщина. В правовом отношении дворянские земельные владения уподоблялись своего рода маленьким государствам, крепостные так официально и назывались — «подданные», а дворянин осуществлял по отношению к ним судебные, административные и полицейские функции. Самым тяжелым было положение крестьян в Богемии и Венгрии с их почти неограниченной барщиной.

Внешняя политика монархии Габсбургов. К началу Раннего нового времени существовало два главных конфликта, две главные константы внешней политики Габсбургов — борьба с Францией и

Турцией, т.е. с так называемыми «наследственными врагами». Между ними существовала взаимосвязь, поскольку из европейских держав Османская империя в это время ориентировалась на Францию. Второстепенное, но со временем все более возрастающее значение имело германское направление внешней политики.

Борьба против турецкой угрозы. В ходе Тридцатилетней войны и в первое десятилетие после нее сохранялся мир с Турцией, заключенный в свое время для того, чтобы обеспечить тыл для борьбы на Западе. Однако в 1660-е гг. он был нарушен из-за обострения проблемы Трансильвании. Поводом к войне послужила борьба за трансильванский престол между ставленниками Габсбургов и Турции, в которой, по сути, речь шла о том, останется ли Трансильвания турецким сателлитом. Короткая австро-турецкая война началась турецким нападением в 1663 г., шла с переменным успехом и закончилась подписанием *Вашварского мира* в 1664 г. Несмотря на успехи в конце войны, по условиям мира Габсбурги неожиданно пошли на значительные уступки в связи с беспокойной обстановкой на Западе и волнениями в Венгрии. В частности, в Трансильвании оставался турецкий ставленник, а сам император обязывался сделать султану «подарки» на 200 тыс. гульденов.

Одним из важнейших событий австрийской истории и точкой отсчета победоносных войн с Турцией стала *осада турками Вены* в 1683 г., открывшая войну 1683—1697 гг. 12 сентября состоялась решающая битва, в которой турки потерпели сокрушительное поражение.

Осада Вены стала поворотным пунктом в истории османской угрозы Европе, после которого турки уже никогда всерьез ей не угрожали. Отныне они выступали в роли обороняющихся. Императорские войска перешли в стратегическое наступление, в ходе которого были достигнуты большие успехи — в 1686 г. взята венгерская столица Буда, а к 1691 г. освобождена Трансильвания. Тем самым Леопольд I положил конец полуторавековому владычеству турок в Венгрии. Более того, был достигнут огромный стратегический, политический и психологический успех — войска форсировали Дунай, т.е. вступили на турецкую территорию, и в 1688 г. впервые в истории противостояния с турками вошли в Белград — ворота Османской империи.

Все эти успехи стали возможными в том числе и благодаря благоприятным внешнеполитическим обстоятельствам. Во-первых, войны с турками во многом воспринимались как общеевропейское дело и как новый крестовый поход. В 1684 г. был создан антитурецкий союз, так называемая *«Священная лига»* в составе монархии Габсбургов, Польши и Венеции. Во-вторых, одним из главных условий успехов на востоке было спокойствие на Западе. В том же 1684 г. Габсбурги заключили перемирие с Францией, позволившее им бросить все свои силы против турок. И наоборот, неблагоприятный поворот в войне связан с возобновлением войны против Бурбонов: в 1690 г. турки нанесли контрудар и отвоевали свои земли южнее

Дуная, включая и Белград. Война все больше затягивалась, пока во главе австрийских войск не был поставлен человек, который сумел прекратить ее буквально одним ударом — *принц Евгений Савойский*.

Назначенный главнокомандующим, Евгений Савойский практически тут же разгромил турок *в битве при Зенте* (на реке Тиса) в сентябре 1697 г. Это была одна из самых блестящих побед в военной истории. Застигнув турецкую армию во главе с самим султаном при переправе через Тису, принц Евгений, вопреки всем существовавшим военным канонам атаковал турок прямо с марша, имея всего два часа до наступления темноты. В ходе сражения проявилась специфика войн с Турцией как чрезвычайно эмоционально заряженных, наполненных ненавистью и стремлением уничтожить врага. Несмотря на полную деморализацию турок, войска Евгения практически не брали пленных. Итог этой необычайно кровавой для своего времени битвы — 25 тыс. убитых турок против 430 у австрийцев. Турецкая военная мощь была сломлена, и в 1699 г. турки подписали *Карловицкий мирный договор*, по которому признали переход большей части Венгрии, включая Трансильванию, во владение Габсбургов.

Следующая австро-турецкая война (1716—1718), с одной стороны, была вызвана желанием турок возратить потерянное, но, с другой стороны, к войне стремились и Габсбурги, надеясь довершить присоединение Венгрии и рассчитывая получить на Востоке компенсацию за свой неуспех в войне за Испанское наследство. Принц Евгений одержал ряд блестящих побед и занял Белград. В 1718 г. был подписан *Пожаревацкий мир*, который окончательно отбросил турок за Дунай и обеспечил Габсбургам оставшуюся часть земель Венгерской короны — область Банат, а также некоторые территории в Валахии и Сербии.

Войны с Францией. Соперничество Габсбургов с Францией уходило своими корнями еще в Средние века, но во второй половине XVII в. оно возобновилось в новой ситуации, созданной Тридцатилетней войной. В отличие от войн с турками главными причинами здесь были не конфессиональная вражда и даже не столько спорные территории, сколько борьба с Францией за гегемонию в Европе.

Монархия Габсбургов далеко не сразу выступила против гегемонизма Франции. Однако все более четко обозначавшаяся угроза рейнским землям Империи, связь Франции с «заговором магнатов» в Венгрии и, наконец, вторжение французских войск в Лотарингию побудили Вену принять участие в Голландской войне 1672—1678 гг. в союзе с Англией, Голландией, Испанией и Бранденбургом. Война шла с переменным успехом и завершилась Нимвенгенским миром 1679 г., очень неблагоприятным для Габсбургов. Допустив передачу Бурбонам принадлежавшего испанским Габсбургам и входившего в состав Империи Франш-Конте, а также ряда приграничных городов и территорий и не сумев должным образом противостоять политике Людовика XIV, они не смогли выполнить ни своих династических, ни своих германских, ни своих европейских задач.

ШВЕЦИЯ. ДАНИЯ

17.1. Швеция

Швеция как великая держава. Предпосылки возвышения. В истории Швеции XVII век — это эпоха возвышения и величия: доселе провинциальное северное королевство вышло на авансцену европейской политики и превратилось в могущественную военную державу, с интересами которой не могли не считаться другие государства. Именно в XVII в. максимальных размеров достигла территория, подвластная шведской короне.

К началу 1660-х гг. ее владения кроме самой Швеции («округленной» за счет отвоеванных у Дании областей Сконе, Блекинге, Халланд и Бохуслен), Финляндии, к которой на востоке добавилась часть Карелии, включали также Ингерманландию (бывшая Ижорская земля на побережье Финского залива), Эстляндию (стала шведской еще в XVI в.), Лифляндию с богатой Ригой, часть так называемой Задней Померании со Штеттином в устье Одера и всю Переднюю Померию с о. Рюген, порт Висмар в Мекленбурге и бывшие епископства Верден и Бремен (кроме самого города Бремен). Все эти области различались по своему политическому и административному статусу, а их население было разнородно в этническом и языковом отношении¹. Не было и полного религиозного единообразия. Государственной религией Швеции являлось лютеранство, но, например, в Ингерманландии и Карелии проживало значительное число православных, которым официально была предоставлена свобода вероисповедания.

Предпосылки возвышения Швеции в период так называемого *великодержавия* (1611 — 1718 гг.) были таковы.

Во-первых, в начале XVII в. ослабели соседние державы: королевская власть в Дании и особенно в Речи Посполитой испытывала все большие трудности в мобилизации ресурсов и преодолении сопротивления аристократии; в германских государствах обострились внутренние противоречия, которые вскоре и привели к началу Тридцатилетней войны; Россия переживала тяжелейший кризис (Смута). Все это открыло дорогу шведской экспансии на Балтике.

---

¹ Точных данных о численности населения шведских владений в XVII в. нет. Первые относительно надежные сведения относятся к 1720-м гг. Тогда на территории Швеции и Финляндии проживало около 1,8 млн человек.

Во-вторых, на рубеже XVI—XVII вв. в Швеции, прежде всего благодаря голландским иммигрантам (предпринимателям и инженерам), произошли важные изменения в организации горного дела, что обусловило рост доходов от экспорта металлов и развитие оружейного производства. Швеция стала крупнейшим в Европе экспортером железа и заметным — меди, хотя с середины столетия производство этого металла стало падать. Прогресс в горно-металлургической отрасли позволил также наладить выпуск современного холодного и огнестрельного оружия. Шведская армия не зависела от импорта вооружения, напротив, экспорт пушек был одной из важных статей государственных доходов.

Наконец, в-третьих, предпосылкой шведского великодержавия стало создание эффективного механизма управления страной на основе согласия между королевской властью и широкими кругами дворянства в отношении основных направлений внутренней и внешней политики. Ведь в перспективе материальные и человеческие ресурсы, которыми располагала Швеция, были все же недостаточными для превращения ее в передовую военную державу, и лишь рациональное использование всех ресурсов в условиях сложившейся внешнеполитической конъюнктуры позволило государству добиться своего высокого международного статуса и, что еще важнее, довольно долго его за собой удерживать.

Внутриполитическое развитие и реформы первой половины XVII в. Рассматривая обстоятельства, сделавшие возможным возвышение Швеции, нельзя недооценивать значение личных качеств (и отношений друг с другом) короля *Густава II Адольфа* (1611—1632) и его сподвижника, впоследствии в 1632—1644 гг. — главы регентского правительства графа *Акселя Оксеншерны* (с 1612 г. граф занимал высшую административную должность *риксканцлера*). Густав Адольф был неординарной личностью: прекрасно образован, владел 6 языками, занимался математикой и историей (оставил после себя несколько исторических сочинений).

При вступлении на престол 17-летний Густав II Адольф принес присягу, в которой пообещал править в согласии с государственным советом (*риксродом*), состоявшим из представителей высшей знати, и сословным парламентом (*риксдагом*): не начинать без их одобрения войну, не заключать мир, не издавать новых законов, не вводить новые налоги. Так была заложена правовая основа того баланса сил, который сложился в стране в годы правления Густава II Адольфа. Несмотря на заметное усиление влияния высшей знати, благодаря сотрудничеству короля и риксканцлера и общей заинтересованности в экспансионистской политике, удалось отсрочить конфликт между монархом и аристократией. Одновременно была сделана ставка на широкие круги дворянства, которое стало главной опорой королевской власти. Исключительное право дворян на высшие государственные должности было гарантировано Густавом II Адольфом в 1611 г.

Указ 1612 г. вновь подтвердил дворянские фискальные и административные привилегии, закрепил за благородным сословием ведущую роль в обществе и в управлении страной. При этом от превращения в замкнутую касту шведское дворянство предохраняла активная политика аноблирования королевской властью представителей других сословий. Новоиспеченные дворяне — чиновники и военные офицеры, заинтересованные в служебном росте и регулярном получении государственного жалования, до поры до времени не выступали против засилья аристократии.

Что касается прочих сословий, податных (поскольку они, в отличие от дворянства, регулярно платили налоги): духовенства, бюргерства и крестьян, то они имели возможность оказывать определенное влияние на политику через участие в работе риксдага. В целом при Густаве II Адольфе риксдаг стал играть весьма заметную роль. Согласно изданному в 1617 г. Уставу, регламентировавшему деятельность этого института, представители всех 4 сословий были обязаны собираться по указу короля (с 1660 г. — через каждые три года). Сословия не могли выступать с законодательной инициативой, хотя имели право представлять жалобы, но должны были — каждое по отдельности — давать коллективные ответы на внесенные монархом «предложения». Если мнения расходились, а последующие дискуссии не приводили к согласию, король мог действовать в соответствии с тем ответом, который сочтет наиболее подходящим.

Важные изменения произошли в административной системе. Руководство центральными ведомствами было преобразовано на коллегиальной основе. Что касается местного управления, то страна была разделена на новые административные округа (лены), границы которых не совпадали с границами исторических областей Швеции. Во главе ленов были поставлены королевские чиновники.

Благодаря военной реформе Густава II Адольфа шведская армия стала одной из лучших в мире и одержала немало побед на полях Тридцатилетней войны. Был упорядочен набор рекрутов, введен новый (и весьма строгий) военный устав, создана легкая полевая артиллерия. Важными тактическими нововведениями стали линейное построение и налаживание эффективного взаимодействия артиллерии с другими родами войск.

Однако внутривластный баланс, сложившийся при Густаве Адольфе, не мог сохраняться бесконечно долго. В середине столетия, в годы самостоятельного правления *королевы Кристины* (1644—1654), одним из ведущих факторов политической жизни стал конфликт между аристократией и королевской властью, а также между аристократией и податными сословиями, все активнее требовавшими уменьшения налогов и возвращения в казну ранее пожалованных дворянам земель (так называемой *редукции*). Впервые податные сословия единым фронтом выступили против дворянства на риксдаге

1650 г. И сама королева Кристина, и ее преемники умело использовали поддержку низов в борьбе с влиянием аристократии.

Социальная структура шведского общества в XVII в. Положение крестьянства. Социальная структура шведского общества в период великодержавия выглядела так: дворянство и духовенство составляли (каждое) не более 1 %; бюргеры вместе с некоторыми другими группами населения, проживавшего в городах, но формально не принадлежавшего ни к одному из сословий (например, владельцы предприятий) — 3—4 %; крестьяне и другие группы сельского населения (например, домашняя прислуга) — около 95 %.

Швеция, таким образом, была крестьянской страной, причем большая часть шведского крестьянства была свободной. Многочисленность и значительное политическое влияние этого сословия — отличительная черта шведской истории. Важнейшим показателем в данном случае является факт участия представителей крестьянства в работе риксдага. В рассматриваемый период своих представителей на риксдаг имели право посылать как податные, так и коронные крестьяне (первые сами владели землей и платили налоги государству, вторые арендовали землю, принадлежавшую королю): интересы крестьян, живших на дворянских землях, формально представляли дворяне.

Однако в связи с активными земельными пожалованиями короной податных и коронных земель дворянам в первой половине XVII в. возник вопрос о положении шведского крестьянства в период великодержавия. В советской историографии было принято говорить о «феодалной реакции» и «угрозе закрепощения» податных крестьян. Однако современные шведские историки полагают, что правовое положение крестьянства вообще и крестьян, проживавших на переданных дворянам землях, в частности в период великодержавия радикально не ухудшилось. Действительно, дворянское землевладение росло, однако лишь на небольшой части полученных от короны податных земель новые владельцы налаживали интенсивное сельскохозяйственное производство, основанное на систематическом использовании крестьянского труда. Как правило, дело ограничивалось сбором крестьянских платежей. Шведские дворяне предпочитали вкладывать средства не в сельское хозяйство, а в строительство дворцов. Наконец, в целом в Швеции крестьяне, проживавшие на дворянских землях, так и не подпали под юрисдикцию владельцев, хотя представители дворянского сословия периодически выступали на риксдагах с подобными просьбами. Исключения составляли порядки в прибалтийских провинциях и в провинции Сконе. Там власть землевладельцев над крестьянами была больше (в частности, сконские дворяне могли судить своих крестьян¹). Высказывавшиеся же

---

¹ Особые права дворянства в Сконе были ликвидированы в результате целенаправленных усилий по шведизации этой бывшей датской провинции в 1680-е гг.

время от времени на риксдагах жалобы представителей крестьянского сословия на засилье дворян-землевладельцев во многом являлись красочными преувеличениями.

Абсолютистский режим (1680 — 1718) и крушение шведского великодержавия. Правивший после Кристины король *Карл Густав* умер в 1660 г., когда его сыну — будущему *Карлу XI* (1660 — 1697), было всего 5 лет. Поэтому до 1672 г. страной руководило регентское правительство. Несмотря на завещание покойного монарха, стремившегося обеспечить преобладание в правительстве членов королевской фамилии, оно было поставлено под контроль риксрода. Основной проблемой в этот период был огромный государственный долг, образовавшийся в годы многочисленных войн, которые Швеция вела в середине века. Недовольство податных сословий политикой аристократии росло.

Карл XI был объявлен совершеннолетним в 1672 г. При вступлении на престол он не сделал никаких уступок в пользу риксрода, а на риксдаге 1680 г. в союзе с податными сословиями и низшим дворянством добился принятия важнейшего решения, увенчавшего собой поражение аристократии в борьбе с королевской властью. Было объявлено о проведении полномасштабной редукции земель: значительная часть ранее сделанных земельных пожалований была возвращена короне. В результате редукции дворянское землевладение уменьшилось вдвое, и если в середине XVII в. дворянам принадлежало 2/3 всех земель страны, то в 1700 г. — только 1/3 (на долю короны и представителей податных сословий также приходилось по 1/3).

Редукция позволила провести важную военную реформу. Рекрутские наборы заменила *военно-поселенная система*: крестьянские дворы были разделены на «роты», каждая из которых отвечала за содержание и снаряжение одного солдата-пехотинца или матроса; последнему где-нибудь поблизости выделялся участок земли для прокормления. Аналогичным образом офицеры обеспечивались жалованьем за счет группы крестьянских дворов и получали жилье в той же местности, где проживали их подчиненные.

В 1680 г. Карл XI добился вынесения риксдагом постановления, в соответствии с которым король не был обязан прислушиваться к мнению членов риксрода. Последний из государственного был переименован в королевский совет. Контроль за замещением должностей целиком перешел к королю. В 1682 г. сословия передали ему также всю полноту законодательной власти (хотя за риксдагом еще оставалось право налогообложения) и предоставили свободу действий в вопросе проведения редукции. Наконец, в 1693 г. риксдаг объявил короля самодержавным и суверенным правителем, не обязанным отчитываться за свои действия ни перед кем на земле.

Символическим выражением абсолютной власти шведского монарха стал жест сына Карла XI — *Карла XII* (1697 — 1718), который во время коронации сам возложил на себя корону и в отличие от

своих предшественников не принес при восшествии на престол никакой присяги. По иронии судьбы со смертью Карла XII существование абсолютистского режима в Швеции прервалось.

Одним из факторов, ускоривших такое развитие событий, стали военные поражения Швеции. С именем Карла XII неразрывно связано падение шведского великодержавия. Причем часть ответственности за это лежит на нем персонально. Склонность к радикальным решениям, нежелание прислушаться к предостережениям советников, внешнеполитические и стратегические просчеты (будучи гениальным тактиком, Карл XII был слабым стратегом) в итоге привели к тому, что Швеция потерпела поражение в *Северной войне* (1700—1721) и утратила статус великой державы. С другой стороны, ресурсы, которыми располагала Швеция, должны были рано или поздно оказаться недостаточными для борьбы за удержание этого статуса. К началу XVIII в. изменилась и внешнеполитическая ситуация: с возвышением России, целенаправленно стремившейся к приобретению опорных пунктов на Балтике, развал шведской балтийской империи стал практически вопросом времени.

Общественное сознание. Образование. Возвышение Швеции сопровождалось распространением представления о величии и даже исключительности шведской нации. Миф о том, что шведы — потомки легендарных готов, подвиги которых были описаны античными авторами, активно эксплуатировался государственной пропагандой при Густаве Адольфе и позднее на протяжении всего XVII в. Эти представления стимулировали интерес образованной элиты к истории отечества, стало развиваться собирательство «древностей», а в 1666 г. была основана *Антикварная коллегия* — государственное учреждение по изучению и охране исторических памятников. Апофеозом интеллектуального течения, ориентированного на поиск свидетельств славного «готского» прошлого Швеции, стал труд профессора Упсальского университета *Улофа Рюдбека Старшего* (1630—1702) «Атлантика». Врач, ботаник, один из основоположников шведской археологии, Рюдбек применил всю свою ученость, чтобы доказать: Швеция — это и есть упоминаемая Платоном Атлантида и родина всей классической цивилизации.

Период великодержавия оказался важным этапом в развитии шведской системы образования — растущее государство было заинтересовано в подготовке квалифицированных чиновников. Начиная с 1620-х гг. по инициативе центральной власти в городах — центрах епархий, начали открывать гимназии. Благодаря Густаву Адольфу была обеспечена экономическая база для существования *Упсальского университета*. Позднее были основаны *университеты в Дерпте* (1632), *Або* (1640) и *Лунде* (1666)¹. Огромную роль в развитии на-

---

¹ Кроме того, университет существовал и в немецком Грейфсвальде, отошедшем Швеции по условиям Вестфальского мира 1648 г.

чального образования играла церковь, на которую была возложена обязанность воспитывать благочестивых и верных подданных. Одним из результатов усилий церкви в этом направлении стало широкое распространение грамотности: к концу XVII в. читать умело большинство населения.

17.2. Дания

Дания в середине XVII в.: особенности политического и социально-экономического развития. Датское государство представляло собой конгломерат территорий, обладавших различным статусом с точки зрения их отношения к власти правящих монархов из династии Ольденбургов. Кроме собственно Дании эти владения охватывали северогерманские герцогства Шлезвиг и Гольштейн, а также Норвегию (с 1536 г. управлявшуюся как датская провинция) вместе с Исландией, Гренландией и Фарерскими островами. В 1640—1650-х гг. в войнах со Швецией Дания потеряла некоторые острова на Балтике и обширные земли на юге Скандинавского п-ва, прежде всего — Сконе. С другой стороны, в 1667 г. на правах личной унии к Дании были присоединены графства Ольденбург и Дельменхорст — лены Священной Римской империи германской нации.

В первой половине XVII в. страна уступила Швеции статус ведущей державы на севере Европы. Вскоре речь зашла уже о сохранении собственных владений и даже суверенитета. Датская армия, состоявшая из крестьян-рекрутов, набор которых контролировали дворяне-землевладельцы, и дворянской кавалерии, была слабой и нуждалась в реформировании. Для этого требовались немалые средства, однако король вынужден был опираться в экономике на все уменьшавшиеся доходы со своего домена и пошлины, которые издавна собирались с иностранных судов за проход через Зундский пролив. При этом король сильно зависел от аристократического государственного совета (в Дании он назывался *ригсродом*), а последний не был склонен увеличивать военные расходы, поскольку это означало бы рост налогового бремени для частновладельческих крестьян. Исследователи пишут о двоевластии монарха и ригсрода, фактически деливших законодательную, исполнительную и высшую судебную власть. Конфликт между ними по вопросу о расходах на оборону начался в годы участия Дании (1625—1629) в Тридцатилетней войне и особенно обострился во время очередной войны со Швецией в 1643—1645 гг.

Основой могущества датской аристократии и вообще дворянства было землевладение в условиях почти исключительно аграрной и притом экстенсивной экономики. На протяжении XVI—первой половины XVII в. дворянские хозяйства все укрупнялись за счет земель крестьян-держателей. Случалось, что с лучших участков сгоняли

целые деревни. В середине XVII в. короне принадлежало более 50 % земель, дворянам — 45 %, крестьянам-собственникам — 3 %. Производство в дворянских домениальных хозяйствах основывалось на барщине, которая могла составлять 2—3 рабочих дня в неделю (правда, зажиточный крестьянин не был обязан отработывать барщину лично, мог послать вместо себя батрака; кроме того, размер барщины определялся лишь площадью надела и не зависел от материального положения держателя). К середине XVII в. на большей части территории Дании оформилась поземельная зависимость крестьян (в первую очередь — на островах; в частности, в Зеландии подобная система сеньориальной зависимости существовала с XV в.). Заключалась она прежде всего в том, что любой сын крестьянина был обязан занять указанный ему землевладельцем свободный двор с наделом на территории имения, в котором он родился. Владельцы поместий в Дании обладали также правовым иммунитетом.

К 1640-м гг. сложились предпосылки для ослабления датского дворянства. Уменьшилась его численность. Датское благородное сословие, в отличие от шведского, довольно быстро превратилось в замкнутую касту, а степень концентрации политической и экономической власти в руках узкого круга аристократов, связанного с ригсродом, стала так высока, что это вызвало недовольство остального дворянства. Кроме того, датским дворянам, которые являлись в основной своей массе владельцами поместий, а никак не членами военного сословия, была чужда идея усиления королевской власти и создания развитого государственного аппарата с обширными полномочиями, ради чего необходимо было поступиться частью своих привилегий. Правда, в 1648 г. при вступлении на престол *Фредрика III* дворянская оппозиция, пользуясь тяжелым положением в стране после поражения в войне со Швецией, смогла еще добиться подписания королем «капитуляции» (хотя и с некоторыми оговорками), во многом унижительной для него и серьезно ограничивавшей его прерогативы. Однако всевластию дворянства не суждено было продлиться долго.

Установление абсолютизма. Осенью 1660 г. в Копенгагене начало работу сословное собрание (*ригсдаг*). Депутаты от дворянства, духовенства и бюргерства (в отличие от Швеции крестьяне в датском сословном парламенте не имели своих представителей) должны были утвердить введение новых чрезвычайных налогов для покрытия огромного государственного долга, который образовался в результате катастрофически закончившейся для Дании войны со Швецией (1658—1660). Одним из последствий войны стало резкое падение авторитета дворянства: когда шведские войска в 1658—1659 гг. осадили Копенгаген, аристократы бежали из города. Фредрик III, напротив, остался и командовал обороной, осуществлявшейся силами столичного бюргерства. Он воспользовался ситуацией для укрепления своей власти. Опираясь на поддержку депутатов от бюргерства

и духовенства, Фредрик III добился отмены «капитуляции» 1648 г. (для этого он прибег к нажиму, приведя в боевую готовность подчинившиеся ему наемные войска; одновременно была мобилизована и столичная бюргерская милиция). Королевская власть была объявлена наследственной. А в январе 1661 г. без всякого обсуждения представители трех сословий поодиночке были вынуждены подписать также «*Акт самодержавного, наследственного правления, или акт суверенитета*». Больше общегосударственный ригсдаг не собирався, этот орган сословного представительства прекратил свое существование.

В Дании установился *абсолютистский режим*. К 1665 г. его принципы были оформлены в специальном «*Королевском законе*» (полностью впервые опубликован только в 1709 г.). Отныне датскому монарху возбранялись только три вещи: менять лютеранское вероисповедание, делить территорию страны на части и изменять «Королевский закон». Других ограничений не было. Вместе с тем в тексте «Королевского закона» всячески подчеркивалось, что монарх получил свою власть по согласию всех подданных, а ссылки на «божественный источник» королевских прав занимали далеко не первое место.

Фредрик III полностью уравнивал в правах представителей бюргерского сословия с дворянами. Отныне горожане могли свободно покупать дворянские земли и занимать любые государственные должности (они получили это право намного раньше, чем шведские бюргеры). Кроме того, дворянские налоговые привилегии были отменены, а торговые — ограничены (некоторые другие привилегии остались: судебная власть над крестьянами, освобождение от уплаты десятины, монополия на охоту и т.д.). В 1671 г. появилась *табель о рангах*, согласно которой высшие чиновники получали потомственное дворянство, а чиновники рангом ниже — личное. Реформы в итоге позволили обновить благородное сословие. Теперь большинство его представителей («*новые дворяне*») были обязаны своим положением короне и поэтому являлись надежной опорой трона.

В 1683 г. был издан «*Датский закон*» — единый свод для всей территории Дании (первый подобного рода документ в истории Европы). В этом документе провозглашалось формальное равенство перед законом всех подданных королевства, наказания смягчались. Одновременно были ликвидированы остатки крестьянского самоуправления (в частности, суд присяжных). Сходный по содержанию «*Норвежский закон*» появился в 1687 г.

Была реформирована система управления страной. Уже во время войны 1658—1660 гг. появились *адмиралтейская* и *военная коллегии*. Позднее были созданы *берг-* (т.е. горная) и *коммерц-коллегии*. Налоговое ведомство — «*Счетную палату*» — также реорганизовали на коллегиальной основе. Наиболее важные внутри- и внешнеполитические проблемы решались в *Датской* и *Немецкой канцелярии*

ях (правда, их полномочия не были в должной мере разграничены). В 1670 г. был создан правительственный орган — *Тайный совет*, в который входили президенты основных коллегий и ряд высших чиновников. На местном уровне было упразднено средневековое деление на лены и введено деление на так называемые *амты*, во главе которых были поставлены назначавшиеся королем амтманы, не имевшие в отличие от прежних ленсманов права сбора налогов и военной власти. Таким образом, в результате реформ в стране возник значительный по размерам и вполне современный централизованный бюрократический аппарат.

Социально-экономическое развитие во второй половине XVII в. Основой датской экономики и после установления абсолютизма оставалось сельское хозяйство, в котором было занято около 85 % населения. Развитие этой отрасли сдерживалось низким уровнем цен на сельхозпродукцию на протяжении второй половины XVII в. Чтобы покрыть государственный долг, правительство начало продажу коронных земель, которые зачастую покупали богатые бюргеры. В результате изменилась структура землевладения: в 1688 г. помещикам принадлежал 61 % земли (причем 1/4 находилась в собственности бюргеров), короне — 24 %, крестьянам-собственникам — 1,5 %. Распределение остальной земли выглядело так: пасторы, церковь и госпитали — 7 %, Копенгагенский университет и школы — 2,5 %, торговые города — 1,5 %, о. Борнхольм — 2,5 %. Положение крестьян-держателей земли осталось прежним. Правда, «Датский закон» формально запретил сгонять их с земель, однако эффективность запрета была невысокой.

Важным шагом стало введение впервые в Европе (после составления земельного кадастра в 1664 г.) прямого подоходного налога. Платить налог были обязаны представители всех сословий. Правительство также стремилось в меркантилистском духе стимулировать развитие торговли и промышленности. Для этого основывались торговые компании, которые получали огромные привилегии, поощрялось создание мануфактур.

АНГЛИЙСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Основание британских колоний в Северной Америке. Основание британских колоний в Северной Америке было следствием целого комплекса причин социально-экономического, политического и религиозного характера. Прорыв Англии в Новый Свет был вызван глубочайшими изменениями, происходившими в английском обществе на рубеже XVI—XVII вв. Процесс буржуазного развития обусловил потребность в новых источниках сырья, территориальной и торговой экспансии. По отзывам современников, Англия в начале XVII в. была «перенаселенной страной». Резкий рост населения Англии, начавшийся со второй половины XVI в., предоставил необходимый для колонизации людской «материал». Не имея возможности реализовать себя на родине, тысячи людей были готовы отправиться в поисках лучшей доли хоть на край света. Переселение за океан поощрялось, так как внешнеполитические интересы Англии диктовали необходимость освоения Американского континента и вытеснение оттуда основных соперников английской короны на мировой арене (Испании, Франции и Голландии). Наконец, определяющую роль в колонизации Новой Англии, Пенсильвании, Мэриленда сыграла религиозная мотивация, поскольку за океаном убежища искали представители различных религиозных движений (пуритане, квакеры, католики).

На протяжении XVII в. складываются три очага (региона) английской колонизации: колонии Юга (Виргиния, Мэриленд, Северная и Южная Каролина), позднее (в 1732 г.) — Джорджия; колонии Северо-востока (или Новой Англии): Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гэмпшир; центральные (или среднеатлантические) колонии (Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси и Делавэр). Территорию, на которой были основаны английские колонии, населяли многочисленные *индейские племена*, принадлежавшие к двум крупнейшим группировкам: *алгонкинам* и *ирокезам*. Поскольку главной целью английской колонизации было создание постоянных поселений, земли индейцев захватывали, а их самих либо вытесняли за пределы колоний, либо истребляли в ходе многочисленных вооруженных столкновений. Как правило, руководители английских колоний не стремились к установлению долгосрочных мирных отношений с индейцами, а большинство колонистов придерживалось той

точки зрения, что «лучший индеец — мертвый индеец». Нормой повседневной жизни стал панический страх внезапного нападения индейцев.

Во владениях Англии в Северной Америке возникли три типа колоний: *королевские*, находившиеся под непосредственным королевским управлением, *собственнические*, владельцы которых, например, лорд Балтимор в Мэриленде или Уильям Пенн в Пенсильвании, наделялись правами земельной собственности и политического управления, и *корпоративные колонии*, в которых экономические и политические права получали от короны (или парламента, в период Английской революции) акционерные компании — Лондонская (Виргинская), Плимутская, компания Массачусеттской бухты и др.

Первое постоянное английское поселение в Северной Америке было основано в 1607 г. на территории будущей Виргинии. Колонией руководил назначаемый из Лондона губернатор, а в 1619 г. была учреждена *Генеральная ассамблея*, ставшая первым органом представительной власти на территории Северной Америки.

В колонизации Виргинии преобладали экономические причины: получив от английского монарха патент на освоение американских земель, акционеры Лондонской компании и отправленные в Новый Свет поселенцы искали возможности быстрого обогащения. За океан поначалу ехали молодые мужчины с единственной целью захватить уже существующее богатство, ограбив индейские племена или корабли испанцев, перевозивших сокровища из Нового Света в Европу. Такие искатели приключений не имели ни практических навыков, ни желания работать на полях. Надеясь на подвоз продовольствия из Англии, а также поверив обещаниям Виргинской компании, что их будут кормить индейцы, колонисты все свое время проводили в поисках сокровищ. Голод, эпидемии, постоянные нападения индейцев буквально «косили» население крошечной колонии: к 1624 г. из ввезенных в колонию 8,5 тыс. человек в живых осталось 1275.

Если в колонизации Виргинии религиозные причины не играли сколько-нибудь заметной роли, то основание в 1620—1640-е гг. корпоративных колоний Северо-востока — Массачусетса, Род-Айленда, Коннектикута, Нового Плимута (позже вошедшего в состав Массачусетса), напротив, было следствием «пуританского исхода» из Англии накануне революции. Переселение в Новую Англию, в отличие от заселения Виргинии, носило организованный характер. За океан часто перебирались целые церковные конгрегации, движимые единой целью — попытаться воплотить свои религиозные и общественно-политические идеалы на земле Нового Света. Цена переезда в Америку была высока, тем не менее три четверти эмигрантов могли оплатить эти расходы, поскольку в Новую Англию ехали в основном квалифицированные ремесленники, фермеры, торговцы, т. е. те, кто составлял «костяк» пуританского движения по обе стороны Атлан-

тики. Пуритане перебирались за океан целыми семьями. Число мужчин и женщин в Новой Англии было приблизительно равным, в отличие, например, от Виргинии, где мужчин было вчетверо больше. Население колоний Новой Англии быстро росло благодаря эмиграции из Англии и высокой рождаемости. Уровень смертности был на порядок ниже, чем в колониях Юга. Суровый климат этих мест как нельзя лучше подходил выходцам с «туманного Альбиона».

В 1620 г. небольшая группа пуритан-сепаратистов основала колонию Новый Плимут. Прибывшие на борту «Мэйфлауэра» «отцы-пилигримы» заключили соглашение о создании «гражданского политического организма для поддержания лучшего порядка и безопасности». Этот документ, известный как «*Соглашение на Мэйфлауэре*», является первым в американской истории примером создания политических институтов на основе общественного договора, а первые шаги по освоению территории Нового Плимута прочно стали частью национальной традиции США, где до сих отмечается и дата исторической высадки «отцов-пилигримов» (*День праотцов*) и день торжеств после сбора первого урожая (*День Благодарения*).

Основание Нового Плимута стало своего рода «пробным камнем», прологом массового переселения пуритан в Америку в 1630-е гг., названного, по аналогии с ветхозаветным сюжетом исхода иудеев из Египта, «*великим исходом*». За десятилетие, предшествовавшее Английской революции, в Новую Англию переселилось около 20 тыс. человек. «Великий исход» пуритан не был бегством или обычной колониальной авантюрой. Это было хорошо спланированное предприятие с целью построения «*библейского общества*» на земле Нового Света. Участники «великого исхода» считали, что в условиях антипуританских гонений в Англии проповеди не могут привести к успеху. Необходимо на практике продемонстрировать превосходство своих идей. Создание идеальной пуританской общины перевернет Англию и весь мир своим примером. Вот как определил религиозные цели «великого исхода» его руководитель Джон Уинтроп: «Мы должны иметь в виду, что будем подобны граду на холме и глаза всех будут устремлены на нас». Метафора «*град на холме*», от которого исходит «свет» для всего мира, стала одним из символов американского национального сознания, создала основу традиции, рассматривающей американскую историю в контексте мессианского эксперимента.

Основанная участниками «великого исхода» колония Массачусетс стала цитаделью пуританизма в Новом Свете. Фанатичная вера в свою миссию и избранность, небывалый религиозный энтузиазм способствовали объединению усилий колонистов перед лицом невероятных трудностей и лишений первых лет колонизации. Теократические черты политического устройства Массачусетса отчетливо проявились с самого начала «пуританского эксперимента» в Америке. Принуждение всего населения этой колонии к «единственно истинной» пуританской вере было объявлено главной задачей граждан-

ского магистрата. В Массачусетсе только члены официальной церкви могли стать *фрименами*, т. е. политически полноправными колонистами, имевшими право голоса и возможность быть избранными в органы управления колонии. Любые проявления инакомыслия подавлялись на корню. Идея терпимости, внимательного отношения к иному мнению была абсолютно чужда духовным и гражданским руководителям колонии.

В небольших корпоративных колониях Род-Айленде и Коннектикуте, основанных радикальными пуританами, несогласными с политикой властей Массачусетса, лучше прижились демократические начала самоуправления: фримены сами избирали губернаторов и магистрат; представительные учреждения колоний — *ассамблеи* — решали вопросы землепользования и налогообложения. Демократизм конгрегационалистской церковной организации сыграл важную роль в процессе создания политической системы пуританских колоний. Принципы *конгрегационализма* — прежде всего равноправие верующих внутри церковной общины — были распространены радикальными пуританами и на общественно-политические институты.

Политическая практика в корпоративных колониях Новой Англии заметно отличалась от системы управления в собственноамериканских колониях, создаваемых английскими аристократами в Америке. Первая собственническая колония — Мэриленд — была основана к северу от Виргинии в 1634 г. Согласно королевской хартии, ее собственник, лорд Балтимор, обладал практически неограниченной властью. Однако, стремясь привлечь колонистов, владелец Мэриленда был вынужден пойти на значительные уступки. Так, например, в колонии была учреждена *представительная ассамблея*. Лорд-собственник Мэриленда был католиком, поэтому при заселении колонии он также преследовал религиозные цели: дать возможность своим единоверцам свободно исповедовать католицизм. Поскольку большинство населения Мэриленда составляли протестанты, лорд Балтимор распорядился соблюдать строгую веротерпимость.

Все американские колонии, основанные в период Реставрации, были собственническими. Таким образом Карл II пытался отблагодарить тех, кто в трудные годы изгнания не отвернулся от него. Щедрой рукой английский монарх раздавал американские земли своим придворным. Так, например, территория Каролины была дарована в 1663 г. сразу 8 приближенным короля. Захваченные у голландцев год спустя Новые Нидерланды Карл II пожаловал своему брату герцогу Йоркскому. Часть своего американского владения, названного Нью-Йорк, герцог уступил двум фаворитам — Джону Беркли и Джорджу Картрету. Они стали собственниками колонии Нью-Джерси.

Одной из самых либеральных колоний в Америке стала Пенсильвания, что было следствием радикальных взглядов ее владельца, Уильяма Пенна, принадлежавшего к секте квакеров. Уговорив Карла II вернуть долг своей семье пожалованием земли в Америке, Пенн

стал организатором переселения квакеров в Америку. В отличие от других собственников американских колоний, он отдавал предпочтение принципам представительного правления. Жестоко гонимые в Англии, в Америке квакеры сумели создать одну из самых веротерпимых колоний. Убежденные пацифисты, они приложили немало усилий для установления добрососедских отношений с индейскими племенами.

Экономическая жизнь колоний. Аграрное развитие. Определяющей характеристикой экономического развития Британской Америки было утверждение буржуазных отношений с первых же шагов колонизации. На «девственных» просторах Нового Света складывались благоприятные условия для утверждения буржуазного строя, в отличие от большинства стран Европы, где капитализму пришлось преодолевать сопротивление феодальных структур. Наличие практически неисчерпаемого фонда свободных земель, благоприятные климатические условия, обилие природных богатств вкупе с трудолюбием и целеустремленностью американских колонистов способствовали динамичному развитию экономики колоний.

В первые годы освоения Североамериканского континента многие англичане перебирались за океан в поисках легких источников обогащения. Однако в отличие от испанцев, золота англичане в Новом Свете не нашли, а использование других природных богатств: добыча ценных пород дерева, покупка пушнины у индейцев, рыболовный промысел — не приносило сколько-нибудь серьезных доходов.

Природно-климатические условия Юга оказались идеальными для культуры табака, секретами возделывания которой с англичанами поделились индейцы. Американские сорта табака мгновенно завоевали европейский рынок, и эта сельскохозяйственная культура вскоре стала основой экономики Виргинии и Мэриленда. К концу XVII в. жители Каролины овладели культурой риса. В XVIII в. к табаку и рису добавится третья монокультура американского Юга — индиго, растение, из листьев и стебля которого получали великолепный природный краситель синего цвета. Как только стали ясны возможные доходы от производства и продажи на европейском рынке табака (а позднее — риса и индиго), огромные территории Юга стали засеивать этими культурами, что обусловило складывания *плантационной системы хозяйства*.

Как крупные, так и небольшие земельные владения в королевских и собственных колониях Юга складывались на основе так называемого *подушного надела*. Эта система земельной политики возникла в Виргинии для ускорения заселения территории колонии. Руководство Лондонской (Виргинской) компании объявило, что всякий, кто оплатит переезд в колонию своей семьи, слуг, получит по 50 акров (20 га) за каждого поселенца. Постепенно приобретение участка по подушному праву превращалось в осложненную форму покупки земли. В условиях «табачного бума», когда в экономиче-

ский оборот вводились все новые земли, владельцы плантаций делали все возможное, чтобы обойти законную процедуру регистрации подушного надела и заполучить дополнительные акры земли. Они подкупали чиновников местных администраций, регистрировали одного и того же человека по несколько раз. Со всей плантации, созданной на основе системы подушного надела, ее владелец должен был ежегодно выплачивать фиксированную ренту (*квит-ренту*).

Несмотря на то что квит-ренту должны были платить все землевладельцы в собственнических колониях, она не была связана с какими-либо личными повинностями в пользу лорда-собственника. Земельные отношения приближались к частновладельческим. Таким образом, некоторые формальные элементы феодализма в поземельных отношениях (квит-рента, майорат и право первородства), занесенные в Америку, утратили свое изначальное содержание.

В результате самовольного захвата «свободных» неколонизованных земель на западе (*скваттерства*) складывались небольшие фермерские хозяйства, свободные от каких-либо платежей и повинностей. Из-за неразвитости путей сообщения и удаленности от центров торговли, расположенных на Атлантическом побережье, фермерские хозяйства скваттеров носили полунатуральный характер.

Фермерский путь аграрной эволюции доминировал в колониях Северо-востока, что было следствием как более суровых, чем на Юге, природно-климатических условий, так и особенностей колонизации этого региона. В течение XVII в. земля в корпоративных колониях Новой Англии предоставлялась главным образом организованным группам переселенцев — корпорациям или религиозным общинам. Выделяя часть земли в общее пользование, остальную землю колонисты делили между собой. Индивидуальные наделы раздавались в соответствии с финансовым положением семей. В корпоративных колониях Северо-востока поселенцы получали землю без обязательства выплачивать квит-ренту. Земледельцы региона на своих, как правило, небольших участках выращивали пшеницу, кукурузу, овес, рожь, разводили скот, занимались домашним ткачеством. Почти вся работа выполнялась семьей фермера. Таким образом, система землепользования, утвердившаяся в колониях Новой Англии, обуславливала формирование фермерского варианта аграрного развития экономики региона.

Экономика центральных колоний сочетала в себе черты хозяйственного типа как южных, так и северных колоний. Несмотря на то что преобладающей тенденцией аграрной эволюции здесь, как и на Севере, было фермерство, в среднеатлантических колониях сложились крупные земельные владения, в которых возделывали ряд южных культур. Однако главной сельскохозяйственной культурой здесь стала пшеница. Именно на хлебной торговле впоследствии выростут и разбогатеют два самых крупных города колониальной Америки — Филадельфия и Нью-Йорк.

Развитие мануфактур и торговли. До начала Английской революции промышленность как самостоятельная отрасль хозяйства практически не существовала в американских колониях. Жители колоний полностью полагались на ввоз промышленной продукции из метрополии. Однако во время революции в Англии регулярные экономические связи колоний с метрополией были нарушены; начала развиваться местная промышленность, обеспечивающая каждодневные потребности колонистов.

Перелом во взаимоотношениях колоний и метрополии наступает после «Славной революции» в Англии, поскольку происходит окончательное оформление британской колониальной системы. Торговля и промышленность американских колоний были поставлены в жесткие рамки зависимости от метрополии в результате принятых Англией многочисленных *Навигационных актов* (1651, 1660, 1663, 1673, 1696 гг.). Американская экономика развивалась традиционным для колоний путем: метрополия сбывала в колониях свои промышленные изделия, колониям же отводилась роль поставщиков сырья, необходимого для развития британской промышленности. В соответствии с господствовавшей тогда экономической доктриной меркантилизма, колониальная торговля должна была обогащать метрополию при обязательном соблюдении благоприятного для метрополии торгового баланса, когда сумма вывозимых промышленных товаров превышала стоимость ввозимого сырья.

Британские колонии в Северной Америке в изобилии поставляли в метрополию лес и другие материалы, необходимые для английского судостроения. Другим важным видом промышленного сырья, получаемым Англией из колоний, был чугун. К 1770-м гг. Америка стала одним из основных производителей необработанного железа в мире. Выплавка черных металлов в колониях возросла с 1,5 тыс. тонн в 1700 г. до 30 тыс. тонн в 1775 г., что составляло примерно 1/7 всего мирового производства. Однако поскольку основным занятием американцев было сельское хозяйство, то и главным предметом экспорта была аграрная продукция: табак, рис, пшеница, индиго.

Первейшие нужды колонистов (одежда, обувь, инвентарь, орудия труда) обеспечивала «домашняя промышленность», в которой были заняты отдельные семьи или соседи. В колониях Новой Англии и в Нью-Йорке возникли мануфактуры (прядельные, ткацкие, чулочные, парусиновые, деревообрабатывающие, стекольные и т. д.), сначала на муниципальной (т. е. общественной) основе, позже на частнокапиталистической. Однако политика колониальных властей препятствовала развитию мануфактур в Америке. Предприятия испытывали острую нехватку специалистов и рабочих рук, а потому часто терпели крах. Принятые английским парламентом *шерстяной, шляпный, кожаный, железный* и другие акты запрещали производство определенных видов товаров в колониях. В XVIII в. были введены и ограничения на переселение в Америку квалифицированных

рабочих. Успехи колониальной промышленности были невелики: во второй половине XVIII в. 11 из 12 жителей провинции Нью-Йорк носили одежду британского производства. Многие запреты, исходившие из Англии, имели скорее предупредительный характер.

Больше других преуспела судостроительная промышленность, в развитии которой была заинтересована метрополия. К 1775 г. 1/3 судов, плававших под британским флагом, сошла с верфей Новой Англии; 3/4 английской торговли с заморскими владениями обслуживали корабли колоний.

Экономическая специализация крупных портовых городов Северо-востока — Бостона, Нью-Йорка, Сейлема, Ньюпорта — состояла в организации межколониальной торговли и торговли с метрополией. Торговля между северными и южными колониями осуществлялась главным образом по морю. Розничная торговля и торговля с индейцами, у которых за бесценку скупали меха, была сухопутной. В соответствии с Навигационными актами торговля с североамериканскими колониями могла осуществляться только на английских судах или на судах, построенных в колониях, причем капитан и 3/4 команды должны были быть английскими подданными. Кроме того, уже в акте 1660 г. предусматривалось, что такие важные статьи американского экспорта, как табак, сахар, индиго могут вывозиться только в метрополию. Огромные состояния в Америке сколачивали английские *купцы-контракторы*, скупавшие по низким ценам продукцию южных плантаций, а затем втридорога продававших ее на европейском рынке. Запретительная политика метрополии привела к тому, что значительная часть торговли велась контрабандным путем, а из-за нехватки наличных денег — путем обмена.

Социальная структура колониального общества имела ряд характерных особенностей.

Во-первых, в британских колониях не было наследственной аристократии. Хотя южные плантаторы и пытались копировать стиль жизни английского *джентри*, но сами, как правило, не могли похвастаться благородным происхождением.

Во-вторых, одна из главных особенностей социального расслоения в североамериканских колониях Англии кроется в высоком уровне социальной мобильности по сравнению с Европой.

В-третьих, для британских колоний был характерен быстрый рост населения благодаря естественному воспроизводству и непрекращающейся эмиграции с Британских островов и из континентальной Европы, прежде всего из германских земель.

В отличие от Испании, Франции, Португалии английское правительство не пыталось ограничить переселение своих подданных в американские колонии. Среднеатлантические колонии Нью-Йорк и Пенсильвания уже в XVII в. стали прообразом «плавильного котла»: на территории этих провинций селятся не только выходцы с Британских островов, но и немцы, французы, голландцы, шведы, евреи.

Быстрый рост населения колоний можно проиллюстрировать следующими данными: если в 1700 г. население Британской Америки — 250 тыс. человек, то к 1775 г. — свыше 2,5 млн (включая около 0,5 млн негров-рабов). Более трети белого населения было неанглийского происхождения. Лишь около 3 % населения приходится на долю городов, которые по европейским масштабам были невелики — ко времени войны за независимость Филадельфия насчитывала 24 тыс. жителей, Нью-Йорк — 18 тыс., Бостон — 16 тыс.

Верхушку колониального общества на Юге составляли *плантаторы-рабовладельцы*, среди которых действительным влиянием пользовались весьма немногочисленные семейства, разбогатевшие в середине XVII в. на табачном буме и связанные между собой родственными узами. В колониях Новой Англии крупное землевладение не получило распространения, поэтому верхи колониального общества там составляли *зажиточные торговцы*. В среднеатлантических колониях колониальная верхушка была представлена как *владельцами крупных земельных латифундий*, производивших пшеницу и табак, так и зажиточными купцами Нью-Йорка и Филадельфии.

Средний слой колоний составляли *фримены*, т. е. лица, чья профессия приносила им стабильный заработок, главным образом фермеры, мелкие торговцы, священники, капитаны и владельцы судов, ремесленники, надсмотрщики на плантациях. В колониях Новой Англии фрименом считался не столько независимый собственник, сколько политически полноправный житель колонии — пуританин. Эта группа колониального населения численно преобладала в колониях Северо-востока, для которых была характерна бóльшая социальная однородность, чем для колоний Юга.

Важнейшей проблемой британских колоний на протяжении XVII—XVIII вв. была нехватка рабочей силы. Особенно остро нехватка рабочих рук ощущалась на Юге, где в 1630-е гг. быстрыми темпами росло производство табака для продажи на европейском рынке. Первоначально эта проблема решалась за счет ввоза *сервентов (или законтрактованных слуг)*. С этими людьми заключался контракт на определенный срок (4—5, реже 7 лет), в течение которого они обязывались «отработать» те деньги, которые были потрачены на их переезд в Америку. Доставка в колонии законтрактованных слуг постепенно стала весьма выгодным бизнесом в метрополии: в результате в Англии начали процветать незаконные методы «вербовки» рабочей силы для американских плантаций. Агенты колониальных компаний зачастую подыскивали будущих сервентов в питейных заведениях, где разгоряченные бесплатным алкоголем и обманутые лживыми обещаниями люди ставили подпись под контрактом. Английский парламент стремился использовать институт законтрактованных слуг, чтобы освободить страну от нищих и бродяг, переполнявших страну в начале XVII в. Многим преступникам приговор заменяли отработкой в колониях. Таким образом, значительная часть

поселенцев отправлялась в Америку против собственной воли или в силу крайней нужды. Согласно тогдашнему английскому законодательству, положение сервентов мало чем отличалось от положения рабов. Предполагалось, что, отработав срок своего контракта, сервенты должны получить не только личную свободу, но и участок земли в 50 акров, необходимый инвентарь, зерно, одежду. Однако на деле далеко не все сервенты получали положенные им наделы. Хозяева «белых рабов» прибегали к всевозможным уловкам, чтобы не выполнять условия контракта: уничтожали документы, приписывали сервентам порчу имущества или несуществующие долги. Нередко вчерашние сервенты получали участки, малопригодные для земледелия. Многие из них, получив земельные участки, сразу же продавали их. Однако, известны случаи успешного подъема бывших сервентов «наверх». Отсутствие жесткой социальной разграниченности формировало особую психологию белых поселенцев колоний, как зажиточных, так и самых бедных: их будущее зависело только от них самих.

Институт законтрактованных слуг не обеспечивал полного решения проблемы рабочей силы на плантациях Юга. В 1619 г. голландцы ввезли на территорию Виргинии 20 африканских негров. Однако процесс окончательного оформления *института черного рабства* приходится на вторую половину XVII в., а сами негры первоначально выполняли функции белых каменных слуг. Да и численность негров была незначительной: из 40 тыс. населения, проживавшего на территории Виргинии к 1671 г., негров было около 2 тыс. В 1683 г. на плантациях этой южной колонии работало 16 тыс. законтрактованных слуг и только 3 тыс. негров-рабов. Недостаточно распространенное применение труда негров можно объяснить целым рядом обстоятельств, в первую очередь медленным развитием плантационной экономики, нехваткой капиталов, отсутствием стабильных рынков сбыта для возделываемых на Юге монокультур. Однако постепенно производство табака приобретало все большие масштабы, а чернокожие рабы оказались идеальной рабочей силой для тяжелого труда на плантациях. Их отличало завидное здоровье и выносливость, в случае побега негра несложно было найти в толпе, наконец, стоимость негров-рабов во второй половине XVII в. заметно снизилась. С другой стороны, резко сократился ввоз сервентов из метрополии, где замедлялись темпы роста населения и стабилизировалась социально-экономическая и политическая ситуация.

С расширением черного рабства в колониях принимаются все более жестокие законы против заговоров и восстаний рабов. Согласно *кодексам о рабах* неграм под страхом смерти запрещалось иметь оружие, учиться грамоте, заниматься торговлей, владеть какой-либо собственностью, участвовать в собраниях. Негры были лишены всяких прав. Колониальное законодательство установило абсолютные права собственности рабовладельцев на чернокожих рабов. Последние признавались движимым имуществом своих хозяев, и только в

этом качестве раб подлежал защите закона, подобно всем другим формам собственности. В результате широкомасштабного перехода плантационного Юга на использование труда черных рабов происходит своеобразная консолидация белого населения, рождается идея единства всех белых, как богатых, так и бедных, их расового превосходства над неграми. Все белое население Юга воспринимало себя как господствующую элиту, стремящуюся всеми силами удержать в повиновении черных рабов.

Хотя рабство негров в XVIII в. стало преобладающей формой труда на плантациях Юга, тем не менее использование труда законтрактованных слуг все еще сохранялось, хотя и в значительно меньшем объеме. Постепенный отказ от труда сервентов был также следствием *восстания Натаниэля Бэкона*, крупнейшего социально-политического выступления колониального периода. Многие южные плантаторы приходят к выводу, что использование труда «белых рабов» таит в себе постоянную угрозу социального взрыва.

Восстание Натаниэля Бэкона. Кризисная ситуация, сложившаяся в Виргинии к середине 1670-х гг., была следствием как объективных причин (падением европейских цен на табак), так и политики губернатора Уильяма Беркли, управлявшего колонией более 30 лет. В течение 15 лет губернатор отказывался проводить новые выборы в колониальную ассамблею, предпочитая работать с «проверенными» и послушными депутатами, многие из которых принадлежали к его ближайшему окружению. Губернатор по своему усмотрению и за соответствующее вознаграждение раздавал лицензии на торговлю пушниной с индейцами и жаловал земли на западных границах колонии. В результате проводимой Беркли земельной политики создавался искусственный дефицит земли; большинство освобожденных сервентов не могли получить обещанную им землю, и были вынуждены арендовать ее у богатых плантаторов, расплачиваясь значительной частью урожая. К 1675 г. подобные арендаторы составляли около трети населения колонии.

Глухое недовольство режимом Беркли в 1676 г. вылилось в открытое выступление. Поводом послужили военные столкновения с индейцами на западных границах Виргинии. Колонисты настаивали на решительных действиях, но Беркли тянул с организацией карательного похода, так как вместе со своим окружением вел с индейцами выгодную торговлю пушниной. Молодой преуспевающий плантатор Натаниэль Бэкон, не дожидаясь разрешения губернатора, организовал успешный рейд против индейцев. Беркли счел его действия мятежом. Бэкон же, в свою очередь, призвал колонистов выступить против губернатора и встать на защиту своих интересов. В обращении к сервентам лидер восстания пообещал им землю и снижение налогов, что обеспечило широкую поддержку восстания со стороны низов колонии. Когда отряд Бэкона вошел в столицу колонии — Джеймстаун, ассамблея, уступая давлению восставших, приняла ряд

постановлений, получивших название «*Законов Бэкона*»: отныне обложению налогами подлежали влиятельные лица, ранее пользовавшиеся незаконными привилегиями; чиновникам запрещалось использовать колонию для обеспечения собственных нужд; вводился принцип сменяемости властей.

Неизвестно, чем бы закончилось восстание, если бы не внезапная смерть Бэкона от лихорадки. Выступление было жестоко подавлено, 23 участника восстания повешены, а «*Законы Бэкона*» отменены. Однако выступление имело такой широкий резонанс, что присланные из Англии комиссары отстранили губернатора от власти, удостоверившись, что проводимая им политика дала повод для недовольства. Воспользовавшись ситуацией, власти метрополии установили жесткий контроль над системой управления колонии. Аналогичные изменения произошли и в других британских колониях Северной Америки.

Политическое развитие колоний во второй половине XVII в. В первой половине XVII в. колонии развивались относительно изолированно от метрополии, так как у английского правительства не было реальных возможностей для вмешательства в колониальные дела. Ситуация начала кардинально меняться с Реставрацией Стюартов на английском престоле. С начала 1660-х гг. метрополией был взят курс на усиление контроля над американскими колониями. Рассматривая колонии как источник средств для улучшения тяжелого финансового положения монархии, Карл II стремился к созданию системы централизованного управления удаленными заморскими территориями.

Английское правительство периода Реставрации настораживало заметное усиление Новой Англии, которая отличалась от южных и центральных колоний большей политической самостоятельностью, пуританским вероисповеданием, наличием конфедерации входивших в нее колоний. Власти самой крупной и экономически развитой колонии — Массачусетса, осознавая свою миссию последнего форпоста пуританизма, всемерно подчеркивали свое право на самоуправление, которое, по их мнению, гарантировала хартия 1629 г. Массачусетс последним из британских колоний выступил с верноподданническим заявлением в адрес нового монарха, не забыв при этом детально перечислить «свободы» этой корпоративной колонии.

Чтобы ослабить крупнейшую колонию Новой Англии, Карл II признал законность образования новых колоний, отделившихся от Массачусетса. Дарование Род-Айленду и Коннектикуту новых королевских хартий, подтвердивших их корпоративный статус, породило территориальные споры и привело к ослаблению единства Новой Англии. Кроме того, утвердив веротерпимость в Род-Айленде, монарх спровоцировал усиление религиозных распрей. Комиссии, инспектировавшие положение дел в Новой Англии, отмечали, что власти Массачусетса «самостоятельно решают вопрос изготовления де-

нег, предоставляют избирательное право только членам пуританских церквей, а также не соблюдают Навигационные акты». Отчеты комиссий о нарушениях в исполнении распоряжений метрополии дали монарху основания для вмешательства и отзыва хартии колонии.

Отмена хартии Массачусетса сопровождалась созданием гиперцентрализованной системы управления колониями по образцу испанских вице-королевств. Все новоанглийские колонии перешли под единый контроль и составили *Доминион Новая Англия* (1686—1689). Колониальная администрация была сосредоточена в руках королевского генерал-губернатора и Совета, члены которого назначались, а не избирались населением колоний. В 1688 г. в состав Доминиона вошли также Нью-Йорк и Нью-Джерси.

Назначенный генерал-губернатором Доминиона *Эдмунд Андрос* получил практически неограниченную законодательную, исполнительную и военную власть. Это был решительный шаг к полному подчинению королевскому абсолютизму не только пуританских колоний Новой Англии, но и всех остальных английских колоний в Северной Америке. Руководствуясь закрытыми инструкциями, полученными непосредственно от монарха, Андрос должен был реорганизовать систему земельных отношений, а именно ввести в колониях Новой Англии квивит-ренту, а также взysкать налог с тех земельных наделов, владельцы которых не имели королевского подтверждения прав собственности. Согласно воле монарха, Андрос должен был следить за соблюдением принципа веротерпимости, что ощутимо ударило по позициям пуританской церкви в Массачусетсе и других колониях Новой Англии. Для жесткого контроля за соблюдением Навигационных актов в Бостоне учреждался суд вице-адмиралтейства, в работе которого не предусматривалось участие присяжных заседателей.

Все финансовые издержки реорганизации системы управления тяжелым бременем ложились на население колоний. Администрация жестко регламентировала экономическую жизнь Доминиона, продавая лицензии на право заниматься той или иной коммерческой деятельностью. Вводимые налоги собирали без предварительной процедуры их утверждения нижней палатой колониальной ассамблеи, так как местные представительные органы власти были упразднены. Священник Дж. Уайз призвал колонистов бойкотировать распоряжение губернатора, поскольку обложение налогами собственников без согласия их представителей есть нарушение исконных прав колонистов как подданных английской короны. Над Уайзом и его сторонниками состоялся суд, в ходе которого судья заявил: «Вы не имеете никаких привилегий, кроме тех, что вас не покупают и не продают, как рабов». В результате судебного разбирательства по «делу Уайза» впервые на повестку общественно-политической жизни британской Америки был поставлен вопрос о правах колонистов как английских подданных. Уайз, отказываясь платить не вотированные представи-

тельными учреждениями налоги, апеллировал к английской правовой традиции. Его оппоненты, напротив, утверждали, что колонисты, покинув метрополию, лишились всех свобод и привилегий жителей Англии, а следовательно, главная юридическая норма в Америке — приказ монарха.

Недовольство деспотическим режимом Андроса, неприятие его жесткого курса в вопросах землевладения, налогообложения и соблюдения торговых регламентаций, религиозный конфликт вырвались наружу, как только в колониях стало известно о государственном перевороте в Англии. 18 апреля 1689 г. первыми выступили жители Бостона, провозгласив возвращение к порядкам, существовавшим до отмены хартии 1629 г. Каждая из колоний Новой Англии восстановила институты самоуправления. Из Бостона восстание незамедлительно распространилось на Нью-Йорк, где события приобретали наиболее драматичный характер, поскольку для жителей Нью-Йорка известие о «славной революции» становится удобным поводом не просто восстановить порядки, существовавшие до создания Доминиона, а реформировать систему управления колонией, введя ранее не существовавшую ассамблею, которая бы вотирует налоги, акцизные платежи и пошлины.

Большинство жителей колонии исповедовали протестантизм, и здесь в наибольшей мере проявился страх перед «католическим заговором», которым была одержима вся британская Америка вслед за населением метрополии. Поползли слухи о том, что католики, ставленники Якова II, не хотят признавать власть протестантского короля Вильгельма Оранского, потому что ожидают помощи французов из Канады. Разговоры о «католической угрозе» послужили необходимым оправданием и для выступления Джона Куды в Мэриленде. Разумеется, причины восстаний в Нью-Йорке и Мэриленде крылись не только в противоречиях католической верхушки и протестантского большинства колоний. Среди причин выступлений следует назвать и недовольство экономической политикой собственников колоний, в частности повышением налогов, сложностью получения специального патента на торговлю с индейцами, отменой подушного надела (1683).

Отказавшись признать легитимность новой власти в Нью-Йорке, Массачусетсе и Мэриленде, новый монарх продемонстрировал, что не намерен менять политику своих предшественников по ужесточению контроля над колониями. Остро нуждаясь в финансовых средствах для ведения активной внешней политики, Вильгельм продолжил курс по наведению порядка и унификации системы колониального управления. Вместе с тем монарх понимал необходимость компромисса с верхушкой колониального общества. Иллюстрацией подобного рода компромисса может служить новая *хартия Массачусетса* (1691). Колония потеряла свой корпоративный статус и стала королевской; политика веротерпимости была провозглашена в отно-

шении всех протестантов. Метрополия оставила в силе все Навигационные акты и иные распоряжения, регламентирующие торговую деятельность. Вместе с тем были существенно расширены границы колонии за счет включения в нее территории Нового Плимута. Хартия подтвердила все земельные права частных лиц, городов и учебных заведений. Окончательно был снят вопрос о взимании квот-рен-ты с жителей Новой Англии. Ассамблея Массачусетса получила полномочия избирать *Совет колонии*, вотировать жалование губернатора, контролировать вопросы налогообложения и расходования средств.

Действия короны и в других колониях были направлены на достижение компромисса между прерогативами королевской власти и стремлением колонистов обрести те политические права, которые ассоциировались с «исконными английскими свободами», прежде всего право на представительное правление. Метрополия сделала важный шаг по пути унификации избирательного права в своих американских владениях. Только Фримены, владевшие имуществом, оцениваемым не менее чем в 40 ф. ст., получили право избирать депутатов колониальных ассамблей. Произошло окончательное оформление и стабилизация политических институтов британских колоний.

Система колониального управления. К середине XVIII в. большинство американских колоний находилось под непосредственным управлением королевской власти. В политическом плане это выражалось в том, что губернаторы колоний назначались королем. Лишь две новоанглийские колонии — Род-Айленд и Коннектикут — сохраняли корпоративный статус и сами избирали своих губернаторов. В трех собственнических колониях (Мэриленде, Пенсильвании и Делавэре) вплоть до Войны за независимость сохранялась власть собственников, которым и принадлежало право назначать губернатора. Впрочем, и в этом случае требовалось утверждение губернатора королем. В свою очередь, губернатор колонии имел право назначать судей и прочих чиновников колониального управления. Он имел огромные экономические полномочия — прежде всего регулировал земельные отношения. Губернатор возглавлял вооруженные силы колонии и вел все официальные переговоры с индейскими племенами, мог непосредственно влиять на работу законодательных собраний, обладая правом вето, а также правом созыва и роспуска колониальных ассамблей.

Несмотря на огромные полномочия, губернатор далеко не всегда был сильной политической фигурой. Во-первых, большое количество инструкций из Лондона, не учитывавших местной специфики, часто сковывало его инициативу. Во-вторых, немногие люди готовы были отправиться в Новый Свет на пике своей карьеры. И поэтому губернаторы — это, как правило, бюрократы на закате своей очень успешной карьеры, или люди молодые, не имевшие доста-

точного опыта, лишь начинавшие продвигаться по чиновничьей лестнице. Губернаторов обычно назначали на весьма короткий срок. Поскольку размер жалованья губернатора вотируют депутаты колониальных ассамблей, то губернаторы редко шли на открытый конфликт с законодательным собранием.

В XVIII в. каждая британская колония в Северной Америке имела свое законодательное собрание как орган местного представительства. Собрания или ассамблеи были двухпалатными. Верхняя палата называлась *Советом колонии* и, как правило, назначалась губернатором, или — в корпоративных колониях — избиралась нижней палатой законодательного собрания. Совет колонии обладал функциями совещательного органа при губернаторе, а кроме того, это была высшая судебная инстанция колонии. Главная прерогатива нижней палаты, избравшейся фрименами, состояла в утверждении порядка налогообложения.

Таким образом, политический строй в колониях формально воплощал господствовавшую в английской государственно-правовой практике и теории систему «смешанного правления». По характеристике современника, власть в колониях в лице губернатора, представлявшего короля, была монархической, в лице Совета — аристократической, в лице палаты представителей или депутатов — демократической. Однако влияние этих трех форм в Англии и в колониях не было равнозначным. Если в метрополии вся полнота законодательной власти была закреплена за парламентом *Биллем о правах*, и в целом соотношение прерогатив королевской и представительной власти неуклонно менялось в пользу последней, то в Северной Америке ситуация была иной. Исполнители монаршей воли, губернаторы в королевских и собственнических колониях, назначались непосредственно из Лондона и обладали огромными полномочиями.

Религиозная ситуация и массовое сознание. Переселение многих европейцев в британскую Северную Америку в XVII — первой половине XVIII в. носило характер религиозного исхода. Однако многообразие религиозных верований в колониях не привело к утверждению принципов религиозной терпимости, за исключением территории Род-Айленда и Пенсильвании. Напротив, история колониального периода полна многочисленными конфликтами, главной причиной которых было стремление представителей церкви, считавшихся по традиции главенствующими в той или иной колонии, получить определенные социально-политические привилегии. В наибольшей степени подобное стремление было характерно для так называемых официальных церквей, на роль которых претендовали конгрегационалисты в колониях Новой Англии и англикане в Виргинии, Мэриленде, Северной и Южной Каролине, Нью-Йорке. Одной из характерных черт общественной жизни всех американских колоний был антикатолицизм: представители различных протестантских течений выступали единым фронтом против католиков, которые были

повсеместно лишены права участия в колониальных выборах и не могли занимать выборные посты.

Приходская церковь в колониальной Америке была центром общественной жизни. Здесь читались государственные прокламации, объявлялись новые законы, проводились выборы в ассамблеи. Жители тех колоний, где господствующее положение занимала англиканская церковь, должны были выплачивать специальный налог на содержание официальной церкви, даже если исповедовали иные религиозные взгляды. Аналогичный налог существовал и в Новой Англии на нужды пуританской церкви. Англиканская церковь, пользовавшаяся всемерной поддержкой метрополии, испытывала нехватку духовенства в своих приходах. Согласно официальной статистике в Виргинии в середине XVII в. один англиканский священник приходился на более чем 3 тыс. колонистов, в то время как в пуританском Массачусетсе соотношение было 1: 400. До 1730—1740-х гг. религиозная атмосфера тех колоний, где англиканская церковь считалась государственной, не отмечена ни острыми теологическими дебатами, ни активным участием рядовых верующих в жизни общины. Типичный англиканский приход в южных колониях охватывал огромную территорию в 100 кв. миль. В отличие от Новой Англии, где колонисты проживали в компактных поселениях, население Юга было разбросано по плантациям и фермам. Ужасное состояние дорог, постоянная угроза нападения индейцев не позволяли многим колонистам регулярно посещать церковные службы.

Религиозная практика в пуританской Новой Англии коренным образом отличалась от южных колоний. В центре любого новоанглийского городка стоял молитвенный дом. Там местные жители не только вместе молились, но и обсуждали свои самые насущные проблемы. Молитвенный дом стал для пуритан символом сплоченности, единения, а проходившие там собрания — своего рода «гражданскими ритуалами». Согласно постановлениям колониальных магистратов, ни один дом в Новой Англии не мог быть построен на расстоянии более 1,5 миль от молитвенного дома, являвшегося центром поселка, его ядром. В церквях Новой Англии не было ни икон, ни витражей, ни органов. Здесь не соблюдали предписания англиканской «Книги Общих Молитв», не отмечали дни святых, не праздновали Рождество Христово, не проводили церковные обряды венчания. Детей предпочитали называть библейскими именами; обряд крещения не предполагал наличия крестных отцов и матерей. Вместо столь популярных в Англии баллад пели псалмы. Ни в одном новоанглийском поселении не было майского шеста. Борьба с наследием язычества проявилась даже в том, что в новоанглийских альманахах месяца обозначали лишь цифрами, отказавшись от их римских наименований. Проповедь, которой придавалось важнейшее значение, была сродни театральному представлению. Многие священники были прекрасными ораторами. Магистратам иногда при-

ходилось ограничивать количество проповедей в будние дни, так как ежедневные многочасовые церковные службы отвлекали жителей Новой Англии от повседневных забот. Сидя в холодных неотопливаемых церквях, колонисты аккуратно записывали слова священника.

Однако с уходом с исторической сцены «первого поколения» пуритан — основателей колоний Новой Англии, религиозный энтузиазм начал постепенно угасать, да и эмиграция в Новую Англию со временем перестала носить исключительно религиозный характер. В глазах многих пуритан привычный мир рушился. Старый политический строй после отзыва короной хартии Массачусетса безвозвратно уходил в прошлое. Пуританская церковь вынуждена была терпеть присутствие англикан, квакеров, баптистов. Начали расшатываться нравственные устои новоанглийского общества. Колонисты проявляли интерес к всевозможным магическим ритуалам. Гадание, поиск пропавших предметов и родственников, предсказание будущего, снятие сглаза, знахарство — вот далеко не полный перечень магических действий, получивших в это время широкое распространение в Новой Англии. На первый взгляд, может показаться странным, что ортодоксальный пуританизм мирился с существованием разнообразных магических ритуалов, ведь вера в силу магии была частью того «испорченного» мира, который отринули и покинули пуритане. Однако многие набожные прихожане церквей Новой Англии удивительным образом сочетали положения пуританской доктрины с языческими народными поверьями. Наибольшим «спросом» здесь пользовались услуги предсказателей будущего. Даже праведным пуританам, терзаемым ежедневными мучительными сомнениями в своей «избранности», необходимо было (хоть и на короткое время) чувство уверенности в своей «предопределенности к спасению». Страстным желанием постичь божественный промысел можно объяснить и увлечение астрологией, составление большого числа астрологических альманахов. Однако главная причина духовного кризиса конца XVII в. — падение авторитета конгрегационалистской церкви и роли пуританских священников в жизни новоанглийского общества. Во многом благодаря развитию торговли, предпринимательской деятельности произошло постепенное обмирщение сознания колонистов. Этот процесс в наибольшей степени затронул жителей портовых городов Бостона и Салема — торговых центров Новой Англии.

Именно в Салеме и произошли самые трагичные события американской колониальной истории — *салемская «охота на ведьм»*. В течение 1692 г. обвинения в ведовстве были предъявлены 156 жителям Массачусетса, 19 человек было повешено, 5 заключенных скончались в тюрьме.

Своды законов всех британских колоний предусматривали смертную казнь за ведовство, однако ведовские процессы были редкостью за пределами Новой Англии. Так, например, в Виргинии ни один человек не был казнен за ведовство. В Новой Англии до нача-

ла сейлемских процессов 1692 г. к суду по обвинению в ведовстве привлекался 61 человек, из них 14 были признаны виновными и казнены. В Новой Англии, как и в Европе, в колдовстве обвиняли преимущественно женщин (79 %). Более половины мужчин, представших перед судом, были ближайшими родственниками подозреваемых в «связи с дьяволом» женщин. Обвинения в ведовстве, как правило, предъявлялись тем женщинам, чьи оккультные способности, медицинские познания, неортодоксальные религиозные воззрения не укладывались в традиционную схему поведения женщины, принятую в XVII в. В отличие от практики других колоний и метрополии, где большинство обвиняемых в ведовстве женщин принадлежали к беднейшим слоям общества, в Новой Англии значительное количество обвинений приходилось на долю экономически независимых и состоятельных (по колониальным меркам) женщин. Получив возможность вступить во владение собственностью и распоряжаться ею по своему усмотрению, они становились крайне уязвимыми для обвинений в ведовстве. Личная неприязнь соседей была следствием экономических проблем, вызванных относительной «перенаселенностью» региона вокруг Бостона и Салема. Эти земли были поделены между колонистами еще на заре колонизации. Начиная с середины XVII в. на фоне быстрого демографического роста остро ощущалась нехватка земель. Нормой повседневной жизни становились бесконечные судебные тяжбы соседей из-за границ земельных участков. Сосредоточение значительной собственности в руках той или иной женщины неизбежно вело к недовольству «обделенных» землей колонистов.

Процесс «отрезвления» после всеобщей паники и массовой истерии 1692 г. растянется на годы. Главные обвинители, члены суда и священники со временем покаются в совершенных ошибках и причиненных невинным людям страданиях. Общее Собрание Массачусетса примет решение, запрещающее возбуждение дел по подозрению в ведовстве. Салемские события, став апогеем политики нетерпимости и религиозных гонений в пуританских колониях, приведут к застою в религиозной жизни региона.

Мощный импульс религиозного обновления принесло с собой так называемое «*Великое Пробуждение*» 1730—1740-х гг., охватившее население всех британских колоний в Северной Америке. Ареной религиозной жизни стали массовые собрания верующих под открытым небом. Проповедь, прочитанная на открытом воздухе, часто на восходе или закате солнца, при стечении тысяч прихожан, рождала ощущение колоссального духовного подъема, очищения, обновления веры. Эпоха «Великого Пробуждения» высвободила скрытую до той поры эмоциональность протестантской веры. Тысячи прихожан, как в северных, так в южных и центральных колониях, покидали прежние церковные общины и образовывали новые. Впервые жители всех североамериканских колоний, исповедующие различные религиоз-

ные взгляды пережили общий духовный подъем, сильнейшее эмоциональное потрясение. Процесс религиозного обновления впервые затронул и тысячи негров-рабов, и американских индейцев. Иррационализм и мистическая эмоциональность «Великого Пробуждения» были тем более удивительны, что Просвещение, с его рациональной, светской идеологией уже стояло у порога Америки.

Общественно-политическая мысль колоний в XVII — первой половине XVIII в. Пуританизм. Центром интеллектуальной жизни Британской Америки в XVII — первой половине XVIII в. была пуританская Новая Англия. Пуританизм стал главной причиной переселения многих англичан в Америку; его догматы, нравственные предписания, характер церковной организации оказали значительное влияние на формирование политических институтов, на духовное и социально-политическое развитие новоанглийского общества. Поскольку «великий исход» из Старого в Новый Свет был исполнен для пуритан особого провиденциального смысла, выработка идеальной «богоугодной» модели общественного устройства стала одной из главных задач для участников «пуританского эксперимента» на американской земле.

В основе пуританской политической доктрины лежала концепция *ковенанта*, т.е. соглашения, договора Бога с людьми, оговаривающего условия спасения. Уверовав в свою богоизбранность, ортодоксальные пуритане Массачусетса вознамерились жить, следуя божим заповедям, считая себя «народом», связанным «национальным ковенантом» с Богом. Нормой жизни стал жесткий контроль над общественной моралью. Доктрина национального ковенанта давала политическим институтам Массачусетса божественную санкцию. Светская власть, таким образом, освящена Богом, однако конкретные ее формы, цели и задачи определяются людьми, которые, в свою очередь, заключают еще один, вспомогательный, социальный ковенант уже не с Богом, а друг с другом и избирают правителей точно так же, как члены церковной общины, заключая между собой церковный ковенант, определяют нормы богослужения и выбирают проповедника. Получивший широчайшее распространение в Новой Англии, пуританский ковенантизм заключал в зародыше теорию общественного договора. Признавая необходимость договора как единственно возможной формы взаимоотношений правителей и управляемых, пуританская концепция социального ковенанта сыграла значительную роль в становлении правового государства в Америке.

Стержнем социальной концепции новоанглийского пуританизма была доктрина земного призвания. В идеальной модели гражданского устройства каждый на своем месте должен был трудиться во имя общего блага. Человек для блага общества должен выполнять те обязанности, что предопределил для него Господь. Вместе с тем новоанглийские теологи признавали право народа на восстание против несправедливых тиранов. В Массачусетсе с радостью были восприняты

известия об Английской революции; более того, пуритане не осуждали своих английских «братьев» за казнь Карла I.

С критикой основополагающих принципов церковной практики и общественного устройства пуританского «града на холме», прежде всего проводимой властями Массачусетса политики нетерпимости, осмелились выступить некоторые радикально настроенные колонисты (Р. Уильямс, Т. Хукер, С. Гортон, Э. Хатчинсон и др.).

Величайшим достижением новоанглийского радикального пуританизма стало формулирование основ теории веротерпимости и разработка концепции общественного договора и народного суверенитета. Главная заслуга в формулировании принципов теории веротерпимости на американской земле принадлежит Роджеру Уильямсу. Он доказывал, что нет больше единого богоизбранного народа, а следовательно, и массачусетские порядки не были санкционированы Богом. Уильямс считал глубоко порочной саму идею «национальной церкви». Магистрату и официальной церкви не дано права судить, что свято, а что грешно. Люди должны быть свободны в выборе своих религиозных убеждений, а церковь должна быть отделена от органов светской власти. Краеугольным камнем политической концепции Уильямса было отрицание им учения о божественном происхождении государственной власти.

Политическая доктрина новоанглийского пуританизма получила развитие в результате событий «Славной революции». В отличие от политических памфлетов, вышедших из-под пера пуританских авторов в первой половине XVII в., полемическая литература периода «Славной революции» практически лишена религиозной аргументации. Складывалось представление о том, что задача светской власти состоит в защите исконных прав и привилегий подданных английской короны, а не «истинной» пуританской веры. Подобная трансформация идейно-политических принципов стала следствием постепенного обмирщения сознания жителей Новой Англии. Человек, его разум, интересы, естественные права и свободы выходили на первый план философских сочинений радикальных пуританских священников. Именно человек, а не божественный промысел, предстает в работах Дж. Уайза и Дж. Мэйхью главным творцом политических институтов общества.

Политическая доктрина пуританизма стала связующим звеном между традиционными религиозными представлениями и более свободным рационалистическим мировоззрением. Обладая огромным влиянием на политическое мышление колонистов, радикальное течение американского пуританизма подготовило почву для восприятия населением британской Америки светской идеологии — Просвещения и революционных политических идей эпохи Войны за независимость.

Американское Просвещение опиралось как на идейный опыт, накопленный общественно-политической мыслью колоний, так и на европейское Просвещение, чьи идеи нашли в Америке XVIII в. бла-

годатную почву. *Американское Просвещение* формировалось под сильным влиянием английской и французской просветительской мысли, прежде всего сочинений Дж. Локка, Ш. Монтескье, Э. Шефтсбери и др. Однако все заимствованные у европейских мыслителей идеи переосмыслились применительно к конкретной исторической и культурной ситуации в Новом Свете. Характерной особенностью американского Просвещения стала ориентация на практическое использование новых теорий познания, государства, права, размышлений о природе человека. Любые отвлеченные европейские теории в Америке приобретали конкретную направленность; американцам важно было знать, как просветительские идеалы могут быть реализованы в Новом Свете. Американские просветители занимали довольно умеренные позиции в отношении религии по сравнению с европейскими мыслителями. Американское Просвещение было практически свободно от антиклерикального пафоса ввиду приверженности большинства населения протестантизму; тем не менее идеи веротерпимости и необходимости отделения церкви от государства активно обсуждались в просветительской литературе. Воспитанные в традициях кальвинистской предубежденности в отношении природы человека, американские просветители не склонны были к благостно-оптимистическим ее оценкам. Напротив, большинство из них придерживалось скептической точки зрения, полагая, вслед за Бенджаминем Франклином, что люди гораздо «более расположены к тому, чтобы причинять друг другу вред, нежели искупать свою вину; легче поддаются, чем противятся обману». Целый ряд пуританских догматов, регламентировавших повседневную жизнь, таких как забота о земном благополучии, трудолюбие, умеренность, вполне согласовывались с утилитаристскими элементами просветительской доктрины. Однако утвердив рациональное мышление, выступив за законодательное оформление свободы вероисповедания, Просвещение нанесло господству пуританизма сокрушительный удар.

Ярким представителем американского Просвещения стал *Бенджамин Франклин* (1706—1790), выдающийся философ, политический деятель, издатель, писатель и естествоиспытатель (Франклин изобрел громоотвод и доказал электрическую природу молнии). На протяжении четверти века (1732—1757) Франклин издавал пользовавшийся огромной популярностью «Альманах Бедного Ричарда». Отобраные и обработанные с позиций Просвещения изречения стали своего рода сводом жизненных правил человека Нового времени. Важнейшим элементом этого нравственного кодекса был отказ от религиозности. Известная фраза «На Бога надейся, но сам не плошай» не только провозглашала новое отношение к Богу и религии, но и подчеркивала самостоятельность, активность человека. Наивысшей добродетелью провозглашались трудолюбие: «Усердие — мать удачи, и без труда нет добра». Об этом же и самое, пожалуй, знаменитое изречение Бедного Ричарда: «Помни, что время — это

деньги». Дидактичность сочинений Франклина в полной мере проявилась в «Автобиографии», где он предложил читателям схему нравственного совершенствования личности и привел перечень добродетелей, к достижению которых надо стремиться. Все эти добродетели (трудолюбие, бережливость, прилежание, умеренность) носят исключительно светский и утилитарный характер. Перу Франклина принадлежит и первый план политического объединения колоний во главе с выборным губернатором, предложенный им в 1754 г.

Колониальная культура. Формирование североамериканской нации. Ранняя американская культура предстает своеобразным «плавающим котлом», в котором европейские духовные и культурные традиции соединились с оригинальными американскими чертами, заложив основы для формирования североамериканской нации. К середине XVIII в. в колониальной Америке налицо были признаки образования новой нации.

Важнейшими предпосылками этого процесса были общность территории, языка, культуры, экономической жизни и исторических судеб населения британской Америки. Совместный опыт проживания на американской земле, удаленной на тысячи миль от Старого Света, обособленность от Европы, более широкие возможности для успешной хозяйственной деятельности рождали общие черты психологического склада жителей колоний, такие как практицизм, предприимчивость, оптимизм.

Население колоний было пестрым по национальному составу и наряду с англичанами, составлявшими к середине XVIII в. около двух третей поселенцев, в колониях проживали шотландцы, немцы, ирландцы, голландцы, шведы, французы, испанцы. Однако основная масса колонистов пользовалась английским языком, который приобрел в Америке ряд специфических особенностей как вследствие определенного выговора, отличавшегося от языка жителей метрополии, так и в результате появления новых слов, заимствованных из языков иммигрантов других стран и индейцев.

Уровень грамотности населения был неодинаков в различных колониях. Если в Виргинии к 1700 г. количество взрослых мужчин, умевших читать и писать, достигало 55—60 %, то в Новой Англии этот показатель был существенно выше — 90—95 %, чему способствовала пуританская вера, делавшая особый акцент на самостоятельном «постижении» верующими текстов Священного Писания.

Начальное школьное образование в Массачусетсе и других колониях региона было обязательным и практически бесплатным, так как все расходы принимала на себя конгрегация. Нерадивых родителей штрафовали за невнимание к образованию детей. Поэтому не случайно, что первый колледж в британской Америке — Гарвард — был основан в 1636 г. именно в Новой Англии, в небольшом городке неподалеку от Бостона, названном Кембридж в память об alma mater большинства пуританских священников «первого поколения».

Главной задачей Гарварда объявлялась подготовка пуританских проповедников; такие же цели преследовали основатели колледжа Йель (1701) в Коннектикуте. Колледж Уильяма и Мэри (1693 г.) в Виргинии был призван готовить духовенство для англиканских церквей колониальной Америки.

Стремительный рост числа колледжей в колониях начался после «Великого Пробуждения» 1740-х гг., породившего новую волну религиозного энтузиазма и обострившего и без того непростые отношения между различными вероисповеданиями. Каждый новый колледж основывался в поддержку той или иной церкви: так баптисты основали Браун, пресвитериане — Принстон, голландские реформаты — Ратгерс, а англикане совместными усилиями с пресвитерианами — будущие Колумбийский и Пенсильванский университеты. Однако чем больше появлялось колледжей, основанных различными религиозными движениями, тем меньше становилась связь этих учебных заведений с конкретным вероисповеданием. В программе обучения все бóльший упор делался не на богословие, а на приобретение знаний, необходимых для будущей практической деятельности.

Первая колониальная типография была основана в Кембридже в 1640 г. Наряду с официальными документами и теологическими трактатами, типографии печатали альманахи, пользовавшиеся огромным спросом. Эти издания включали в себя статьи самого разного содержания: сведения по астрологии соседствовали с комментариями к библейским текстам, рекомендации по ведению сельского хозяйства — с притчами, стихами, философскими рассуждениями.

Первая колониальная газета — «*Бостон Ньюслеттер*» появилась в 1704 г. К 1739 г. газеты издавались уже во всех крупных портовых городах Америки — Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, Чарльстоне, Уильямсбурге. Предназначенные в основном для торговцев и предпринимателей, колониальные газеты почти не публиковали местных новостей, за исключением информации о прибытии судов, рекламы ввезенных товаров или сведений о поимке беглых рабов и сервентов. Основные материалы перепечатывались из английской прессы.

Такой характер колониальной прессы лишний раз свидетельствует об огромном культурном влиянии метрополии на население Северной Америки. Большинство колонистов не считали себя американцами, а предпочитали с гордостью именоваться подданными британской короны.

Жители колоний восхищались «идеальным» политическим строем метрополии, утонченностью манер английского джентри, глубиной мысли английской литературы. Богатейшие люди колоний пытались копировать стиль жизни английского дворянства. Виргинские плантаторы строили роскошные дома в английском георгианском стиле, выписывали английские журналы, одевались по английской моде, приглашали к своим сыновьям английских гувернеров. Перелом в отношении колонистов к метрополии произойдет в результате событий, последовавших после окончания Семилетней войны.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Колониальные владения Испании и Португалии в конце XVI в. К концу XVI в. Испания и Португалия распространили свою власть на обширные территории Западного полушария. С 1580 по 1640 г., в период единства этих двух государств, под скипетром испанских Габсбургов в Новом Свете оказалась огромная колониальная империя, включавшая области Северной Америки, Центральную и Южную Америку.

Испанские колониальные владения значительно превосходили португальскую Бразилию. В состав испанского государства все земли в Америке вошли на правах двух вице-королевств. Новая Испания со столицей в Мехико включала в себя современные Калифорнию, Флориду, южную часть Луизианы, Техас, Мексику, области Центральной Америки и острова Карибского бассейна. Вице-королевство Перу, столицей которого была Лима, охватывало пространства всего южноамериканского континента, за исключением Бразилии. Граница между вице-королевствами проходила по Панамскому перешейку.

Испанские и португальские колонии в Новом Свете современники именовали Западными Индиями. Названия Латинская Америка и Ибероамерика появились в 1930-е гг. В них отразились представления о важной роли в истории американского континента народов Пиренейского (Иберийского) п-ва, говоривших на восходящих к латыни романских языках.

Испанцы и португальцы «открыли» различные по географическому положению и населенности территории Нового Света. Активная испанская колонизация происходила в ходе полувекового завоевания (Конкисты) американских государств майя, ацтеков и инков, располагавшихся в Центральной Америке и на Андском нагорье. Португальцам же «достались» малонаселенные области северного и восточного побережья Южной Америки, покрытые влажными тропическими лесами. Португальская колонизация развивалась медленнее и дольше.

Даже к концу XVII в. значительные пространства Центральной и Южной Америки все еще были неизвестны европейцам. Так, Испания претендовала на территории, в 26 раз превышающие ее собственную площадь, однако контролировала только около 7 % из них. Со второй половины XVI до середины XVII в. португальцы сумели

освоить узкую полосу восточного побережья южноамериканского континента — 2 % современной территории Бразилии.

Территориальная экспансия испанцев и португальцев продолжалась в течение всего колониального периода. Ее стимулировало наличие огромных массивов «свободной земли»: европейские поселенцы проникали вглубь континента, устанавливали там свою власть и начинали хозяйственное освоение завоеванных областей.

Труднодоступные области Нового Света, «ничейная земля», превратилась в убежище для коренного населения, сопротивлявшегося власти испанцев и португальцев. На п-ве Юкатан и на юге современных Чили и Аргентины испанцы вели войны с «незамирными индейцами» до начала XVIII в. Освоение португальцами глубинных районов Бразилии было связано с рейдами военных отрядов наемников, уничтожавших индейские поселения и обращавших их жителей в рабство. Походы наемников были обыденным явлением в Америке вплоть до XVIII в.

Форпостами европейской колонизации были города. Абсолютное большинство испанских и португальских поселенцев были городскими жителями. Они принесли в Америку средиземноморские традиции городской культуры и сумели приспособить их к новым условиям. Первые колониальные законы (1523) определяли единые правила городского строительства. Где бы ни возводились города и поселения (например, миссии) — на побережье, в высокогорных районах или в тропических лесах, — все они должны были иметь регулярную структуру, с пересекающимися под прямым углом улицами и четким делением на кварталы. Лиму, основанную конкистадором *Франсиско Писарро* в 1534 г., называли «шахматами Писарро». Такие представления о совершенном городском пространстве сочетались с индейской традицией зодчества. Улицы старых доколумбовых столиц вписывались в облик новых городов, на месте разрушенных храмов и дворцов строились христианские соборы и общественные здания. В центре города находилась главная площадь (Пласа Майор или Пласа де Армас), рядом с площадью — собор и здание городского совета. Городские здания были каменными. Испанцы и португальцы воссоздавали в Америке привычные им типы городских усадеб с внутренними двориками, галереями, зарешеченными балконами и глухими стенами, выходящими на линию улицы. Во второй половине XVII — XVIII в., когда городское население начало расти за счет индейцев и представителей смешанных каст, облик городов стал меняться. Стихийно разрастались индейские кварталы с саманными хижинами, крытыми тростником, которые уже не подчинялись четким принципам городской планировки.

Новым явлением в городской культуре Америки стали города в труднодоступной горной местности, существование которых было связано с горными разработками. У подножия «серебряной горы Потоси», например, на высоте 4 тыс. м над уровнем моря, выросло

городское поселение, в котором проживало 160 тыс. человек. Современники сравнивали его с крупнейшими городами Европы.

Развитие морских путей в Атлантике, на Тихом океане и в Карибском море повлекло за собой рост портов: Гавана, Веракрус, Картагена, Акапулько, Кальяо, Баия, Ресифи, Рио-де-Жанейро стали богатыми торговыми городами Америки. К концу XVII в. подлинно европейским блеском отличались столицы — Мехико (140 тыс. жителей) и Лима (80 тыс. жителей), Рио-де-Жанейро (45 тыс. жителей), Ресифи (25 тыс. жителей).

Колониальная администрация. Земли Нового Света считались собственностью монархии по праву завоевания. Короли Испании и Португалии обладали исключительными правами в политическом, хозяйственном и культурном обустройстве завоеванных территорий. Материальные и людские ресурсы Америки принадлежали государству, и поселенцы получали от королей право распоряжения этими богатствами как вознаграждение за услуги, оказанные монарху.

Европейцы создали в Новом Свете особую систему политического контроля. В испанской Америке она была более централизованной, нежели в Бразилии. Португалия, владевшая колониями не только в Новом Свете, но и в Африке, Индии, в Южных морях, долгое время не могла организовать в своих американских владениях стабильную систему управления. В период единства Испании и Португалии многие черты испанской колониальной администрации были перенесены и в Бразилию.

Испанские колонии. Колонии занимали особое место в структуре испанской монархии: для управления ими существовали специальные учреждения. На протяжении всего XVII в. создавалось законодательство, учитывавшее особенности Нового Света. Этот процесс завершился в 1680 г. изданием так называемого «*Свода законов Индии*».

В метрополии ведением дел по заморским территориям занимался *королевский совет по делам Индии*, в подчинение которому была передана Севильская торговая палата. Полномочия совета были весьма широки: помимо административных вопросов, его члены занимались разработкой законодательства, финансами, обороной испанской Америки, имели право от имени короля вести судопроизводство. Для контроля над деятельностью колониальной администрации учреждались периодические инспекции. Сами вице-короли были обязаны систематически отчитываться перед советом.

В Новом Свете были созданы особые институты администрации, полностью зависимые от короны. Каждое вице-королевство рассматривалось метрополией как особая административная единица и управлялось отдельно. Вице-короли назначались непосредственно монархом и обладали широчайшими законодательными, военными и хозяйственными полномочиями и должны были сноситься с королем независимо друг от друга.

Помимо вице-королевств, завоеванные области Нового Света делились на множество административных областей. Границы полномочий высших чиновников зачастую переплетались и иногда противоречили друг другу, что открывало простор для злоупотреблений. Административная несогласованность стала наследием стремительно развивавшегося покорения Америки, когда создание институтов управления не поспевало за быстрым территориальным ростом новых владений монархии.

Характерной чертой испанской колониальной администрации было существование специальных чиновников для управления коренным населением. Они представляли короля на обширной сельской территории, отправляли правосудие, собирали подати и обеспечивали рабочей силой города, рудники и поместья колонистов.

Колониальное управление было не только громоздким, но и дорогостоящим. Королевская власть не располагала средствами, чтобы содержать в Америке достаточное количество чиновников. Выполнение нескольких обязанностей одним лицом было в порядке вещей.

Бразилия. В отличие от Испании, в Португалии не существовало специального государственного учреждения, ведавшего управлением исключительно американскими колониями. Делами всей португальской колониальной империи занимался *Совет по заморским территориям*, и Бразилия была ему подвластна наряду с другими колониями.

Вся освоенная территория португальских владений в Америке делилась на 13 административных областей, так называемых *капитаний*, которые возглавляли *капитан-губернаторы*, назначаемые королем. Столицей Бразилии стал город Баия.

Права капитанов были схожи с правами феодальных сеньоров. Одна часть капитании жаловалась им в качестве наследственного неделимого держания вместе с правом на доходы с другой ее части. Капитаны имели право вершить суд именем короля в границах подвластных им земель. По мере роста территории колонии, португальская корона стала ограничивать административные права капитан-губернаторов и лишила их права передавать капитанию по наследству. В 1549 г. король впервые назначил единого генерал-губернатора для всей Бразилии, однако официально эта должность была утверждена только в 1720 г.

Подобно испанским вице-королям, капитан-губернаторы Бразилии общались с метрополией независимо друг от друга. В XVII в. территория колонии росла, изменялись границы губернаторств и полномочия губернаторов.

В колониальную административную систему была включена и католическая церковь. В начале XVI в. испанские и португальские короли получили от папы право патроната над церковью в Америке. Оно включало в себя право назначения на церковные должнос-

ти и на часть десятины. В Новом Свете королевская власть могла основывать монастыри и контролировать действия церковных властей.

Испания и Португалия не располагали реальными средствами контроля над колониальной администрацией. Америку и метрополию разделяли тысячи километров океана, месяцы пути. Территории, которыми следовало управлять, были огромны и плохо исследованы. Королевская власть была вынуждена предоставить чиновникам право не только толковать законы, но и заниматься законотворчеством от имени короны. Колониальная администрация присваивала значительную долю казенных доходов, иногда намеренно затягивала исполнение королевских распоряжений, действуя согласно принципу «повиноваться, но не выполнять».

Слабым местом системы колониального управления была организация обороны Нового Света. Содержание и транспортировка наемных колониальных войск были чрезвычайно дороги. Военные силы колоний составляли гвардия вице-королей, а также гарнизоны форпостов и крупных портовых городов, которые формировались в метрополии. Местных уроженцев в регулярную армию не допускали.

Неспособность Испании защитить свои обширные колониальные владения стала очевидна в первой половине XVII в., в период существования единого испано-португальского государства.

В 1630 г. голландцы захватили северные капитании Бразилии и удерживали их под своей властью 24 года. Они установили на севере колонии свои порядки: проводилась политика веротерпимости, были открыты новые порты для торговли с Европой. Однако введение дополнительного налогообложения и попытки конфисковать часть сахарных плантаций в пользу голландской Вест-индской компании восстановили колонистов против завоевателей. После завоевания Португалией независимости голландцы были изгнаны из Бразилии объединенными усилиями населения и португальского флота.

Европейская колонизация и судьбы коренного населения. В результате завоевания и колонизации под властью европейцев оказались народы, находившиеся на разных уровнях цивилизационного развития. Среди них были примитивные земледельцы, собиратели и охотники Антильских островов и тропических лесов Амазонки, кочевые племена на севере Мексики, в Аргентине и на юге Чили и, наконец, высокоразвитые земледельческие народности — ацтеки, майя и инки, заселявшие обширные районы Центральной и Южной Америки.

Демографические последствия колонизации были катастрофическими для жителей Нового Света. По оценкам современных историков, за первое столетие чужеземного господства коренное население испанской Америки уменьшилось примерно в 14 раз, составив к концу XVI в. около 4 млн человек. Аборигены Антильских островов исчезли полностью. В португальских колониях численность индей-

цев сократилась втрое, составив 800 тыс. человек. Не только военные действия были тому причиной. Коренное население вымирало от болезней, принесенных европейцами из Европы (оспа, корь, тиф, грипп) и от непосильного труда на рудниках, на строительстве дорог и городов.

Биологическая адаптация коренного населения к новым условиям существования произошла только ко второй половине XVII в. Численность индейцев в испанских колониях начала возрастать — к концу столетия они составляли около половины населения. Несмотря на масштабы демографической катастрофы, в течение всего колониального периода индейцы оставались самой многочисленной этнической группой населения Америки.

Судьба коренного населения континента зависела от умения европейцев приспособить его традиционные общественные и хозяйственные институты к своим интересам. Еще во второй половине XVI в. и испанский, и португальский короли объявили индейцев Америки своими «свободными подданными» и запретили обращать их в рабство, но эти королевские приказы повсеместно нарушались. На испанских Антильских островах и в португальской Америке рабство стало основной формой эксплуатации автохтонных племен, занимавшихся подсечно-огневым земледелием, собирательством и охотой.

К моменту завоевания майя, ацтеки и инки обладали развитыми формами государственности, общественной и хозяйственной организации. Их территории стали центром испанских колониальных владений. Испанцы создали особую систему взаимоотношений с коренным населением, основанную на сохранении и использовании традиционных общественных порядков индейцев. Испанское государство рассматривало американских аборигенов не только как основную рабочую силу, но и как главных налогоплательщиков своих заокеанских владений, поэтому запрещало поработать их и стонять с земли.

В системе испанского господства над коренным населением главную роль играла индейская община с ее круговой порукой, режимом землепользования, внутренним коллективным контролем жизни своих членов.

Испанцы использовали способы эксплуатации, характерные для государств доколумбовой Америки — регулярную трудовую повинность рядовых общинников, системы податей и сборов в пользу храмов и правителей. После завоевания покоренные индейцы были обязаны: работать на строительстве городов, дорог, на горных разработках (*митá*); платить подушную подать в пользу испанской короны (*трибúто*) и церковную десятину. Рядовых индейцев-общинников ограничивали в свободе передвижения, лишали их имущественных прав за пределами общин, они не могли ездить верхом и даже одеваться, как испанцы.

Испанцы сохранили привилегированное положение родоплеменной знати — вождей племен и старейшин, освободив их от повинности и податей, и таким образом подчинили своим интересам традиционные институты власти. Индейские вожди и потомки уничтоженных во время Конкисты «царских» родов приравнялись в правах к испанским идалго. Они представляли общины в отношениях с колониальными чиновниками.

Европейская колонизация нарушила сложившийся ритм существования народов Америки. Испанцы и португальцы многократно увеличили объемы эксплуатации коренного населения. Открытие месторождений серебра и золота в Мексике и Перу в середине XVI в. и стремительное развитие горного дела, работа на сахарных плантациях, рост городов, потребность в новых путях сообщения, необходимость производить все большее количество продовольствия — все это ложилось на плечи индейцев возрастающим бременем.

Экономика колониальной Америки. Экономике американских колоний Испании и Португалии свойственны общие черты. Пиренейские народы стремились овладеть природными богатствами Нового Света для прибыльного участия в международной торговле. Экономике колоний определяли экспортные отрасли: добыча драгоценных металлов в испанской Америке и возделывание сахарного тростника в Бразилии. Именно благодаря этому Новый Свет превратился в часть мирового хозяйства.

Под влиянием европейской колонизации преобразился природный мир Центральной и Южной Америки. Белые поселенцы везли и приспособили к новым условиям европейские сельскохозяйственные культуры, такие как пшеница, рожь, виноградная лоза; домашних животных — лошадей, коров, свиней, домашнюю птицу. Колонисты освоили и местные культуры — маис, маниоку, перец, томат, картофель, какао, табак. В сельском хозяйстве Нового Света сочетались европейские и местные традиции.

В течение XVI—XVII вв. в испанской и португальской Америке оформились своеобразные аграрные отношения. Верховным собственником земли считался король и до середины XVII в. основной формой землевладения в колониях было феодальное держание. Постепенно владельческие права колониальных землевладельцев расширялись: землю можно было передавать по наследству, сдавать в аренду, продавать и перепродавать. Развитие экспортных отраслей колониального хозяйства стимулировало спрос на земельные участки. Состоятельные колонисты вкладывали значительные средства в приобретение земель, захватывали «ничейные земли», владения индейских общин. Права новых владельцев можно было узаконить, заплатив особый налог в пользу короны. В результате появились земельные владения, права на которые приближались к частной собственности. В испанских колониях они назывались *асьендами*, в Бразилии — *фазендами*.

Крупнейшим землевладельцем в колониальной Америке была католическая церковь, богатевшая за счет королевских пожалований, выморочного имущества, дарений и пожертвований. Финансовое могущество церкви, основанное на доходах от десятины, на пожертвованиях, росло также и за счет участия в торговых и ростовщических операциях.

К концу XVII в. в колониальной Америке сложилась экономическая система, в которой сочетались и переплетались различные уклады: натуральное хозяйство коренного населения; полунатуральное хозяйство свободных колонистов; товарное производство разного масштаба — ремесленные мастерские, крупные компании, занимавшиеся торговыми операциями на внутреннем и внешнем рынке; плантации и рудники, работавшие на экспорт. Элементы капиталистического производства (частная собственность и производство ради получения прибыли) присутствовали во всех отраслях колониальной экономики.

Использование подневольного труда коренного населения, труда рабов, развитие форм личной зависимости работника (вплоть до крепостничества) было характерной чертой хозяйства испанской и португальской Америки.

Экономика колоний развивалась под жестким контролем Испании и Португалии. Метрополии монополизировали все внешние связи своих колоний. Испанские вице-королевства не могли торговать ни с другими странами, ни между собой. Вводились ограничения на производство товаров, которые могли конкурировать с продуктами, ввозимыми из Испании и Португалии: вина, оливковое масло, в португальских колониях — соль. Метрополии подчинили развитие колониального хозяйства своим интересам при помощи изощренной налоговой системы.

Экономика испанских колоний. В середине XVI в. испанцы открыли месторождения серебра в Перу (гора Потоси) и в Мексике (район Сакатекас), а также золото в Колумбии. В течение полувека Испания стала монополистом добычи и торговли драгоценными металлами на мировом рынке. К 1650 г. испанские флотилии вывезли в Европу 181 тонну золота и 16 тыс. тонн серебра.

Европейский спрос на драгоценные металлы стимулировал быструю разработку месторождений. Уже к концу XVI в. процесс добычи и очистки серебряной руды был усовершенствован на основе европейских технических изобретений: при прохождении шахт применяли порох, серебро извлекали из горной руды при помощи ртути, что позволило увеличить производительность рудников. Открытие месторождений ртути в Перу снизило издержки производства. Районы горных разработок превратились в настоящие промышленные зоны в труднодоступной горной местности Перу и севера Новой Испании.

Монопольным правом на все богатства колоний, в том числе и подземные ископаемые, обладало испанское государство. Испанские

короли имели право на одну пятую часть добытых драгоценных металлов. Сам процесс производства серебряных слитков и монет был обложен многими пошлинами и сборами.

Проблема снабжения рудников рабочей силой была решена в конце XVI в. путем реформирования системы трудовой повинности. В зонах рудников окрестные индейские общины должны были по-сменно отправлять на горные разработки определенное количество человек на ограниченный срок (8 недель). Индейцев перемещали на новые земли в особые поселки — редукции. Испанское государство, заинтересованное в росте добычи, контролировало процесс отбывания повинности.

Сохранение индейской общины как общественного и хозяйственного института повлияло на развитие аграрных отношений в испанской Америке. Корона предоставила индейцам право пользования их общинными землями на условиях уплаты подушной подати и исполнения трудовой повинности. Однако испанская колониальная практика приводила к постепенному разложению общинных структур. Трудовая повинность опустошала индейские поселения. Частные землевладения расширялись в основном за счет общинных угодий, индейцев вытесняли на малопродуктивные земли.

В колониях распространилась особая форма феодального держания — *поместье-энкомьенда*. Королевская власть давала колонистам право на владение участками земли, к которым приписывались индейские общины. При этом владелец поместья (*энкомендеро*) отвечал перед королевской властью за уплату индейцами подушной подати, за выполнение ими трудовой повинности на горных разработках, строительстве городов и дорог, за защиту и христианское просвещение своих подопечных. Права энкомендеро не распространялись при этом ни на землю общин, ни на личность индейцев. Он должен был «кормиться» за счет своей части подати. Размеры энкомьенд зависели от ранга и заслуг владельцев.

На деле землевладельцы преступали все юридические ограничения, заменяли выполнение государственных повинностей отработками в своем поместье, произвольно увеличивали собственную часть подати, сдавали индейцев «в аренду» на рудники, а государство лишалось доходов. Королевская власть стала ограничивать права землевладельцев, и постепенно энкомьенда утратила свою привлекательность для колонистов. Раздача новых энкомьенд прекратилась; исключение составляли приграничные области с землями «незамыренных индейцев», там, где происходило освоение новых территорий.

Появление частного землевладения во второй половине XVII в. обострило проблему рабочей силы. Для привлечения и удержания рабочих рук владельцы поместий использовали систему трудовой повинности: работников задерживали в имении, предоставляя им участок земли для «прокормления» в обмен на отработки. Распространился и другой вид зависимости — *неонаж*: землевладелец пре-

доставлял крестьянину участок земли, инвентарь в долг, который выплачивался как в натуральной, так и денежной форме. При этом он платил за своих крестьян государственные налоги. Личная зависимость иногда развивалась в формы крепостничества.

В испанских колониях использование негров-рабов в качестве рабочей силы было ограничено областями тропического климата. Рабы работали на плантациях сахарного тростника на островах и побережье Карибского моря и Тихого океана.

Главными отраслями промышленного производства в испанских колониях были сукноделие и хлопчаткачество, кожевенное и ювелирное дело, изготовление галантерейных товаров и судостроение. Из метрополии были перенесены цеховые формы организации ремесла.

Текстильное производство, продукция которого имела большой спрос на внутреннем рынке, было ведущей отраслью ремесла. В мастерских применялись и новые европейские технологии и элементы разделения труда, придававшие им сходство с мануфактурами Европы. В текстильных заведениях Куско (современный Эквадор) трудилось от 200 до 800 работников, и существовали специализированные цеха. Мастерские принадлежали и частным лицам, и государству, и индейским общинам.

Особенностью ремесленного производства в испанских колониях — будь то небольшая мастерская или судоверфь — было использование принудительного труда индейцев и редкое привлечение вольнонаемных работников.

Торговый обмен между Испанией и Новым Светом осуществлялся при помощи регулярных рейсов караванов торговых судов. Огромные флотилии в сопровождении военного конвоя дважды в год отправлялись из Севильи в Америку. Для европейской торговли были открыты три американских порта — Веракрус в Новой Испании, Портобельо на Панамском перешейке и Картахена на Карибском побережье вице-королевства Перу.

Большую часть груза испанских галеонов составляли серебро и золото. Кроме того, везли «колониальные товары»: красители (индиго и кошениль), табак, какао, сахар и кожи. Из Европы в Америку привозили железо, вино, оливковое масло, предметы роскоши и книги.

Налоги, пошлины, расходы на снаряжение флотилий увеличивали стоимость грузов: цена европейских товаров, доставленных в Новый Свет, возрастала в 15 раз по сравнению с севильской. Пошлины на колониальные грузы составляли в среднем 35 % их рыночной стоимости. Только высокая цена драгоценных металлов могла окупить перевозку товаров из Европы в Америку.

Режим флотилий был мало эффективен. Весь путь туда и обратно мог занять больше года. Караваны ходили нерегулярно — к середине XVII в. период между отправками атлантических транспортов

достиг 5 лет. Галеоны, перевозившие «сокровища Индии», были желанной добычей пиратов, обосновавшихся в Карибском море.

Во второй половине XVII в. караваны с драгоценными металлами все реже пересекали океан и перевозили все меньше грузов. Это было связано с тем, что к середине XVII в. упала производительность серебряных рудников Перу. Кроме того, значительная часть драгоценных металлов оставалась в колониях — их удерживала колониальная знать, в частности вкладывая в приобретение земель. Контрабанда и пиратство в районе Карибского моря также сыграли свою роль. Наконец, из-за растущих военных расходов и внутренних проблем испанское государство часто было не в состоянии организовать атлантические караваны.

Однако система флотилий просуществовала до XVIII в. Метрополия использовала ее для контроля над внутренним торговым обменом. Торговые связи, транспортные пути должны были ориентироваться на «путь галеонов» — так испанское государство препятствовало контрабанде драгоценных металлов.

Налоговая система была важным инструментом контроля над колониальной экономикой. В общей сложности население испанских колоний платило около 20 различных налогов, причем их размеры и порядок сбора изменялись. «Налоговый деспотизм» принорил Испании значительную прибыль — почти четверть государственных доходов формировалась за счет налоговых поступлений из Нового Света. Все виды хозяйственной деятельности в испанском Новом Свете подлежали налогообложению, в первую очередь наиболее прибыльные — торговля и горные разработки. Самыми доходными сборами были налог на драгоценные металлы, торговые пошлины, налог с торговых сделок (*алькабала*), подушная подать коренного населения. Наряду с прямыми налогами, в испанской Америке существовало большое количество косвенных сборов (на соль, ртуть, налоги на спиртные напитки и азартные игры).

Хозяйственное развитие Бразилии. Заокеанские владения португальской короны были обязаны своим названием дереву *пау бразил*, из которого добывали высоко ценившийся красный краситель. В первой половине XVI в. древесина пау бразил была единственным товаром португальских колоний, который пользовался спросом в Европе. В середине столетия колонисты сумели приспособить к природным условиям Америки сахарный тростник, ставший главным предметом бразильского экспорта. В середине XVII в. Бразилия производила 26 тыс. тонн сахара в год. С внешним рынком португальских плантаторов связывали производство сахара и работоторговля.

Возделывание сахарного тростника привело к распространению в португальской Америке плантационной формы хозяйства. Плантация была особым экономическим комплексом, ориентированным на сбыт на внешних рынках одной сельскохозяйственной культуры.

Тростник требовал периодического перехода на новые земли, поскольку почва истощалась через 5—7 лет обработки. Производство сахара состояло из трудоемких операций, которые следовало выполнять очень быстро: тростник должен был быть обработан в течение суток. Большинство операций выполняли рабы. Готовый сахар грузили на суда и отправляли по рекам в порты атлантического побережья для транспортировки в Европу. Работа сахарной плантации обходилась владельцу очень дорого, и требовала постоянного вложения средств, а прибыль была невелика — до 4—5 %.

Экономический успех бразильского сахара был связан с практически идеальными природными условиями и выгодными транспортными возможностями. Португальские колонии не испытывали трудностей в организации экспорта. До середины XVII в. посредниками в сбыте сахара были голландцы, они же играли важную роль в финансировании его производства. Во второй половине XVII в. голландцы уступили место англичанам. Участие португальцев в войнах против Голландии в 1670-е гг. нарушило сложившиеся торговые связи, и «сахарный бум» стал сходить на нет.

В отличие от испанцев португальцы не смогли использовать на плантациях труд индейцев. В конце XVI в. Португалия включила Бразилию в свою систему работорговли. Негров-рабов привозили из Анголы и Гвинеи, расположенных на западноафриканском побережье Атлантического океана. Началась активная торговля «живым товаром». Работорговлю контролировала созданная в Португалии еще в 1486 г. специальная Торговая палата. В Бразилии возникли невольничьи рынки, самым крупным из которых был Сан-Паулу. Расходы на рабочую силу составляли треть стоимости плантации. При этом смертность была очень высока — десятая часть рабов погибала в течение года. К XVIII в. в Бразилии рабский труд негров и индейцев применялся во всех отраслях хозяйства.

В Бразилии переход от феодального к частному землевладению произошел быстрее, чем в испанской Америке. В XVI в. в американских владениях Португалии была введена так называемая *система донаций* — крупных земельных пожалований представителям португальской знати. *Донатарию*, в свою очередь, жаловали земельные участки всем желающим по своему усмотрению, при условии уплаты в казну особого налога. С развитием сахарного производства королевская власть вернула себе все права непосредственного распоряжения землями в колониях.

Португалия организовала торговые отношения с Бразилией несколько иначе, чем Испания со своими владениями в Новом Свете. Сахар был более объемным, но более дешевым грузом, нежели драгоценные металлы, и его транспортировка обходилась дорого. Бразилия была включена в систему португальской колониальной торговли, которой управляли компании Лиссабона, обладавшие монопольными правами. Из Европы в Африку и Бразилию ввозили европейс-

кие товары, из Африки в Бразилию рабов, а из Бразилии в Европу — сахар. Работоторговля связала западное побережье Африки и португальские владения в Америке: бразильский табак и ром выменивали на рабов.

Короли Португалии допускали к участию в заморской торговле несколько бразильских и европейских портов. Более того, во второй половине XVI — первой половине XVII в. разрешались рейсы грузовых сахаром судов в порты Нидерландов.

Португальские короли, как и испанские, облагали налогами наиболее доходные отрасли колониального хозяйства. В Бразилии королевская власть имела право на 10 % урожая сахарного тростника, извлекала огромные доходы из монополий. В Бразилии самыми прибыльными были акцизы на табак и соль.

Этносоциальные процессы в колониальной Америке. Колониальное общество. В середине XVII в. население испанских и португальских колоний в Новом Свете приближалось к 8 млн человек. Абсолютное большинство жителей проживало на территории испанской Америки.

В результате завоевания и колонизации на территории Нового Света произошло невиданное в истории стихийное смешение рас и этносов. Сосуществование европейских поселенцев, разнообразных индейских племен, негров, которых стали ввозить из Африки в начале XVI в., привело к формированию новых этнических групп. Появление «смешанных» этносов предопределило особенности социальной структуры и общественных представлений колониальной Америки. В мировоззрении жителей колоний переплетались идеи расового превосходства и сословных привилегий: социальный статус зависел от цвета кожи.

Состояние колониального общества зависело от сложных демографических процессов: активности европейской эмиграции, развития работоторговли, изменений в численности индейцев, степени освоенности новых территорий.

Короли Испании и Португалии считали колонизацию Нового Света важнейшим средством утверждения политической и экономической власти в своих новых владениях. Государство поощряло и контролировало эмиграцию в колонии. По мере освоения природных ресурсов Америки, развития международной торговли поток переселенцев возрастал. Возможности быстрого обогащения за счет торговли драгоценными металлами сделали испанские колонии более привлекательными для переселенцев, нежели португальские. В течение XVII в. в испанскую Америку приехало 45 тыс. человек, в Бразилию — в 2 раза меньше. В колонии ехали выходцы из разных социальных слоев, в том числе крестьяне. В Новом Свете искали убежища гонимые инквизицией иноверцы — мориски и иудеи.

В системе колониального общества белые колонисты составляли меньшинство: 10 % в испанских владениях, 13 % в португальских. Все

главные административные и военные посты занимали выходцы из метрополии. Политика Испании была направлена на то, чтобы поддерживать замкнутость этой социальной группы, ее полную зависимость от метрополии. Так, вице-королям и чиновникам запрещалось приобретать недвижимую собственность в Америке, вывозить с собой в Новый Свет семью, жениться в колониях.

Особую группу колониального общества составляли родившиеся в Америке потомки первых переселенцев из метрополии. Их называли *креолами*, т.е. «местными уроженцами». Креолы численно преобладали в наиболее экономически развитых районах испанской и португальской Америки и в крупных городах, таких как Мехико, Лима, Ресифи и Баия. С точки зрения колониального законодательства американские уроженцы колоний считались «белыми», т.е. привилегированными, и приравнивались в правах к жителям Испании и Португалии. Однако в обыденном сознании креолы не считались столь же благородными, как выходцы из метрополии, поскольку сам факт рождения в колониях якобы свидетельствовал о расовой и религиозной «нечистоте». В испанской Америке такие представления были более распространены, нежели в португальской. В частности, креолам отказывали в высших административных и военных должностях, не допускали к церковному управлению.

Поиски новых источников дохода в XVII в. заставили испанские власти пересмотреть отношение к высшим и наиболее состоятельным слоям колониального общества. Короли ввели в Америке практику продажи административных должностей и дворянских титулов «дающему наилучшую цену». Это упрочило социальные позиции креольской верхушки: часть ее сумела (с формально-юридической точки зрения) сравняться в правах с кастильской знатью, закрепить за собой право на средние и низшие должности в колониальной администрации. Бразильские креолы, напротив, после изгнания голландцев в середине XVII в., меньше зависели от политики королевского двора в Лиссабоне.

По уровню достатка и культуры, политическому влиянию креолы были весьма неоднородной общественной группой, в которой выделялась знать — состоятельные землевладельцы, купцы, горнозаводчики, приобретавшие дворянские титулы, основывавшие майораты, покупавшие должности. Они сосредоточили в своих руках управление рудниками, оптовые торговые операции, в том числе участие в контрабанде европейскими товарами и драгоценными металлами, ремесленное производство в крупных городах, судостроение. Верхушкой общества колониальной Бразилии были плантаторы, купцы, занимавшиеся сбытом сахара на международных рынках, работоводы.

Внизу социальной лестницы находились черные рабы. Государство регулировало ввоз рабов в колонии, продавая с XVI в. специальные лицензии (*асьенто*). Единство испанской и португальской ко-

рон привело к длительной португальской монополии на работоторговлю в испанской Америке. За XVI—XVII вв. в испанскую и португальскую Америку было ввезено около 1,5 млн рабов. Они были заняты в плантационном хозяйстве Бразилии и Карибского бассейна, на побережьях Атлантического и Тихого океана, на горных разработках на территории современной Колумбии, в хозяйствах городских жителей в качестве домашних слуг, трудились подмастерьями в лавках ремесленников.

Больше половины доставленных в Америку африканцев ввозились на территорию Бразилии. Черные рабы численно преобладали в обществе португальских колоний. На северо-востоке колонии, в зоне богатейших сахарных плантаций, негры составляли 60 % населения. Рабовладение сделало общественные различия в Бразилии более контрастными: оттенок цвета кожи определял не просто объем социальных прав, а грань между свободой и рабством.

Восстания и бегство рабов были постоянным явлением истории колониальной Бразилии. Беглые рабы создали около 1630 г. в непроходимых лесах капитании Пернамбуку свободные поселения. Современники называли их «*республикой пальмовых листьев*» («Пальмарис»). Число жителей Пальмарис достигало 20 тыс. человек. Только к концу XVII в. португальцам удалось уничтожить республику рабов.

«Смешанные группы» занимали промежуточное положение в социальной структуре колоний. В речевом обиходе колониальной Америки бытовало множество наименований для представителей «смешанных каст», указывавших на малейшие доли «не белой крови». Наиболее распространенными были *метис* (потомок европейцев и индейцев), *мулат* (потомок европейцев и негров) и *самбо* (потомок индейцев и негров). Процессы метисации, характерные для всего Нового Света, имели в португальских колониях свои особенности. Состав «смешанных каст» определяли не столько метисы, сколько мулаты и самбо.

Представители «смешанных каст» обладали более широкими социальными возможностями по сравнению с индейцами или неграми. В испанской Америке метисы освобождались от подушной подати и трудовой повинности. При этом принадлежность к метисным, нечистым с расовой точки зрения группам, считалась признаком низкого происхождения, позором. Представители «смешанных каст» не допускались к общественным и военным должностям, были ограничены в правах наследства, им был закрыт доступ к образованию, в том числе и духовному.

К концу XVII в. численность «смешанных» групп составляла уже 40 % населения колоний, и социальная структура колониальной Америки начала изменяться. Этнические и социальные преграды медленно размывались. Состоятельные выходцы из промежуточных этнических групп получили возможность купить специальные грамоты, свидетельствующие о том, что они — «белые». В испанских колони-

ях метисы иногда обращались в суд с требованием подтвердить степень «белизны» их кожи и закрепить за ними статус «белых испанцев». Их положение, таким образом, сближалось с положением креолов. Само понятие «креол» расширилось и обозначало всех «неиндейцев» или «нерабов».

Церковь и культура колониальной Америки XVII—XVIII вв. Особенности самосознания населения. Завоевание и колонизация Нового Света народами Пиренейского п-ва привели к оформлению новой сложной культурной общности. Она создавалась благодаря сосуществованию и взаимовлиянию различных культурных традиций — христианской европейской и языческих (индейской и африканской). Степень их взаимодействия определялась уровнем развития различных народов Америки на момент завоевания, плотностью европейского населения в разных областях колоний. Смешанные этнические группы со своими особыми верованиями и обычаями постепенно дополняли картину культурного разнообразия колониальной Америки.

Одним из важнейших последствий Конкисты было установление культурного господства завоевателей — испанцев и португальцев. Католицизм был утвержден в землях Нового Света в качестве религии победителей, т. е. единственно возможной и допустимой. Распространение христианства было объявлено главной целью «нового крестового похода». Европейцы насильно обращали индейцев в христианство, уничтожали их святыни, храмы, памятники письменности майя и ацтеков. Помимо краха традиционных государственных институтов, разрушения общественных связей, физического истребления, коренное население Америки пережило и духовную катастрофу. Конкиста положила начало культурной дискриминации индейцев.

В Индиях, как и в метрополии, здесь на страже чистоты веры стояла инквизиция. Преследования инакомыслящих, духовная цензура со временем стали обыденными явлениями в Новом Свете. Священный трибунал искоренял все проявления язычества, в том числе и распространенные среди коренного населения «богомерзкие обычаи» — многоженство, ритуальные убийства, людоедство.

Деятельность католической церкви в американских колониях Испании и Португалии имела и другую сторону. В XVI—XVII вв. Новый Свет пережил расцвет миссионерства. «Новые апостолы», как называли себя миссионеры, проповедей и личным примером праведной жизни стремились приобщить язычников к истинам веры. Особым рвением отличались францисканцы и иезуиты.

В 1610—1767 гг. Орден иезуитов основал в тропических лесах 30 миссий, которые современники считали настоящим государством в государстве. Иезуиты не только обращали местные племена в христианство, но и учили индейцев земледелию и ремеслу. Организация внутренней жизни миссий сочетала общинные принципы, понятные

коренному населению, и правила общежития, связанные с опытом первых христиан¹.

Духовенство было вынуждено приспособить христианское вероучение и культ к миропониманию коренного населения. В результате католицизм в Америке приобрел совершенно особый облик. Священники, толкуя истины веры, обращались к мотивам индейской мифологии, и в результате образ Матери-земли совмещался с образом Богоматери, а почитание предков с почитанием католических святых.

Наряду с католицизмом в испанской и в португальской Америке практиковали разнообразные культы, сочетающие элементы христианства и язычества. Они были свойственны негритянским сообществам Бразилии и побережья Карибского моря.

Конкиста и христианизация сыграли решающую роль в оформлении культурного единства американских народов. Изменилась лингвистическая ситуация. Языки завоевателей, испанский и португальский, превратились в инструмент власти, стали средством общения побежденных и победителей. Лексика и даже звучание испанского языка изменились под влиянием местных заимствований, и на этой основе возникло множество его современных латиноамериканских вариантов. На территории Бразилии сформировался так называемый «ленгуа жерал», особый язык, основанный на грамматике португальского языка и лексике коренного населения и африканских негров.

Миссионерство и проповедь, с другой стороны, были немислимы без изучения индейских наречий. При этом священники, как правило, стремились освоить язык самой влиятельной и многочисленной народности, тем самым превращая его в язык межплеменного общения. Так, благодаря испанцам, на территории современного Перу стал доминировать язык *кечуа*. Миссионеры составляли грамматики и словари местных языков, записывая индейские слова латинским алфавитом.

Колониальные и церковные власти строго контролировали культурное развитие коренного населения, стремились не допустить его самостоятельности. К концу XVII в. лингвистическая терпимость сменилась жесткой политикой испанизации.

В первые полтора столетия после Конкисты европейцы построили в колониях Нового Света 5 тыс. монастырей и 70 тыс. церквей. Храмы и монастыри строили индейцы под руководством испанских, португальских и итальянских архитекторов. В Америку переносили, хотя и с некоторым опозданием, основные архитектурные стили,

---

¹ Исследователи расходятся в оценках так называемого «государства иезуитов». В исторической литературе бытуют прямо противоположные характеристики — от «теократического государства», благополучие которого было основано на эксплуатации коренного населения, до «попытки осуществления христианской утопии» в джунглях Америки.

распространенные в метрополии. Своеобразие колониальной архитектуры сказывалось не столько в композиции, сколько во внешней отделке зданий, отличающейся необыкновенным богатством и фантазией. Колониальные архитекторы довели до крайности изысканные приемы европейского барокко — пространство стен, фасадов, убранство алтарей становилось подвижным, текучим из-за обилия декоративных деталей. В убранстве церквей и соборов сказалось и местное влияние: природный мир Америки словно оживал в орнаментах, Богоматерь изображалась с лицом индейки или метиски («смуглые мадонны»), а младенец-Иисус — в индейских сандалиях; в оформлении крестов использовалась символика доколумбовых цивилизаций.

Существование и смешение культурных традиций активнее всего происходило в колониальных городах — столицах, административных центрах, портах. Здесь постепенно развивалась художественная и интеллектуальная культура. Ее центрами были дворы вице-королей, резиденции богатых креолов, крупные монастыри.

В 1551 г. в испанских владениях были основаны первые университеты — в Мехико и Лиме, приравненные в правах к университетам метрополии. В них допускались не только потомки завоевателей, но и представители индейской знати — будущая колониальная элита. Образование считалось необходимым условием светской и церковной карьеры. В отличие от испанской Америки в Бразилии не было университетов. Колониальная знать получала высшее образование в Португалии, в Коимбре.

Метрополия контролировала внешние культурные связи своих колоний: в Америку был запрещен ввоз светской литературы, действовал *Индекс запрещенных книг*. До середины XVII в. в испанской Америке отсутствовали типографии. Первая типография в Бразилии была создана только в 1703 г.

Условия духовной изоляции и своеобразие культурного опыта колонистов сформировали особое самосознание жителей Нового Света, прежде всего креолов так называемый «*креолизм*». В его основе было противоречие между сознанием сопричастности к духовной жизни метрополии и принадлежности к новому миру — «американской родине». Несмотря на восприятие образа жизни и ценностей, характерных для испанского дворянства, креолы противопоставляли себя представителям метрополии и считали испанцев «высочками», «пришлыми», «чужаками».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Международные отношения в Раннее новое время. Эволюция государства как главного субъекта международных отношений в Раннее новое время придала этим отношениям качественно новые черты. Процесс формирования суверенного государства, уходящий своими корнями в средневековье, в XVI—XVII вв. вступил в решающую стадию и тогда же был теоретически обоснован. Французский юрист *Жак Боден* (1530—1596) выступил с учением о *государственном суверенитете*, важнейшими признаками которого были верховная сила внутри страны и независимость по отношению к прочим государствам. Тем самым международные отношения приобретали новое качество — в них вступали равно суверенные и поэтому формально равноправные государства, осознававшие себя как самими правителями, так и их соседями как некая отдельная политическая величина с более или менее отчетливо определяемыми границами. Обозначив территорию государства как сферу внутренней политики, эти границы сделали возможным и появление внешней политики в собственном смысле этого слова, в отличие от средневековой неясности границ и раздробленности суверенитетов.

В ходе Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. окончательно утвердилась *секуляризация* как одна из наиболее важных характеристик международных отношений в Новое время. На смену религиозным и конфессиональным факторам, в значительной степени влиявшим на внешнюю политику прежде, пришел принцип так называемого *государственного интереса* (франц. *raison d'état*). Этот принцип проистекал из идеи суверенитета и позволял применять насильственные меры, а также использовать во благо государства практически любые средства.

Наряду с секуляризацией другой важнейшей чертой международных отношений Нового времени стал процесс *монополизации внешней политики государством*, в то время как отдельные феодалы, купеческие корпорации, различные ордена, иные ранее действовавшие участники международных отношений ушли с европейской политической арены.

Существенные изменения претерпела и *структура международных отношений*. В Средние века Европа представлялась неким христианским единством, на роль светского главы которого претендо-

вал император Священной Римской империи. Реформация и религиозные войны, с одной стороны, и крах попытки Карла V установить свою гегемонию в Европе — с другой, положили конец подобным представлениям. Государства, сознававшие себя все более самостоятельными, все чаще вступали в упорядоченные отношения друг с другом, что и привело к возникновению первой в истории международных отношений *системы*. Главным механизмом и основой функционирования этой системы стало представление о *равновесии*.

Идея межгосударственного равновесия в европейской политической теории и практике впервые возникла в Италии еще в XIV—XV вв.; в XVI—XVII вв. она пробила себе дорогу во всей Европе, особенно в Англии, где в 1675 г. впервые появились термин *баланс сил* (англ. *balance of power*); с начала XVIII в., с момента ее фиксации в закончившем войну за Испанское наследство Утрехтском мирном договоре (1713), эта идея превратилась в норму международного права; во второй половине XVIII в. ее начинают описывать понятиями *равновесие Европы* (1758) и *европейское равновесие* (1798).

С одной стороны, быстрое и широкое распространение этой идеи в XVII—XVIII вв. было связано с ее простотой и наглядностью — уравнивая друг друга, силы возвращаются в состояние покоя, т.е. мира. С другой стороны, равновесие как политическая практика стало реакцией на попытки Габсбургов, а затем и Бурбонов установить в Европе гегемонию. Однако равновесие, при всей его важности, понималось не как цель, а как средство обеспечить высшую ценность, которой со времен средневековья по-прежнему объявлялись *мир и согласие*.

Представления о равновесии со временем менялись. В эпоху антагонизма между Габсбургами и Валуа в XVI в., равновесие выглядело простым дуализмом сил, метафорой которого были чаши весов. В XVII в. на международной арене появились новые сильные государства, для описания взаимоотношений между которыми предлагались уже не весы, а механизм, машина, большие и малые части которой были прочно сцеплены и в равной степени необходимы. В XVIII в. систему равновесия стала определять так называемая *пентархия* (сам термин вошел в обиход после Венского конгресса 1814—1815 гг.), т.е. пять наиболее сильных в военном отношении и претендовавших на региональное лидерство государств — Франция, Австрия, Англия, Россия и Пруссия. На место сложной многочленной системы вступила пентархия, пятерка *великих держав*, по сравнению с которыми «обычные» государства становились величинами настолько малыми, что сами по себе почти ничего не значили на весах европейских международных отношений. Отныне европейская политика и европейское равновесие — это проблемы взаимоотношений между государствами пентархии.

В целом международные отношения в XVII—XVIII вв. отличались высокой степенью анархии и конфликтности, в результате чего рав-

новесие складывалось из столкновения противоборствующих сил и постоянно балансировало на грани войны.

Быстрое развитие и усложнение международных отношений обусловили потребность в их углубленном теоретическом осмыслении. Голландский ученый Гуго Гроций сформулировал постулат правового равенства всех без исключения государств и одним из первых описал их взаимоотношения как *систему*, немецкий правовед Самуэль Пуфендорф разработал целую *теорию союзов*, а французский аббат К. де Сен-Пьер выступил с программой *вечного мира*, которая стала отправной точкой для множества теорий международных отношений на целый век вперед.

В практике международных отношений ключевую роль играл монарх. Европейскую политику делали короли — прежде всего в том смысле, что немонархические государства, которые, как Венеция и Нидерланды, еще в XVII в. были на ведущих ролях, в XVIII в. окончательно превратились в «актеров второго плана». Главное же заключалось в том, что монарху принадлежала решающая роль как в принятии внешнеполитических решений, так и в их осуществлении. Это было время так называемой *«кабинетной политики»*, когда решения принимались в обстановке строгой секретности в узком кругу ближайших приближенных монарха.

Если говорить о дипломатии, то ее репрезентативные, представительские функции в этих условиях приобретали особое значение, поскольку дипломат представлял фигуру своего монарха, его ранг и его суверенность. Отсюда — пристальнейшее внимание к вопросам церемониала и иерархии, настоящие местнические споры между дипломатами, когда конфликт из-за «неподобающего» места на балу мог иметь продолжением не только дуэль, но и движение войск к границам.

В условиях значительной интенсификации межгосударственных связей для дипломатической службы был характерен как количественный, так и качественный рост. Окончательно ушли в прошлое времена, когда дипломатические контакты осуществлялись в связи с какой-либо конкретной международной проблемой и фактически прекращались после ее разрешения. Все больше государств начали содержать постоянные представительства при все большем количестве иностранных дворов; сеть дипломатических связей растянулась по всей Европе и неуклонно уплотнялась. Вместе с тем произошел и качественный сдвиг, выразившийся в монополизации внешней политики государством и в ее профессионализации. Развитие *абсолютистской государственности* привело к тому, что на международной арене практически не осталось места для внешнеполитической деятельности, например, городов, торговых компаний, конфессиональных объединений и т.д. Сосредоточив в своих руках все функции управления внешней политикой, государство осуществляло ее более профессионально. Внешнеполитические ведомства все

более обособлялись от других институтов государственного управления, происходило усложнение и дифференциация их структуры. Появление специальных учебных заведений, учебной и справочной литературы привело к тому, что в различных департаментах и отделах все чаще трудились специалисты. Не во всех странах эти процессы проходили в равной степени успешно, и образцом для всей Европы, объектом зависти и подражания была организация внешнеполитического ведомства и дипломатической службы во Франции, особенно в 1698—1715 гг., когда во главе французской внешней политики стоял *Ж.-Б. де Торси*.

Тридцатилетняя война и Вестфальский мир. У истоков системы международных отношений Нового времени были события и результаты Тридцатилетней войны, в которой династической связке австрийских и испанских Габсбургов противостояли Франция, Нидерланды и Швеция. Каждая из сторон опиралась при этом на многочисленных второстепенных союзников, в результате чего эта война стала первой войной действительно европейского масштаба. Помимо главного международного конфликта эпохи — борьбы Франции против Габсбургов, на ход войны влияли и более частные интересы отдельных государств: Швеция стремилась к гегемонии на Балтике, князя Священной Римской империи добивались большей самостоятельности от императора, продолжалась и многолетняя борьба голландцев за независимость от Испании. Дополнительные сложности нес с собой и конфессиональный подтекст каждого из этих противоречий, хотя в целом в ходе войны центр тяжести неуклонно смещался от конфессиональных проблем к политическим.

Результатом четырехлетних переговоров, шедших на фоне не прекращавшихся боевых действий, стало подписание Вестфальского мира, зафиксировавшего не только окончательное поражение Габсбургов, но и новую международную ситуацию в Европе. Мир был подписан 24 октября 1648 г. одновременно в двух епископствах, находившихся в германской исторической области Вестфалия — Мюнстере (для императора и его католических противников) и Оснабрюке (для императора и его противников-протестантов).

Территориальные изменения были следующими: Франции отошел почти весь Эльзас, за исключением Страсбурга, кроме того, она подтвердила свои права на епископства Мец, Туль и Верден в Лотарингии и также добилась от австрийских Габсбургов обязательства не поддерживать испанских представителей династии, поскольку война между Францией и Испанией все еще продолжалась. Тем самым удалось разорвать испано-австрийскую династическую связь, более века угрожавшую Франции полным окружением. Швеция, многолетней целью которой было превращение Балтики в «шведское озеро», получила земли на южном побережье Балтики — Западную и часть Восточной Померании, а также о. Рюген. Благодаря приобретению германских территорий шведский король стал имперским князем с

вытекавшей отсюда возможностью представительства в рейхстаге и вмешательства во внутренние дела Империи. Окончательно была признана независимость Швейцарского союза и Республики Соединенных провинций (Голландии), ранее входивших в имперский союз. Укрепилась и позиция трех наиболее крупных германских княжеств: баварский герцог Карл Людвиг, сын Фридриха V, стал восьмым курфюрстом и получил Пфальц, Саксония приобрела Лужицкие земли, а Бранденбург приумножил свои владения за счет части Восточной Померании, Магдебурга и некоторых других земель.

Помимо частных территориальных проблем Вестфальский мир решил и вопросы более общего характера. Один из них касался соотношения политики и религии. После длительных споров стороны сошлись на установлении так называемого *нормального года*, на который приходилось устраивавшее как католиков, так и протестантов соотношение сил. «Нормальным» объявлялось положение вещей на 1 января 1624 г. Более важной была принципиальная модификация *Аугсбургского религиозного мира 1555 г.*, по которой смена конфессии государем отныне не вынуждала его поданных делать то же самое в обязательном порядке; запрещалось применение силы в конфессиональных вопросах; провозглашалось равноправие конфессий.

Параллельно с собственно Вестфальским миром было подписано соглашение, положившее конец одному из самых длительных конфликтов в истории Европы — *Восьмидесятилетней войне*, которую с 1568 г. вела с Испанией Республика Соединенных провинций, стремясь добиться независимости. В январе 1648 г. в Мюнстере было подписано соглашение, по которому испанцы, желая развязать себе руки для дальнейшей войны с Францией, соглашались на признание Голландии независимым суверенным государством.

Закончив период конфессиональных конфликтов, Тридцатилетняя война открыла эпоху рационального *государственного интереса*. Как принято считать, именно с 1648 г. начинается эпоха классической внешней политики — секуляризированной и основанной на принципах территориальности и суверенитета. Заявление этих принципов Вестфальским миром было тем более важно, что в качестве так называемых «привлеченных» держав стороны назвали Испанию, Англию, Данию, Норвегию, Польшу, все итальянские города и государства, Швейцарию, всех курфюрстов, Португалию и Россию. Таким образом, к договорам были привлечены все европейские государи за исключением папы и турецкого султана. Хотя никто из них не подписывал договоры непосредственно, сам факт их косвенного участия служил заявленной в Оснабрюкском договоре цели «всеобщего мира». Таким образом, Вестфальский мир становился краеугольным камнем международных отношений Нового времени и оставался им — с модификациями — еще полтора века, вплоть до Венского конгресса 1814—1815 гг.

Войны Людовика XIV. Главным победителем в Тридцатилетней войне была Франция, на несколько десятилетий превратившаяся в бесспорного лидера европейской системы международных отношений.

Внешнеполитическое положение Франции во второй половине XVII—XVIII в. определялось в первую очередь двумя долгосрочными конфликтами — с Габсбургами и с Англией, причем первый постепенно ослабевал, а второй неуклонно набирал силу, до тех пор пока не превратился в главный международный антагонизм XVIII в. Структурной слабостью Франции в течение всего этого периода была стратегическая раздвоенность между сушей и морем. Это была единственная великая держава, которая всерьез претендовала на ведущие позиции как в Европе, так и в колониях, истощая свои ресурсы и умножая ряды своих противников.

Внешнеполитические успехи Франции середины XVII в. были связаны с именами выдающихся политиков своего времени — кардиналов Ришелье и Д. Мазарини. Последние десятилетия XVII и начало XVIII в. стали эпохой Людовика XIV.

Приступив в 1661 г. к самостоятельному правлению, Людовик XIV не руководствовался какими-то долгосрочными планами. Он был скорее прагматиком и старался всякий раз использовать выгодное для Франции сложение сил на международной арене, не ограничиваясь при этом выжидающим благоприятной ситуации, а стараясь создать ее самостоятельно, действуя активно и наступательно. В качестве внешнеполитической константы он учитывал традиционное противостояние с Габсбургами. Именно на этом противостоянии, на его взгляд, держалось европейское равновесие, которое он хотел изменить в пользу Франции. «Нельзя поднять одну, не опустив другую», — заявлял король. Этому благоприятствовала и внешнеполитическая обстановка, сложившаяся к началу правления Людовика XIV. Испания была обескровлена неудачной войной с Францией и истощала себя в попытках вернуть отпавшую в 1640 г. Португалию; Англия испытывала внутренние трудности из-за конфликта парламента с новым королем Карлом II, а кроме того, обострились англо-голландские отношения; Австрия была вовлечена в очередной виток войн с Османской империей; Швеция увязла в борьбе с Данией и Польшей. Сложилась все предпосылки для того, чтобы заявить о ведущей роли Франции на континенте.

Первой из войн Людовика XIV стала Деволюционная война 1667—1668 гг., названная так по «деволюции» — норме гражданского права, согласно которой наследники от первого брака имели предпочтение перед всеми остальными. Сославшись на то, что его супруга была рождена в первом браке скончавшегося испанского короля Филиппа IV, Людовик XIV заявил претензии на Испанские Нидерланды — так назывались 10 провинций во главе с Брабантом и Фландрией, оставшиеся в руках испанских Габсбургов после обрете-

ния независимости Голландией. После отказа Испании признать претензии Людовика XIV началась война, в которой Республику Соединенных провинций поддержали Англия и Швеция. Вместе с тем французской дипломатии удалось удержать императора от выступления, с одной стороны, прельщая его обещаниями раздела испанского наследства и, с другой — дестабилизируя ситуацию в австрийском тылу с помощью турок и венгерских повстанцев. В итоге по *Ахенскому миру* 1668 г. Людовик XIV вернул часть территорий, завоеванных в Испанских Нидерландах.

Следующей в череде войн Людовика XIV стала Голландская война 1672 — 1678 гг. Развязывая ее, Людовик руководствовался не только территориальными амбициями, но и желанием ослабить конкурента французской коммерции, одновременно отомстив Голландии за частичную неудачу в предыдущей войне. В начале войны вновь блестяще себя проявила французская дипломатия: Тройственный союз распался, император вновь воздержался от вмешательства, Англия выступила на стороне Франции против своего главного морского соперника, а союзный Голландии Бранденбург прервал боевые действия одновременно с выплатой последнего талера голландской субсидии. Лишь героическая оборона самих голландцев, которые пошли на разрушение дамб и частичное затопление собственной страны, смогла остановить французские войска. С затягиванием войны менялась и расстановка сил — на стороне Голландии выступили Испания, Дания и император, Францию поддержала Швеция, а Англия вышла из войны, сочтя Голландию уже достаточно ослабленной и не желая чрезмерного усиления Франции. В итоге при английском посредничестве был заключен *Нимвегенский мир* (1678), состоявший — еще один успех французской дипломатии — из нескольких сепаратных договоров Франции со своими противниками: Франция не получила Голландию, но присоединила очередную часть Испанских Нидерландов с Валансьеном, а также важную провинцию Франш-Конте на своей восточной границе; Франция и Швеция заключили мир с императором на основе, соответственно, Мюнстерского и Оснабрюкского договоров 1648 г. По мощи и политическому влиянию Франция угрожающе далеко оторвалась от прочих европейских держав.

Средством «исправления» границ для Людовика XIV служили не только войны, но и политика так называемых *реунионов, воссоединений*, по существу представлявших собой захват целого ряда пограничных территорий в мирное время и под надуманными юридическими предлогами, изобретением которых занимались специально созданные органы. «Воссоединенными» оказались Страсбург, Люксембург, многие германские территории, а также очередная часть Испанских Нидерландов. Следующий шаг к гегемонии Людовик XIV попытался сделать в новой войне — *Девятилетней, или войне за Пфальцское наследство* (1688 — 1697).

Поводом к войне стало требование Людовика XIV предоставить часть наследства сестре умершего пфальцского курфюрста, которая была замужем за герцогом Орлеанским. Фактически французский король спешил нанести своего рода превентивный удар, поскольку к этому времени исключительно благоприятная международная ситуация, обусловившая успехи Франции в предыдущие десятилетия, кардинальным образом изменилась. Особое значение имели два обстоятельства. Серьезные успехи в битвах с турками на Балканах позволили императору Леопольду I по-настоящему обратиться к Рейну. С другой стороны, вместе со «Славной революцией» 1688 г. и изгнанием Якова II, «пенсионера французского короля», закончился период, когда Англия в значительной степени шла в кильватере французской политики. Итогом стало создание в 1689 г. так называемого *Большого альянса*, куда помимо Австрии и Англии вступили также Голландия, Испания и Савойское герцогство. Настоящим вдохновителем Большого альянса, самым последовательным противником гегемонизма Людовика XIV и приверженцем европейского равновесия стал Вильгельм III Оранский (1650—1702), нидерландский статхаудер и с 1689 г. король Англии. Вдобавок ко всему на этот раз удалось согласовать разноречивые интересы немецких князей, что позволило — редчайший случай — объявить Франции так называемую имперскую войну. Еще никогда Людовику XIV не противостояла столь мощная коалиция, в то время как сама Франция испытывала внутренние сложности, связанные с отменой в 1685 г. Нантского эдикта о веротерпимости. В итоге катастрофическое внутреннее положение Франции, к концу 1690-х гг. стоявшей на грани государственного банкротства, вынудило Людовика XIV пойти на заключение мира.

Главной идеей завершившего войну *Рисвикского мира* (1697) было восстановление территориального статус-кво: Людовик XIV возвращал почти все реунионы и завоевания последних лет, сохранив за собой лишь Эльзас и Страсбург, а также западную часть о. Сан-Доминго. Главной политической потерей было вынужденное признание Вильгельма III Оранского английским королем — тем самым Франция лишалась постоянного рычага давления на Англию, которым она располагала в лице экс-короля Якова II и его английских, ирландских и шотландских сторонников.

Соперничество на Балтике во второй половине XVII в. Наряду с Западной Европой еще одним узлом международных противоречий была Балтика. В Раннее новое время Балтийское море играло весьма значительную роль, как в региональном, так и в общеевропейском контексте. Достаточно сказать, что Англия и Голландия, Франция и Испания, создавая свои колониальные империи, отправлялись покорять новые земли на кораблях из балтийской корабельной сосны, просмоленных балтийской смолой и с такелажем из балтийской пеньки. Кроме того, страны балтийского региона были основными

поставщиками льна, меди, чугуна, а также зерна. Несмотря на свою отдаленность, этот стратегически важный регион оказывался вовлеченным почти во все более широкие европейские конфликты: англо-голландское соперничество на морях, борьбу между Бурбонами и Габсбургами, конфессиональные противоречия. Для самих стран региона прочные позиции на Балтике были жизненной необходимостью не только потому, что обеспечивали им участие в европейской торговле, но также из политических и стратегических соображений, тем более что большинство этих стран не имели выхода к другим морям.

Главными действующими лицами в борьбе за Балтику стали прибрежные государства — Швеция, Польша, Дания, Пруссия, Россия, а также Англия. Борьба складывалась из множества отдельных двусторонних и многосторонних конфликтов, например соперничества Пруссии и Польши в Курляндии, желания России пробиться к Балтике, борьбы различных северогерманских государств между собой и против Дании и Швеции и т. д. В роли безусловного регионально-го лидера и главной динамической силы выступала Швеция, стремившаяся реализовать появившуюся еще во второй половине XVI в. концепцию «владения Балтикой». Непосредственной целью Швеции было приобретение части польских земель на побережье Балтики, а также датской области Сконе на самом юге Скандинавского п-ва, что позволило бы ей контролировать северный берег Зундского пролива.

С 1655 по 1660 г. шла Северная война — для того чтобы отличить ее от Северной войны начала XVIII в., эту войну называют иногда первой Северной. Против Швеции выступили Польша, Дания, Голландия, Бранденбург, Австрия и Россия. Согласно ряду миров и перемирий, из которых наиболее значим *Оливский мир 1660 г.*, Швеция получила область Сконе, сохранила свои довоенные прибалтийские приобретения, но была вынуждена отказаться от захваченных в ходе войны земель, прежде всего от Курляндии. Кроме того, под давлением Англии, Франции и Голландии была признана свобода плавания в проливах Зунд и Белт. Наконец, еще одним важным результатом войны стало признание полного суверенитета курфюрста Бранденбурга в Пруссии, находившейся до тех пор в вассальной зависимости от Польши. Тем самым было положено начало постепенному восхождению Пруссии к статусу великой державы.

Турецкие войны второй половины XVII в. Наряду с Западом и Балтикой третьим конфликтным очагом на карте Европы были ее юго-восточные окраины. Главным международным конфликтом в этом регионе были турецкие войны.

Подобно французам и шведам турки также стремились к установлению региональной гегемонии. Вместе тем турецкие войны носили характер религиозного и цивилизационного конфликта, а поэтому были особенно упорными и ожесточенными. Султан, считая себя

главой мира, находился в постоянном состоянии войны с «неверными». Отсюда — завершение войн не мирами, а перемириями, отказ признавать четкие территориальные границы и иметь постоянные миссии за границей. Существовавшие при константинопольском дворе миссии европейских государств воспринимались как выражение покорности и признание превосходства султана.

Существенный религиозный подтекст имело и отношение к Османской империи европейских стран, видевших в ней «наследственного врага» христианства. В роли координатора антитурецких коалиций — *священных лиг* — часто выступал папа римский, в войнах с Турцией участвовали добровольцы и целые отряды из разных уголков Европы, однако в целом эти войны так и не превратились в новый «крестовый поход» и оставались преимущественно делом тех стран, которые прямо затронула турецкая угроза, т.е. Австрии, Венции, Польши и России.

На середину XVII в. пришлось очередное обострение австро-турецких отношений, приведшее к войне 1663—1664 гг. Яблоком раздора служила Трансильвания, вассальное от Турции княжество, на престол которого каждая из сторон хотела посадить своего ставленника. Война завершилась невыгодным для Габсбургов *Вашварским миром* (1664), на который они были вынуждены пойти перед лицом нарастающей активности Людовика XIV на западе.

Подобное же сосуществование двух конфликтных очагов на западе и востоке сохранилось и в дальнейшем, и следующая австро-турецкая война 1683—1699 гг. шла параллельно Девятилетней войне 1688—1697 гг., что затянуло и осложнило ее ход. При поддержке папы в 1684 г. была создана Священная лига, в которую, помимо Австрии, вошли также Польша и Венеция; вскоре в борьбу с Турцией включилась и Россия. В том же 1684 г. Габсбурги заключили перемирие с Францией, позволившее им бросить все свои силы против турок. В результате Османская империя подверглась скоординированному давлению с трех сторон: на северо-западе австрийские войска освободили большую часть Венгрии, на северо-востоке Россия взяла крепость Азов, на юго-западе Венеция захватила части п-ва Морея (Пелопонесса).

Войну завершил *Карловицкий мир* (1699), который принес Габсбургам Венгрию и обозначил важнейший рубеж во взаимоотношениях Османской империи и европейских государств: после трехсот лет поражений Европа перешла в наступление. Начиная с Карловицкого мира, турки заключают не только перемирия, но и «вечные» миры, признают нейтральных посредников, соглашаются на определение четких границ. Отныне Турцию стали все больше учитывать не просто как перманентную угрозу, а как фактор равновесия и участник союзов.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТОРГОВО-КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ

Колониальная экспансия Европы. Одним из главных явлений мировой истории, во многих отношениях ее поворотным моментом стала экспансия Европы и распространение европейской цивилизации на весь мир. Этот в буквальном смысле слова глобальный процесс, предпосылкой которого были Великие географические открытия, продолжался в течение всего Нового времени, став одной из самых существенных его характеристик.

Экспансия приняла своеобразную форму колониализма, т. е. контроля одного народа над другим, основанного на разнице в уровне экономического, политического и военно-технического развития. Формы колониального господства менялись в зависимости от исторического периода, страны и местных особенностей, однако в целом можно выделить три основных типа колоний.

Исторически первым типом были *колонии, представлявшие собой* не столько территории и области политического господства, сколько *опорные пункты* для торговли, призванные обеспечить доступ к местным богатствам и помешать присутствию соперников. Такими были, например, колонии Португалии в Западной Африке и в бассейне Индийского океана.

Второй тип — это *массовое заселение заокеанских территорий*, как правило, с вытеснением или даже уничтожением местного населения. Классический пример — английская колонизация Северной Америки.

Наконец, третий тип, который можно назвать колониализмом в чистом виде — это *контроль над целой страной, основанный* не на массовом заселении, а на *господстве над местным населением*. Самая старая форма колоний такого типа возникла в результате испанского завоевания Южной Америки. Хотя за океаном появились многочисленные испанские поселения, переселенцы существовали не столько благодаря собственному труду, сколько за счет эксплуатации индейского населения и рабов.

В XVIII в. появился совершенно новый вариант колонизации (сначала в Индии, а затем в Африке), обеспечивавший осуществление господства над обширными территориями даже без постоянного европейского населения.

Не все континенты и регионы Земли в равной степени интересовали европейцев. Речь шла в первую очередь об Азии (Индия, «острова пряностей» на востоке Индийского океана, Юго-Восточная Азия) и об Америке (Вест-Индия, Центральная, Южная и, позже, Северная Америка). В отличие от Средних веков в XVI—XVIII вв. Африка находилась на периферии европейского внимания и в основном выполняла вспомогательные функции обеспечения американских и азиатских интересов, служа «мостом» в Азию и поставляя рабов в Америку.

Колониальные империи Испании и Португалии к началу XVII в. Испания и Португалия, главные действующие лица эпохи Великих географических открытий, извлекли из этих открытий максимальную выгоду, фактически монополизировав связи с внеевропейским миром. В соответствии с целым рядом соглашений, наиболее важным из которых был договор в *Тордесильясе* (1494) областью преимущественных интересов испанцев было признано Западное полушарие, а португальцев — Восточное.

В основе колониальной экспансии португальцев лежала, по сути, единственная цель — стремление к рынку пряностей. Перец, мускат, гвоздика, имбирь — вот ради чего огибали по океану Африку, гибли от тропической лихорадки, развязывали войны. В итоге португальцы создали длинную цепь торговых и опорных пунктов от Лиссабона до Нагасаки с промежуточными звеньями на побережье Западной и Восточной Африки, Индии и Малайском архипелаге.

Взаимоотношения португальцев с местным населением складывались не столько под знаком подчинения, сколько под знаком торговли. Португальцы вклинились в древнюю систему торговли в бассейне Индийского океана, восприняли многие ее структуры и активным участием в местной торговле зарабатывали средства для закупки пряностей. Помимо португальцев в этом регионе присутствовали также испанцы, поскольку разграничительная линия Тордесильяса была проведена так, что позволяла португальцам появляться на востоке испанской зоны влияния, в Бразилии, а испанцам — на востоке португальской зоны, на Филиппинах. Испанские галеоны привозили в Манилу перуанское серебро и грузились китайским шелком, чтобы, обогнув половину земного шара через Америку и Вест-Индию, доставить его в Севилью.

Если в Азии для европейцев на первом месте стояла торговля, то в Америке сложилась совершенно иная ситуация, здесь на первый план выступило массовое переселение европейцев за океан и покорение местного населения. Первопроходцами завоеваний были испанцы, создавшие огромную колониальную империю с центром в Мексике и Перу. Можно сказать, что испанская Америка представляла собой первый бесспорный случай европейского колониализма.

В 1581 г. состоялась уния португальской и испанской короны, фактически приведшая и к объединению их колониальных владений.

В результате сложилась невиданных размеров колониальная империя, в экономическом смысле покоившаяся на «трех китах» — перуанском серебре, бразильском сахаре и малайских пряностях. К началу XVII в. эта империя достигла вершины своего могущества.

Торгово-колониальное соперничество в Азии в XVII в. Если в XVI в. Испания и Португалия, два лидера европейской экспансии, могли выбирать между конфронтацией и компромиссом, то в XVII в. сам факт монопольного положения иберийской короны в колониях не оставлял для новых желающих приобрести колонии никакой надежды. Практически любая колониальная активность автоматическими означала конфликт со старыми колониальными державами.

XVII век был отмечен огромным ростом интереса к колониям. Англия, Голландия, Франция, Пруссия, Швеция, Дания и даже Польша — все стремились получить свою долю колониальных богатств. Однако наибольший успех выпал на долю Англии, Голландии и Франции. Расположенные подобно Португалии и Испании на атлантическом фасаде Европы, эти страны имели по сравнению с ними ряд важных преимуществ, в частности более простой доступ к кораблестроительным материалам, а главное — более совершенную организационную форму колониальной политики в виде привилегированных акционерных компаний. Если в Испании и Португалии торговля с заморскими территориями была в первую очередь делом короны, с ее неповоротливостью, постоянной оглядкой на политику и ограниченными возможностями мобилизации капиталов, то частные компании действовали гораздо эффективнее, исходя только из рационального расчета и ожидания прибыли. Возникли десятки торговых акционерных компаний в целом ряде европейских стран, особое место среди которых занимали *Ост-Индские* и *Вест-Индские компании* в Англии, Голландии и Франции.

В бассейне Индийского океана на смену «португальскому» XVI веку пришел «голландский» XVII век. Португалию с ее малочисленным населением, нерациональным использованием колониальных богатств и политической несамостоятельностью сменила страна с самой высокой степенью урбанизации в Европе, страна процветавшего высокоспециализированного сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности и главное — страна, ставшая местом средоточия мировых финансов и торговли. Экономическая мощь имела и политическое продолжение — достаточно сказать, что республиканская Голландия в монархической Европе XVII в. не только не стала государством «второго сорта», но и имела статус великой державы, а ее послов принимали по королевскому церемониалу.

Помимо мощного экономического тыла голландская колониальная политика превосходила португальскую также организационно и технически. С технической точки зрения неопределимую роль сыграло изобретение голландцами нового типа корабля, *флюйта* — относительно дешевого, устойчивого и вместительного, что имело огромное

значение при тех расстояниях, которые приходилось преодолевать. В организационном смысле голландцы располагали самой мощной и успешной торговой компанией — Ост-Индской (1602), сферой деятельности которой стали суша и море восточнее мыса Доброй Надежды. Компания выступала не только как торговая, но и как политическая и военная сила, обладая правами вести войны, строить крепости, заключать договоры с иностранными государствами.

В 1601 — 1602 гг. у побережья Индии появились первые голландские, а затем и английские корабли, положившие конец вековой монополии португальцев на торговлю с Ост-Индией. В ходе постоянных стычек и войн в течение нескольких последующих десятилетий Португалия потеряла большую часть своих позиций в Индийском океане и сошла со сцены колониальной экспансии в этом регионе. После ряда морских побед англичане получили первые опорные пункты на западе п-ва Индостан (Сурат в 1612 г., Бомбей в 1667 г.) и фактически добились преобладания в Аравийском море и в Персидском заливе. Спустя несколько десятилетий англичанам удалось закрепиться и на востоке Индостана. Их первым укрепленным поселением и фактической столицей Ост-Индской компании в регионе стал основанный в 1640 г. форт Сент-Джордж (Мадрас).

Успехи англичан были обусловлены несколькими обстоятельствами. Во-первых, относительно слабым было сопротивление — для португальцев важнее были «острова пряностей», правитель слабевшей державы Великих Моголов надеялся на английскую помощь, а с его полусамостоятельными вассалами англичанам удавалось довольно легко справляться с помощью военной силы или поощрения местной розни. Во-вторых, свою роль сыграло и определенное сотрудничество Англии и Голландии, объединенных общей целью подорвать господство португальцев в этом регионе.

Со своей стороны, голландцы, как и португальцы до них, стремились добиться монополии на пряности и, сломав в конце концов отчаянное сопротивление португальцев, стали их полноправными наследниками. Основой успеха голландцев в борьбе с португальцами и в дальнейшем утверждении в восточном полушарии стало обладание двумя ключевыми стратегическими позициями — опорным пунктом у мыса Доброй Надежды на пороге Индийского океана и Батавией (Джакартой) в его центре. В то время как торговые суда других стран шли кружным путем вдоль восточного побережья Африки и по Аравийскому морю, голландцы пересекали акваторию Индийского океана почти по прямой линии от южной оконечности Африки и оказывались на Малайском архипелаге, в самом центре производства пряностей и главном объекте европейских интересов. Батавия на о. Ява стала штаб-квартирой голландской Ост-Индской компании и главным перевалочным пунктом для товаров из многочисленных голландских владений в Южной и Восточной Азии. Помимо контроля над Малайским архипелагом и особенно над Молукк-

скими «островами пряностей» голландцы в 1641 г. отобрали у португальцев п-ов Малакка — важный стратегический пункт, обеспечивший их преобладание в Южно-Китайском море и, соответственно, особенно прочные позиции в торговле с Китаем и Японией. В 1658 г. португальцы были вынуждены уступить голландцам о. Цейлон, в течение нескольких следующих лет голландская Ост-Индская компания укрепилась на юге и востоке Индии (Кочин, Негапатам) и в Бенгалии. Наконец, голландцы смогли перенять у португальцев и права на монопольную торговлю с закрывшейся от внешнего мира Японией.

Таким образом, голландцы не только унаследовали от португальцев роль главного поставщика пряностей в Европу, но и заняли ключевые позиции во внутренней торговле в Азии. Голландцы решительно пресекали любые попытки посягнуть на торговлю пряностями. Появившимся с запозданием в несколько десятилетий французам не оставалось ничего другого, как направить свою активность в Индию, где французская Ост-Индская компания начиная с 1664 г. захватила Чандернагор в Бенгалии и Пондишери, а также в Китай, где главным проводником французских интересов с 1698 г. стала *Китайская компания*. Англичанам, уже успевшим закрепиться на о. Ява и «островах пряностей», под голландским давлением также пришлось оставить свои позиции в этом регионе и ограничиться Индией.

Колониальная экспансия в Западном полушарии. Если на карте Азии владения европейцев были отмечены лишь отдельными точками, то на американском континенте возобладала колонии иных двух типов — переселенческие и смешанные, т. е. основанные как на массовом переселении, так и на господстве над местным населением.

Ситуация в трех главных объектах европейской колониальной политики в Западном полушарии складывалась по-разному. В Южной Америке по-прежнему существовали обширные владения испанской и португальской корон, старавшихся как можно теснее привязать их к метрополиям, островами Вест-Индии владели сразу несколько европейских государств, а Северная Америка стала объектом все более активной колонизации Англии и Франции. При этом политическое деление далеко не всегда совпадало с экономическим. Это относится более всего к хозяйственному типу колоний, который приобрел наибольшее значение для мировой политики и экономики — *плантационному рабству*, распространившемуся как в Южной Америке, так и на юге Северной, а также в Вест-Индии.

Португальская Бразилия оставалась крупнейшей страной плантаций и рабовладения. Спрос на рабов здесь неуклонно увеличивался в связи с постоянным расширением производства сахара. Кроме того, рабский труд начали использовать более широко, в частности на открытых на юге Бразилии в 1690-е гг. богатейших месторождениях золота и впоследствии — алмазов. Наконец, крупнейшим по-

требителем рабского труда стали плантационные хозяйства вне Бразилии — на островах Вест-Индии, а затем на юге североамериканского континента. Все это привело к тому, что работорговля превратилась в один из наиболее доходных видов деятельности. Появляется множество частных фирм и целых компаний, занятых в этой сфере (английская *Королевская африканская компания* (1672), французская *Сенегальская компания* (1683) и др.). С другой стороны, работорговля стала главным средством вовлечения в мировую экономику некоторых африканских территорий и стимулом хозяйственных и политических перемерен. Существовал не только европейский спрос на рабов, но и их африканское предложение. Современные исследования обращают внимание на модернизаторский эффект работорговли в Африке: в политике работорговля способствовала возникновению на западном побережье Африки централизованных бюрократических государств, таких, как Дагомея и Ашанти; в экономике именно более всего затронутые работорговлей области Нигерии и Ганы, освобожденные от давления избыточного населения и включенные в мировой рынок, впоследствии использовали структуры организации торговли рабами для торговли другими видами товаров, в частности пальмовым маслом, и развивались успешно других.

Вест-Индия, т. е. острова бассейна Карибского моря, из-за своего географического положения, а также господствовавших ветров и морских течений оказалась доступной для экспансии сразу многих европейских государств. К испанцам, уже присутствовавшим на крупнейших островах Куба и Пуэрто-Рико в XVII в., добавились англичане (о-ва Барбадос и Ямайка), французы (о-ва Мартиника, Гваделупа и часть о. Гаити), голландцы (о. Кюрасао) и датчане (о. Св. Томаса). В плантационном хозяйстве здесь первоначально преобладал табак, но из-за его сверхпредложения на рынке и конкуренции с американским табаком из Вирджинии доходы стали падать, поэтому место табака вскоре занял сахарный тростник. Начавшаяся в 1630—1640-х гг. на Барбадосе *сахарная революция* скоро распространилась на все острова, превратив их в самый желаемый объект европейской экспансии, поскольку именно сахар был наиболее прибыльным из всех колониальных товаров.

В *Северной Америке* ярко проявился отличный от предыдущих тип европейского колониализма — наиболее радикальный, основанный не на точечном присутствии и не на господстве над местным населением, а на массовом переселении, колонизации в узком смысле слова, сопровождавшейся уничтожением или вытеснением местных жителей. В отличие от испанцев англичане хотели обрабатывать землю сами, поэтому ее прежние владельцы им не были нужны. Исходная установка экспансии в Северной Америке была совершенно иной, чем в Азии, Африке и даже в Южной Америке — здесь не столько стремились к эксплуатации местных богатств, сколько пы-

тались создать своеобразную заокеанскую «Европу», некое продолжение европейских государств на противоположном берегу Атлантики. Совсем не случайны названия городов и колоний, которые начинаются словом «новый» — Новая Англия, Новая Франция, Новые Нидерланды и т. д.

Первоначально интерес европейцев к Северной Америке был довольно умеренным, поскольку эти края не могли предложить ничего сравнимого с богатством южных широт. Привлекал главным образом бобровый мех, а также сам факт наличия огромных свободных пространств, которые в глазах переселенцев означали избавление от малоземелья и разного рода притеснений на родине, а в глазах властей — возможность расширения сферы своего влияния.

За исключением испанской Флориды на юге, Северная Америка стала полем деятельности новых лидеров колониальной политики — Англии, Франции и в меньшей степени Голландии, начавших освоение континента практически одновременно, в самом начале XVII в. В частности, голландская *Вест-Индская компания* (1621) основала колонию Новые Нидерланды с центром в городе Новый Амстердам (впоследствии переименованный в Нью-Йорк). После первых не слишком удачных попыток еще в середине XVI в., французы также приступили к активному освоению Северной Америки, и в 1604 г. *Самюэль де Шамплейн* (1567—1635) основал колонию Академия на Атлантическом побережье, а также обеспечил Франции владение огромными территориями Канады с центром в Квебеке, основанном им же в 1608 г. Впоследствии во владение Франции отошли значительные территории Луизианы в долине Миссисипи. Вместе с тем, несмотря на масштаб приобретений, французские позиции в Северной Америке не отличались особенной прочностью, во-первых, из-за относительно скромного количества переселенцев и, во-вторых, из-за самого характера колониальной политики — подобно испанской, к рациональным мотивам в ней примешивались «средневековые», т. е. мотивы приумножения славы французского короля, распространения католицизма, в колониях воссоздавались вассально-ленные отношения и т. д. Лишь Ж.-Б. Кольбер смог сделать французскую колониальную политику более последовательной. Он изменил как ее организационные формы, в частности основав в 1663 г. *Вест-Индскую компанию*, так и содержание, попытавшись перестроить ее на началах меркантилизма. Вместе с тем этот новый взгляд на заокеанские владения сквозь призму меркантилизма обернулся невыгодой для североамериканских колоний, которые могли дать метрополии значительно меньше непосредственных экономических благ, чем острова Вест-Индии, куда с середины XVII в. сместился центр интересов французской колониальной политики.

Английская экспансия в Америке проходила по совершенно иному образцу. Ее главной характерной чертой стало массовое переселение. С одной стороны, в Новый Свет ехали недовольные своим

положением в Старом Свете безземельные крестьяне, религиозные диссиденты, разного рода авантюристы и т. д. С другой — английские власти поощряли переселение, продемонстрировав удивительно раннее по сравнению с другими странами понимание роли колоний, в том числе как своеобразного социального клапана, позволяющего избавиться от излишнего населения и социально опасных элементов.

Другой отличительной особенностью английской экспансии была ориентация колонистов на то, чтобы заниматься производительным трудом, что немедленно привело к постоянным конфликтам с индейцами из-за земли. К тому же присутствовавшие в английском варианте колонизации религиозные мотивы также были совершенно отличны от, например, французских или испанских. Если у католических стран был силен миссионерский момент, в целом воздействовавший на отношения с местным населением смягчающим образом, то английские пуритане позиционировали себя как «избранный народ», который достиг обетованной земли и должен освободить ее для себя. В целом менее чем за век после основания в 1607 г. первого поселения будущей колонии Виргинии английские владения в Северной Америке умножились до 13 колоний против одной французской и одной испанской.

Международные отношения и колониальное соперничество. В XVII в. взаимосвязь между колониальной политикой и складывавшейся в Европе системой международных отношений определялась двумя противоречивыми тенденциями. По сравнению с XVI в. колонии начали означать для европейских государств несравнимо больше, как в количественном — затрагивая уже не двух монополистов, Испанию и Португалию, а множество европейских государств, — так и в качественном, в первую очередь экономическом, отношениях. Соответственно многократно усилилось и взаимовлияние европейской и колониальной политики. Однако, несмотря на это, колонии никак не включались в возникавшую систему европейского равновесия, их не рассматривали ни как лежащее на европейских весах некое целое с метрополией, ни как отдельную систему колониального равновесия. Иными словами, система международных отношений была подчеркнута европоцентрична, не случайно в XVII в. судьбы колоний решались не столько в столкновениях непосредственно за океаном, сколько в Европе. На фоне складывавшейся в Европе системы равновесия колониальные отношения отличались ничем не сдерживаемой конкуренцией, неупорядоченностью и соответственно высокой степенью конфликтности.

Борьба в колониях проходила в два этапа. С конца XVI по середину XVII в. Англия, Франция и Голландия пытались сместить старого колониального лидера — Испанию и затем выяснить, кто станет новым. Театром боевых и дипломатических действий стали Европа и Западное полушарие, поскольку именно там располагался центр испано-португальского королевства. Важнейшим для истории

колониальной экспансии событием стал знаменитый разгром Великой армады в 1588 г. Англией, подорвавший морскую мощь Испании.

Со второй четверти XVII в. могущество Испании окончательно подорвали войны — Тридцатилетняя война в Европе и морские войны в Вест-Индии. Классическим примером колониальной войны стал голландско-португальский конфликт, продолжавшийся с 1620-х гг. по 1661 г. Стремясь стать наследниками португальских владений не только в Азии, но и в Америке, голландцы вторглись в Бразилию. Начавшаяся война против испано-португальского королевства завершилась изгнанием голландцев уже после получения Португалией независимости

Гораздо более серьезным противником испанцев стала Англия. Долгое время она не могла последовательно проводить антииспанскую линию в связи с менявшимися внешнеполитическими приоритетами ее королей из династии Стюартов. К тому же серьезные экономические противоречия препятствовали сближению с Голландией — главным возможным союзником в борьбе против испанского владычества на морях. В течение первой половины XVII в. периоды соперничества и сотрудничества с Голландией менялись с периодичностью в несколько лет, но всякий раз такое сотрудничество было направлено против Испании. К тому же Англия выступила фактическим союзником Голландии и в ее войне с Португалией, которая в 1650 г. предоставила базу для кораблей принца Руперта, противника парламента в Гражданской войне. Это послужило поводом для англо-португальской войны 1650—1654 гг., результатом которой стала свобода торговли Англии во всех португальских колониях и начало долговременной политической зависимости Португалии от Англии. Это был огромный успех колониальной политики Англии, который поощрил ее надежды на достижение подобных же преимуществ и в отношении Испании. Однако в ответ на английское требование свободы плавания в Вест-Индии, испанцы ответили, что это все равно, что «потребовать обоих глаз их короля». В итоге Англия приняла решение вмешаться на стороне Франции во все еще шедшую в Европе испано-французскую войну. После долгих дебатов в Государственном совете в 1654 г. Оливер Кромвель отдает исторический приказ — атаковать испанцев на суше и на море по всему земному шару. Англия заявила о своем намерении сменить Испанию в роли главного колониального государства Европы. Английские эскадры блокировали побережье Испании, захватили острова Ямайка и Багамы в Вест-Индии, с 1657 г. высаживали десанты на континенте. Поражение Испании стало неминуемым.

Значение заключенного в 1659 г. *Пиренейского мира* между Испанией и Францией распространяется, таким образом, значительно дальше территориальных приращений на южных и северных границах Франции. Мир в первую очередь означал, что Испания перестала быть великой державой и что полуторавековой период ее морского

превосходства закончился. При этом решающую роль сыграли не столько собственно колониальные потери в Вест-Индии, позже оформленные *Мадридским договором* (1670), сколько подрыв позиций Испании непосредственно в Европе. В более широкой перспективе Пиренейский мир ознаменовал собой конец начавшейся еще в конце XV в. эпохи раздела мира между Испанией и Португалией. Новая эпоха основывалась на равноправии и конкуренции европейских колониальных держав и означала многократное увеличение масштаба их экспансии.

Упадок Испании одновременно открывал и новые возможности для колониальной активности, знаменовал исчезновение общего врага Англии и Голландии, что обострило противоречия между ними. В отсутствии общей угрозы духовная, религиозная, а позднее и династическая близость двух стран всякий раз перевешивалась конфликтом их экономических интересов, в первую очередь такими прозаическими вещами, как сельдь, сукно и морская торговля и перевозка. Торговые противоречия в конце концов были решены силой оружия.

В 1651 г. английский парламент издал так называемый *Навигационный акт*, по которому ввоз товаров в Англию разрешался только на английских кораблях либо на кораблях стран, которые произвели эти товары. Эта мера, прямо направленная против посреднической деятельности Голландии, привела к первой англо-голландской войне (1652—1654), за которой последовали вторая (1665—1667) и третья (1672—1674). По своему характеру это были войны за торговое и колониальное преобладание. Основным театром боевых действий стало Северное море с проливами Ла-Манш и Па-де-Кале. Кроме того, столкновения происходили также на атлантическом побережье Европы, Африки и частично в колониях. Несмотря на ожесточенное сопротивление голландских моряков и талант возглавлявшего их адмирала де Рюйтера, войны закончились поражением Голландии. Она была вынуждена признать Навигационный акт, выплатить контрибуцию и передать Англии свои владения в Северной Америке с Новым Амстердамом, переименованным в Нью-Йорк. Хотя территориальные потери Голландии были не столь уж велики, главным итогом англо-голландских войн стала потеря Республикой Соединенных провинций морского и торгового преобладания. Таким образом, к началу XVIII в. у Англии остался лишь один реальный конкурент в борьбе за колониальную гегемонию — Франция.

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Общие черты культуры XVII в. Развитие культуры в XVII в. носило сложный, двойственный характер. В европейском обществе продолжало господствовать религиозное сознание, христианская вера была основой духовного мира европейцев. Неверие, безбожие считались величайшим пороком, грозившим заподозренному в нем суровыми наказаниями. Церковно-религиозное начало играло огромную роль в жизни человека — от его рождения и до кончины (ритуалы крещения, заключения брака, соборования, погребения). Посещение церкви, молитвы, церковные праздники составляли неотъемлемую часть повседневной жизни. В католических странах, где сохранялся культ святых, любое селение — от малых деревень до больших городов, любая социальная и профессиональная группа или сообщество (ремесленные цехи, моряки, землепашцы, пастухи) имели своего святого покровителя. Частные документы (например, завещания) обязательно начинались с обращения к Богу. Господствовала мораль, основанная на заповедях Священного писания. Вера в Бога, в святых (в католических странах), упование на их помощь и защиту были нравственной, духовной опорой для миллионов.

Однако несмотря на то что в XVII в. католической и протестантской церквям удалось укрепить свои позиции в обществе, в Европе продолжался процесс преобразования культуры — ее *секуляризация*, т. е. усиление роли светского начала в различных сферах духовной деятельности, утверждение приоритета или верховенства мирских целей и интересов. Получив сильный толчок в эпоху Возрождения, этот процесс стал в XVII в. необратимым, хотя и протекал неравномерно как в отдельных странах, так и в разных областях культуры и в массовом сознании. Постепенно менялась структура культуры как целостной системы: отныне все более важной и динамичной ее частью становилась наука (естествознание и математика), чье влияние на общество неуклонно возрастало. В XVII в. именно *Научная революция* стала главной движущей силой секуляризации. Процесс утверждения светского начала значительно продвинулся в философии, политической мысли, художественной литературе, изобразительном искусстве, хотя религиозный компонент в разных формах и в разной степени все еще присутствовал в этих областях культуры. Возникли новые средства информации сугубо светского типа — мас-

совые периодические издания, как правило, независимые от церкви. Доля религиозной печатной продукции постоянно сокращалась. Зато в области образования церковь полностью доминировала и даже усилила свое влияние.

Светские представления проникли в некоторые секторы массового сознания, но оно оставалось еще преимущественно религиозным. Более того, XVII в. отмечен всплеском религиозности, массовыми движениями, которые по существу представляли собой продолжение начавшейся в XVI в. Реформации. Однако в самом сильном из этих движений — *английском пуританизме*, особенно ярко проявилась характерная черта Реформации: способность некоторых религиозных стремлений трансформироваться в светские политические идеи.

В целом в XVII в., хотя церковь и религия продолжали играть огромную роль в обществе, открыто и подспудно набирал силу процесс светского преобразования европейской культуры. Важнейшей чертой этого процесса стал рост интереса к человеческой личности, характерный для общественной мысли и художественного творчества раннего Нового времени.

Философия. В XVII в. европейская философия пережила глубокие сдвиги: изменились проблематика философии и ее роль в культуре. В большой степени эти изменения произошли под влиянием научных открытий. Для XVII в. было типично совмещение в одном лице выдающегося мыслителя и не менее выдающегося ученого-естествоиспытателя и математика (Г. Галилей, Р. Декарт, Б. Паскаль, П. Гассенди, Г.-В. Лейбниц). Открывшаяся новая картина мироздания сделала важнейшей задачей философии выработку нового мировоззрения¹. Вместе с тем крушение традиционной концепции мира, основанной, в частности, на казалось бы визуальном бесспорном факте «вращения» Солнца вокруг Земли, открытие невидимого невооруженным глазом микромира живых существ и другие новые явления чрезвычайно остро поставили вопрос о природе человеческих представлений и их соответствии реалиям. Еще на заре Нового времени английский философ *Френсис Бэкон* (1561 — 1626) обратил внимание на некоторые типичные мыслительные заблуждения человека и ярко показал, как в человеческом сознании могут возникнуть искаженные представления о действительности. В связи с великими научными открытиями важнейшее значение приобрел вопрос о характере и формах человеческого познания (*гносеологии*), о его достоверности. Как складываются представления человека о мире и о самом себе, как мыслит человек, какова природа и возможности человеческого разума — такие вопросы привлекали внимание философов. Рождалось сознание того, что человеку во избежание заблуждений и ошибок следует подчинить свою мыслительную деятельность

---

¹ См. раздел «Научная революция».

определенным правилам, нормам, способным обеспечить точность умозаключений. Насколько злободневной казалась эта проблема, свидетельствуют названия ряда работ мыслителей XVII в.: «Правила для руководства ума» Р. Декарта, «Трактат об усовершенствовании разума» Б. Спинозы, «Опыт о человеческом разумении» Дж. Локка.

Особенно большую роль в обращении европейской философии к данной проблеме сыграл *Рене Декарт* (1659—1650), ставший самой яркой фигурой *рационалистического* (от лат. *ratio* — разум) направления философской мысли. Целью философии он считал получение «истинного и несомненного знания» о мире, природе, человеке и способах постижения им истины. Такое подлинное, объективное знание, полагал Р. Декарт, можно получить только путем исследования любой проблемы с возможно большего числа сторон, чтобы составить представление об изучаемом предмете во всей его сложности. Мысль должна непрерывно контролировать весь процесс познания, дабы избежать ошибок. Свою веру в роль разума как фундаментальную способность человека Р. Декарт выразил в знаменитом постулате: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Практически все мыслители XVII в., утверждавшие новые светские воззрения на мир и человека, были искренне верующими людьми. Бог оставался неотъемлемой частью философских систем, однако его трактовка все более отдалялась от образа Бога в ортодоксальной теологии. Секуляризация философской мысли принимала различные формы, и это отчетливо видно на примере Декарта. Он утверждал, что идея Бога является «врожденной», изначально присущей человеческому мышлению и неотделимой от него. Однако предложенный Р. Декартом метод познания отвергал веру как источник знания и освобождал разум от теологических пут. Не случайно все его сочинения были внесены католической церковью в Индекс запрещенных книг, а указом короля Людовика XIV исключалось их изучение в университетах.

Другим магистральным философским направлением XVII в. являлся *сенсуализм* (от лат. *sensus* — чувства, восприятие, ощущение). Наиболее важными его представителями были Т. Гоббс, П. Гассенди и Дж. Локк. Их сближал иной, чем у Р. Декарта, подход к проблеме познания. Они считали, что представления и знания человека возникают опытным (эмпирическим) путем с помощью чувств и ощущений. Отсюда следовало, что первоисточником представлений и идей является внешний, материальный мир, «внешнее тело или предмет», по выражению Т. Гоббса. В жизненном («внешнем») опыте Дж. Локк видел главный фактор, определяющий бытие и сознание человека. Философы-сенсуалисты отвергали учение о «врожденных» от природы идеях — теоретических, логических, нравственных, а также и о «врожденной» идее Бога, на чем настаивал Р. Декарт. Т. Гоббс отрицал также его утверждение о наличии у человека независимой от тела духовной субстанции, а Дж. Локк уподоблял созна-

ние человека в начале его жизни чистому листу бумаги (от лат. *tabula rasa* — буквально «чистая доска»).

Отводя главную роль в процессе познания чувственному опыту, философы-сенсуалисты вместе с тем считали разум высшей формой человеческого мышления. Опытным путем, по мнению Т. Гоббса, можно приобрести лишь знание фактов, тогда как разум дает знание «связей и зависимости фактов между собой». Дж. Локк стремился изучить природу «умственных сил» человека, определить, как разум взаимосвязан с его поведением и как познание природных свойств людей может быть использовано в их практической деятельности.

Таким образом, в центре и рационалистической, и сенсуалистской философии XVII в. был человек. Используя разные подходы, философы стремились проникнуть во внутренний мир людей, понять сам процесс познания, мышления, определить соотношение в человеке духовного и телесного начал, выявить разные стороны человеческой личности. Они старались понять характер взаимодействия человека с внешним миром и определить условия, при которых, как тогда выражались, «естественный свет» — т.е. человеческий разум, мог бы проявиться и быть использован практически с предельной полнотой.

Общественно-политическая мысль. В период господства абсолютизма его идейным обоснованием являлась доктрина о божественном происхождении власти монарха. Считалось, что монарх как наместник Бога на земле несет перед ним прямую ответственность. Отсюда следовал вывод о недопустимости сопротивления подданных политике монарха, как выразителя высшего, «государственного», интереса, воплощения «общего блага», отождествляемого по сути с благом государя. Было принято также считать государя отцом своих подданных, обязанных в силу этого хранить ему верность.

В XVII в. в противовес такому традиционному представлению о *сакральном* (т.е. священном, божественном) *характере власти монарха и государства* сформировалась *естественно-правовая доктрина*, которая по-новому трактовала проблему происхождения государства, взаимосвязи государства и общества, власти и человека. Возникшая еще в античности идея естественного закона (или закона природы) и естественного (природного) права, получив новое истолкование, была использована для обоснования новаторских политических и социальных идей, которые рождались в связи с глубокими переменами в обществе.

Естественно-правовая теория Нового времени включала в себя три основные идеи: естественного догосударственного состояния людей, договорного образования государства и естественных прирожденных прав человека как независимого от социальной среды индивида.

Зачатки новых взглядов содержались в трактате «О праве войны и мира» (1625) голландского ученого *Луго Гроция* (1583—1645). Он

писал о существовании естественного права, неподвластного воле Божьей, хотя и не противоречащего ей, и высказал мысль о возникновении государства в результате сознательного и добровольного объединения людей на основе достигнутого ими соглашения — «*общественного договора*». Г. Гроций оставался верен традиционному представлению о государе как носителе всей полноты власти (суверенитета), но с некоторыми ее ограничениями. В духе воззрений эпохи Г. Гроций отвергал право подданных на сопротивление государю (и тем более на его свержение) в случае злоупотребления им властью, однако оговаривал, что в исключительных случаях такое противодействие возможно, и даже признавал право народа на восстание.

Значительно более радикальную трактовку теории естественного права и общественного договора получили в Англии в XVI и в первые десятилетия XVII в. Некоторые пуританские идеологи в своих трактатах не только рассматривали общественный договор между королем и народом как правовую основу власти монарха, но и утверждали законность неповиновения и сопротивления ей — вплоть до убийства правителя в случае превращения его в тирана. Сугубо религиозное требование свободы вероисповедания (или свободы совести) явилось первоисточником лозунга политических свобод человека (слова и собраний), а почерпнутая из Библии идея договора (*ковенанта*) с Богом, будучи перенесена на мирскую почву, стимулировала рождение новых светских взглядов на отношения между государством и обществом, включая идею ограничения королевской власти.

В годы Английской революции концепция естественного права, признававшая, что «все люди рождены равно свободными», получила большое распространение. Она стала основой программы *левеллеров*, призывавших к созданию демократической республики и введению всеобщего избирательного права — программы, намного опередившей свое время.

События «Славной революции» 1688—1689 гг. и установление в Англии ограниченной, конституционной монархии, способствовали дальнейшему развитию государственно-политической мысли в новом направлении. В конце века Дж. Локк наиболее обстоятельно разработал проблему отношений между государством, обществом и человеком. Естественное право он считал источником правосознания человека, т. е. его представлений о своих требованиях и правах. Важнейшее из них — право свободы, Дж. Локк определял как право каждого делать все, что не запрещено законом. Цель закона — «не ограничение, а сохранение и расширение свободы». Это и другие права необходимо гарантировать путем ограничения вмешательства государственной власти в определенные сферы деятельности человека, введения четкого разделения властей (законодательной и исполнительной) и признания восстания законным средством сопротивления

тирании. Именно идея ограничения власти, контроля над ней как условия обеспечения основных прав человека, включая право частной собственности, представляла собой стержень политического учения Дж. Локка, оказавшего большое влияние на общественную мысль как его времени, так и в будущем.

Таким образом, в XVII в. произошли глубокие изменения во взглядах на государство: традиционная идея о его божественной природе вытеснялась представлением о том, что создание государства было продиктовано потребностями людей. В католических странах прокладывала себе путь идея отделения политики государства от интересов церкви и делались первые шаги к ограничению роли церкви в светских, государственных делах. Менялось представление о задачах государства: уже не интересы монарха, а реальные нужды людей и обеспечение прав человека — владельца собственности стали рассматриваться в качестве главных целей государственной политики.

Особое направление общественной мысли представляли *утопии* — описания идеального (с точки зрения их авторов) общества. Этот строй в утопиях итальянца Т. Кампанеллы («Город Солнца», 1626), участника Английской революции Дж. Уинстенли («Закон свободы», 1652) и французского писателя Д. Вераса («История севарамбов», 1677—1679) выглядит как антитеза современной им европейской действительности, в которой уделом миллионов были материальные лишения, изнурительный труд, периодическое голодание, убогость жизненного уклада. Общая черта сконструированных авторами обществ состоит в том, что в них нет нищих, бедных и богатых, угнетателей и угнетенных, а труд перестал быть тяжким бременем — в стране севарамбов люди работают по 8 ч, а в «Городе Солнца» даже вдвое меньше. Всем без исключения обеспечены элементарные условия существования — еда, одежда, жилье, работа. Достигнуть понимаемого таким образом социального благоденствия авторы утопий считали возможным путем устранения частной собственности, денег и торговли, а также предоставлением каждому, кто трудится, всего необходимого из произведенного в сельском хозяйстве и ремесленниками.

Много сходного и в государственном устройстве этих коммунистических обществ. В каждом из них существует слой тех, кто наделен почти неограниченной властью. Не участвуя в физическом труде, они выполняют распределительные функции и надзирают за людьми труда. Надсмотрщики, контролеры, судьи неусыпно следят за соблюдением порядков и правил, на которых зиждется общество, вникают во все — вплоть до подбора пар для брака (в «Городе Солнца»). В утопии Дж. Уинстенли выполняющие властные функции ведут себя деспотично: самовольно переводят людей с одной работы на другую, строго следят за выполнением трудовых норм и, если считают нужным, подвергают нерадивых телесным наказаниям. Пра-

вители, по сути, стоят над обществом — в «Городе Солнца» они являются носителями мудрости и знаний; в государстве севарамбов, несмотря на провозглашенный принцип равенства, должностные лица обладают материальными привилегиями — лучшими жильем и одеждой, лучшим питанием.

Мечта о справедливом общественном устройстве, отличном от раздираемого противоречиями мира, запечатлелась также в получившем большую популярность у современников романе «Приключения Телемака» французского писателя *Франсуа Фенелона* (1651 — 1715). В романе изображено идеальное государство, где все трудятся, отсутствуют роскошь и жажда обогащения, а крестьяне пользуются всеобщим уважением и почетом. Подчеркивая, что мудрый правитель этого государства заботится о нуждах подданных и сохранении мира, Ф.Фенелон тем самым вносил в роман антиабсолютистскую тенденцию, скрытое осуждение почти непрерывных войн, истощавших Францию в период правления Людовика XIV.

Начало политизации общества. Рождение периодической печати. Отличительной чертой Нового времени стала политизация общества — расширение интереса к государственным делам, к действиям государственной власти, к происходившему в стране и за ее пределами. Этот интерес к политике особенно возрастал в связи с чрезвычайными событиями — восстаниями, войнами, религиозными конфликтами, революциями. Политическое сознание было присуще не только господствующим социальным группам — оно проникало в народные слои, особенно городские. В немалой степени это было следствием изобретения печатного станка, вызвавшего быстрое увеличение объема информации и масштаба ее распространения. Перед силами, которые сталкивались в религиозных, политических и социальных конфликтах, открылись более широкие возможности обращаться за поддержкой к обществу, к народу. Начало было положено в период Реформации в Германии, в Голландии и в период религиозных войн во Франции. В XVII в. политическая и политикорелигиозная пропаганда достигла невиданного ранее размаха во время социальных потрясений 1640-х гг. Во Франции в период Фронды было распространено до 5 тыс. различных политических печатных изданий в виде обличительных и сатирических памфлетов (*«мазаринад»*). Часть этих изданий была написана в забавной стихотворной форме в расчете на понимание любым читателем и стоила очень дешево. В период Английской революции было издано 15 тыс. памфлетов и более 7 тыс. других политических изданий: листов-однодневок, речей членов парламента, проповедей, политических песен и др. Кроме того, широко распространялась изобразительная продукция на злобу дня: политические карикатуры и народные картинки-лубки. Сохранилось около 150 таких изданий политической графики только за 1641 г. Средством вовлечения в политические события явился сбор подписей под «Петицией о корнях и ветвях» (15 тыс.),

под петицией о суде над Страффордом (20 тыс.), народные демонстрации. Широкую известность получили памфлеты руководителей радикальных течений в революции: левеллеров — Дж. Лилберна и диггеров — Д. Уинстенли. В Италии в связи с Неаполитанской революцией появились издания с подробным описанием происходивших событий — своего рода политические репортажи.

Одним из следствий возросшего интереса к политике и одновременно фактором его стимулирования стало возникновение периодических печатных изданий — *gazet*. Они выросли из имевших довольно широкое хождение в городах рукописных листов, сообщавших разного рода новости, а также из печатных воззваний («реляций») властей, оповещений об особо важных событиях (например, о ходе войны). Само слово «газета», возможно, произошло от названия мелкой монеты (*gazetta*), за которую в Венеции можно было приобрести такой рукописный лист. Первые периодические газеты появились во Франкфурте, Вене и Амстердаме между 1615 и 1617 гг. Затем еженедельные газеты начали выходить в Англии («Уикли ньюс», 1622—1641), во Франции («Газетт», 1631), в Италии (в 1636—1646 гг. издавалось 6 газет в разных городах), в Швеции (1643), Испании (1661), Дании (1663). Газеты были небольшого формата — меньше книжного листа. Долгое время в них помещали сообщения главным образом о внешнеполитических событиях, притом без всяких комментариев. Лишь постепенно начнет расширяться тематика газетных публикаций и будут совершенствоваться методы подачи информации.

Образование. Начальное образование в Европе в XVII в. было развито слабо. В католических странах существовали школы при монастырях (включая женские) и церквях, для обучения молитвам и грамоте. В городских («грамматических», или «письменных») школах учили читать и писать на родном языке, а в торговых городах — также основам арифметики. Роль среднего звена образования выполняли латинские школы, где преподавали теологию, латынь и риторику.

Следуя заветам М. Лютера, считавшего, что «лучшей книгой для чтения» является Библия, в протестантской части Германии школы способствовали овладению родным языком, однако рамки образования были также весьма ограничены: помимо чтения, письма и счета учили пению псалмов и требовали заучивать наизусть *катехизис* — краткое изложение христианского вероучения в вопросах и ответах. Формализм методов преподавания, грубость и жестокость в обращении с учениками, характерные для того времени, были присущи школам всех конфессий.

Основная масса населения, особенно сельского, оставалась неграмотной. Исключением была Швеция, где к середине XVII в. грамотность получила значительное распространение благодаря системе передвижных сельских школ. В 1686 г. король Карл XI даже запретил неграмотным вступать в брак.

По-особому обстояло дело с начальным образованием в некоторых английских колониях в Северной Америке, например в Массачусетсе. Здесь в 1647 г. был принят закон об обязательном обучении детей. Родителям грозил штраф, если их дети не посещали школу.

В XVII в. католическая церковь стремилась шире использовать образование для укрепления своего влияния в миру. Основные усилия в этом направлении прилагал Орден иезуитов. В 1630-е гг. Папство признало образование основной задачей деятельности ордена. Иезуиты сосредоточили свою активность на средней и отчасти на высшей школе. В XVII в. в Европе иезуитам принадлежало уже около 670 коллегий-интернатов и 176 семинарий, готовивших преподавателей. Осознав потребность в кадрах для расширявшегося государственного аппарата, иезуиты стремились взять в свои руки подготовку будущих гражданских, а отчасти и военных функционеров, глубоко преданных католической церкви. Обучение было недорогим, а для сыновей неимущих — бесплатным. Для своего времени иезуиты давали основательное образование. Помимо главного — усвоения богословия, ученики знакомились с классическим наследием (древними языками, философией и правом). Кроме того, у иезуитов обучали иностранным языкам, правильной и свободной речи, хорошим манерам, фехтованию, музыке и танцам, а в отдельных коллегиях — математике и некоторым прикладным дисциплинам (например, фортификации). Иезуиты применяли свои особые педагогические методы, отличные от бытовавших тогда в светской школе: практически отказавшись от системы наказаний, они приняли за правило внимательно и дружелюбно обращаться с учениками, чтобы расположить их к себе и подчинить психологически и умственно. Так иезуиты стремились привить ученикам привычку к безоговорочному послушанию и вместе с тем умение завоевывать доверие людей и подчинять их своей воле ради служения интересам церкви.

В XVII в. в странах Западной Европы насчитывалось несколько десятков университетов, где господствовали архаические методы обучения и схоластическая, по сути средневековая, концепция знания как совокупности окончательных, незыблемых истин. В преподавании доминировал не дух исследования, а толкование, комментирование мнений признанных авторитетов и сочинений, которые считали содержащими в себе всю полноту знаний по той или иной дисциплине. Только в единичных университетах — в Болонье (Италия), Саламанке (Испания) и в Монпелье (Франция) физическое строение человека изучали опытным путем на телах умерших. Внутренняя организация университетов очень походила на замкнутые ремесленные цехи. При получении высшей степени (доктора или магистра) необходимо было устроить пирушку и преподнести подарки профессорам и товарищам. Это требовало значительных средств и становилось одной из причин того, что большинство студентов оканчивали университет с низшей степенью или вовсе без нее.

Роль церкви в жизни большинства университетов, особенно в католических странах, была очень велика. Во многих государствах церкви принадлежало решающее слово в присуждении ученых степеней и в подборе преподавателей. Духовенство активно участвовало в самом процессе обучения, так как многие преподаватели были монахами разных церковных орденов. Превратившись в бастионы застенелой схоластики, университеты, как правило, не допускали в свои стены новые научные знания.

С помощью Ордена иезуитов католическая церковь стремилась усилить свой контроль над высшим образованием. Части иезуитских школ Папство придало статус университетов и приравнивало их дипломы к университетским. Иезуитам было предоставлено право самим присваивать ученые степени, что позволяло ставленникам ордена занимать в светских университетах кафедры и должности ректоров. Так католическая церковь стремилась расширить собственную систему образования и активнее внедриться в уже существовавшую.

По-иному складывалось положение в университетах протестантской части Европы. В протестантских землях Германии государство брало университеты в свои руки, чтобы с их помощью обеспечить подготовку чиновников и судей для государственной службы. В этой связи возрастало значение юридических факультетов, хотя схоластика еще сохраняла свои позиции в высшей школе и немало университетов продолжало отвергать учение Н. Коперника. Университеты содержались на средства, полученные от конфискации церковного имущества — профессорам выплачивали жалованье, а неимущим студентам — стипендию. Менялся состав студенчества и его нравы. Теперь дворяне (особенно в Англии) стали посылать в университеты значительно больше младших сыновей, так как высшее образование позволяло им получать должности в государственном аппарате, суде или места приходских священников.

Особенности массового сознания. Ведьмomanия. Хотя религия оставалась в XVII в. основой европейской культуры и мировоззрения европейцев, христианство не определяло целиком мирознание широких масс: сохранилось немало дохристианских (т. е. языческих) верований, уходящих корнями в глубокую древность. Обычным явлением была вера в духов лесов, полей и жилищ, в привидения, в нечистую силу, в то, что есть люди, способные сверхъестественным, таинственным образом воздействовать на окружающих, творить чудеса, приносить благо или вред. Эти особенности народного сознания стали одной из предпосылок массового социально-психологического явления, охватившего в период с конца XVI до середины XVII в. ряд европейских стран — *ведьмomanии*. Опасаясь ослабления влияния церкви, ученые богословы и церковные иерархи еще до начала Реформации начали раздувать тему возрастающей угрозы со стороны дьявола, его неограниченных возможностей творить зло с помощью «созранных» людей, особенно женщин. Ползли слухи о том,

что наделенные дьяволом способностями летать по воздуху и принимать обличье животных (кошек, собак, птиц), женщины-ведьмы по заданию дьявола портят скот, отравляют посевы и колодцы, вызывают болезни, бури и градобития. Рассказы о злодеяниях бесовской нечисти, о волшебстве и чародействе заполняли дешевые книжечки для народа, а печатные картинки-лубки предлагали зрительные образы тех же существ. Страх перед ними завладел множеством людей, чему в немалой мере способствовали давно уже будоражившие Европу слухи о приближении конца света. Конец света усердно и настойчиво предсказывали и католические, и протестантские проповедники, ссылаясь в доказательство своих слов на нескончаемые бедствия и потрясения — эпидемии, кровопролитные войны, голод, наступление турок, восстания и на устрашающие «знамения», которые истолковывали как предвестие еще более суровых небесных кар за людские грехи.

Официально признав факт существования ведьм, католическая церковь дала сигнал к активной борьбе с дьяволом, которая свелась к выявлению и уничтожению «совращенных» им людей. То же происходило и в протестантских землях. Панический страх перед силами зла принял характер массового психоза. Ведьмы и дьявол теперь мерещились повсюду.

Для людей того времени существование ведьм было совершенно бесспорным, неопровержимым фактом и реальной угрозой: сохранилось немало свидетельств «очевидцев», уверявших, что они видели собственными глазами превращение женщин-ведьм в черных кошек, хищных птиц и другие проделки нечистой силы.

Слепая вера в ведьм, носительниц зла, охватила все социальные слои, включая самых образованных людей. В парижских салонах и научных обществах в 1620—1630-е гг. вопрос о ведьмах был предметом горячих обсуждений, а английский король Яков I публиковал на эту тему собственные трактаты.

В последние десятилетия XVI в. преследования ведьм приобрели массовый характер и достигли своего максимума в период 1600—1650 гг., затронув в разной степени все страны Западной Европы. Особенно масштабными они были во Франции, в южных и западных областях, Германии, в Швейцарии и Венгрии. Схваченных по подозрению в ведовстве подвергали в ходе «следствия» жесточайшим, изуверским пыткам, добиваясь признания в связи с дьяволом. По современным представлениям за век ведьмomanии погибло до 100 тыс. человек, что, возможно, превышало число «еретиков», казненных в Средние века.

Среди множества людей, вовлеченных в кампанию по выявлению и истреблению «ведьм», было немало тех, кто цинично использовал обстановку воцарившихся страха и истерии в собственных корыстных целях. Доносчики, оговаривавшие соседей, знакомых и незнакомых людей, судьи, следователи, «комиссары ведьм» (категория

особо умелых «специалистов» по их разоблачению) присваивали себе имущество осужденных. В английской деревне богатые землевладельцы с помощью обвинений в вдовстве устраняли тех, кто мешал им захватывать общинные земли. Король Карл I Стюарт прекратил гонения на ведьм, но во время Английской революции, особенно в годы Республики и Протектората, эти гонения достигли особого размаха. Во Франции королевская власть в период правления Людовика XIV использовала борьбу с ведовством для более полного подчинения себе сельского населения и устранения тех, чей авторитет среди крестьян (например, деревенских знахарей и знахарок) мог соперничать с авторитетом власти.

Те немногие, кто осмеливался усомниться в существовании ведьм, в свою очередь подвергались преследованиям. Даже в относительно свободной Голландии протестантский пастор из Амстердама *Б. Беккер*, который в самом конце XVII в. в своей книге «Заколдованный мир» постарался доказать беспочвенность происходивших гонений, был лишен должности пастора и ему запрещалось участвовать в церковной службе.

В феномене гонений на ведьм с особой силой проявилась глубокая противоречивость духовного мира Европы XVII в. Если развитие Научной революции, рождение новой философии и общественно-политической мысли, являлись выражением огромного взлета человеческого разума с его, казалось бы, беспредельными возможностями познания, то достигшая в то же самое время своего апогея ведьмоomania («охота на ведьм»), поставившая миллионы людей на грань умопомрачения, свидетельствовала о том, насколько еще массовое сознание было пропитано традиционными, средневековыми представлениями о действительности, насколько были укоренены в толще общества архаичные стереотипы, суеверия и предрассудки.

Литература. В XVII в. в европейской литературе (прозе, драматургии, поэзии) существовало несколько течений, различных по своей идейной направленности и художественным методам. Наиболее распространенными были барокко и классицизм. Долгое время под *барокко*¹ понимали особый художественный стиль в архитектуре, но с 1920-х гг. понятие барокко стали применять и к другим сферам художественного творчества, поскольку исследователи выявили в них характерные для барокко идейные мотивы и приемы. Ныне барокко рассматривается как всеохватывающее культурно-художественное явление.

В литературе и искусстве барокко отразилось в преломленном, опосредованном виде — на языке художественных образов и форм, те сдвиги в сознании, которые переживала Европа в XVII в. Соци-

---

¹ Термин «барокко», возможно, пришел из итальянской литературы, где он обозначал нечто нарочитое, искусственно преувеличенное. В то же время в Португалии так называли большую черную жемчужину причудливой формы с разнообразными цветовыми переливами.

альные потрясения, опустошительные войны, страшные эпидемии, сбои в экономике обуславливали неустойчивость жизненного уклада, порождали ощущение ненадежности, зыбкости бытия. Господствовавшее в гуманистической культуре Возрождения представление о мировой гармонии, воплощенной в человеке, пришло в полное несоответствие с новой реальностью. В сознании художников и литераторов складывался новый образ мира, сотканного из противоположностей, пронизанного извечным противостоянием добра и зла, в котором часто торжествует именно зло. Человек понимался теперь как сложная, раздираемая противоречиями личность, подчеркивалась его почти фатальная зависимость от внешней среды.

Эти мотивы стали магистральными в литературе барокко, возникшей и широко распространившейся в конце XVI — XVII в. в Италии, Испании, германских землях и в меньшей мере — во Франции и других странах. Литература барокко тяготела к изображению подлинной действительности, не обходя ее самых отталкивающих, болезненных и трагических сторон. На первый план выдвинулась тема переменчивости, непредсказуемости судьбы человека и бренности его земного бытия. Что касается средств художественного выражения, то для барокко было характерно тяготение к исключительным, экстремальным ситуациям и состояниям, повышенная экспрессивность, культ воображения, фантазии, театральности, аллегории — все это с целью привлечь и поразить читателя, зрителя, слушателя.

В этой связи большую популярность приобрел жанр *плутковского романа*, родившийся в Испании еще в XVI в. и повлиявший затем на литературу других стран. Его социальной почвой стало появление в Испании огромной массы обездоленных людей, *пауперов* (от лат. *pauper* — бедный) лишенных всякого имущества и постоянных средств к существованию. Роман *Ф. Кеведо* «История жизни пройдохи по имени Пабло, пример бродяг и зеркало мошенников» (1626) представлял характерное для этого жанра описание жизненных перипетий люмпена, бродяги, ловкача, который добывает средства к существованию с помощью обмана, плутней, мошеннических проделок, вращаясь в самой разнообразной социальной среде — от рыночных площадей и воровских притонов до гостиных в богатых домах. Этот литературный прием позволял увлечь читателя занимательной, интригующей фабулой, и одновременно, воссоздав неприкрашенную картину общества с царящими в нем пороками, подвергнуть его острой критике, показать обусловленность поведения человека жизненными обстоятельствами. Таковы были характерные черты литературы барокко.

Глубокая дисгармония мира, открытая писателями барокко, окрасивала в самые мрачные, пессимистические тона немецкую литературу. В ней под влиянием тяжелейших испытаний, выпавших на долю Германии в первой половине XVII в., особенно сильно звучала мысль о всесии зла и бренности человеческой жизни. В пред-

ставлении поэта и драматурга *Андреаса Грифиуса* (1616—1664) Земля — это средоточие человеческих несчастий, мучений и горя. Поэт делал вывод о глубоком внутреннем разладе человека, раздвоенности его сознания:

Терзает и страшит нас каждая отрада.
На розу погляди: увы, шипы на ней.
У каждого свой крест в жестокой жизни сей.
Смеешь, мы чувствуем в груди мученья Ада.

Однако немецкие писатели по-разному оценивали способность человека противостоять ударам судьбы. Это объясняется тем, что, подобно противоречивости изображаемого ею мира, сама литература барокко (как и это художественное направление в целом) была двойственной, противоречивой: в ней присутствовали и переплетались пессимизм и оптимизм, и иррациональные, мистические тенденции и рационализм. Например, *Х. Я. К. Гриммельсгаузен* (ок. 1631—1676) в романе «Похождения Симплиция Симплициссимуса» (1669) использует введенный испанскими романистами прием описания странствий и мытарств своего героя, чтобы представить действительность времен Тридцатилетней войны со всеми ее ужасами и уродством и правдиво описать состояние немецкого общества — княжеский деспотизм и бедственное положение крестьян, выносивших, помимо притеснений господ, грабежи и надругательства банд ландскнехтов. Между тем герои произведений Х. Гриммельсгаузена не сгибаются под натиском невзгод — автор отвергал идею обреченности человека, верил в неизбежность победы человеческого духа в борьбе с тяжелыми испытаниями.

Стиль барокко утвердился также в драматургии ряда европейских стран. В Испании в плеяде драматургов, писавших в манере барокко, самыми известными были *Тирсо де Молина* (наст. имя Габриэль Тельес; 1584—1648) и *Педро Кальдерон* (1600—1681). В их многочисленных драмах и комедиях наряду с типичным для плутовского романа мотивом контрастов и противоречий жизни, подчеркивалась огромная роль случайности, условности, иллюзорности представлений о действительности. Драматурги отказывались от идеализации человека, характер их героев противоречив. В одной из пьес Тирсо де Молина впервые появился Дон Хуан (Жуан) — персонаж, прочно укоренившийся затем в европейской литературе и музыке. Это образ дворянина, циника и бунтаря, отвергающего нравственные правила, если они мешают ему наслаждаться жизнью. (Есть предположение, что его реальным прототипом был дворянин из Севильи Дон Мигель де Маньяр.) Позже П. Кальдерон в своей пьесе уже представил Дон Жуана (убежденного в том, что в жизни зло «гораздо сильнее, чем добро») как воплощение и символ порока и греховности. Хотя главными персонажами П. Кальдерона были дворяне, в его пьесах постоянно присутствует простой народ — слуги и крестьяне, ко-

торые нередко выступают носителями здравого смысла и высокой морали в противоположность аристократам.

В XVII в. в литературе ряда стран сильно давало о себе знать религиозное начало. Некоторые писатели в трактовке поднятых ими проблем опирались на теологические каноны. В литературных произведениях часто использовались сюжеты, почерпнутые из Библии и истории христианства. В Италии оформился официальный поэтический жанр — *героическая поэма*, и в течение века было написано более 100 таких поэм, воспевавших борьбу католической церкви с неверными и еретиками.

Церковь старалась использовать возможности эмоционального воздействия театра как дополнительное средство религиозного воспитания верующих. Тирсо де Молина, Педро Кальдерон и другие драматурги были священниками или монахами и создавали религиозные или религиозно-философские пьесы, используя Библию и Жития святых, а также писали пьесы, в которых в театрализованной форме излагались догматы христианского вероучения. Вместе с тем и в таких пьесах с отчетливой религиозной направленностью проявлялись черты барокко — реальность жизненного материала и широкая картина царящих в мире противоречий, зла и несправедливости.

Религиозная проблематика глубоко отразилась в творчестве крупнейшего английского поэта середины XVII в. *Джона Мильтона* (1608 — 1674). Стремясь осмыслить события Английской революции, причины падения республики и реставрации монархии, Дж. Милтон в огромной поэме «Потерянный рай» (1667) представил всю историю человечества как земное отражение упоминаемого в Библии великого противоборства между Богом, воплощающим абсолютное добро и разум, и сатаной, носителем абсолютного зла. Вдохновляясь библейским рассказом о победе Всевышнего над дьяволом, автор выразил в поэме свою веру в то, что человечество, пройдя период тяжелых испытаний, достигнет духовного совершенства, и на Земле установится свобода и справедливость. Другая поэма Дж. Мильтона «Возвращенный рай» (1671) была полностью посвящена посрамлению сатаны и возвеличиванию Христа и христианства.

Наряду с барокко в литературе и драматургии ряда стран Европы получил распространение *классицизм*. Наиболее ярко это направление было выражено во французской драматургии середины — второй половины XVII в.

Доктрина классицизма сложилась в первой трети века во Франции на основе эстетических взглядов Аристотеля и взятой за образец древнегреческой драмы. Доктрина произвольно делила литературу на «высокие» и «низкие» жанры. К низкому относилась комедия, призванная забавлять, развлекать и осмеивать недостатки и пороки простого народа. Самым высоким жанром признавали трагедию, построенную по строго соблюдаемым правилам. Считалось, что главными персонажами трагедии могли быть только цари, пра-

вители, полководцы, герои античности. Немалую роль в утверждении доктрины классицизма сыграло стремление государственной власти во Франции, начиная с кардинала Ришелье, «упорядочить» изобразительное искусство и литературу, использовать их в интересах французского абсолютизма.

Выдающимися драматургами классицизма во Франции были *Пьер Корнель* (1606—1684) и *Жан Расин* (1639—1699). Хотя теория классицизма определила форму их пьес и выбор персонажей (преимущественно античных героев), в творчестве этих драматургов отразились проблемы, волновавшие общество. Одна из них (особенно острая для господствующего дворянского сословия) состояла в противоречии между личностью и государством, вызванном возрастающей ролью абсолютистской монархии, которая добивалась всеобъемлющего контроля над обществом. Эта коллизия отчетливо выступает в пьесах П. Корнеля (например, в его трагедии «Сид») и Дж. Расина. Их персонажи — благородные, страстные натуры, поставленные обстоятельствами перед необходимостью выбора между требованием долга (будь то государственный интерес, преданность высокой идее или чувство чести) и обычными человеческими чувствами — любовью, дружбой, интересами семьи. Критическое отношение к всевластному государству, дававшее о себе знать в драматургии П. Корнеля, особенно отчетливо проявилось в пьесах Ж. Расина: правители предстают в них деспотами, обуреваемыми темными страстями и порочными побуждениями.

Авторы литературных произведений, написанных как в стиле барокко, так и в стиле классицизма, во многом задавались одним и тем же вопросом — о мотивах поведения человека. Но если литература барокко отводила решающую роль в действиях человека внешней, в частности социальной среде, то доктрина классицизма, жестко ограничивавшая рамки трагедии во времени (не более суток), в пространстве (одно и то же место) и в развитии действия (единственная сюжетная линия), побуждала П. Корнеля и Ж. Расина идти в своем творчестве вглубь — сосредоточиться на внутреннем, душевном мире действующих лиц, их психологии как главном факторе, обуславливающем поведение человека. Тот душевный разлад, разорванность человеческого сознания, которые выступали в произведениях барокко как следствие столкновения идеалов человека и окружающей действительности, в пьесах корифеев французского классицизма приняли форму внутреннего конфликта человека, столкновения его различных душевных побуждений, в частности форму острой духовной дисгармонии, отличающей героев пьес Ж. Расина. Психологизм драматургии французского классицизма стал вкладом в развитие литературы.

Крупнейшим драматургом Франции XVII в. был *Жан-Батист Мольер* (1622—1673). В отличие от классической трагедии в его пьесах перед зрителями предстала реальная французская действитель-

ность того времени. Комедии Ж. -Б. Мольера подвергали осмеянию царящие в обществе пороки и их носителей — праздных, развращенных, обуреваемых сословной спесью дворян; тщеславных, невежественных, разбогатевших горожан-буржуа, тиранящих своих близких; удачливых стяжателей и пройдох. Имя главного героя пьесы «Тартюф» стало нарицательным для обозначения ханжи, святоши-лицемера, прикрывающего показным благочестием свои низменные помыслы. Положительными героями Ж. -Б. Мольера чаще всего оказывались слуги, т. е. люди из народа, исполненные здравого смысла и жизнелюбия. Комедии Ж. -Б. Мольера, отмеченные чертами реализма, явились новшеством для французского театра и оказали значительное влияние на развитие европейской драматургии.

В XVII в. пробудился интерес к *устному народному творчеству*. В 1630-е гг. в Италии вышла книга волшебных народных сказок «Пентамерон». Ее автор неаполитанец *Джамбаттиста Базиле* (1575 — 1632) обработал сказки в стиле барокко и ввел в них множество пословиц и поговорок. Во Франции *Шарль Перро* (1628 — 1632) издал в 1697 г. ставший знаменитым сборник «Сказки матушки Гусыни, или Истории и Сказки былых времен», включавший, в частности, сказки о Красной шапочке, Спящей красавице, Коте в сапогах, Золушке, Мальчике-с-пальчик.

Искусство. В изобразительном искусстве XVII в., как и в литературе, основными художественными направлениями были барокко и классицизм. Стиль *барокко* возник в Италии в конце XVI — начале XVII в., затем широко распространился в Испании, Португалии, германских землях, монархии Габсбургов и в меньшей степени во Франции, Англии, Голландии и Скандинавии. Изобразительное искусство в стиле барокко стало художественным явлением мирового масштаба — из западноевропейских стран оно проникло в Восточную Европу, вплоть до России, а из Испании и Португалии в их колонии в Латинской Америке и на Филиппины.

Первоначально стиль барокко родился в архитектуре и скульптуре. Папство, добиваясь самыми различными способами усиления влияния католической церкви, стало более широко использовать с этой целью искусство. Папы Павел V, Урбан VIII и Александр VII развернули в Риме масштабное строительство церквей, мужских и женских монастырей, резиденций. При этом применялись новые архитектурные формы и художественные приемы, призванные поработить воображение людей, превратить посещение церкви в незабываемое, праздничное событие. Фасады храмов становились более живыми, нарядными, а их интерьеры наполнялись богатым убранством — скульптурами и роскошной отделкой стен (позолотой, мрамором), лепниной, художественными росписями, запечатлевавшими персонажей истории христианства, святых, мучеников и усопших первосвященников. Особенно пышным декоративным убранством (в частности, затейливой резьбой, превращавшей их в каменное по-

добие ковров или кружев) отличались фасады церквей, сооруженных в Испании и Португалии в период расцвета стиля барокко — в XVII—XVIII вв. Эти приемы церковной архитектуры Пиренейского п-ва получили дальнейшее развитие во владениях Испании и Португалии в Латинской Америке, где возникло особое направление в искусстве — *колониальное барокко*.

Однако творческая энергия мастеров, создававших эти храмы-дворцы, не ограничивалась рамками запросов церковных заказчиков. Как и в литературе, истоки рождавшегося нового стиля барокко коренились в мироощущении, интуиции самих художников: их также перестал удовлетворять сложившийся в эпоху Возрождения художественный образ мира, который пришел в явное противоречие с новой действительностью.

Архитектурный облик множества церковных зданий в стиле барокко, возведенных в Италии, Испании, Португалии, разительно отличался от сооружений эпохи Возрождения с типичной для них уравновешенностью, геометрической четкостью линий, строгой выверенностью пропорций, величавой гармонией. В зданиях, построенных в стиле барокко, напротив, преобладали искривленные линии, завитки, похожие на плавающиеся, стекающие каменные массы, изогнутые, выпуклые и вогнутые фасады, свободно варьируемые пропорции и другие приемы, создававшие впечатление непрерывного движения каменных масс, внутренней напряженности, беспокойства, рвущейся наружу энергии. В этих архитектурных приемах и формах своеобразно запечатлелись новые черты действительности, ее возраставший динамизм и дисгармония.

Признаки барокко ярко проявились и в скульптуре, для которой стал характерным образ человека в состоянии крайнего эмоционального, духовного и физического напряжения. Гнев, страдание, отчаяние, тревогу, радость, восхищение старались передавать в скульптуре и живописи с помощью жестов, порывистых движений, динамичных поз. Именно такие приемы использовал итальянский архитектор *Лоренцо Бернини* (1598—1680), создавая фигуры святых для алтаря собора Св. Петра в Риме и изваяние Св. Терезы, ставшие образцами барочной скульптуры. Л. Бернини удалось передать бурные, граничащие со страстной экзальтацией и религиозным экстазом чувства святых и вместе с тем добиться ощущения жизненности.

Стиль барокко в живописи чрезвычайно ярко и своеобразно выразился в творчестве фламандца *Петера Пауля Рубенса* (1577—1640). Центральный мотив барокко — поток, водоворот жизненной стихии с ее многообразными драматическими конфликтами запечатлен на полотнах П. Рубенса не в трагическом, а в жизнеутверждающем, гедонистическом ключе, мастер прославлял мощь жизненных сил человека, его энергию и телесную красоту (в ее понимании фламандцами).

Подобно тому как барокко зародилось и сформировалось в итальянской архитектуре и скульптуре, другое ведущее направление в изобразительном искусстве XVII в. — *классицизм* получил наиболее широкое развитие в архитектуре и живописи Франции. В отличие от бурного стиля барокко для архитектуры классицизма характерны четкая геометрия объемов и линий, симметрия, уравновешенность, лаконичность декоративного оформления фасадов, сдержанность в украшении интерьеров. Архитектура классицизма стремится производить впечатление строгой рациональностью, соразмерностью всех частей здания, цельностью и ясностью замысла.

Очень большую роль в утверждении классицизма в искусстве Франции XVII в. сыграла королевская власть. При Людовике XIV она широко покровительствовала искусству, стремясь при этом использовать его в собственных целях для прославления личности государя и могущества монархии. Чтобы руководить искусством, были созданы Академия живописи и скульптуры, Академия архитектуры, Академия музыки и танцев; в Риме открылась Французская академия живописи для обучения художников, скульпторов и архитекторов на лучших образцах античного (классического) искусства. Покровительство Людовика XIV выражалось, в частности, в том, что за годы его правления королевское собрание картин выросло со 100 до более чем 2,5 тыс.

Использование искусства в интересах монархии приняло особенно большой размах в связи с развернутым строительстве королевских дворцов, замков, особняков. По заказу Людовика XIV с 1660-х гг. недалеко от Парижа в Версале началось сооружение главной резиденции монарха, центром которой стал огромный дворец, выдержанный в классическом стиле. Протяженность фасадов дворца достигала 500 м, а боковых сторон — 200 м. Убранство внутренних помещений поражало роскошью. Своды огромного зеркального зала *Шарль Лебрен* (1619—1690) «первый художник короля», расписал фресками, прославлявшими божественное величие Людовика XIV, который аллегорически сопоставлялся с Александром Македонским. Версальский дворец с прилегающим к нему огромным великолепным парком и системой фонтанов должен был выражать державное могущество Франции. На протяжении XVIII в. он служил примером для подражания европейским монархам. Образцом классического стиля в архитектуре стал также новый фасад дворца *Лувра* и *Дом инвалидов* (приют для ветеранов королевской армии) в Париже.

Для художников классицизма образцом, сочетающим в себе художественное совершенство и высокие нравственные идеалы, являлось античное искусство. *Никола Пуссен* (1594—1665) использовал античные исторические и мифологические сюжеты для создания образа идеального человека с возвышенными благородными стремлениями, способного на героические деяния. Под стать этим героям были и его пейзажи с идеальной, гармоничной природной средой, созданной

воображением художника. Другим выдающимся пейзажистом классицизма был *Клод Лоррен* (1600 — 1682), достигший огромного мастерства в передаче тончайших световых нюансов и состояний воздушной среды.

Особое место в европейском изобразительном искусстве XVII в. занимала голландская живопись. Она родилась на волне национально-патриотического подъема, вызванного войной за независимость. Победа маленькой Голландии в борьбе с могущественной Испанией пробудила сознание самоценности всего, что связано с родной страной — ее природы, городов и сел, ее людей. Такова была почва, питавшая расцвет голландской живописи в XVII в. — результат творчества многих десятков и сотен художников. В ряде городов — Гарлеме, Лейдене, Гааге, Дельфте и других — сложились особые живописные школы и семейные династии художников. Спрос на картины приобрел массовый характер, чем объясняется в значительной мере огромная продуктивность многих художников, каждый из которых оставил после себя 600 — 800, а иногда и до 1 000 картин. Небольшие по размерам пейзажи и бытовые сцены украшали не только дома богатых горожан, но и крестьянские жилища.

Голландская живопись развивалась в нескольких направлениях. Широчайшее распространение получили картины на бытовые темы (*жанровая живопись*), причем художников особенно привлекала жизнь простого народа. На таких картинах повседневность запечатлена в ее безграничном многообразии: труд крестьян, их жилища, трапезы, сельские праздники, сцены на рынках и постоялых дворах, в придорожных харчевнях, сцены врачевания, занятия в школах, катание на коньках.

Среди множества художников, изображавших быт простых людей, выделялись своей острой выразительностью картины братьев *Адриана* и *Исаака ванн Остаде* (1610 — 1685, 1621 — 1649) и голландско-фламандского художника *Адриана Броувера* (*Брауэра*) (1605/06 — 1638), который без всяких прикрас воссоздавал на картинах и темные, низменные стороны жизни простонародья: попойки и драки в кабаках, поножовщину, азартные игры, пьяный разгул. При этом художники либо откровенно (иногда в гротескной форме), либо скрытно, метафорично выражали осуждение человеческих недостатков и пороков и противопоставляли им умеренный, достойный образ жизни. Эта морализаторская нота постоянно звучала и в полотнах *Яна Вермера Дельфтского* (1632 — 1675), блестящего художника, открывшего такие приемы письма, которые, по выражению исследователей, придавали его живописи «светоносный» характер. Аналогичные живописные приемы получили распространение лишь спустя два с половиной века.

Исключительного расцвета достигло в Голландии искусство пейзажа. Огромной популярностью пользовались изображения бескрайних плоских равнин, холмов, дюн, пастбищ с мирно пасущи-

мися на них животными, ветряных мельниц и, конечно, моря, которое голландцы воспринимали не только как часть природы, но и как неотъемлемую часть самой страны. Художники научились также передавать тончайшие нюансы освещения и цветовые оттенки неба.

Еще одним компонентом пейзажной живописи стал городской пейзаж — изображение домов, церквей, дворцов, улиц, силуэтов городов. К числу самых замечательных пейзажистов исследователи относят *Якоба ван Рейсдала* (1628/29—1682).

Как особое самостоятельное направление голландской живописи развивалось изображение цветов, плодов, овощей, дичи, рыб и морских животных; кухонных припасов, всевозможных вещей домашнего обихода, а также книг, музыкальных инструментов, письменных принадлежностей. Такой тип живописи голландцы называли «тихой жизнью», но позже ее стали обозначать (неточно) французским выражением «*натюрморт*», т. е. «мертвая природа». Достигнув в этом виде живописи исключительного мастерства, голландские художники передавали на полотнах свое понимание значимости и красоты вещей как части окружающей человека среды.

Величайшим голландским живописцем XVII в. был *Рембрандт ван Рейн* (1606—1669). Опираясь на достижения художников, мастеров пейзажной, жанровой и портретной живописи, Рембрандт ван Рейн достиг новых высот в технике и приемах живописи и гравюры (особенно в использовании светотени) и выработал собственную неповторимую художественную систему, позволявшую ему (особенно в последний период творчества) создавать исключительные по своей психологической насыщенности образы, выражавшие глубины душевного мира человека.

XVII век был «золотым веком» испанской живописи. В творчестве художников, включая самых крупных (*Х. Рибера*, *Ф. Сурбаран*, *Б. Э. Мурильо*), доминировали религиозные сюжеты. Величайший испанский живописец *Диего Веласкес* (1599—1660) также создал немало полотен на религиозные темы, однако главное место в его творчестве занял портрет. Кого бы ни изображал Д. Веласкес — короля и римского первосвященника, придворных шутов и простых крестьян и солдат, раба-мулата и папского слугу-цирюльника — художник стремился понять и запечатлеть личность портретируемого со свойственным ему особым душевным, психологическим складом.

Музыка. XVII век был особым периодом в развитии европейской музыки. Появились новые жанры и формы музыкальных произведений, новая музыкальная образность. Расширился и углублялся процесс отделения светской музыки от церковной; музыка обретала новые качественные черты: композиторы стремились передать в музыкальных образах психологию людей, драматические коллизии, что свидетельствовало о влиянии на музыкальное творчество эстетических принципов барокко. Появлялось все больше светских по харак-

теру музыкальных произведений. Все это во многом определило дальнейшее развитие европейской музыкальной культуры.

Важнейшим новшеством XVII в. стала *опера* (до конца XVIII в. употреблялось выражение «музыкальная драма»). Опера, представлявшая собой синтетический вид искусства, родилась в Италии на рубеже XVI—XVII вв. из драматических постановок с музыкальным сопровождением, возникших в период Возрождения. Трагедии на исторические, мифологические или библейские темы, а также драмы или комедии перелagались на музыку и превращались в музыкальный спектакль, неотъемлемой частью которого были костюмы и декорации. Основой сценического представления стало пение словесного текста — *либретто* (обычно стихотворного), хотя части его (так называемый *речитатив*) исполнители-певцы декламировали в сопровождении музыкальных аккордов. Опера сложилась как совокупность вокальных номеров: сольных (арии), ансамблей (*дуэт, трио, квартет* и т. д.) и хоров. Распространение оперы обусловило совершенствование пения, развитие вокального (певческого) искусства, требовавшего длительного обучения оперных певцов-профессионалов. Для исполнения опер сначала в Италии, а затем в других странах стали строить специальные оперные театры.

Уже в первых итальянских операх выявилось новаторство этого жанра — в центре музыкального представления независимо от его сюжета был человек, его душевный мир. Итальянский композитор *Клаудио Монтеверди* (1567—1643) в своих операх («Орфей», «Коронация Поппеи») впервые задался целью передать с помощью музыки страсти, страдания, трагические столкновения человека с окружающим миром. Творчество К. Монтеверди и десятков других итальянских композиторов дало толчок распространению оперного жанра в странах Европы, где по примеру Италии открывались музыкальные театры.

Во Франции становление оперы пришлось на 1670—1680-е гг. Как и другие виды искусства, музыкальный театр оказался в зависимости от королевского двора и непосредственно от Людовика XIV. Основателем оперного театра стал выходец из Италии *Жак Батист Люлли* (1632—1687), получивший звание «королевского мэтра музыки». В своих операх Люлли охотно использовал мелодии народных песен и танцев. Независимо от сюжета, его оперы начинались музыкальным прологом, возвеличивавшим короля Франции.

Единственная опера английского композитора *Генри Пёрселла* (ок. 1659—1695) «Дидона и Эней» (1689) явилась шедевром оперного жанра: ее музыка с замечательной выразительностью и глубиной рисовала трагические образы героев.

В Германии первый оперный театр открылся в Гамбурге в 1678 г. Первоначально преобладали оперы на религиозные темы, но постепенно их вытесняли произведения на исторические и даже бытовые сюжеты. *Р. Кайзер* (1674—1732) написал более 100 опер.

Вместе с оперой появились такие музыкально-вокальные жанры, как оратория и кантата, носившие первоначально церковный характер. *Оратория* (от лат. *oratorium* — молельня) родилась из музыки, сопровождавшей молитвенные собрания в особых помещениях монастырей и соборов. Большую популярность получили оратории, написанные на библейские сюжеты (например, «страсти Христа») и по Житиям святых, построенные в виде диалогов солиста (или солистов) и хора. В XVII в. подъем религиозной музыки наблюдался как в протестантской, так и в католической части Германии. Самым крупным немецким композитором XVII в. был *Генрих Шюц* (1585—1672).

В XVII в. быстро развивалась *инструментальная музыка*. Совершенствовались музыкальные инструменты всех видов — духовые, клавишные (клавесин, клавикорды) и струнные, хотя до приобретения ими современной формы предстоял еще долгий путь. В Италии сложились династии скрипичных мастеров в городе Кремона — *Амати*, *Гварнери*, *Страдивари*, которые в течение двух веков создавали исключительные по качеству струнные инструменты. Одновременно шли интенсивные поиски новых музыкальных форм. Оркестр современного типа еще не сложился, но в Италии широко распространились камерные ансамбли смычковых инструментов и предназначенные для них новые формы музыкальных произведений — соната и сюита. *Оркестр* (т.е. собрание разных инструментов) все более вытеснял орган, а традиционно церковная органная музыка приобретала более светский характер.

Народная культура. Европейской культуре начала Нового времени была свойственна раздвоенность, нараставшая разьединенность культуры «верхов» и культуры народных масс, городской и деревенской культуры. В народной среде были полу- или вполне профессиональные исполнители песен, баллад, былин. Бродячие певцы и комедианты выступали на рынках и ярмарках, постоянных дворах и городских мостах, а иногда и в церковных дворах. Разыгрываемые бродячими актерами народные драмы и фарсы не имели писаного текста, как не было и нотных записей народных песен. В любом исполнении они варьировались — импровизация была непременной частью выступлений. Вместе с тем существовали канонические темы песен и представлений, стереотипные персонажи, излюбленные типы, олицетворявшие те или иные черты человеческого характера. Особенно популярен был тип весельчака, находчивого и бойкого малого: Полишинель во Франции, Пульчинелла в Италии, Панч в Англии, а также типажи тупицы, увальня, дурня, хвастуна, обжоры и пьянчуги, злопыхателя.

В фольклоре отражались не только художественные, эстетические, но и социальные представления народа, его отношение к отдельным общественным группам, его социальные идеалы. Для весьма распространенной фольклорной темы мудрого и справедливого властителя

была характерна идеализация заботящегося о народе государя и его противопоставление приближенным, единственно ответственным за тяготы, которые власть взваливала на народ. В фольклоре запечатлелось двойственное отношение народа к духовенству — идеальные образы святых совмещались с народным антиклерикализмом, осмеянием слабостей и пороков духовных лиц, подверженным мирским соблазнам.

Чрезвычайно популярной фигурой фольклора был герой-разбойник, преследующий и грабящий богатых и помогающий беднякам — враг угнетателей и покровитель простых людей, исправляющий общественную несправедливость. События, происходившие с положительными героями фольклорных песен и баллад, были обязательно связаны с чудесами, вера в которые всегда присутствовала в народном сознании.

Еще одной его стороной было стихийно складывавшееся представление об идеальном строе, которое обычно переносилось в прошлое. В частности, получила хождение легенда о стране, где каждому были доступны бесплатно любая еда и питье, земля все производила сама и не нужно было трудиться. В этой удивительной стране (Кокейн в английском фольклоре, Кокань во французском, Куканья в итальянском) не было ни бедных, ни богатых и все принадлежало всем. Таким образом, в этой легенде запечатлелась народная социальная утопия.

Особой стороной народной культуры были праздники. В них многогранно проявились древние, дохристианские элементы народных представлений. Церковь постаралась «христианизировать» некоторые сезонные праздники: так, древний праздник летнего солнцестояния 25 июня стал отмечаться как день рождения Иоанна Крестителя, а праздник зимнего солнцестояния, 25 декабря, вошел в церковный календарь как день рождения Христа (Рождество Христово). Вместе с тем церковь была вынуждена мириться с рядом народных праздников, сохранявших свой исконный характер. Например, очень популярен в ряде стран Европы (от Англии до России) был праздник мая, или майского дерева. Его отмечали обычно 1 мая, когда сельские жители устанавливали около домов принесенные из рощ молодые березовые деревца со свежей листвой. Этот праздник пробуждения природы отражал древние (постепенно забытые) представления о магических свойствах зелени.

Самым грандиозным по размаху и смысловой насыщенности традиционным праздником был карнавал. Он родился в XIII—XIV вв. в Италии, откуда распространился в романских странах, а также в Нидерландах, Германии, Швейцарии и Англии. В XVI—XVII вв. карнавал принял форму главного массового городского праздника. В пору своего расцвета он длился в разных городах от 7 до 12 дней и чаще всего приходился на январь и февраль. В праздник все горожане заполняли улицы и площади, участвуя в театрализованных про-

цессиях, играх, танцах. При всем многообразии местных особенностей и богатстве импровизаций в карнавальном действе проступало несколько общих смысловых мотивов. Одни коренились в глубинах прошлого, другие были порождены современностью и выражали реальные проблемы.

Важнейшей чертой карнавала была демонстрация изобилия, избыточности еды (особенно мясной и всевозможной выпечки) и питья, а также не менее демонстративное обыгрывание эротической темы. Оба эти мотива представляли самую древнюю часть карнавала. Чрезмерное потребление пищи, а также насыщенные эротикой песни и игры имели в древности ритуальный смысл — им приписывали магическую способность воздействовать на природу, пробуждать ее и обеспечивать плодородие. В Раннее новое время ритуальное значение этих игровых ситуаций (призванных обеспечить воспроизводство жизни) было забыто, однако сама тема осталась в народной памяти, каждый раз находя выражение в традиционных обрядах, щедро начиненных двусмысленностями, скабрзностями, а то и явными непристойностями, а также демонстрациями атрибутов пола — в соответствии с античной традицией.

Другая неотъемлемая и важнейшая сторона карнавала: маскарадность, переодевание, широчайшее использование масок — была не просто веселой забавой. Эти действия имитировали реальную городскую жизнь и несли в себе важный смысловой подтекст. Улицы заполняло множество ряженых — «судей», «законников», «медиков», «стражников», «вельмож», «монахов», «аббатов». Маскарадный костюм и маска позволяли подвергать насмешкам и шутовскому пародированию деятельность светских властей и церковников, а также соседей по улице. Это означало, что в течение нескольких дней карнавала любому, кто включался в праздничный водоворот, разрешалась в такой маскарадной, игровой, театрализованной форме социальная критика, совершенно недопустимая в обычное будничное время. Объяснение этой странной стороны праздника предлагает выдвинутая рядом исследователей (в частности, английским историком П. Бэрком) концепция карнавала как своеобразного социального регулятора. Она сводится к тому, что раз в году светская власть и церковь разрешали в тех городах, где проводился карнавал, временное отступление от привычных норм поведения, запретов и ограничений, допуская свободу высказываний и поступков, однако не подлинную свободу, а ее имитацию в виде той огромной игры для взрослых, какой и был карнавал. Критика разрешалась не реальным людям, а маскам, участникам веселой игры. Нивелировка социальной иерархии в дни карнавала, позволявшая простолюдникам бесцеремонно вступать в разговор со знатными особами, давала ощущение квази-свободы. Карнавальная неделя позволяла выплеснуться наружу накопившемуся недовольству, снизить социальную напряженность. Этой же цели служило и разрешенное, но также ритуализированное

насилие, дававшее выход агрессивности: состязания между городскими кварталами, переходившие порой в потасовки и кулачные бои, шутовские сражения, театрализованные штурмы турецких крепостей. Во всем этом проявлялась скрытая социокультурная функция карнавала как своеобразной отдушины.

В XVII в. карнавал и другие формы народной культуры подверглись мощному нажиму церковных и светских властей, которые добивались усиления своего контроля над сознанием и поведением масс. Еще в XVI в. раздавались голоса тех, кто резко отрицательно оценивал некоторые стороны народной культуры. Например, известный гуманист эпохи Возрождения *Эразм Роттердамский* при описании карнавала в одном из итальянских городов осуждал проявление «древнего язычества» и недопустимую «распущенность» народа, что давало ему основание утверждать о несовместимости карнавала с христианством.

В XVII в. нападки на народную культуру приобретают широкий размах. Церковники и светские лица обрушиваются на некоторые народные обычаи, считая их чуждыми христианскому благочестию. Осуждению подвергались многие народные развлечения: танцы, представления бродячих актеров и выступления менестрелей, театры марионеток и маски, медвежьи пляски и петушинные бои, карточные игры. Нападкам подвергались не только народные забавы и формы праздничного поведения, но и распространенные в народной среде истолкования христианства, расходившиеся с ортодоксальными церковными канонами. Карнавальные представления ставились под более строгий контроль церкви или городского управления с целью устранения всего, что задевало клириков, власти и состоятельных горожан. Католическая и протестантская церковь стремились укрепить религиозное сознание масс путем вытеснения или подавления тех элементов народной культуры, которые не являлись собственно христианскими.

Вместе с тем происходило постоянное взаимодействие между «высокой» и народной культурами путем заимствований: например, народные пословицы, сказки, фольклорные образы, песни, танцы могли проникать и закрепляться в культуре «верхов», а герои литературных произведений со временем могли приобрести популярность в народной среде.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1564—1642	Галилео Галилей
1585—1642	Арман Жан дю Плесси, кардинал, герцог де Ришелье, первый министр Франции
1585—1638	Корнелиус Янсениус, епископ города Ипр, основоположник янсенизма
1589—1610	Правление Генриха IV во Франции
1592—1655	Пьер Гассенди
1596—1650	Рене Декарт
1598	Нантский эдикт
1599—1660	Диего Родригес де Сильва и Веласкес
1599—1658	Оливер Кромвель
1602—1661	Джулио Мазарини, кардинал, первый министр Франции
1603—1625	Правление Якова I в Англии
1604	Введение полетты, закрепление наследственного права на государственные должности во Франции
1606—1684	Пьер Корнель
1606—1669	Рембрандт Харменс ван Рейн
1607	Основание первой английской колонии в Северной Америке (на территории будущей Виргинии)
1608—1674	Джон Мильтон
1609—1614	Изгнание морисков из Испании
1609—после 1652	Джерард Уинстенли
1610—1643	Правление Людовика XIII во Франции
1611—1632	Правление Густава II Адольфа в Швеции
Ок. 1614—1657	Джон Лилберн
1614—1615	Сессия Генеральных штатов во Франции
1618—1648	Тридцатилетняя война
1619—1683	Жан Батист Кольбер, генеральный контролер (министр) финансов Франции
1619—1655	Савиньен де Сирано де Бержерак
1620	Основание Нового Плимута. Заключение «Соглашения на Мэйфлауэре»
1621—1665	Правление Филиппа IV в Испании
1622—1673	Жан Батист Мольер
1623—1662	Блез Паскаль

1625 — 1649	Правление Карла I в Англии
1630	Начало «великого исхода» пуритан в колонии Новой Англии
1630 — 1697	Республика беглых рабов-негров Палмарис в Бразилии
1631	Начало издания «Газет» (с 1762 — «Газет де Франс»)
1632 — 1704	Джон Локк
1635	Основание Французской академии
1636	Основание Гарвардского колледжа
1639 — 1699	Жан Расин
1640—1656	Правление Жоана IV в Португалии
1640	Отделение Португалии от Испании
1640 — 1652	Восстание в Каталонии
1640 — 1653	Долгий парламент в Англии
1641 — 1652	Национально-освободительные восстания в Ирландии
1642 — 1647	Первая гражданская война в Англии
1642 — 1727	Исаак Ньютон
1643 — 1651	Регентство Анны Австрийской при малолетнем Людовике XIV
1643 — 1715	Правление Людовика XIV во Франции
1644, 2 июля	Битва при Марстон-Муре
1644—1654	Правление королевы Кристины в Швеции
1645, 14 июня	Битва при Нейзби
1646	Акт об отмене рыцарских держаний в Англии
1647 — 1648	Революция в Неаполе и в Сицилии
1647, август	Первая чистка Долгого парламента
1647 — 1649	Движение левеллеров
1648 февраль — август	Вторая гражданская война в Англии
1648, октябрь	Окончание Тридцатилетней войны. Вестфальский мир
1648, декабрь	Прайдова чистка Долгого парламента
1648 — 1653	Фронда во Франции
1649, январь	Суд над Карлом I Стюартом и вынесение ему смертного приговора
1649, май	Провозглашение республики в Англии
1649, май и сентябрь	Восстания левеллеров в армии
1649 — 1651	Движение диггеров в Англии
1649 — 1652	Завоевание Ирландии английской армией
1650 — 1651	Поход английской армии в Шотландию
1651	Навигационный акт, принятый Английской республикой
1652 — 1654	Англо-голландская война
1653 — 1658	Протекторат Кромвеля
1658 — 1705	Правление Леопольда I в монархии Габсбургов
1659, ноябрь	Пиренейский мир между Францией и Испанией
1660	Установление абсолютизма в Дании

1660 — 1688	Период реставрации Стюартов в Англии
1660 — 1685	Правление Карла II в Англии
1660	Основание Королевского общества в Англии — первой академии наук
1660 — 1697	Правление Карла XI в Швеции
1665 — 1667	Англо-голландская война
1665 — 1700	Правление Карла II в Испании
1667 — 1745	Джонатан Свифт
1668	Признание Испанией независимости Португалии
1672 — 1678	Война Англии, Швеции и Франции против коалиции во главе с Голландией
1675	Восстание во французской провинции Бретань
1676	Восстание Н. Бэкона в Виргинии
1679	Нимвегенский мир
1679	Принятие Хабеас корпус акта (Habeas Corpus Act) в Англии
1680	Установление абсолютизма в Швеции
1680	Свод законов Индии
1681	Присоединение Страсбурга к Франции
1683 — 1699	Австро-турецкая война, закончившаяся Карловицким миром — 1699
1685 — 1750	Иоганн Себастьян Бах
1685, октябрь	Эдикт Фонтенбло, отмена Людовиком XIV Нантского эдикта, запрет на отправление протестантского культа на территории Франции
1685 — 1688	Правление Якова II в Англии
1686	Образование Аугсбургской лиги
1687	Трактат И. Ньютона «Математические начала натуральной философии»
1687 — 1688	Пожоньское Государственное собрание (монархия Габсбургов)
1688	Государственный переворот в Англии («Славная революция»)
1688 — 1697	Война Аугсбургской лиги (Девятилетняя война), закончившаяся Рисвикским миром — 1697
1689, октябрь	Билль о правах в Англии
1689 — 1746	Якобитское движение
1689 — 1755	Шарль Луи Монтескье
1689	Восстания в Массачусетсе, Нью-Йорке, Мэриленде
1692	Салемская «охота на ведьм»
1694 — 1778	Вольтер (Мари Франсуа Аруэ)
1695	Введение капитации во Франции
1695	Открытие золотых месторождений в Бразилии
1697 — 1718	Правление Карла XII в Швеции
1700	Начало правления династии Бурбонов в Испании
1700 — 1721	Северная война России со Швецией, закончившаяся Ништадтским миром — 1721

1701	Провозглашение Пруссии королевством
1701, июнь	Принятие Акта об устроении (Закона о престолонаследии) в Англии
1701 — 1714	Война за испанское наследство. Утрехтский мирный договор — 1713; Раштаттский мирный договор — 1714
1702 — 1705	Восстание камизаров во Франции
1703 — 1711	Антигабсбургская освободительная война в Венгрии под руководством Ф. Ракоци, закончившаяся Сатмарским миром — 1711
1703	Метуэнский договор между Англией и Португалией
1706 — 1790	Бенджамин Франклин
1707	Уния Англии с Шотландией
1707 — 1716	Законы «нового установления» в Испании
1707 — 1788	Жорж Луи Леклерк де Бюффон
1710	Основание первой в Европе фарфоровой мануфактуры в городе Мейсен
1712 — 1778	Жан Жак Руссо
1713	Прагматическая санкция (закон о престолонаследии и нераздельности наследственных земель Габсбургов)
1713	Издание папой Климентом XI буллы Унигенитус («Unigenitus»), осуждающей янсенизм и галликанские вольности
1713 — 1784	Дени Дидро
1713 — 1750	Действие права асьенто, полученного Англией по Утрехтскому договору
1714 — 1901	Ганноверская династия в Англии
1714 — 1727	Правление Георга I в Англии
1715 — 1774	Правление Людовика XV во Франции
1715 — 1723	Регентство Филиппа II, герцога Орлеанского во Франции в период несовершеннолетия Людовика XV
1716 — 1718	Австро-турецкая война, закончившаяся Пожарвацким миром
1716 — 1720	Финансовая система Джона Лоу
1717, 24 июля	Создание Великой ложи масонов в Англии
1719 — 1772	Режим сословного парламентаризма в Швеции («Эра свобод»)
1720 — 1721	Последняя эпидемия чумы на территории Франции
1721	Первая в Европе прививка оспы
1723 — 1790	Адам Смит
1724 — 1804	Иммануил Кант
1727 — 1760	Правление Георга II в Англии
1729	Открытие алмазов в Бразилии
1732 — 1799	Джордж Вашингтон

1733 — 1738	Война за польское наследство
1733, 1743, 1761	Семейные пакты — договоры между Испанией и Францией
1737 — 1739	Австро-турецкая война, закончившаяся Белградским миром — 1739
1737 — 1809	Томас Пейн
1738 — 1794	Чезаре Беккариа
1739 — 1778	Административная реформа в испанских колониях в Новом Свете
1740 — 1748	Война за австрийское наследство, закончившаяся Аахенским миром — 1748
1740 — 1780	Правление Марии Терезии в Австрийской монархии
1740 — 1786	Правление Фридриха II в Пруссии
1743 — 1826	Томас Джефферсон
1750 — 1816	Франсиско Миранда
1748	Трактат Ш.-Л. Монтескье «О духе законов»
1749 — 1832	Иоганн Вольфганг Гёте
1750	Установление границ между Бразилией и испанскими колониями
1751 — 1780	Первое издание «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел»
1753	Конкордат Испании и Святого престола
1756	Франко-австрийский союз, «дипломатическая революция»
1757	Покушение Дамьена на Людовика XV
1756 — 1763	Семилетняя война
1756 — 1791	Вольфганг Амадей Моцарт
1758	Реформа испанской колониальной армии
1758 — 1794	Максимилиан Робеспьер
1759 — 1788	Правление Карла III в Испании
1759	Изгнание из Бразилии Ордена иезуитов
1759, 12 августа	Разгром прусской армии русскими войсками при Кунерсдорфе
1760	Взятие русскими и австрийскими войсками Берлина
1760 — 1780-е гг.	Начало Промышленной революции в Англии
1760 — 1820	Правление Георга III в Англии
1762	Трактат Ж. Ж. Руссо «Об общественном договоре»
1762 — 1764	Изгнание иезуитов из Франции
1763, 15 февраля	Губертусбургский мир
1763 — 1764	«Физиократические» реформы во Франции, первая попытка ввести свободу торговли зерном и мукой
1765 — 1790	Правление герцога Петра Леопольда в Тоскане
1765	Изобретение Дж. Харгривсом механической прядильной машины «Дженни»
1765 — 1778	Испанская колониальная реформа

1766	Присоединение к Франции герцогств Лотарингия и Бар
1767 — 1768	Изгнание Ордена иезуитов из Испании и испанских колоний в Америке
1768 — 1779	Проникновение Англии в Новую Зеландию и Австралию
1769	Закон против разрушителей машин в Англии
1769 — 1821	Наполеон Бонапарт
1770, март	«Бостонская бойня»
1770 — 1772	Политика «просвещенного абсолютизма» в Дании. Реформы Струэнзе
1771 — 1792	Правление Густава III в Швеции
1771 — 1774	Парламентская реформа Мопу во Франции
1772	Первый раздел Польши
1773, декабрь	«Бостонское чаепитие»
1773	Упразднение Ордена иезуитов в Италии
1774, сентябрь	Первый Континентальный конгресс в Филадельфии
1774 — 1792	Правление Людовика XVI во Франции
1774 — 1776	Реформы Тюрго во Франции
1775, май	«Мучная война» во Франции
1775, апрель	Сражение при Лексингтоне и Конкорде — начало Войны за независимость США
1775 — 1783	Война североамериканских колоний Англии за независимость
1776, 4 июля	Принятие Декларации независимости, провозгласившей создание США
1777	Прекращение действия Тордесильяского договора (1494) между Испанией и Португалией
1777, октябрь	Победа американской армии под Саратогой
1778	Признание Францией независимости Соединенных Штатов Америки
1777 — 1781	Первое министерство Ж. Неккера во Франции
1780 — 1790	Правление Иосифа II в Австрийской монархии. Политика «просвещенного абсолютизма»
1780 — 1783	Восстание индейцев Перу под руководством Тупака Амару
1781	Публикация Ж. Неккером брошюры «Отчет королю» о состоянии финансов
1781	Упразднение личной зависимости крестьян в Богемии
1781	Патент о веротерпимости в монархии Габсбургов
1781 — 1782	Восстание в Новой Гранаде
1781, октябрь	Победа американской армии при Йорктауне
1783, сентябрь	Версальский мирный договор. Признание Великобританией независимости США
1784	Получение Дж. Уаттом патента на универсальный паровой двигатель

1785	Изобретение Э. Картрайтом механического ткацкого станка с ножным приводом
1786—1787	Восстание под руководством Д. Шейса в США
1787, февраль—май	Первое собрание нотаблей во Франции
1787	Принятие Северо-западного ордонанса в США
1787, 17 сентября	Принятие Конституции США
1788	Отмена крепостного права в Дании
1788, май	Парламентская реформа Ламуаньона во Франции
1789, 5 мая	Открытие Генеральных Штатов во Франции
1789, 9 июля —	
1791, 30 сентября	Учредительное собрание во Франции
1789, 14 июля	Взятие Бастилии — начало Французской революции
1789, 4—11 августа	Принятие Учредительным собранием Франции декретов об отмене сословных привилегий и некоторых феодальных повинностей
1789, 26 августа	Принятие Декларации прав человека и гражданина во Франции
1789, 21 сентября	Принятие конгрессом США Билля о правах (вошел в силу в 1791 г.)
1789—1797	Президентство Джорджа Вашингтона
1791, 27 августа	Принятие Пильницкой декларации
1791, 3 сентября	Принятие Конституции 1791 г. во Франции
1792	Образование Лондонского корреспондентского общества
1792, апрель	Начало революционных войн Франции
1792, 10 августа	Народное восстание в Париже. Свержение монархии во Франции
1792, 20 сентября	Победа французских войск при Вальми
1792, 21—22 сентября	Открытие Национального Конвента. Провозглашение Франции республикой
1792, октябрь —	
1793, июль	Майнская коммуна
1793, 21 января	Казнь Людовика XVI
1793	Второй раздел Польши
1793, 31 мая—2 июня	Народное восстание в Париже. Приход к власти монтаньяров
1793, 24 июня	Принятие Национальным Конвентом якобинской конституции
1793, июль	Принятие Конвентом декрета о безвозмездной отмене всех феодальных повинностей
1793, 10 октября	Принятие Конвентом декрета о революционном порядке управления
1794—1796	Крестьянское восстание на о. Сардиния
1794, 27 июля	Падение диктатуры монтаньяров
(9 термидора)	
1795, май	Образование Батавской республики

1795	Третий раздел Польши
1795, 5 апреля	Базельский мирный договор между Францией и Пруссией
1795, 22 июля	Базельский мирный договор между Францией и Испанией
1795, 22 августа (5 фрюктидора)	Принятие Конституции III года Республики
1795, октябрь— 1799, ноябрь 1796	Режим Директории во Франции
1796—1797	«Заговор во имя равенства» под руководством Граха Бабёфа
1797—1799	Поход Наполеона Бонапарта в Италию
	Образование Цизальпинской, Лигурийской, Римской и Неаполитанской (Партенопейской) республик в Италии
1797, октябрь	Кампоформийский мирный договор Франции с Австрией
1798	Национально-освободительное восстание в Ирландии
1799, апрель—август 1799	Поход А. В. Суворова в Северную Италию
	Акт о запрете тред-юнионов (рабочих союзов) в Англии
1799, 9 ноября (18 брюмера)	Государственный переворот Наполеона Бонапарта
1799, 24 декабря (4 нивоза)	Принятие Конституции VIII года Республики
1799, ноябрь — 1804, май	Режим Консульства во Франции
1800, 14 июня	Битва при Маренго
1801, февраль	Люневильский мир Австрии с Францией
1801	Англо-ирландская уния
1801—1809	Президентство Томаса Джефферсона
1802, март	Амьенский мирный договор между Англией и Францией
1802, 8 апреля (16 термидора)	Принятие Конституции X года Республики
1804, 18 мая (28 флореаля)	Принятие Конституции XII года Республики
1804—1814	Первая империя во Франции
1805, 21 октября	Трафальгарская битва
1805, 2 декабря	Сражение при Аустерлице
1805, 26 декабря	Пресбургский мир
1806	Образование Рейнского союза
1806	Отказ Габсбургов от короны императоров Священной Римской империи. Конец Священной Римской империи
1806, 14 октября	Разгром прусской армии под Йеной и Ауэрштедтом

1806, ноябрь	Декрет Наполеона о блокаде Британских островов. Начало континентальной блокады
1807	Первый рейс парохода Р. Фултона по реке Гудзон
1807	Образование первых организаций карбонариев в Италии
1807, 25 июня (8 июля)	Тильзитский мир
1807—1811	Реформы Штейна и Гарденберга в Пруссии
1808, май	Народное восстание в Мадриде. Начало первой буржуазной революции (1808—1814) в Испании
1808—1809	Героическая оборона Сарагосы от французских захватчиков
1809	Принятие новой конституции Швеции (конец абсолютизма)
1809, 5—6 июля	Битва при Ваграме
1809, октябрь	Шёнбруннский (Венский) мир Австрии с Францией
1812, март	Принятие Кадисской конституции
1812, 24 июня	Вторжение наполеоновской армии в Россию
1812, 7 сентября	Бородинская битва
1812—1814	Англо-американская война
1813, 16—19 октября	Сражение под Лейпцигом («Битва народов»)
1814	Принятие норвежской конституции (с поправками действующей и поныне)
1814, 6 апреля	Принятие Временной конституции Сената
1814, 4 июня	Конституционная Хартия
1814	Первый Парижский мир
1814	Изобретение паровоза Дж. Стефенсоном
1814, сентябрь —	
1815, июнь	Венский конгресс
1814—1905	Шведско-норвежская уния
1815, 20 марта —	
22 июня	«Сто дней» Наполеона
1815, 18 июня	Битва при Ватерлоо
1815, сентябрь	Парижский акт о создании Священного союза
1815	Второй Парижский мир

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники и литература по всему курсу

Конституции и законодательные акты буржуазных государств в XVII—XVIII вв. — М., 1957.

Сборник документов по истории Нового времени: Буржуазные революции XVII—XVIII вв. / под ред. В. Г. Сироткина. — М., 1990.

Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время / под ред. В. П. Волгина. — М., 1929.

Хрестоматия по Новой истории / под ред. А. А. Губера и А. В. Ефимова. — М., 1963—1965. — Т. 1—2.

Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки / под ред. А. В. Адо, И. С. Галкина, И. П. Дементьева, А. Д. Колпакова. — М., 1977.

Историография Нового времени стран Европы и Америки / под ред. И. П. Дементьева. — М., 1990.

История Европы. — М., 1988. — Т. 3, 4.

Григорьева И. В. Источниковедение Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки. — М., 1989.

История крестьянства в Европе. — М., 1986. — Т. 3.

Кареев Н. М. История Западной Европы в Новое время: в 7 т. — СПб., 1892—1917. — Т. 2, 3, 4.

К Введению, главам 1—3

Барг М. А. Место XVII в. в истории Европы // Вопросы истории. — 1985. — № 3.

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1998.

Брачность, рождаемость, семья за три века. — М., 1979.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. — М., 1986—1992. — Т. 1—3.

Европейское дворянство в XVI—XVII вв.: границы сословия. — М., 1997.

История техники. — М., 1962.

Кулишер М. М. История экономического быта Западной Европы. — Челябинск, 2004.

Малинин Ю. П., Коцюбинский Д. Ранний западноевропейский капитализм и его феодальные истоки: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего нового времени. — СПб., 1996.

Пайпс Р. Собственность и свобода. — М., 2000.

Проблемы периодизации истории Средних веков и Раннего нового времени (Круглый стол Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени) // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени. — М., 1993. — № 2.

Репина Л. П. Социальные движения и революции XVI—XVII вв. в современной компаративистской историографии / Новая и новейшая история. — 1990. — № 3.

Техника в ее историческом развитии. — М., 1979.

К главе 4

Ардашев П. Н. Абсолютные монархии на Западе. — СПб., 1902.

Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. — СПб., 1908.

Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. Проблемы абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения). — М., 1973.

Скалвайт С. Т. Франция и конституционный конфликт в Англии в XVII в. — М., 1970.

Хеншел Н. Миф абсолютизма. — СПб., 2003.

К главе 5

Александров Н. История христианской церкви. — СПб., 1913.

Тригулевич И. Р. Инквизиция. — М., 1985.

Кальвин Ж. Наставление в христианской вере: в 3 т. — М., 1997—1999.

Карев А. В., Сомов К. В. История христианства. — М., 1990.

Кернс Э. Дорогами христианства. История церкви. — М., 1992.

Крывелев И. А. История религий. Очерки: в 2 т. — М., 1988.

Кудрявцев О. Ф. Контрреформация // История Европы. — М., 1993. — Т. 3.

Лозинский С. Г. История папства. — М., 1986.

Лойола Игнатий. Духовные упражнения. — Париж, 1996.

Плешкова С. Л. Франция XVI — начала XVII века: королевский галликанизм (церковная политика монархии и формирование официальной идеологии). — М., 2005.

Andrews D. The Methodists and Revolutionary America, 1760—1800. Princeton, 2002. Continental Pietism and Early American Christianity. Ed. by F. Ernest Stoeffler (2007).

Hill Chr. The World Turned Upside Down. Radical Ideas during the English Revolution. L., 1973.

Van Kley D. The Jansenists and the Expulsion of the Jesuits from France, 1757—1765. New Haven; L., 1975.

К главе 6

Бернал Дж. Наука в истории общества. — М., 1956.

Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники. XVI—XIX вв. — М., 1984.

- Галилей Галилео.* Избранные труды. — М., 1964. — Т. 1, 2.
- Даннеман Ф.* История естествознания: в 2 т. — М.; Л., 1935. — Т. II.
- Дмитриев И. С.* Неизвестный Ньютон: силуэт на фоне эпохи. — СПб., 1999.
- Жизнь науки. Антология вступлений / сост. С. П. Капица. — М., 1973.
- Кирсанов В. С.* Научные революции XVII в. — М., 1962.
- Кузнецов Б. Г.* Развитие научной картины мира в XVII—XVIII вв. — М., 1955.
- Кун Т.* Структура научных революций. — М., 1977.
- Механика и цивилизация XVII—XIX вв. / под ред. А. Т. Григоряна и Б. Г. Кузнецова. — М., 1979.
- Спекторский Е.* Проблемы социальной физики в XVII столетии. — СПб., 2006. — Т. I—II.
- Таннери П.* Исторический очерк развития естествознания в Европе. — М.; Л., 1934.
- Тарнас Р.* История западного мышления. — М., 1995.
- Manuel F. E.* Isaac Newton historian. Cambridge, 1963.

К главе 7

- Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. — Екатеринбург, 1999.
- Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. — М., 1992.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.— М., 1986. — Т. 1.
- Буровик К. А.* Родословная вещей. — М., 1991.
- Вейс Г.* История цивилизации: Новое время. XIV—XIX вв. — М., 2000 (1998). — Т. 3.
- Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. — М., 1931. — Т. 2.
- Мерсье Л.-С.* Картины Парижа. — 2-е изд., сокр. — М., 1995. — Т. 1—2. — М.; Л., 1935—1936.
- Мерцалова М. Н.* Костюм разных времен и народов. — М.; Калининград (М.; СПб.), 1995—2001. — Т. 2—3.
- Мишель Д.* Ватель и рождение гастрономии. — М., 2002.
- Память детства: западноевропейские воспоминания о детстве эпохи рационализма и Просвещения (XVII—XVIII вв.). — М., 2001.
- Ревель Ж.-Ф.* Кухня и культура: литературная история гастрономических вкусов от античности до наших дней. — М., 2004.
- Семья, дом и узы родства в истории. — СПб., 2004.
- Фукс Э.* Иллюстрированная история нравов. Галантный век. — М., 1996 (1994).
- Шоню П.* Цивилизация классической Европы. — Екатеринбург, 2005.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации. — М.; СПб., 2001. — Т. 1—2.
- Dülmen R. van.* Kultur und Alltag in der Frühen Neuzeit. 3 Bd. München, 1990—1994.
- Histoire de la vie privée / Sous la dir. de Ph. Ariès et G. Duby. T. 3. — P., 1999 (1985).

Roche D. La culture des apparences: une histoire du vêtement (XVIIe—XVIIIe siècle). — P., 1991 (1989).

К главам 8—9

Англия XVII века: социoproфессиональные группы и общество / С. Е. Федоров, С. В. Кондратьев, Г. Н. Питулько. — СПб., 1997.

Архангельский С. И. Аграрное законодательство Английской революции. — М.; Л., 1935—1940. — Ч. 1—2.

Архангельский С. И. Крестьянские движения в Англии в 40—50-х годах XVII века. — М., 1960.

Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. — М., 1991.

Гардинер С. Р. Пуритане и Стюарты. 1603—1660 гг. — СПб., 1896.

Гизо Ф. П. Г. История Английской революции: в 3 т. — СПб., 1859—1868. — Т. 1—3.

Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. — М., 1965. — Т. 1—2.

Грин Д. Р. История английского народа. — М., 2005.

Законодательство английской революции 1640—1660-е гг. / сост. Н. П. Дмитриевский. — М.; Л., 1946.

Ивонина Л. И. Международные отношения в Европе конца XVII в. и Славная революция в Англии 1688—89 гг. — Смоленск, 2001.

Кудрявцев А. Е. Великая английская революция. — Л., 1925.

Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов, 1660—1681. — М., 1982.

Лавровский В. М. Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII в. — М., 1973.

Лавровский В. М., Барг М. А. Английская революция XVII в. — М., 1958.

Левин Г. Р. Демократическое движение в Английской буржуазной революции. — Л., 1973.

Лильберн Д. Памфлеты. — М., 1937.

Митрофанов В. П. Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI—первой трети XVII в. — Н. Новгород, 2000.

Павлова Т. А. Вторая английская республика (1659—1660). — М., 1974.

Павлова Т. А. Кромвель. — М., 1980.

Павлова Т. А. Народная утопия в Англии XVII века. Представление о социальной справедливости. — М., 1998.

Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. — М., 1970.

Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. — М., 1937.

Уинстенли Д. Избранные памфлеты. — М.; Л., 1950.

Федоров С. Е. Пуританизм и общество в стюартовской Англии (позднее индипендентство). — СПб., 1993.

Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия (1603—1629). — СПб., 2005.

Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. — М., 1998.

- Эйлер Д.* Восстание или революция? Англия 1640—1660. — М., 2004.
Bibliography of British History. The Stuart Period, 1603—1714 / Ed. by F.M.Keller. — Oxford, 1970.
Hill Ch. The Century of Revolution 1603—1714. — Walton-on-Thames, 1980.
Radical Religion in the English Revolution / Ed. by J.F.McGregor and B.Reay. — Oxford, 1984.
Pocock J.G.A. Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776. — Princeton, 1980.

К главе 10

- Бааш Э.* История экономического развития Голландии в XVII—XVIII вв. — М., 1949.
Гроций Гуго. О праве войны и мира. — М., 1956.
Калашников В. М. Голландская колониальная экспансия в Северной Америке в XVII в. // Новая и Новейшая история. — Саратов, 1983. — Вып. 9.
Лозинский С. Г. История Бельгии и Голландии в Новое время. — СПб., 1907.
Ошис В. В. История нидерландской литературы. — М., 1983.
Чистозвонов А. Н. Бюргерство и буржуазия в Нидерландах (XV—XVIII вв.) // Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. — М., 1984.
Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма в Нидерландах // Проблемы генезиса капитализма. — М., 1987.
Шатохина-Мордвинцева Т. А. Внешняя политика Нидерландов 1713—1763 гг. — М., 1991.

К главе 11

- Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972). — М., 2005.
Блюш Ф. Людовик XIV. — М., 1998.
 Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633—1649 гг. / под ред. А. Д. Люблинской. — Л., 1966—1980. — Т. 1—2.
Губер П. Мазарини. — М., 2000.
Кожокин Е. М. Государство и народ: от Фронды до Великой французской революции. — М., 1989.
Ларошфуко Ф. де. Максимы; *Паскаль Б.* Мысли; *Лабрюйер Ж. де.* Характеристики. — М., 1974.
Люблинская А. Д. Франция при Ришелье: Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. — Л., 1982.
Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. — Л., 1978.
Малов В. Н. Жан-Батист Кольбер: абсолютистская бюрократия и французское общество. — М., 1991.
Малов В. Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643—1653. — М., 2009.
Рец, кардинал де. Мемуары. — М., 1997.
Сен-Симон Л., герцог де. Мемуары. — М., 1991 (М.; Л., 1934—1936). — Т. 1—2.
Чеканцева З. А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. — Новосибирск, 1996.

Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI—XVII веках. — СПб., 2004.

Элиас Н. Придворное общество. — М., 2002.

Энгельгардт Р. Ю. Социально-экономическое положение Франции в конце XVII — начале XVIII в. — Кишинев, 1976.

Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France: histoire et historiographie. — P., 2002.

Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598—1789. 2 vol. — P., 1974—1980.

К главе 12

Ведюшкин В. А. Идалго и кабальеро: испанское дворянство в XVI—XVII вв. // Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия. — М., 1997.

Ведюшкин В. А. Кастильское дворянство и «чистота крови» // Элита и этнос Средневековья. — М., 1995.

Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого Века. — М., 2004.

Домингес Ортис А. Кризис испанской монархии в XVII в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. — М., 1987.

Испанские короли. 18 исторических портретов от Средних веков до современности / под ред. В. Бернекер, К. Сейдель, П. Хозер. — Ростов н/Д, 1998.

Каптерева Т. П. Искусство Испании. — М., 2001.

Кеймен Г. Испания: дорога к империи. — М., 2007.

Литаврину Э. Э. «Революция цен» и государственные финансы Испании в XVI—XVII вв. // Проблемы испанской истории. — М., 1979.

Литаврину Э. Э. Крестьянство Испании и Португалии в XVI—XVIII вв. / История крестьянства в Европе. — М., 1986. — Т. 3.

Силюнас В. Ю. Стиль жизни и стили искусства. — СПб., 2000.

Суховерхов В. В. Ховельянос. Жизнь. Литература. Философия. — М., 1991.

К главе 13

Варьяш О. И., Черных А. П. Португалия: дороги истории. — М., 1990.

Hanson C. A. Economy and society in Baroque Portugal. 1668—1703. — London, 1981.

Oliveira Marques A. H. de Historia de Portugal. — Lisboa, 1983. — Vol. 2.

К главе 14

Бондарчук В. С. Итальянское крестьянство в XVI—XVIII вв. // История крестьянства в Европе. Т. 3. — М., 1986.

Бондарчук В. С. Неаполитанская революция 1647—1648 гг. — М., 1994.

Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. — Л., 1969.

Дживелегов А. К. Итальянская народная комедия Commedia dell'arte. — М., 1962.

История Италии. — М., 1970. Т. 1.

- Канделоро Дж.* История современной Италии. — М., 1958. — Т. 1.
Котельникова Л. А. «Феодалное возрождение» или «старый» феодализм? (Некоторые проблемы аграрной эволюции Северной и Средней Италии XVI — середины XVII в.) // Средние века. — М., 1989. — Вып. 52.
Кузнецов Б. Г. Галилей. — М., 1964.
Лозинский С. Г. История папства. — М., 1986.
Рутенбург В. И. Истоки Рисорджименто: Италия в XVII—XVIII вв. — Л., 1980.

К главе 15

- Германская история в новое и новейшее время. — М., 1970. — Т. 1.
Деборин А. М. Очерки социально-политической мысли в Германии: конец XVII — начало XIX века. — М., 1967.
Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в Раннее новое время 1495—1806. — М., 2004. — Т. 1.
Кайзеры. — Ростов н/д, 1997.
Никулин Н. Н. Немецкая и австрийская живопись XV—XVIII веков. Эрмитаж. — Л., 1989.
Патрушев А. И. Германская история. — М., 2003.
Шульце Х. Краткая история Германии. — М., 2004.
Эпштейн А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. — М., 1961.
Clark Ch. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600—1947. — München, 2007.
Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648—1763. — Berlin, 1998.
Reinalter H. Österreich und die Französische Revolution. — Wien, 1988.

К главе 16

- Ачади.* История венгерского крепостного крестьянства. — М., 1956.
История венгерского государства и права. — М., 1986.
История Венгрии: в 3 т. — М., 1971.
Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. — М., 2002.
Медведева К. Т. Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII в. — М., 2004.
Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. — М., 1998. — Часть I.
Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. — М., 2001. — Часть II.
Пристер Е. Краткая история Австрии. — М., 1952.
Vocelka K. Glanz und Untergang der höfischen Welt: Repräsentation, Reform und Reaktion im habsburgischen Vielvölkerstaat. — Wien, 2001.

К главе 17

- История Дании с древнейших времен до начала XX века. — М., 1996.
История Дании / Х. Палудан и др. — М., 2007.

- История Швеции. — М., 1974.
Кан А. С. История Скандинавских стран. — 2-е изд. — М., 1980.
Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С. История Швеции. — М., 2002.
Kirby D. Northern Europe in the Early Modern Period: the Baltic World 1492—1772. L., 1990. Idem.

К главе 18

- Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте; *Франклин Б.* Автобиография. Памфлеты; *Кревекер, Сент Джон де.* Письма американского фермера. — М., 1987.
Бурин С. Н. Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального Юга США (1642—1763). — М., 1980.
Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. — М., 1993.
Жук С. И. От «Внутреннего Света» к «Новому Ханаану»: квакерское общество срединных колоний. — Днепропетровск, 1995.
История США: в 4 т. / под ред. Г. Н. Севостьянова. — М., 1983—1987. — Т. 1.
Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: в 3 т. — М., 1962—1963. — Т. 1.
Покровский Н. Е. Ранняя американская философия. Пуританизм. — М., 1989.
Самойло А. С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. — М., 1963.
Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут. — М., 1978.
Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. — М., 1980.
Согрин В. В. Исторический опыт США. — М., 2010.
Хрулева И. Ю. Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. — М., 2002.
Taylor A. American Colonies N. Y., 2001. *Hall D.* Worlds of Wonder, Days of Judgement: Popular Religious Belief in Early New England. — Cambridge (Mass.), 1989.
Morgan E. American Slavery, American Freedom: The Ordeal of Colonial Virginia. — N.Y., 1975.

К главе 19

- История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века. — М., 1991.
История Перу. От древнейших времен до наших дней. — М., 2001.
Культура Латинской Америки: энциклопедия. — М., 2000.
Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI—XIX. — М., 1994.
Линч Дж. Революции в Испанской Америке. — М., 1979.
Мирошевский В. М. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войн за независимость (1492—1810). — М.; Л., 1946.

- Открытие и колонизация Латинской Америки европейцами. — М., 1992.
Очерки истории Бразилии. — М., 1962.
Помбу Р. История Бразилии. — М., 1962.
Посконина О. И. История Латинской Америки (до XX века). — М., 2005.
Сеа Л. Философия американской истории: судьбы Латинской Америки. — М., 1984.
Селиванов В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. — М., 1984.

К главам 20, 21

- Дехийо Л.* Хрупкий баланс. Четыре столетия борьбы за господство в Европе. — М., 2005.
Иванова И. И. История международных отношений от античности до конца Первой мировой войны. — Владивосток, 2001.
Ивонин Ю. Е. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. — Минск., 1989.
История дипломатии. — М., 1941. — Т. 1.
Киссинджер Г. Дипломатия. — М., 1997.
Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. — М., 2007.
Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. — М., 1970.
Ревякин А. В. История международных отношений в Новое время. — М., 2004.
Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике XVI—XX вв. — М. 2002.
Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств. — М., 1965.
Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. — М., 1995.
Das europäische Staatensystem im Wandel. — München, 1996.

К главе 22

- Антология мировой философии. — М., 1970—1971. — Т. 2, 3.
Всеобщая история искусств: в 6 т. — М., 1956—1965. — Т. 4.
Делюмо Ж. Грех и страх: формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII—XVIII вв.). — Екатеринбург, 2003.
Делюмо Ж. Ужасы на Западе. — М., 1994.
Европейское искусство XVII века. — М., 1979.
История всемирной литературы: в 8 т. — М., 1983—1994. — Т. 4, 5.
История ментальностей. Историческая антропология. — М., 1996.
Календарные обряды в странах зарубежной Европы. (Летне-весенние праздники). — М., 1978.
Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (Весенние праздники). — М., 1977.
Ливанова Т. Н. История западной музыки до 1789 г. — М., 1983—1987. — Т. 1—2.

- Лобанова М. Н.* Западноевропейское музыкальное барокко. — М., 1994.
- Модзалевский Л. Н.* Очерки истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней. — СПб., 2000. — Ч. 1—2.
- Монтер У.* Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени. — М., 2003.
- Морозов А.* Проблемы европейского барокко // Вопросы литературы. — 1968. — № 2.
- Павлова Т. А.* Милтон. — М., 1997.
- Ренессанс. Барокко. Классицизм. — М., 1966.
- XVII век в мировом литературном развитии. — М., 1969.
- Соколов В. В.* Европейская философия XV—XVII веков. — М., 1984.
- Споры о главном. — М., 1993.
- Философия эпохи ранних буржуазных революций. — М., 1983.
- Bouwens W.* The Secularization of Society in the 17th Century. — М., 1970.
- Burke P.* Popular culture, in Early Modern Europe. — L., 1978.
- Muchambled R.* Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XV—XVII siècles). — Paris, 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

РАЗДЕЛ I

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В XVII—XVIII ВВ.

Глава 1. Демографические процессы	10
Глава 2. Экономическое развитие	14
2.1. Сельское хозяйство. Аграрные отношения	14
2.2. Промышленность	20
2.3. Средства коммуникации	27
2.4. Торговля	29
Глава 3. Структура общества	37
Глава 4. Государственный строй	46
Глава 5. Церковь и религия	55
Глава 6. Научная революция	61
Глава 7. Повседневная жизнь в XVII—XVIII вв.	73

РАЗДЕЛ II

СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В XVII В.

Глава 8. Английская революция 1640—1660-х гг.	89
8.1. Предпосылки революции	89
8.2. Начальный этап революции (ноябрь 1640 — август 1642 гг.)	105
8.3. Первая гражданская война (август 1642 — март 1647 гг.)	107
8.4. Борьба за дальнейшие преобразования (март 1647 — февраль 1648 гг.)	113
8.5. Демократический этап революции (февраль 1648 — май 1649 гг.)	117
8.6. Английская республика (май 1649 — декабрь 1653 гг.)	119
8.7. Режим протектората (декабрь 1653 — май 1659 гг.)	123

8.8. «Вторая республика» и восстановление монархии (май 1659 — май 1660 гг.)	127
8.9. Идеология и культура эпохи революции	128
8.9. Историческое значение революции	131
Глава 9. Реставрация и «Славная революция»	135
9.1. Период Реставрации	135
9.2. Государственный переворот	140
Глава 10. Голландия	146
Глава 11. Франция	155
Глава 12. Испания	174
Глава 13. Португалия	189
Глава 14. Италия	194
Глава 15. Германские государства	210
Глава 16. Монархия Габсбургов	222
Глава 17. Швеция. Дания	233
17.1. Швеция	233
17.2. Дания	239
Глава 18. Английские колонии в Северной Америке	243
Глава 19. Латинская Америка	267
Глава 20. Международные отношения	285
Глава 21. Европейская торгово-колониальная экспансия	295
Глава 22. Культура и общественное сознание	305
Хронологическая таблица	331
Список литературы	340

Учебное издание

Бондарчук Валериан Семенович,
Кирсанова Наталья Викторовна,
Медяков Александр Сергеевич,

Мещерякова Надежда Михайловна,

Патрушев Александр Иванович,

Пименова Людмила Александровна,

Тер-Акопян Норайр Бадамович,

Толстиков Александр Владимирович,
Хрулёва Ирина Юрьевна,
Юрчик Екатерина Эдуардовна

История стран Европы и Америки в Новое время

В двух частях

Часть 1

XVII век

Учебник

Под редакцией В. С. Бондарчука

Редактор *С. П. Вачаев*

Ответственный редактор *И. В. Пучкова*

Технический редактор *Н. И. Горбачёва*

Компьютерная верстка: *Р. Ю. Волкова*

Корректор *Н. В. Козлова*

*В оформлении обложки использована репродукция
картины Я. Вермейера «Астроном»*

Изд. № 102115042. Подписано в печать 30.05.2012. Формат 60×90/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага офсет. № 1. Усл.-печ. л. 22,0. Тираж 2 500 экз. Заказ № 8519.

ООО «Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1, пом. 266.

Адрес для корреспонденции: 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, а/я 48.

Тел./факс: (495) 648-0507, 616-00-29.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № РОСС RU. АЕ51. Н 16067 от 06.03.2012.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15.

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

В двух частях

Часть 1

XVII век

ISBN 978-5-7695-9060-3

Издательский центр «Академия»
www.academia-moscow.ru